

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

- Александрова О. В.*, д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюмень)
Фэвр-Дюпэтр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

- Новокрещенных И. А.* (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Буройна С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушникова Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Мишланова С. Л., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Похаленков О. Е., д. филол. н., доц. (Россия, КГУ им. К. Э. Циолковского)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Сидорова О. Г., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Шляхова С. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – Editor-in-Chief (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Shutemova</i> – Associate Editor (Saint Petersburg State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Mishlanova</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Oleg Pohalenkov</i> (Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Olga Sidorova</i> (Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Shlyakhova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	
<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Братухин А. Ю. Терпкий вкус спасения (к вопросу использования Климентом Александрийским корня -στυφ-)	5
Гранова М. А. Пища в обрядах, связанных с духами-«хозяевами» локусов, в традиции русских Пермского края (по данным мифологических текстов)	14
Данилевская Н. В. Идеологические смыслы социальной рекламы нового времени (на материале текстов, посвященных СВО)	25
Зверева Ю. В. «Корка на подпорках»: наименования неудачных хлебных изделий в русских говорах Пермского края	37
Крижановская Е. М. Способы выражения общественного настроения в текстах интернет-сообщества политической направленности социальной сети «ВКонтакте»	49
Макшакова Т. А. О семантике глагольной приставки <i>о-/об-</i> в русских народных говорах (на материале лексики, номинирующей нарушения сознания)	60
Шкураток Ю. А. Этимология и развитие семантики диалектизма <i>урос</i> ‘беда, несчастье’ в связи с традиционными представлениями коми-пермяков о смерти	70
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	80
Алипова А. А. Образ героя и функция библейских аллюзий в контексте «южной готики» на примере рассказа Марка Ричарда «Джентльменское соглашение»	80
Антонов А. Ю. Отражение полемики вокруг оды Г. Р. Державина «Изображение Фелицы» в горацианских переложениях В. В. Капниста	88
Арустамова А. А., Чжэнь Цзинжу. Автобиографическая повесть С. А. Зайцевой «Детскими глазами на мир» в контексте литературной традиции Л. Н. Толстого («Детство»)	97
Горбенко А. Ю., Чекушин В. В. Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1918–1919 гг.)	107
Жиляков Н. А. Динамика автобиографизма в американском модернистском романе: от Г. Миллера до Дж. Керуака	117
Зайцева Э. В. Художественная циклизация в эпической прозе (к проблеме сопоставительного анализа жанровых форм цикла и романа)	127
Николина Н. Н. Языковая игра как способ стилизации детской речи (на примере романов “Room” Э. Донохью, “All the lost things” М. Сакс и “Florence and Giles” Дж. Хардинга)	137
Перфильева З. Е. Феномен транснационализма в романах А. Хидера	148
ЖУРНАЛИСТИКА	156
Дагаева К. И. Сравнительный анализ образа Б. Н. Ельцина в американской прессе	156

CONTENTS

<i>LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY</i>	5
Bratukhin A. Yu. The Tart Taste of Salvation (on the Root -στυφ- as Used by Clement of Alexandria)	5
Granova M. A. Food in Rituals Associated with the Spirits-‘Masters’ of Loci in the Tradition of the Russians in the Perm Region (Based on Mythological Texts)	14
Danilevskaya N. V. The Language of Russian Social Advertising of the New Times (Based on Texts Devoted to the Special Military Operation)	25
Zvereva Yu. V. ‘A Crust on Supports’: the Names of Failed Bread Products in the Russian Dialects of the Perm Region	37
Krizhanovskaya E. M. Ways of Expressing Public Sentiments in the Texts of Politically-Oriented Internet Community in the VKontakte Social Network	49
Makshakova T. A. On the Semantics of the Verbal Prefix o-/ob- in Russian Vernacular Dialects (Based on Vocabulary Denoting Consciousness Disorders)	60
Shkuratok Iu. A. Etymology and Semantic Development of the Dialect Word <i>uros</i> ‘trouble, misfortune’ in Connection with Traditional Komi-Permyak Beliefs about Death	70
<i>LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT</i>	80
Alipova A. A. The Image of the Hero and the Function of Biblical Allusions in the Genre of Southern Gothic: a Case Study of Mark Richard’s Story ‘Gentleman’s Agreement’	80
Antonov A. Yu. A Literary Debate around Gavriila Derzhavin’s Ode ‘The Depiction of Felitsa’ as Reflected in Vasily Kapnist’s Horatian Interpretations	88
Arustamova A. A., Zhen Jingru. An Autobiographical Novel by Sophia Zaitseva ‘The World Through the Child’s Eyes’ in the Context of the Literary Tradition of Leo Tolstoy (‘Childhood’)	97
Gorbenko A. Yu., Chekushin V. V. ‘Siberian Notes’ Journal as a Metatext: the System of Ideological Implications (1918–1919)	107
Zhilyakov N. A. The Dynamics of Autobiographism of the American Modernist Novel: from Henry Miller to Jack Kerouac	117
Zaitseva E. V. Literary Cyclization in Epic Prose (on the Problem of Comparative Analysis of the Cycle and the Novel as Genre Forms)	127
Nikolina N. N. Language Game as a Means of Stylization of Children’s Speech (a Case Study of the Novels ‘Room’ by E. Donoghue, ‘All the Lost Things’ by M. Sacks and ‘Florence and Giles’ by J. Harding)	137
Perfileva Z. E. The Phenomenon of Transnationalism in the Novels of A. Khider	148
<i>JOURNALISM</i>	156
Dagaeva K. I. Comparative Analysis of Boris Yeltsin’s Image in the American Press	156

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 821.14.02
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-5-13

EDN XCMKTG

Терпкий вкус спасения (к вопросу использования Климентом Александрийским корня -στυφ-)

Александр Юрьевич Братухин

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Bratucho@yandex.ru

SPIN-код: 2394-1350

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6581-3721>

Статья поступила в редакцию 06.03.2023

Одобрена после рецензирования 02.09.2023

Принята к публикации 05.10.2023

Информация для цитирования

Братухин А. Ю. Терпкий вкус спасения (к вопросу использования Климентом Александрийским корня -στυφ-) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 5–13. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-5-13

Аннотация. Климент Александрийский для описания противоположных (карающих и поощряющих) методов божественной педагогики использует метафоры из области вкусовой и медицинской сферы. Бог выступает у него не как строгий судья, карающий грешников, а как заботливый и мудрый врач, прописывающий им горькое/терпкое лекарство. Суровые, но спасительные испытания (душевные страдания, страх) Климент сравнивал с вяжущими средствами. Физическое наказание, о котором говорится в книге Притч (Притч. 23:13–14), Климент истолковывает как нравственное. По его мнению, «эллинская философия заранее формировала и загодя укрепляла (προ-τυλοῦσα καὶ προ-στυφουσα букв.: загодя вязала) нравы» (Strom. I, 16, 80, 6), которые он при помощи божественных Писаний собирает подкрепить, используя последние как вяжущее средство (ἐπι-στυψω) (Paed. III, 2, 9, 1). Водянистость (ὑδαρότης, ὑδαρές, ὑδατῶδες) в некоторых случаях ассоциируется им с порочностью, а обличение рассматривается как вяжущее, избавляющее от избытка жидкости лекарство, призванное остановить распространение греховных язв. Александрийский богослов привлекает внимание читателей к важным для него положениям, используя как словесную игру (например, ἐπιστύφων... σταφυλῆς), так и полисемию. Восприятие Бога как Врача стало характерным для Православной Церкви и повлияло на понимание сущности епитимьи, рассматриваемой как врачевание кающегося. В статье рассматривается проблема использования слов с семой вязкости в религиозно-нравственном контексте. Целью работы является анализ употребления Климентом Александрийским лексем со значением «терпкости». Методы исследования – текстологический и герменевтический.

Ключевые слова: Климент Александрийский; вяжущие средства; божественная педагогика; метафора; епитимья.

Образ «терпкости» интересен своей амбивалентностью. А. А. Полякова и Е. А. Юрина так отмечают этот факт: «Значения образных средств языка, выражающих метафору ‘терпкий’, демонстрируют неоднозначное отношение к этому вкусу. С одной стороны, он оценивается как неприятный: терпкие продукты раздражают вкусовые рецепторы, оставляют во рту оскомину, вяжущие ощущения. Эти ассоциации лежат в основе метафорической характеристики печальной музыки, неприятных высказываний, мучительных чувств и тягостных событий <...>. С другой стороны, терпкость придает продуктам и напиткам необычный, яркий вкус, что ставит их в одну

группу с пряными и острыми. Это качество терпких продуктов отразилось в образных наименованиях оригинальных, привлекающих внимание объектов, волнующих ощущений, вызывающих сильные эмоции жизненных событий, привлекательной, чувственной внешности <...>» [Полякова, Юрина 2020: 80].

Приведем часть таблицы из статьи Е. Ю. Яровой [Яровая 2015: 80].

Как мы увидим, в греческой раннехристианской литературе II–III вв. слова с семой вязкости, образованные от корня -στυφ-, имели несколько иные коннотативные значения, чем в современных русском, английском и французском языках.

Коннотативные значения прилагательных с семой вязкости
Connotative meanings of adjectives with the seme of astringency

Сема	Русский	Английский	Французский
Имеющий неприятный запах	<i>терпкий запах</i>	<i>acrid smoking</i> ‘терпкий сигаретный дым’	<i>une âcre fumée</i> ‘терпкий дым’
Имеющий яркий цвет	<i>терпкий цвет</i>	<i>pungent roses</i> ‘яркие розы’	<i>les couleurs acerbes</i> ‘яркие цвета’
Имеющий резкий неприятный звук		<i>an acerbic tone</i> ‘резкий тон’	<i>parler d’un ton acerbe</i> ‘говорить резким тоном’
Имеющий язвительный характер	<i>он умный человек, но терпкий</i>	<i>he grows more acrid</i> ‘он растёт более язвительным’	<i>il est très âcre</i> ‘он очень язвителен’

Климент Александрийский неоднократно обращался к существительным, прилагательным, глаголам и образованным от них причастиям с корнем -στυφ-: στύμμα¹, στύψις², στυπτικός³, στύφειν⁴, ἐπιστύφειν⁵, простύφειν⁶. Использовал Климент их как в буквальном (при описании вкуса и медицинского/химического эффекта), так и в переносном значении – «укорять, бранить», «укреплять, закреплять». Иногда он сравнивал негативные, но душеспасительные испытания (страдание, страх) с вяжущими средствами. «Восприятие горького и терпкого вкуса выступает основанием для метафорического переноса на печальные, горестные, тягостные события и жизненные явления» [Полякова, Юрина 2020: 81].

Отметим, что Климент интересовался фармакологией и, по всей видимости, разбирался в ней. О знании Климентом современной ему медицины мы писали ранее [Братухин 2011: 128]. На частое использование медицинских метафор в «Педагоге» обращал внимание Э. Ф. Осборн: «Предметом своей второй основной работы Климент делает обучение, осуществляемое Педагогом. Концом этого обучения являются не теоретические знания, а правильная жизнь. Педагог исцеляет страсти и направляет поведение. Часто используются медицинские метафоры. Обличение – это операция, которая вскрывает нарыв страсти. Бывают времена, когда надо ранить бесчувственную душу и ценой малой боли

спасти ее от вечной смерти. Используется и другая медицинская метафора. Когда нас обличают, ставится диагноз нашего духовного состояния» [Osborn 1957: 77]. Остановимся на фрагментах из «Педагога», в которых говорится о вяжущем воздействии на организм человека цветочного запаха и мирсина. «Запахи же роз и фиалок, будучи чуть-чуть холодящими, уменьшают и вяжут (ἐπιστύφουσι) головную боль <от похмелья>» (Paed. II, 8, 71, 4). Похожее место обнаруживаем у Плутарха: «И то и другое оказывает стягивающее действие, и запах такого венка успокаивает головную боль (στύφει... <συ>στέλλει τῇ ὀσμη τὰς καρῆβαρίας)» (Plut. Quaest. conv. 647d; пер. Я. М. Боровского). О сходстве мыслей, высказываемых Плутархом и Климентом, говорит Й. Габриэльссон: «Мы находим очень точную параллель с отрывком об ἄνθη στεφανωτικά (цветы в венках) у Плутарха. <...> Климент предоставляет, однако, больше информации, чем Плутарх <...>. Здесь следует задаться вопросом, занимает ли Климент материал у Плутарха и использует вторичный источник, или оба они восходят к более древнему источнику» [Gabrielsson 1909: 304]. Не ставя перед собой цели выяснить источник Климента, отметим его осведомлённость в этой теме. Чуть ниже он утверждает: «Мирсин же, <изготовленный> из миртовых ягод и побегов, обладает вяжущим свойством (στυπτικόν), удерживающим выделения из тела»

(Paed. II, 8, 76, 2). По словам Плиния Старшего (I в. после Р.Х.), масло мирта обладает вяжущим и укрепляющим действием (*adstringit, indurat*) (*Plin. N. N. XXIII, 44, 87*); сок действует вяжуще на кишечник и обладает мочегонным эффектом (*alvum sistit, urinam ciet*) (*Plin. N. N. XXIII, 81, 160*); сухие листья, измельченные в порошок и посыпанные <на кожу>, останавливают потоотделение (*foliorum arentium farina sudores cohibet inspersa*) (*Plin. N. N. XXIII, 81, 161*); отвар листьев мирта в вине принимают при дизентерии и водянке (*eadem in vino decocta dysintericis et hydropticis potui dantur*) (*Plin. N. N. XXIII, 81, 162*). Не настаивая на зависимости Климента от Плиния Старшего, мы вновь подчеркнем тот факт, что христианский автор непринужденно использовал данные современной ему науки.

Перейдем теперь к рассмотрению тех пассажей, содержащих слова с корнем -στύφ-, анализ которых поможет нам лучше понять учение Климента Александрийского, касающееся божественной педагогики. Александрийский богослов советует: «*Μαλοῦ* же вина приеми, стомаха ради твоего» (см.: *1 Тим. 5:23*), говорит апостол пьющему одну лишь воду Тимофею, замечательным образом предлагая вяжущее средство, подходящее для больного и вялого от избытка жидкости тела, но назначая его в малом количестве, чтобы из-за <своего> обилия лекарство незаметно не вызвало необходимости в ином лечении» (Paed. II, 2, 19, 1)⁷. По этому поводу Э. Н. Эдворд пишет: «Климент начинает свое обсуждение пищеварительных свойств вина со ссылкой на *1 n Тим. 5:23*. В этом отрывке из Священного Писания Павел советует Тимофею употреблять вино для желудка (στόμαχος) в качестве вяжущего средства (τὸ ἐπιστύφον βοήθημα), поскольку употребление воды сделало Тимофея больным (νοσηλεύω) и вялым телом (πλαδῶντι σώματι) (2.2.19.1). <...> Хотя Климент не указывает тип вина, которое должен употреблять Тимофей, правильно смешанное сухое белое вино (αὐστηρόν, λεπτόν, λευκόν, ὑδαρέα) принесло бы пользу человеку в состоянии Тимофея» [Edewaard 2020: 161–162]. Христианский богослов, в отличие, например, от Горация, не стремился к конкретике и не имел в виду определенную марку вина. Ниже (Paed. II, 2, 19, 4–20, 2), по словам Э. Иттера, «Климент дает формальный отчет (a formal account) о литургической Евхаристии» [Itter 2009: 136, note 103]. На наш взгляд, Климент использует в разбираемых нами 19-й и 20-й главах «антиалкогольный» пафос, чтобы, противопоставив воду, «питие трезвости», данное Богом древним евреям в пустыне (Paed. II, 2, 19, 2), «крови винограда», прелагаемой в Кровь Христа, раскрыть свое учение о Евхаристии и

обожении: причащающиеся освящаются телом и душой, и эту смесь, человека, воля Отца соединяет с Духом и Логосом (Paed. II, 2, 20, 1). Малое количество <новозаветного> вина должно *подкрепить* Тимофея, пьющего лишь <ветхозаветную> воду. Остановимся на этом подробнее. Со значением «укреплять/подкреплять» слова с корнем -στύφ- встречаются у Климента дважды:

1) «Эллинская философия <...> предуготовляет путь царскому учению, <...> заранее формируя и заранее укрепляя (προ-τυπῶσα καὶ προ-στύφουσα) нравы» (Strom. I, 16, 80, 6);

2) «Немного позже я подкреплю (ἐπι-στύψω) свои слова и божественными Писаниями» (Paed. III, 2, 9, 1). В «Увещевании» (68–88) Климент использует тот же метод: обратившись сначала к изречениям языческих авторов, писавших о Божественном более или менее правильно и подготавливавших людей к принятию истины, затем приводит цитаты из Священного Писания, призванные расставить все точки над *i* в знании о Боге.

В первом случае (Strom. I, 16, 80, 6) очевидно желание Климента использовать словесную игру: *protypusa* – *prostypusa*. Каламбуры широко использовались и в новозаветных текстах. С. С. Аверинцев пишет: «Для нашего уха такие созвучия⁸ отдают чем-то не очень торжественным, и мы называем их каламбурами; но учительная традиция восточных народов искони пользовалась ими как праздничным убранством речи и одновременно полезной подмогой для памяти, долженствующей цепко удержать назидательное слово» [Аверинцев 1987: 21]. В сочинениях Климента подобные приемы встречаются очень часто, возможно, под влиянием представителей Второй софистики, которые пытались воздействовать на своих слушателей, в том числе ритмом, гомеотелевтами, аллитерациями и другими подобными приемами.

Вернемся к анализу отрывка о совете апостола Тимофею. Как эллинская философия стала для язычников подготавливающей (προ-στύφουσα) к принятию истины, которую Климент намеревается подтвердить (ἐπι-στύψω) библейскими цитатами, так к воде, трезвящему питию блуждающих в пустыне евреев, добавляется вино, вяжущее/подкрепляющее тех, кто достиг зрелости. Некоей притчей может служить следующее замечание Климента: «Пожилым людям охотнее следует позволить участвовать в пирах, без вреда вновь воспламеняя лекарством лозы хлад возраста <...>» (Paed. II, 2, 22, 3). Ср. противопоставление молока и твердой пищи в 1 Кор. 3:2.

На внутреннюю связь рассуждения о Евхаристии с рассказом о совете Тимофею, по нашему мнению, указывает наличие похоже звучащих

слов: «вяжущее средство» (τὸ ἐπιστύφον βοήθημα) и «кровь винограда» (τὸ αἷμα τῆς σταφυλῆς) (Paed. II, 2, 19, 3). Отметим также, что чуть ниже (Paed. II, 2, 20, 3–4) говорится о вызываемом вином сексуальном возбуждении⁹, а глагол στύφειν имеет значение «репем erigere, in Erection sein» [Frisk 1960: 816]. Хотя Шантрэн ставит связь между στύφειν от στύφειν под сомнение [Chantraine 1968: 1067], для автора «Педагога» бросающееся в глаза сходство (die formale Ähnlichkeit springt in die Augen) [Frisk 1960: 816] между двумя этим глаголами должно было быть определяющим.

Восхваляя вяжущие средства, полезные при избытке жидкости, Климент рассматривал влагу как аллегория порока или немощи: «Нужно знать, что как хлеб, положенный кусками в разбавленное вино, захватывает вино, воду (τὸ ὕδατῶδες) же оставляет, так и плоть Господа, хлеб небесный, впитывает кровь, вскармливая людей неба в нетление, оставляя же тлению лишь те плотские похоти» (Paed. I, 6, 47, 1). «<Египтяне> не прикасаются к рыбе из-за некоторых мифов, но особенно из-за того, что такая пища делает плоть водянистой/дряблой (πλαδαράν). <...> говорят, что рыбы дышат не этим воздухом, а тем, который смешался с водой (τῷ ὕδατι) в момент ее первого сотворения» (Strom. VII, 6, 33, 8–34, 1).

«Водянистость» также рассматривалась Климентом как нечто отрицательное. В Paed. II, 1, 8, 4 он пишет: «Итак, нужно воздерживаться от идоложертвенного, <...> из-за *непостоянства* (διὰ τὴν ὑδαρότητα) <людей,> воспринимающих большинство вещей с колебанием». Слово ὑδαρότης, отсутствующее в LSJ, учитывается словарем Дж. У. Г. Лампе. Согласно ему, оно имеет значение “wateriness”, употребляется у Палладия в пассаже, где говорится об искажении чистого знания водянистостью рассуждений, метафорически со значением weakness – у Климента о людях (в приведенном выше фрагменте), со значением moral laxity – у Эпифания [Lampe 1961: 1422]. Заметим, что это слово как гапакс впервые появляется именно у Климента. Ниже у него читаем: «Если Он и сделал воду вином на браке, Он не разрешил напиваться, но оживотворил водянистость мыслей (τὸ δὲ ὑδαρὲς τοῦ φρονήματος ἐξωπολίησεν) <...>. Писание назвало вино таинственным символом святой Крови» (Paed. II, 2, 29, 1).

Избыток в теле влаги Климент рассматривал как признак невоздержанности: «Находящиеся же в расцвете <люди>, <...> ежедневно завтракая, отведав только хлеба, пусть совершенно воздерживаются от питья, чтобы излишняя находящаяся в них влага (τὴν περιττὴν ὑγρότητα) по-

глошалась, впитываясь благодаря сухоядению. Ведь и непрерывно плевать, и сморкаться, и бегать для опорожнения – признак невоздержанности, <появляющийся> из неумеренного прибавления влаги, вливающейся с избытком в тело. Если и случается жажда, пусть <молодые люди> утоляют эту страсть небольшим количеством воды: ведь не подобает без удержу наполнять себя ею, чтобы пища не вымывалась, но размягчалась для переваривания, когда она встраивается в тело, и <лишь> небольшое полностью удаляется в выделения» (Paed. II, 2, 21, 2–3).

Чистота ассоциируется с сухостью: «Ибо как следует пользоваться пищей для того, чтобы не голодать, так следует пользоваться питием, чтобы не жаждать, со всем тщанием остерегаясь падения: ведь проникновение вина <в человека> делает того склонным к падению. Так наша душа делается, пожалуй, чистой, и сухой, и световидною (καθαρὰ καὶ ξηρὰ καὶ φωτοειδής), “сияние же – душа сухая, мудрейшая и лучшая” (Heracl. Fr. 118.). Таким образом, она предается созерцанию и не является влажной (κάθυρτος) от винных испарений, материализовавшейся наподобие тучи» (Strom. II, 2, 29, 2–3). Итак, сухость и вяжущие средства, помогающие бороться с избытком жидкости в организме, Климент рассматривает как нечто положительное, а водянистость – как отрицательное.

Неоднократно слова с корнем -στύφ- у Климента означают «укорять», «уязвлять». Порицание рассматривается им как полезный и действенный элемент воспитания.

1. «Те же, которые бранят (ἐπιστύφοντες) для пользы, если в настоящий момент и тягостны, но оказывают услугу для будущего века» (Paed. I, 9, 75, 3).

2. «Поэтому и сам апостол укоряет (ἐπιστύφει) по отдельности церкви <...>. Он посыпает не только облегчающими/нежными снадобьями (τὰ ἥλια ἐπιπάσσει φάρμακα), но и терпкими, вяжущими (τὰ στυπτικά). Ведь горькие корни страха останавливают распространение греховных язв» (Paed. I, 9, 83, 1–2). Этот пассаж – один из самых любопытных, так как в нем обыгрывается звучание слов с разным значением, но одинаковым корнем; кроме того, здесь мы обнаруживаем гомеровское выражение ἥλια φάρμακα «унимающие боль лекарства», ср. Δ, 218 и Λ, 515, 830 [Clément d’Alexandrie 1960: 258, note 3].

3. «...если мы показали домостроительство, касающееся воздействия на человечество терпкостью/резкостью (τὸ ἐπιστύφειν), как благое и спасительное, принимаемое Логосом по необходимости и явившееся пригодным для <вызывания> раскаяния и воспрепятствования грехам, то после этого хорошо бы рассмотреть кротость (τὸ

ἥλιον) Логоса» (Paed. I, 10, 89, 1). Здесь снова кроткое/нежное противопоставляется терпкому.

4. «Гераклит, порицая (ἐπιστροφῶν) неких за неверие, говорит: “Не умеющие слышать и говорить”, разумеется, <делает это,> получив помощь от Соломона: “Если полюбишь слушать, примешь, и, если приклонишь ухо твое, станешь мудрым” (Сир. 6:34)» (Strom. II, 5, 24, 5). Греческий философ, как и апостол, словесными средствами, угрозами пытается заставить неверующих прийти к мудрости.

5. «Старайся слушать хотя бы кого-либо одного, говорящего откровенно и в то же время уязвляющего и лечащего (καὶ στύφοντος ἅμα καὶ θεραπεύοντος)» (Quis dives. 41, 2). Этот пассаж вызывает в памяти стих из Второзакония, содержащий синоним к глаголу θεραπεύω «Я поражу (πατάξω), и Я исцелю (ιάσομαι)» (32:39). Ср. также: «Ибо Он причиняет раны, и Сам обвязывает их; Он нанес удар (ἔλαισεν), и Его же руки уврачевали» (Иов 5:18); «ибо Он уязвил (ἔρη [tārā], ἥρακεν, букв. разорвал) – и Он исцелит нас, поразит (ἔ [yākē], πατάξει) – и перевяжет наши раны» (Ос. 6:1). Но, в отличие от Библии, Климент для описания противоположных (карающих и поощряющих) методов божественной педагогики находит метафоры из области вкусовой сферы. Такие тропы не являются редкими в литературе. «Значительный фрагмент метафоризации пищевой сферы составляет признаковая гастрометафора, которая реализует проекцию различных свойств и качеств продуктов питания на разнообразные явления окружающего мира. Например, <...> **терпкий** ‘оригинальный, выразительный, привлекающий внимание’» [Полякова, Юрина 2020: 77].

Климент часто говорит о двояком способе воспитания людей: «<...> процесс спасения понимается <Климентом Александрийским> как божественная педагогика, конечной целью которой является приобретение добродетели и знания. <...> божественное наказание задумано как исправляющее, ведущее к преобразованию позиции, определяемой невежеством. Как утверждает Педагог, главная цель Бога – добиться покаяния человека, а Его угрозы и наказания предназначены для блага грешника» [Lanzillotta 2013: 216]. В «Увещевании» Климент пишет: «В самом деле, насколько лучше для людей с самого начала не желать того, чего желать не должно, чем получать желаемое? Но вы не приемлете терпкого вкуса (τὸ ἀσθηρόν) спасения. Как мы радуемся сладкой пище, предпочитая ее остальной из-за наслаждения, получаемого при вкушении ее (хотя лечит нас и исцеляет горькая (τὰ πικρά), раздражающая чувства, а слабых желудком укрепляют неприятные на вкус лекарства (ἢ τῶν

φαρμάκων ἀσθηρία)), так и привычка услаждает и щекочет. Но она толкает нас в пропасть, истина же приводит на небеса» (Protr. 10, 109, 1). Бог выступает не как судья, бичующий или опаляющий грешников, а как заботливый и мудрый врач. Интересной представляется интерпретация слов из Книги Притч: «Так и через Соломона возвещается: Ты жезломъ бей (πάταξον, в Библии: πατάξεις, побиеши) сына, душу же его от смерти избавь (ср. Притч. 23:14). И вновь: Не преставай младенца наказовати: но исправляй (εὐθυναί) его жезломъ, ибо он не умрет (ср. Притч. 23:13, где сказано: аще бо жезломъ биеши его, не умретъ). Ибо обличение (ἔλεγχος) и поношение (ἐπίπληξις), как намекает и <их> имя, есть удары (πληγαί) по душе, сдерживающие грехи и смерть отвращающие, ведущие же к рассудительности тех, кто склонен к распущенности. Так и Платон, познав величайшую силу исправления и сильнейшее очищение – обличение (τὸν ἔλεγχον), в соответствии с Логосом полагает, что человек совершенно оскверненный сделался из-за отсутствия обличения невежественным и гнусным в той степени, в какой подобало, чтобы грядущий стать поистине счастливым был безупречнейшим и прекраснейшим» (Paed. I, 9, 82, 1–3). Климент физическое наказание, предписываемое Соломоном, истолковывает как нравственное, ссылаясь при этом на Платона (Plato. Soph. 230d–e).

Александрийский богослов обращается к образу превратившейся в соляной столп жены Лота (Быт. 19:26), говоря, что он (образ) «не бесполезен, но способен приправить и оказать вяжущее воздействие (ἀρτῦσαι δὲ καὶ στῦσαι) на духовно созерцающего» (Strom. II, 14, 61, 4). Глагол ἀρτῦειν употребляется в Новом Завете всего три раза (Мк. 9:50, Лк. 14:34, Кол. 4:6) и только в связи с солью [Schmoller 1994: 66]. Пример жены Лота призван, по мнению Климента, стать сольным и терпким предостережением для человека, способного разглядеть тайный смысл в библейских текстах (ср. Protr. 10, 103, 4). В «Педагоге» Климент говорит о трех типах совета: «Есть три направления совета. Первое – заимствующее примеры из прошедших времен <...>. Второе – постигаемое из настоящего времени <...>. Третье направление совета основывается на будущем <...>. Имеется же и другой вид его педагогики, благословение» (Paed. I, 10, 90, 2–92, 1).

Идея воспитательного «терпкого» порицания красной нитью проходит практически через все сочинения Климента. В «Педагоге» он заявляет: «Поношение (ἐπίπληξις) есть поносительный укор (ἐπιτίμησις ἐπιπληκτική) или хлесткое порицание; пользуется же Педагог и этим лечением, говоря через Исайю: *Горе, чада отступившая,*

сия глаголетъ Господь: сотвористе совѣтъ не Мною и завѣты не духомъ Моимъ (Ис. 30:1). В каждом отдельном случае Он пользуется страхом как весьма терпким вяжущим средством (στυμματι δὲ αὐστηροτάτῳ), одновременно обуздывая народ и обращая с помощью страха к спасению, как окрашиваемую шерсть обычно подвергают действию едкого раствора (προστυφεσθαι) при приготовлении к надежному усвоению краски» (Paed. I, 9, 78, 1)¹⁰. Здесь обыгрывается звучание слов с похожим значением и одинаковым корнем: от «терпкого вкуса» Климент переходит к «едкому раствору». К образу, заимствованному из сферы обработки тканей, александрийский богослов возвращается в «Строматах»: «Ибо как вяжущее средство при окрашивании (ἡ στυψις τῆς βαφῆς) шерсти, оставаясь <на ней>, предоставляет ей характерные свойства и изменение по сравнению с другой <шерстью>, так и в душе страдание ушло, но остается прекрасное, и сладкое сохраняется, позорное же стирается» (Strom. VI, 12, 103, 6). Единственный случай, когда слово с рассматриваемым корнем появляется у Климента в негативном контексте, обнаруживаем в «Педагоге»: «Ведь со временем рисунок линяет, стирки же и пропитывания в вяжущих лекарственных соках при окрашивании (αἱ στυψεις τοῖς φαρμακώδεσι τῆς βαφῆς χυμοῖς), истончая шерсть, приводят к тому, что ткани одежд становятся непрочными, а это не полезно для ведения хозяйства» (Paed. II, 10, 111, 1).

Кроме слов с корнем -στυφ- в похожих контекстах Климент использует слово αὐστηρία «резкость, горечь; строгость (harshness, bitterness; severity)» [Lampe 1961: 265] и однокоренное прилагательное. Приведем несколько наиболее интересных фрагментов: «Итак, подстриженные на голове волосы не только являют мужчину строгим (αὐστηρόν), но и делают череп менее уязвимым, приучая переносить и холод, и зной, и отражают протекающий от того и другого вред; длинные волосы, вбирая его в себя напоподобие губки, наносят постоянный вред мозгу от влаги (ἐκ τῆς νοτίδος)» (Paed. III, 11, 62, 1). Вновь «горечь»/«строгость» помогает бороться с избытком влажности. В Новом Завете слово αὐστηρός характеризует человека, отправившегося в дальнюю страну за царством и давшего рабам десять мин (Лк. 19:21, ср. 22).

Музыкальные лады и мелодии также могут быть строгими-горькими и изнеженными-влажными: «Ведь следует допускать целомудренные (τὰς σόφρονας) лады, прогоняя как можно дальше от нашего сильного разума воистину изнеженные (букв. влажные) (τὰς ὑγρὰς ὄντως ἀρμονίας), которые, соблазняя переливами зву-

ков, отклоняются в расслабленность и шутовство. Суровые (букв. горькие, едкие) же и целомудренные мелодии (τὰ δὲ αὐστηρὰ καὶ σοφρονικά) стонут дикостей опьянения» (Paed. II, 4, 44, 5). Изнеженными-влажными бывают и шаги: «Ведь не <надо вести себя так,> как некоторые женщины, <которые> <...> выходят на светскую сцену с этими утонченными движениями, изнеженной поступью (τοῖς ὑγροῖς βαδίσμασιν) и манерным голосом» (Paed. III, 11, 68, 1). Истину же Климент называет «строгой-горькой (αὐστηρά) и почтенной» (Strom. VII, 16, 100, 6).

Результаты нашего герменевтического анализа пассажей с корнем -στυφ- открывают возможности теоретических обобщений в области филологической герменевтики, лексической семантики, мотивологии.

Климент – один из первых христианских авторов, кто стал рассматривать наказание как воспитание, а Бога – как врача, использующего для исцеления грешника разные лекарственные средства. Возможно, такое отношение к вразумляющему наказанию его и следующих ему других церковных авторов повлияло на понимание сущности епитимьи в Восточной Церкви: «В Православной Церкви епитимья понимается как духовное лекарство, которое принимающий исповедь священник как духовный врач назначает кающемуся для уврачевания его нравственных недугов (102-е правило VI Вселенского Собора)» [Давыденков 2020: 417]. Для сравнения приведем слова из католического катехизиса: «The sacrament of penance is an unusual tribunal. <...> It is in the name of Christ that the priest speaks the judgment of the Savior's mercy <...>» [Albacete, Almagno, Aumann and others 1976: 483]. Католический священник рассматривается как судья, кающийся – как обвиняемый, епитимья – как наказание. Итак, отличие восприятия этого таинства у католиков и православных, как и многие другие отличия, коренится в седой древности.

Примечания

¹ Согласно LSJ, στυμμα имеет значения: «вяжущее средство (astringent), особенно используемое для сгущения масла, чтобы оно лучше сохраняло запах» [Liddell, Scott, Jones 1996: 1657].

² Согласно LSJ, στυψις имеет значения: «стягивание, терпкость (contraction, astringency)»; «о пище, которая производит *запирающий* эффект». П. «при окрашивании, *замачивание ткани в вяжущем растворе*» [ibid.: 1658].

³ Согласно LSJ, στυπτικός имеет значения: «вяжущий (astringent)» [ibid.: 1658].

⁴ Согласно LSJ, στυφω имеет значения: I. 1. «*стягивать, сближать (contract, draw together)*»; «особенно о вяжущем вкусе». 2. «при

окрашивании, *обрабатывать* ткани и т. п. *морилкой*». П. 1. «*быть вяжущим*». 2. «метафорически, *быть жестким, строгим, угрюмым* (*to be harsh, austere, gloomy*)» [ibid.: 1658]. Согласно этимологическому словарю Я. Фриска, глагол στύφω, от которого образованы все приведенные выше слова, имеет значения «сжимать, оказывать вяжущее действие, особенно о вкусе, уплотнять, закупоривать, обрабатывать едким средством (*zusammenziehen, adstringierend wirken, verdichten, verstopfen, mit einem Beizmittel behandeln*)» [Frisk 1960: 815]. По этимологическому словарю П. Шантрена, στύφω переводится «стягивать, сжимать (с вяжущим действием), вызывать запор, использовать каустический продукт (*tesserger, contracter, avoir un effet astringent, constiper, employer un produit caustique*)». Существует гипотеза, что *στύφω является заменой *στρύφω, ср. στρυφνός «кислый» [Chantraine 1977: 1067]. Согласно патристическому словарю Дж. У. Г. Лампе, этот глагол в творениях Отцов Церкви означал, в том числе, 1. «*стягивать, сближать, составить* (*contract, draw together; draw up*)»; 2. «*быть вяжущим*»; «метафорически, *быть или действовать как вяжущее средство*»: а. «жалить, укреплять (*sting, brace*)»; б. «быть строгим, быть жестким (по отношению к), исправлять (*be severe, be hard (on); correct*)» [Lampe 1961: 1265].

⁵ Согласно LSJ, ἐπιστύφω имеет значения: «*составить, об эффекте вяжущих средств*»; «*попицание*»; 2. *повторно нанести морилку* в качестве подготовки к окрашиванию (*apply a second mordant, as preparation for dyeing*)» [Liddell, Scott, Jones 1996: 662].

⁶ Согласно LSJ, проστύφω имеет значения: I. «*предварительно загущать*»; II. «*наносить морилку*» [ibid.: 1528].

⁷ О терапевтическом воздействии вяжущих средств писал Плутарх: «<...> Если же медный клин, вонзенный в тушу, как говорят, предохраняет мясо от загнивания, то это указывает на присущую ему вяжущую силу: ведь ярью-медянккой врачи пользуются как лекарством, обладающим именно таким действием. <...> Аристотель сообщает, что и раны, нанесенные медным мечом или наконечником копья, менее болезненны и легче залечиваются, чем нанесенные железом, по той причине, что медь содержит в себе нечто врачующее и сразу же оставляет это в ране. Но легко понять, что и в случае гниения вяжущее и врачующее начало имеет силу, противоположную вредоносному» (Plut. Quaest. conv. 624d-e; пер. Я. М. Боровского). Также у Плутарха находим похожее описание эффекта от вяжущих средств: «По моему же мнению, горечь сама по себе имеет силу сушить и противодействовать влаге; поэтому горький вкус и наиболее

неприятен (ибо мягкие и проницаемые жилки языка, как говорит Платон, при потере влаги стягиваются сухостью вопреки своей природе), и для стягивания ран применяют горькие лекарства, как говорит Гомер: «<...> и руками истертым корнем присыпал / Горьким, врачующим боли, который ему совершенно / Боль утоляет; и кровь унялася, и язва иссохла». Поэт правильно приписал горькому на вкус иссушающую силу. Другим примером являются присыпки, которыми пользуются гимнасты против потения: будучи горькими на вкус, они своей вяжущей силой устраняют избыток влаги (στυπτικὰ ὄντα σφοδρότητι τοῦ στρυφνοῦ τὸ πικρόν)» (Plut. Quaest. conv. 624d-e; пер. Я. М. Боровского).

⁸ Речь идет о фразе «если у кого-либо из вас сын или вол упадет в колодезь» (Лк. 14:5), в которой по-арамейски были все три очень похоже звучащих существительных: «сын» – b'ra, «вол» – b'ira, «колодезь» – bēra.

⁹ «Из-за забродившего вина весьма бесстыдно наливаются и вздуваются и сосцы и члены (ὄρῳσι <...> καὶ οἰδοῦσι μαστοῖ τε καὶ μόρια)».

¹⁰ Ср.: «Как шерсть одну краску впитывает сразу, другую – только когда долго мокнет и варится в ней, так одни учения ум удерживает, едва восприняв, а это учение, если не проникло глубоко и надолго, если не окрасило, а только испачкало душу, не даст ей ничего из обещанного» (Sen. Epist. 71, 31; пер. С. А. Ошерова). «Ведь и растворы, друг мой, – сказал я, – которыми пользуются при окраске тканей, оказывают некое вяжущее и отмывающее действие, благодаря которому поры тканей лучше воспринимают и прочнее удерживают краску в образующихся пустотах» (Plut. Quaest. conv. 689a; пер. Я. М. Боровского).

Список литературы

Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Евфрата / пер., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М.: Наука, 1987. 360 с.

Братухин А. Ю. Загадка имени Климента Александрийского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 2(14). С. 123–130.

Давыденков О., прот. Догматическое богословие: учебник. Изд. испр. и доп. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: Познание, 2020. 456 с.

Полякова А. А., Юрина Е. А. Метафоризация вкусовых признаков в русском языке и картине мира // Вестник ТГПУ. 2020. № 2 (208). С. 76–83. doi 10.23951/1609-624X-2020-2-76-84

Яровая Е. Ю. Лингвокультурологические особенности прилагательных полимодальных ощущений во французском, английском и русском

языках // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 12 (209), вып. 26. С. 74–83.

Albacete L., Almagno R. S., Aumann J. and others. *The Teaching of Christ. A Catholic Catechism for Adults* / Edited by R. Lawler, O. F. M. Cap, D. W. Wuerl, Th. C. Lawler. Huntington: Our Sunday Visitor, 1976. 640 p.

Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots*. Paris: Éditions Klincksieck, 1977. Tome IV–1. P. 963–1164.

Clément d'Alexandrie. *Le Pédagogue. Livre I* / Introduction et notes de H.-I. Marrou, traduction de M. Harl. Paris, 1960. 298 p.

Edewaard A. N. *Food as Medicine of Body and Soul: Clement of Alexandria's Dietary Prescriptions in the Paedagogus*. A Dissertation submitted to the Graduate School of the University of Notre Dame in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Notre Dame, Indiana: 2020. 249 p.

Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Band II. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1970. 1154 p.

Gabrielsson J. *Über die Quellen des Clemens Alexandrinus*. Zweiter Teil. Upsala, K. W. Appelbergs Buchdruckerei, 1909. XI, 490 S.

Itter A. C. *Esoteric Teaching in the Stromateis of Clement of Alexandria* // *Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language*. Leiden, Boston: Brill, 2009. Vol. 97. XIX, 233 p.

Lampe G. W. H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford: At the Clarendon Press, 1961. XLIX, 1568 p.

Lanzillotta L. R. *Greek Philosophy and the Problem of Evil in Clement of Alexandria and Origen* // *Cuadernos de Filología Clásica. Estudios griegos e indoeuropeos*. 2013. № 23. P. 207–223.

Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. *A Greek-English Lexicon* / Compiled by H. G. Liddell and R. Scott. A New Edition Revised and Augmented throughout by H. S. Jones. With the assistance of R. McKenzie. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2042 p.

Osborn E. F. *The Philosophy of Clement of Alexandria*. Cambridge: At the University Press, 1957. XI, 199 p.

Schmoller A. *Handkonkordanz zum griechischen Neuen Testament*. Stuttgart: Deutsch Bibelgesellschaft, 1994. 534 S.

References

Averintsev S. S. *Ot beregov Bosfora do beregov Yevfrata* [From the Banks of the Bosphorus to the Banks of the Euphrates]. Transl., pref., comm. by S. S. Averintsev. Moscow, Nauka Publ., 1987. 360 p. (In Russ.)

Bratukhin A. Yu. *Zagadka imeni Klimenta Aleksandriyskogo* [The enigma of the name of Clement of Alexandria]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011, issue 2 (14), pp. 123–130. (In Russ.)

Davydenkov O. V. *Dogmaticheskoe bogoslovie* [Dogmatic Theology]: a textbook. Moscow, General Church Postgraduate and Doctoral Studies named after Holy equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius: Poznanie Publ., 2020. 456 p. (In Russ.)

Polyakova A. A., Yurina E. A. *Metaforizatsiya vkusovykh priznakov v russkom yazyke i kartine mira* [Metaphorization of food taste characteristics in the Russian language and the world picture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2020, issue 2 (208), pp. 76–83. (In Russ.)

Yarovaya E. Yu. *Lingvokul'turologicheskie osobennosti prilagatel'nykh polimodal'nykh oshchushcheniy vo frantsuzskom, angliyskom i russkom yazykakh* [Lingvo-cultural features of the polymodal senses attributes in the French, English and Russian languages]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities], 2015, vol. 12(209), issue 26, pp. 74–83. (In Russ.)

Albacete L., Almagno R. S., Aumann J. et al. *The Teaching of Christ. A Catholic Catechism for Adults*. Ed. by R. Lawler, O. F. M. Cap, D. W. Wuerl, Th. C. Lawler. Huntington, Our Sunday Visitor, 1976. 640 p. (In Eng.)

Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots* [An Etymological Dictionary of the Greek Language. The History of Words]. Paris, Éditions Klincksieck, 1977, vol. IV–1, pp. 963–1164. (In Fr.)

Clément d'Alexandrie. *Le Pédagogue. Livre I* [The Instructor. Book I]. Introduction and notes by H.-I. Marrou; transl. by M. Harl. Paris, Les éditions du Cerf, 1960. 298 p. (In Fr.)

Edewaard A. N. *Food as medicine of body and soul: Clement of Alexandria's dietary prescriptions in the Paedagogus*. A Dissertation submitted to the Graduate School of the University of Notre Dame in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Notre Dame, Indiana, 2020. 249 p. (In Eng.)

Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch* [A Greek Etymological Dictionary]. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag, 1970, vol. 2. 1154 p. (In Ger.)

Gabrielsson J. *Über die Quellen des Clemens Alexandrinus* [On the Sources of Clement of Alexandria]. Upsala, K. W. Appelbergs Buchdruckerei, 1909, pt. 2, XI, 490 p. (In Ger.)

Itter A. C. Esoteric Teaching in the Stromateis of Clement of Alexandria. *Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language*. Leiden, Boston, Brill, 2009, vol. 97, XIX. 233 p. (In Eng.)

Lampe G. W. H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1961, XLIX. 1568 p. (In Eng.)

Lanzillotta L. R. Greek philosophy and the problem of evil in Clement of Alexandria and Origen. *Cuadernos de Filología Clásica. Estudios griegos e indoeuropeos* [Classical Philology Notebooks. Greek and Indo-European Studies], 2013, issue 23, pp. 207–223. (In Eng.)

Liddell H. G., Scott R, Jones H. S. *A Greek-English Lexicon*. Comp. by H. G. Liddell and R. Scott, a new edition revised and augmented throughout by H. S. Jones, with the assistance of R. McKenzie. Oxford, Clarendon Press, 1996, XXXI, 2042 p. (In Eng.)

Osborn E. F. *The Philosophy of Clement of Alexandria*. Cambridge, University Press, 1957, XI. 199 p. (In Eng.)

Schmoller A. *Handkonkordanz zum griechischen Neuen Testament* [A Pocket Concordance to the Greek New Testament]. Stuttgart, Deutsch Bibelgesellschaft, 1994. 534 p. (In Ger.)

The Tart Taste of Salvation (on the Root -στυφ- as Used by Clement of Alexandria)

Alexander Yu. Bratukhin

**Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. Bratucho@yandex.ru

SPIN-code: 2394-1350

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6581-3721>

Submitted 06 Mar 2023

Revised 02 Sep 2023

Accepted 05 Oct 2023

For citation

Bratukhin A. Yu. Terpkij vkus spaseniya (k voprosu ispol'zovaniya Klimentom Aleksandriyskim kornya -στυφ-) [The Tart Taste of Salvation (on the Root -στυφ- as Used by Clement of Alexandria)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 5–13. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-5-13 (In Russ.)

Abstract. For describing the opposite (punishing and encouraging) methods of divine pedagogy, Clement of Alexandria used metaphors related to taste and medicine. God appears to him to be not a strict judge, punishing sinners, but a caring and wise doctor, prescribing bitter/tart medicine for them. Clement compares harsh but salutary experiences (mental suffering, fear) with astringents. He interprets physical punishment, which is written about in the *Book of Proverbs* (Prov. 23:13-14), as moral. In his opinion, Hellenic philosophy formed and strengthened morals in advance (προ-τυπούσα και προ-στυφούσα) (Strom. I, 16, 80, 6), and he intends to reinforce those with the help of the divine Scriptures, using the latter as an astringent (ἐπι-στυψω) (Paed. III, 2, 9, 1). Wateriness (ὕδαρότης, ὕδαρές, ὕδατῶδες) in some cases is associated with depravity, and reproof is regarded as an astringent medicine, relieving of excessive liquid and designed to stop the spread of sinful ulcers. The Alexandrian theologian draws the readers' attention to points that are important to him, using both verbal play (for example, ἐπιστύφον... σταφυλῆς) and the polysemy of words (for example, the verb ἐπι-στυφειν has the meanings 'to exert an astringent effect' and 'to reprove'. Clement was not the only one who wrote about the usefulness of censure and astringents. In this he followed in the footsteps of authors such as Plato and Plutarch. The perception of God as a Physician became characteristic of the Orthodox Church and influenced the understanding of the essence of penance, considered as the healing of the penitent.

Key words: Clement of Alexandria; astringents; divine pedagogy; metaphor; penance.

УДК 81'28:398
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-14-24

EDN QGSJVD

Пища в обрядах, связанных с духами-«хозяевами» локусов, в традиции русских Пермского края (по данным мифологических текстов)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00117
«Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»*

Мария Андреевна Гранова

к. филол. н., научный сотрудник

Пермский федеральный исследовательский центр

Уральского отделения Российской академии наук

614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а. marjanaandreeva@mail.ru

SPIN-код: 3653-3938

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2577-6652>

ResearcherID: D-2785-2018

Статья поступила в редакцию 11.04.2023

Одобрена после рецензирования 10.06.2023

Принята к печати 01.09.2023

Информация для цитирования

Гранова М. А. Пища в обрядах, связанных с духами-«хозяевами» локусов, в традиции русских Пермского края (по данным мифологических текстов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 14–24. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-14-24

Аннотация. В статье рассматриваются продукты, блюда и напитки, используемые русскими Пермского края в обрядах, связанных с духами-«хозяевами» локусов (банником, домовым, лешим и русалкой). Материалом исследования послужили мифологические тексты, собранные в различных районах региона и содержащие описания этих ритуалов. В ходе анализа установлено, что частью предметного кода ритуалов, связанных с духами локусов, чаще являются традиционные блюда славянской кухни; кушанья и напитки, пришедшие в нее позднее (*конфеты, портвейн, чай*), используются реже. При этом ритуальными становятся только те кушанья, которые обладают определенными характеристиками, имеющими символическое значение в славянской культуре. Выявлено, что к числу таких характеристик относятся запах, вкус, цвет, структура, место и способ приготовления/получения продукта/блюда, порядок приготовления, ингредиенты для приготовления блюда, срок хранения, частота употребления продукта, эффект, вызываемый продуктом при его употреблении, использование продукта/блюда в других обрядах (прежде всего в похоронно-поминальном). Кушанья, не являвшиеся традиционными славянскими и пришедшие в русскую кухню позднее, но обладающие одним или несколькими культурно значимыми признаками, встроились в существующую систему (*конфеты* «встали» в ряд сладких продуктов, *портвейн* – в ряд алкогольных напитков красного цвета) и тоже стали обрядовыми. Установлено, что главной функцией ритуальной пищи в обрядовой традиции русских Пермского края является апотропеическая: кушанья выступают в роли посредников между человеком и духом и должны защитить первого от вредоносного воздействия второго.

Ключевые слова: обряд; ритуальная пища; духи-«хозяева» локусов; мифологический текст; русские; Пермский край.

Настоящая работа продолжает серию исследований (см. [Гранова 2022; Гранова 2023]), посвященных рассмотрению обрядов, связанных с духами-«хозяевами» локусов, у русских Пермского края по данным мифологических текстов. Актуальность подобных исследований обусловлена тем, что многие древние ритуалы в изначальном или трансформированном виде продолжают существовать в среде современных носителей традиции, прежде всего жителей сельской местности, и транслируют сохранившиеся в их сознании мифологические представления, связанные с указанными персонажами.

В данной статье будут рассмотрены продукты, блюда и напитки, используемые русскими региона в указанных обрядах. Это представляет интерес, поскольку, как отмечает Е. В. Капелюшник, «традиционная пища, способы ее приготовления, поведенческие и социальные аспекты питания, формирующиеся на протяжении длительного времени, относятся к числу стойких культурно-бытовых традиций и представляют собой ценнейший источник знаний о мифологических <...> представлениях нации» [Капелюшник 2012: 9]. Причем наиболее ярко эти представления транслируются именно через обрядовую пищу, так как «символическая роль того или иного элемента ПТ [пищевой традиции – М. Г.] реализуется прежде всего в обрядовой деятельности» [Устинова 2010: 28]: любой продукт питания, становясь элементом предметного кода обряда, теряет свои практические функции, направленные на удовлетворение витальных потребностей человека, начинает осознаваться как символ (см. об этом, например, в: [Байбурин 1981: 215–216]) и получает «вторичные знаковые функции жертвоприношения, дара, оберега, лекарства, <...> может <...> символически замещать человека в различных религиозных и магических действиях» [Устинова 2011: 13]. Поэтому изучение ритуальных блюд до настоящего времени вызывает интерес у ученых, занимающихся реконструкцией и исследованием славянской традиционной духовной культуры и мифологических представлений как ее элемента.

Так, семантика многих продуктов и блюд, имеющих символическую значимость в духовной культуре славян и использующихся в различных обрядах, описана в словаре «Славянские древности» [СД], а также в сборнике [Коды повседневности... 2011]. К числу фундаментальных работ также отнесем монографию А. К. Байбурина [Байбурин 1993], где ритуальная еда рассмотрена в общей структуре обряда как акта славянской культуры. Изучалась и пища, используемая славянами при обрядовых контактах с духами «локусов» (см. работы А. К. Байбурина

[Байбурин 1983], Н. А. Криничной [Криничная 2004], Е. Е. Левкиевской [Левкиевская 2002; Левкиевская 2007], Л. Н. Виноградовой [Виноградова 2000]).

На материале традиции русских Пермского края ритуальные кушанья рассматривались как элементы свадебного (см. [ЭССТСП]), похоронного (см. [СМЛФСРГП; Королёва 2014]), календарных (см. [Черных 2006; Черных 2007]) и окказиональных обрядов ([Подюков, Черных 1998; ЭСМРПК]). Имеются исследования, посвященные роли отдельных блюд в обрядности русских Пермского края (см., например, статью А. В. Черных о чае [Черных 2019]).

Специального изучения семантики блюд и напитков, используемых в обрядах, связанных с духами-«хозяевами» локусов, на материале традиции русских Пермского края не проводилось. Это является целью настоящей статьи. Отметим, что мы будем рассматривать ритуалы, связанные лишь с четырьмя персонажами – банником, домовым, лешим и русалкой. Материалом для нашей работы послужили отобранные из фольклорного и диалектологического архивов ПГНИУ, фольклорно-этнографических сборников и словарных статей диалектных словарей Пермского края (см. список источников) русские мифологические тексты, содержащие описания этих ритуалов.

Анализ материала позволяет определить набор продуктов и блюд, используемых жителями края при ритуальном взаимодействии с духами локусов, и разделить эти блюда на несколько групп. Рассмотрим каждую из них подробнее.

1. Хлеб и хлебобулочные изделия

Согласно пермским мифологическим текстам, наиболее часто в изучаемых обрядах используются хлеб и различные хлебобулочные изделия, а также тесто: *Первым заходит в дом мужчина соседский. <...> Ещё спрашивает: <...> «Что несёшь?» – «Хлеб несущу». Дети <...> несут кадушку, хлеб несут <...>. «Кого ведёшь?» – «<...> Суседушку веду» (Лызиб Сол.) (ЗС: 171); *Домовой у меня тоже корову гонял. <...> Я <...> Хлеб горячий, только из печки вынула, горячий пар-то вынесла, положила на столбик (Живые Кудым.) (Русские: 236); *Если дела не пойдут, значит, домовой не любит. Мать моя, прежде блины делает, первый смажет чем-то и <...> кладет <...> на чердак (Б. Кусты Куед.) (КБ: 33); *У нас телёнок однажды потерялся. <...> Потом сказали: «Напеки, – говорит, – блинов, и, значит, когда печёшь, на левую сторону откидывай» (С. Коммунар Сив.) (Материалы); *Когда вихор [леший] идет – обязательно кидай хлеба кусок (Караг.) (КС: 91); *Телушка у нас убежала, дак я лесному-то <...> хлеб носила горячий, теплый******

(Игнашино Усол.) (УД: 211); *Когда он помог тебе, лесной, надо в лес ему, на пенёк, печёное унести что-то: либо хлеб, либо шаньги-пирог, вот отблагодарить его* (Лобанова Юрл.) (Материалы); *Мельница-то была, <...> а шишига-то выйдет из реки <...>. Ей пирог или каравай бросят, она тогда колесо отпустит* (У.-Иргина Сукс.) (СРГЮП 3: 400).

Как видно из примеров, хлеб используется в описанных обрядах либо для предотвращения возможного или нейтрализации уже наступившего от персонажа вреда, либо в качестве благодарности духу за помощь. Апотропеическая функция хлеба обусловлена его восприятием в славянской культуре как «дара Божьего», главного ресурса и символа достатка, благоденствия, здоровья и плодородия ... [,] ... прототипической пищи и символа жизни» [Толстая 2012а: 412], так как хлеб, во-первых, был главным продуктом питания у славян, а во-вторых, готовился из зерен путем печения, следовательно, получал семантику витальности, свойственную зерну (об этом ниже), и очистительную семантику, свойственную домашнему, сакральному огню. Поэтому хлебные изделия становятся символической жертвой духам-«хозяевам», а в обряде переноса домового в новый дом тесто в кадучке – именно как символ благополучия – выступает в роли «транспорта» для духа, который, согласно славянским верованиям, обеспечивает нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие, достаток.

Особо следует сказать об использовании в описываемых обрядах *горячего хлеба с паром и блинов*. На наш взгляд, оно диктуется поминальной символикой этих блюд. Так, у восточных славян поминальный хлеб «не резали, а ломали горячим..., стараясь, чтобы пар дошел до покойного, поскольку верили, что души умерших питаются паром» [Плотникова 2012: 426]. *Блины* в славянской культуре также являются поминальной пищей [Гура, Лаврентьева 1995: 193]. Использование поминальных блюд при контактах с духами локусов обусловлено представлениями славян об этих персонажах как о первопредках рода или умерших старших родственниках (см., например: [Левкиевская 1999]).

Отметим, что поминальная символика *блинов* может дополняться иной. Так, *первый блин* получает семантику «лучшего», «главного», «счастливого» [Валенцова, Седакова 2004: 674] и, следовательно, ценного, поэтому используется для задабривания духов. Откидывание блинов на левую сторону при их приготовлении является частным случаем действий, выполняемых наоборот, при которых происходит «замена установленной нормы антинормой ..., что реализуется

через систему пространственных оппозиций “правый – левый”, “верх – низ”, “внутренний – внешний”, “передний – задний”, “начало – конец” и др. При этом члены оппозиций меняются местами» [Левкиевская 2004: 364]. Таким образом, откидывая блины на левую сторону, человек маркирует их как «чужие», предназначенные для представителей «иног», демонического, «нечеловеческого» мира, а не для себя.

2. Сыпучие продукты

Эта группа объединяет зерно, соль и мак, которые также выступают обрядовыми атрибутами в пермской традиции: *Начался вихрь <...>. Отец рассердился и кинул вдогонку нож. Ночью <...> отец наткнулся на дом. <...> В двенадцать ночи <...> в избу вошёл здоровенный мужик. <...> Сел мужик [отец] за стол и увидел свой нож. <...> Мужик [леший] потребовал выкуп – ведро зерна, только после этого удалось уехать* (Очёр) (Материалы); *Дома суседко, всегда на столе соль, хлебушко, что-то еду надо тожо оставлять* (Красновишерск) (там же); *Чтоб леший вернул корову, надо оставить на пеньке кусок хлеба с солью* (Чугайнов Хутор Юрл.) (Русские: 228); *Проснулась <...>, смотрю – женищина ходит по комнате. Маленькая такая, вся в чёрном, и руками так делает впереди себя, как будто кур кормит. <...> [Соседка] дала мне ладан и посоветовала трёхгодовалый мак по углам рассыпать. <...> Дак не стало мне чудиться. Домовой это* (Чкалово Березн.) (Материалы); *Мне русалка виделась <...>. Я на полати полезла, слышу, <...> заходит сестра мужа <...>: «Мак, никого, видно, дома нету». Я отвечаю: «Я, кумушка, дома». Спустилась с полатей, а никого нету* (Пож Юрл.) (Русские: 232–233).

Зерно у славян трактуется как «средоточие вегетативной силы, символ плодородия, <...> здоровья...; ...в ряду др. мелких сыпучих предметов выступает символом множественности и богатства» [Усачева 1999: 324], поэтому зерно, как и хлеб, наделяется продуцирующей и защитной семантикой и выступает в качестве жертвы мифологическим персонажам.

Соль имеет резкий вкус и белый цвет, при рассыпании она способна создавать дискретную преграду для носителя опасности (см., например: [Левкиевская 2002: 87]), поэтому наделяется в славянской культуре прежде всего апотропеической отгонной семантикой. Однако в пермских текстах отражается иная ее символика – символика множественности, богатства, присущая и другим сыпучим продуктам. Как видно из примеров, в анализируемых обрядах соль используется вместе с хлебом. Такой предметный комплекс в целом символизирует основную пищу

человека, угощение, а следовательно, гостеприимство, благополучие и достаток [Березович, Пьянкова 2012: 434]. В анализируемых ритуалах этот комплекс призван показать демону дружеское расположение человека и тем самым предупредить или нейтрализовать вредоносное воздействие персонажа.

Мак, как и соль, может образовывать преграду между носителем опасности (демоном) и человеком, не допуская контакта между ними [Левкиевская 2002: 39]. Кроме того, мак обладает снотворным эффектом, поэтому способен усыплять опасность [Усачева 2004б: 170] (ср. пример с русалкой, которой мак как бы «закрывает глаза», не давая увидеть женщину, находящуюся в доме). Отметим, что в защитных целях может использоваться *трехгодовалый мак*, т. е. такой, который хранился три года. В этом случае апотропеические свойства семян усиливает числовой код, поскольку «третий член некоего ряда часто трактуется как высший, совершенный..., а первый и второй в этом ряду – как последовательное приближение в истинному, главному» [Толстая 2012б: 545].

3. Сладкое

В качестве ритуальной пищи в пермской традиции часто выступают различные сладкие продукты: *Мама говорит, я <...> поглядела: маленькой мальчик плачет. Она мёд наложила, <...> унесла туда [в старый дом,] <...> и больше не слышно стало. Они [старые хозяйки] его [домового] с собой не позвали* (Ракшино Кудым.) (Русские: 237); *«У вас домовый ходит, потому что вы, <...> всё убираете на ночь со стола. <...> Ну то ешь хлеб там, конфеты, пряники <...>. «<...> Это просто домовый пакостит»* (С. Коммунар Сив.) (Материалы); *Ходим мы в болото, дак я то конфетку возьму, скажу: «На тебе, лесовичок-болотничек...»* (У.-Зула Юрл.) (там же).

В славянской традиции сладкие продукты, благодаря своему приятному вкусу, получают различные положительные характеристики по модели «приятный на вкус → хороший, добрый, красивый, любимый, счастливый, благополучный» [Седакова 2012: 33], поэтому сладкое (как и хлеб, зерно) символизирует благо, которым люди делятся с духами-«хозяевами» локусов. При этом сладкие продукты призваны сделать рассматриваемых персонажей, которые являются опасными для человека демонами, «добрыми и милыми» [там же: 38].

4. Рыба и мясо

В традиции русских Пермского края для нейтрализации вредоносного воздействия духов локусов нередко используется рыба: *Вот у меня*

домовой – он то одеяло сташишит, то ешишио что. Тетка говорит: «Давай, мол, пирог рыбный испеком домовому». Испекли и в подвал спустили, под нижнюю матку подвязали, и с той поры никто не стал ходить (Рождественское Караг.) (КС: 86); *Когда потеряется скотина дак [,] <...> кладут на пень <...> **рыбный пирог** <...>. Там оставят* (Базуева Гайн.) (Русские: 196); *Если корова заблудилась в лесу <...>, <...> пекут **пирог из окуней**. Их кладут головами в одну сторону, а затем в двенадцать часов ночи несут на кладбище* (Сёйва Гайн.) (там же).

В славянской культуре рыба связана с водной стихией, с природой, т. е. с неосвоенным пространством, а далее – с миром «нечеловеческим», «демоническим», представителями которого являются духи-«хозяева» [Гура 2009: 505]. Это подтверждают и сами носители традиции: [А чтобы ребенка вернуть, если его леший увел, тоже пирог носят?] *Обычно носят. <...> **Рыбный**. Они любят **рыбный, рыбное**. [Они – это кто?] *Нечистая сила! [А почему?] <...> От природы ведь **рыба-то**. Мясо человек растит, а **рыба** ведь сама по себе* (С. Коммунар Сив.) (Материалы). Кроме того, рыба, будучи хтоническим животным, связывается с «тем светом» [Гура 2009: 505], блюда из нее обязательны на поминках, поэтому использование рыбы при контактах с духами-«хозяевами» также отсылает к предположению о них как об умерших предках.*

Мясо в рассматриваемых ритуалах встречается гораздо реже, чем рыба: *Потеряется корова <...> в лесу, надо на ёлку **пирог** повешать, рыбный или **мясной** и сказать, мол, дедушко, давай отдавай, я тебе подарки дарю* (Келич Юрл.) (Русские: 196). Отметим, что мясо не являлось повседневной пищей жителей края, а подавалось по праздникам [Зверева 2014: 304], поэтому служило символом богатства и процветания, а следовательно, средством задабривания духов.

5. Другие продукты и блюда

Среди других блюд, «участвующих» в обрядах, связанных с духами локусов, – каша, яйца и лук. *Десятого февраля справляю именины домового. Я ему оставляю кашу* (В.-Язьва Краснов.) (Материалы); *У нас-то пастух был <...>. Вот как только весна будет, с лешим он идет **яичко** делить. Ворует **яичко** – на Христов день раньше воровали **яичко-де** в церкви ли, где ли, пастухите. <...> Лешему [яичко досталось]. И вот он за одно **яичко** все лето нас* (Б. Долды Черд.) (ББ: 362–363); *Пришел [во сне] старик [домовой] ко мне и говорит: «Ты, – говорит, – не ешь больше лука, а то я к тебе ходить не буду»* (Краснояр Куед.) (КБ: 31–32).

Каши – одно из главных ритуальных блюд в славянской культуре. Поскольку она готовится из необработанных зерен, ее семантика, с одной стороны, сходна с символикой зерна и хлеба: каша тоже является символом плодородия, обилия, роста, достатка [Валенцова 1999: 483], т. е. блага, которым делятся с демоном. С другой стороны, необработанные зерна – «природный», «неосвоенный» материал, поэтому каша – одно из блюд, служащих для ритуального кормления духов – представителей «нечеловеческого» мира [там же: 484] (по этой же причине каша является блюдом для поминовения предков). Кроме того, поскольку это блюдо готовилось в печи, то, как и все предметы, соприкасавшиеся с печью, могло получить символику домашнего очага, домашнего пространства, т. е. локуса домашнего, которому она предназначается, согласно первому отрывку.

Яйцо встает в один ряд с теми видами пищи, которые содержат в себе зародыши будущей жизни, поэтому осмысливаются в славянской культуре как символ «витальной силы, <...> плодородия, непрерывного производства жизни, начала всех начал» [Виноградова 2012: 621]. Освященное пасхальное яйцо также связывается с божественным началом, поэтому оно часто выступает в качестве оберега, а также благодарности за выполнение каких-либо услуг [Агапкина, Белова 2012: 628–630]. Однако в описанном обряде используется именно украденное пасхальное яйцо. Кража же в народной культуре считается грехом и «трактруется как способ “остранения” предмета <...>, выведения его из привычного ряда, придания ему черт чужого, <...> “нездешнего”, посланного из иного мира» [Толстая 1999: 640], поэтому такое пасхальное яйцо становится возможным использовать в качестве «оплаты» «услуг» лешего.

Апотропеическая отгонная семантика лука, отраженная в приведенном отрывке, обеспечивается сильным запахом этого растения [Усачева 2004а: 140].

6. Напитки

6.1. Алкогольные напитки

Анализ пермских мифологических текстов показывает, что из напитков атрибутами ритуалов, связанных с духами-«хозяевами», чаще всего становится спиртное: У него опять банничека звали Федул. <...> «<...> Ему стопочку налил, прихожу на следующий день – стопочка пустая. Выпил». Поминки по отцу были (С. Коммунар Сив.) (Материалы); Если не любит [домовой скотину], то <...> хлебушко, бражку в конюшню несут (Нердва Караг.) (там же); [Чтобы скотину найти,] надо лесовому спиртного унести (Сергино Нытв.) (Нытва: 13); У нас парень заблудил-

ся, Витька. <...> Тётка его плачет. Ей говорят: «Ты бутылку водки и красный платок на ёлку повесь, он возьмёт и приведёт Витьку к тебе» (Писаное Краснов.) (ББ: 76); Телевизор сам выключался. <...> Домовёнок, наверное. И ей все посоветовали: «Ты вино поставь красное и кусочек хлебушка» (Пермь) (Материалы); Кто-то бегаёт, открывает двери по комнатам, чердаку. Домовой не уходит в новый дом, это его дом, он не может никуда уйти. Брат поставил стакан портвейна, кусок хлеба. Всё, ниче не стало (В.-Язьва Краснов) (там же).

Использование спиртных напитков в анализируемых ритуалах может быть обусловлено несколькими причинами. Так, водка и брага являлись традиционными напитками славян; они изготавливались из семян пшеницы, ячменя, ржи, следовательно, приобретали продуцирующую и апотропеическую семантику, присущую зерну [Толстой 1995в: 393]. Вино получали из винограда, который в славянской культуре тоже имел семантику плодородия [Толстой 1995б: 373], однако в наших материалах речь идет, скорее, о вине, купленном в магазине, поскольку виноград в Пермском крае не растет. Поэтому более вероятным видится отражение в тексте представлений о цвете напитка (используется именно красное вино, а также портвейн, имеющий темно-красный оттенок), который вызывает ассоциации с жертвенной кровью; приняв такую жертву, демон перестает беспокоить человека. Еще одна мотивировка ритуального использования алкогольных напитков видится в том, что все они вызывают опьянение, поэтому в славянской культуре связываются с нечистой силой (так, считается, что секрет приготовления водки человеку поведал чёрт [Толстой 1995в: 393]).

6.2. Безалкогольные напитки

В ритуалах, связанных с духами-«хозяевами» локусов, иногда используются и безалкогольные напитки: А вот ругаться-то не надо на скотину тоже. Потеряется, проклянёшь скотину – уйдёт в лес и исчезнет. [А вот как ее искать? Говорят, гостинец носят.] Задабривают. <...> [А что нужно нести?] Ну вот хлебушек нести, наверно, надо или, может, молоко (С. Коммунар Сив.) (Материалы); [Что соседке оставлять надо?] <...> Где-то печенинку, <...> хлебушка что-то, чай. Ну дак вот оставляют (Красновишерск) (там же).

Культурная семантика молока продиктована его белым цветом, который, с одной стороны, трактуется как «хороший», «счастливый», наделяется семантикой сакральности, чистоты, плодородия, а с другой – связан с темой смерти, «того света» и предков, а также маркирует облик

духов-«хозяев» (например, одежда домового может быть белого цвета) [Толстой 1995а: 152–154]. Чай, в отличие от *молока*, не является традиционным напитком славян. Согласно этнографическим данным, в Пермском крае (Пермской губернии) он употреблялся в начале XIX в. купечеством, лишь в городах и заводских поселениях; в среде крестьянского населения чай распространился только к концу XIX – началу XX вв. [Черных 2019: 277–279]. Вероятно, тогда же он «встроился» в существующую систему ритуалов и мифологических представлений, при этом «особенностью включения чаепития в состав обрядности была его тесная связь с традициями приема гостей и гостевания» [там же: 287]. Поэтому, как и *хлеб-соль*, которыми встречали дорогих гостей, чай становится жертвой для задабривания духов локусов.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В ритуалах, связанных у русских Пермского края с духами-«хозяевами» локусов, «участвуют» в основном традиционные блюда славянской кухни, реже – кушанья и напитки, пришедшие в нее позднее (*конфеты, портвейн, чай*).

При этом ритуальными становятся не любые кушанья, а лишь такие, которые имеют определенные характеристики, символически осмысленные в славянской народной культуре, в результате чего кушанья получают обрядовые функции. К числу таких характеристик отнесем запах (*лук*); вкус (сладкие продукты, *соль*); цвет (*вино, портвейн, соль, молоко*); структуру (сыпучие продукты); место, способ приготовления/получения (*хлеб и каша, приготавливаемые в печи; блины, откидываемые на левую сторону; яйцо, украденное на Пасху*); порядок приготовления (*первый блин*); ингредиенты для приготовления (*хлеб, каша, водка, брага – из зерна; рыбный пирог – из рыбы*); срок хранения (*трёхгодовалый мак*); частоту употребления (*мясо*); эффект, вызываемый продуктом при его употреблении (*мак, алкогольные напитки*); изначальное использование в других обрядах (поминальные блюда – *каша, блины*). Кушанья, не относящиеся к традиционным славянским и пришедшие в русскую кухню позднее, но обладающие культурно значимыми характеристиками, встроились в существующую систему (*конфеты* «встали» в ряд сладких продуктов, *портвейн* – в ряд алкогольных напитков красного цвета, *чай* – в ряд блюд, которыми встречают гостей (*хлеб-соль*)) и также стали обрядовыми.

Рассмотренные кушанья выполняют в обрядах функцию оберега и используются либо для предупреждения возможной опасности, исходящей от персонажа (например, оставление хлеба

где-л. в доме для домового), либо для нейтрализации уже наступившего вредоносного воздействия (например, относ различных блюд в лес, чтобы леший отпустил потерявшегося в лесу человека/скотину). Таким образом, во всех случаях рассмотренные блюда выступают в роли посредников между человеком и демоном как представителями двух разных миров.

Условные сокращения районов Пермского края

Березн. – Березниковский; Гайн. – Гайнский; Караг. – Карагайский; Краснов. – Красновишерский; Кудым. – Кудымкарский; Куед. – Куединский; Нытв. – Нытвенский; Сив. – Сивинский; Сол. – Соликамский; Сукс. – Суксунский; Усол. – Усольский; Черд. – Чердынский; Юрл. – Юрлинский.

Список источников с сокращениями

ББ – Шумов К. Э. Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье. Пермь: Книж. изд-во, 1991. 412 с.

ЗС – Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Пермь: Перм. книж. изд-во, 2006. 224 с.

КБ – Черных А. В. Куединские былички: мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв. Пермь: Изд-во ПониЦАА, 2004. 114 с.

КС – Подюков И. А. Карагайская сторона: народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар: Коми-Перм. книж. изд-во, 2004. 320 с.

Материалы – Материалы диалектологического архива лаборатории лексикологии и лексикографии (рук. – д-р филол. н., проф. И. И. Русинова) и фольклорного архива лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (рук. – к. филол. н., доц. С. Ю. Королёва) филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Нытва – Подюков И. А. Нытва: Традиционная культура, язык и фольклор. В помощь этнопедагогу и краеведу. Нытва; Пермь: Изд-во РУО-ПОИПКРО, 2001. 70 с.

Русские – Бахматов А. А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: материалы и исследования / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь: Изд-во «ОТиДО», 2008. 502 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Чер-

ных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010–2012. Вып. 1–3.

УД – Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Усольские древности: сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. Усолье: Перм. кн. изд-во, 2004. 240 с.

Список литературы

Агапкина Т. А., Белова О. В. Яйцо пасхальное // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. С. 626–632.

Байбурун А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.

Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.

Байбурун А. К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: сб. ст. Л.: Наука, 1981. С. 215–226.

Березович Е. Л., Пьянкова К. В. Хлеб-соль // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. С. 434–437.

Валенцова М. М. Каша // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). М.: Междунар. отношения, 1999. С. 483–488.

Валенцова М. М., Седакова И. А. Первый – последний // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Междунар. отношения, 2004. С. 674–679.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 431 с.

Виноградова Л. Н. Яйцо // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. С. 621–626.

Гранова М. А. Использование предметов в обрядах, связанных с духами-«хозяевами» локусов, в традиции русских Пермского края (по данным мифологических текстов) // Традиционная культура. 2023. Т. 24, № 1. С. 122–133.

Гранова М. А. Пространство крестьянского дома в верованиях и обрядах, связанных с духами-«хозяевами» локусов (по данным русских мифологических текстов Пермского края) // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 10. С. 195–219. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-195-219

Гура А. В. Рыба // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Междунар. отношения, 2009. С. 505–506.

Гура А. В., Лаврентьева Л. С. Блины // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). М.: Междунар. отношения, 1995. С. 193–196.

Зверева Ю. В. Лексика питания в пермских говорах: мясомолочные продукты // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 302–316.

Капелюшник Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 21 с.

Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. СПб.: Алетейя, 2011. 560 с.

Королёва С. Ю. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 52–76.

Криничная Н. А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 634 с.

Левкиевская Е. Е. Домовой // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). М.: Междунар. отношения, 1999. С. 120–124.

Левкиевская Е. Е. Наоборот // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Междунар. отношения, 2004. С. 364–367.

Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 334 с.

Плотникова А. А. Хлеб поминальный // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. С. 424–427.

Подюков И. А., Черных А. В. Суженый-ряженый, приди ко мне снаряженный. Рецепты народных гаданий. Пермь: Изд-во ПРИПИТ, 1998. 28 с.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2012. Т. 1–5.

Седакова И. А. Сладкий // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. С. 33–39.

СМЛФСРГП – Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья / под ред. И. А. Подюкова. СПб.: Маматов, 2020. 368 с.

Толстая С. М. Кража // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). М.: Междунар. отношения, 1999. С. 640–643.

Толстая С. М. Хлеб // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012а. С. 412–421.

Толстая С. М. Число // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012б. С. 544–547.

Толстой Н. И. Белый цвет // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). М.: Междунар. отношения, 1995а. С. 151–154.

Толстой Н. И. Вино // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). М.: Междунар. отношения, 1995б. С. 373–374.

Толстой Н. И. Водка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А (Август) – Г (Гусь). М.: Междунар. отношения, 1995в. С. 393–394.

Усачева В. В. Зерно // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). М.: Междунар. отношения, 1999. С. 324–327.

Усачева В. В. Лук // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Междунар. отношения, 2004а. С. 140–143.

Усачева В. В. Мак // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Междунар. отношения, 2004б. С. 170–174.

Устинова Н. А. Пищевой код как символизация пищевой традиции (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 333. С. 28–31.

Устинова Н. А. Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 207 с.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – се-

редины XX в.: в 2 ч. Ч. I. Весна, лето, осень. Пермь: Пушка, 2006. 364 с.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в.: в 2 ч. Ч. II. Зима. Пермь: Пушка, 2007. 365 с.

Черных А. В. Чай и чаепитие в традиционной культуре русских Прикамья // Напитки в культуре народов Урало-Поволжья: кол. монография / сост. и отв. ред. Е. В. Попова; УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2019. С. 275–289.

ЭСМРПК – Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края / И. И. Русина, А. В. Черных, К. Э. Шумов, С. Ю. Королёва. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. СПб.: Маматов, 2019. 832 с.

ЭССТСП – Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / сост. И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. Пермь: Перм. книж. изд-во, 2004. 360 с.

References

Agapkina T. A., Belova O. V. Yaytso paskhal'noe [An Easter egg]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2012, vol. 5, pp. 626–632. (In Russ.)

Bayburin A. K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the Rites and Beliefs of the Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 191 p. (In Russ.)

Bayburin A. K. *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture. A Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 237 p. (In Russ.)

Bayburin A. K. Semioticheskiy status veshchey i mifologiya [The semiotic status of things and mythology]. *Material'naya kul'tura i mifologiya* [Material Culture and Mythology]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 215–226. (In Russ.)

Berezovich E. L., P'yankova K. V. Khleb-sol' [Bread and salt]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2012, vol. 5, pp. 434–437. (In Russ.)

Valentsova M. M. Kasha [Porridge]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1999, vol. 2, pp. 483–488. (In Russ.)

Valentsova M. M., Sedakova I. A. Pervyy – posledniy [The first – the last]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities:

An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2004, vol. 3, pp. 674–679. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Narodnaya demonologiya i miforitual'naya traditsiya slavyan* [Folk Demonology and the Mythological and Ritual Tradition of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 431 p. (In Russ.)

Vinogradova L. N. Yaitso [An Egg]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2012, vol. 5, pp. 621–626. (In Russ.)

Granova M. A. Ispol'zovanie predmetov v obryadakh, svyazannykh s dukhami-‘khozyaevami’ lokusov, v traditsii russkikh Permskogo kraja (po dannym mifologicheskikh tekstov) [The use of objects in rituals associated with spirit ‘masters’ of loci in the tradition of the Russians of the Perm Territory (based on mythological texts)] *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2023, vol. 24, issue 1, pp. 122–133. (In Russ.)

Granova M. A. Prostranstvo krest'yanskogo doma v verovaniyakh i obryadakh, svyazannykh s dukhami-‘khozyaevami’ lokusov (po dannym russkikh mifologicheskikh tekstov Permskogo kraja) [Space of a peasant house in beliefs and ceremonies associated with spirits-‘masters’ of loci (Russian mythological texts of Perm region)] *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2022, vol. 11, issue 10, pp. 195–219. doi 10.24224/2227-1295-2022-11-10-195-219. (In Russ.)

Gura A. V. Ryba [Fish]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2009, vol. 4, pp. 505–506. (In Russ.)

Gura A. V., Lavrent'eva L. S. Bliny [Pancakes]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1995, vol. 1, pp. 193–196. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. Leksika pitaniya v permskikh govorakh: myasomolochnye produkty [Vocabulary of nutrition in Perm dialects: meat and dairy products]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2014* [A Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Data and Research) 2014]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 302–316. (In Russ.)

Kapelyushnik E. V. *Kulinary kod kul'tury v semantike obraznykh sredstv yazyka*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The culinary code of culture in the semantics of figurative means of language. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2012. 21 p. (In Russ.)

Kody povsednevnosti v slavyanskoy kul'ture: eda i odezhda [The Codes of Everyday Life in Slavic

Culture: Food and Clothing]. Ed. by N. V. Zlydneva. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011. 560 p. (In Russ.)

Koroleva S. Yu. Obryad ‘provodov dushi’ s ritual'nym zamestitelem umershego (materialy russkomi-permyatskogo pogranich'ya) [The ‘farewell to the soul’ ceremony with ritual substitution of the deceased person (folk phenomena of the Russian-Komi-Permyaks’ transgressive zone)] *Antropologicheskiy forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2014, issue 23, pp. 52–76. (In Russ.)

Krinichnaya N. A. *Russkaya mifologiya. Mir obrazov fol'klora* [Russian Mythology. The World of Folklore Images]. Moscow, Akademicheskii proekt: Gaudeamus Publ., 2004. 1008 p. (In Russ.)

Levkievskaya E. E. *Vostochnoslavyanskiy mifologicheskiy tekst: semantika, dialektologiya, pragmatika*. Diss. dokt. filol. nauk [East Slavic mythological text: Semantics, dialectology, pragmatics. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 634 p. (In Russ.)

Levkievskaya E. E. Domovoy [The house spirit]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1999, vol. 2, pp. 120–124. (In Russ.)

Levkievskaya E. E. Naoborot [Conversely]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2004, vol. 3, pp. 364–367. (In Russ.)

Levkievskaya E. E. *Slavyanskiy obereg. Semantika i struktura* [Slavic Amulet. Semantics and Structure]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 334 p. (In Russ.)

Plotnikova A. A. Khleb pominal'nyy [Memorial bread]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2012, vol. 5, pp. 424–427. (In Russ.)

Podyukov I. A., Chernykh A. V. *Suzhenyy-ryazhenyy, pridi ko mne snaryazhenyy. Retsepty narodnykh gadaniy* [My Betrothed, Come to Me Dressed Up. Recipes of Folk Divination]. Perm, Perm Regional Institute of Pedagogical Information Technologies Press, 1998. 28 p. (In Russ.)

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1995–2012, vols. 1–5. (In Russ.)

Sedakova I. A. Sladkiy [Sweet]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2012, vol. 5, pp. 33–39. (In Russ.)

Slovar' mortal'noy leksiki, frazeologii i simboliki russkikh govorov Prikam'ya [Dictionary of Mortal

Vocabulary, Phraseology, and Symbols of Russian Dialects of the Kama Region]. Ed. by I. A. Podyukov. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2020. 368 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Krazha [Larceny]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1999, vol. 2, pp. 640–643. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Khleb [Bread]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2012a, vol. 5, pp. 412–421. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Chislo [Number]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2012b, vol. 5, pp. 544–547. (In Russ.)

Tolstoy N. I. Belyy tsvet [White color]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1995a, vol. 1, pp. 151–154. (In Russ.)

Tolstoy N. I. Vino [Wine]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1995b, vol. 1, pp. 373–374. (In Russ.)

Tolstoy N. I. Vodka [Vodka]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1995v, vol. 1, pp. 393–394. (In Russ.)

Usacheva V. V. Zerno [Seed]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 1999, vol. 2, pp. 324–327. (In Russ.)

Usacheva V. V. Luk [Onion]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2004a, vol. 3, pp. 140–143. (In Russ.)

Usacheva V. V. Mak [Poppy]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2004b, vol. 3, pp. 170–174. (In Russ.)

Ustinova N. A. Pishchevoy kod kak simbolizatsiya pishchevoy traditsii (na materiale govorov Srednego Priob'ya) [Food code as food tradition symbolising]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2010, issue 333, pp. 28–31. (In Russ.)

Ustinova N. A. Pishchevoy kod traditsionnoy kul'tury Srednego Priob'ya: etnolingvisticheskiy aspekt. Diss. kand. filol. nauk [The food code of the traditional culture of the Middle Ob region: An ethnolinguistic aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2011. 207 p. (In Russ.)

Chernykh A. V. Russkiy narodnyy kalendar' v Prikam'e. Prazdniki i obryady kontsa XIX – serediny XX v. [Russian Folk Calendar in the Kama Region. Holidays and Rituals of the Late 19th – Mid-20th Centuries]: in 2 pts. Pt. 1 Vesna, leto, osen' [Spring, Summer, Autumn]. Perm, Pushka Publ., 2006. 364 p. (In Russ.)

Chernykh A. V. Russkiy narodnyy kalendar' v Prikam'e. Prazdniki i obryady kontsa XIX – serediny XX v. [Russian Folk Calendar in the Kama Region. Holidays and Rituals of the Late 19th – Mid-20th Centuries]: in 2 pts. Pt. 2 Zima [Winter]. Perm, Pushka Publ., 2007. 365 p. (In Russ.)

Chernykh A. V. Chay i chaepitie v traditsionnoy kul'ture russkikh Prikam'ya [Tea and tea parties in the Russian traditional culture of the Kama River region]. *Napitki v kul'ture narodov Uralo-Povolzh'ya* [Drinks in the Culture of the Peoples of the Ural-Volga Region]: a multi-authored monograph. Comp. and ed. by E. V. Popova. Izhevsk, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 275–289. (In Russ.)

Etnodialektnyy slovar' mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraya [An Ethnodialect Dictionary of Mythological Stories of the Perm Region]. Comp. by I. I. Rusinova, A. V. Chernykh, K. E. Shumov, S. Yu. Koroleva. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2019, pt. 1. Lyudi so sverkh'estestvennymi svoystvami [People with supernatural properties]. 832 p. (In Russ.)

Etnolingvisticheskiy slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Prikam'ya [An Ethnolinguistic Dictionary of Wedding Terminology of the Northern Kama Region]. Comp. by I. A. Podyukov, S. V. Khorobrykh, D. A. Antipov. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2004. 360 p. (In Russ.)

Food in Rituals Associated with the Spirits-‘Masters’ of Loci in the Tradition of the Russians in the Perm Region (Based on Mythological Texts)

*The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, grant project No. 19-18-00117
‘Russian traditional culture in the places of active interethnic contacts in the Urals and the Volga region’*

Mariia A. Granova

Researcher

**Perm Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences**

13a, Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation. marjanaandreeva@mail.ru

SPIN-code: 3653-3938

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2577-6652>

ResearcherID: D-2785-2018

Submitted 11 Apr 2023

Revised 10 Jun 2023

Accepted 01 Sep 2023

For citation

Granova M. A. Pishcha v obryadakh, svyazannykh s dukhami-«khozyaevami» lokusov, v traditsii russkikh Permskogo kraia (po dannym mifologicheskikh tekstov) [Food in Rituals Associated with the Spirits-‘Masters’ of Loci in the Tradition of the Russians in the Perm Region (Based on Mythological Texts)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 14–24. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-14-24 (In Russ.)

Abstract. The article discusses foods, dishes, and drinks used by the Russians of the Perm region in rituals related to the spirits-‘masters’ of loci (a spirit of the banya, house spirit, leshy (forest spirit), and mermaid). The research material included mythological texts recorded in various parts of the region and containing descriptions of these rituals. As shown by the analysis, it is more often that traditional dishes of Slavic cuisine become part of the subject code of rituals associated with the spirits of loci, while dishes and drinks that were incorporated into the culture later (candies, port wine, tea) are used less often. Only those dishes that possess certain characteristics having a symbolic meaning in Slavic culture become ritual. Such characteristics include smell, taste, color, structure, place and method of preparing/obtaining a product/dish, cooking sequence, ingredients for cooking the dish, shelf life of the food, frequency of eating the food product, the effect caused by eating the food, the use of the food product/dish in other ceremonies (primarily in funeral and memorial rituals). Dishes that were not traditionally Slavic and came to Russian cuisine later, but have one or more of the culturally significant features, were integrated into the existing system (candies found their place among sweet products, port wine – among alcoholic beverages of red color) and also became ceremonial. The study established that the main function of ritual food in the ritual tradition of the Russians inhabiting the Perm region is protective: dishes act as intermediaries between man and spirits as representatives of two different worlds – ‘human’ and ‘non-human’, and are supposed to protect people from possibly harmful effects produced by demons.

Key words: ritual; ritual food; spirits-‘masters’ of loci; mythological text; Russians; Perm region.

УДК 81'112.2
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-25-36

EDN UTLTGW

Идеологические смыслы социальной рекламы нового времени (на материале текстов, посвященных СВО)

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-412-590006
«Массовая речевая культура Пермского края: трансформация языковой,
коммуникативной, этической нормы в XXI веке»*

Наталья Васильевна Данилевская

д. филол. н., заведующий кафедрой русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. danil6@mail.ru

SPIN-код: 8925-1833

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9727-3782>

ResearcherID: H-4798-2017

Статья поступила в редакцию 13.05.2023

Одобрена после рецензирования 05.07.2023

Принята к публикации 13.10.2023

Информация для цитирования

Данилевская Н. В. Идеологические смыслы социальной рекламы нового времени (на материале текстов, посвященных СВО) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 25–36. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-25-36

Аннотация. В статье анализируется проблема языкового своеобразия текстов социальной рекламы, посвященной теме специальной военной операции (СВО) Российской Федерации на территории Украины. В исследовательское поле включены также рекламные тексты, затрагивающие события Великой Отечественной войны как факта истории, тесно связанного с современной военно-политической ситуацией. Цель работы: изучить язык и содержание текстов социальной рекламы, посвященных СВО РФ на Украине, для выявления содержащихся в них идеологических смыслов. Методы исследования: лексико-семантический и функционально-стилистический с учетом междисциплинарных связей между собственно лингвистическими методами исследования и базовыми принципами таких близких гуманитарных областей знания, как философия, социология, медиастилистика. Результаты: в статье рассматриваются разные подходы к определению понятия «идеология» и высказывается мнение о социально-политической и духовно-нравственной значимости этого понятия в контексте Основного закона (Конституции) Российской Федерации. На фоне анализа результатов процессов глобализации, цифровизации и медиатизации современного общества делается вывод о негативных последствиях отсутствия в Основном законе сформулированных параметров государственной идеологии. Анализ языковых и содержательных особенностей текстов, проведенный в аспекте создания новой государственной идеологии, показал наличие в социальной рекламе на тему СВО большого идеологического и воспитательного потенциала; автор приходит к выводу о разнообразии выражения в рассматриваемых текстах исторических и культурных смыслов идеологического характера. В заключение утверждается, что тексты, связанные с тематикой СВО, принимают непосредственное участие в процессе поиска главных ценностных смыслов новой российской идеологии.

Ключевые слова: социальная реклама; идеология; новая государственная идеология; ценностные смыслы; медиатизация; воспитание.

Стремительные и кардинальные изменения в жизни России, начавшиеся в феврале 2022 г., привели к не менее кардинальным изменениям в политической, экономической, культурной, социальной и других областях жизни российского общества. При этом те или иные факты трансформации общественных отношений весьма активно эксплицируются в медиапространстве. Так, например, транслируемые сегодня через разные каналы СМИ идеи о национальном единстве, о сохранении исторической памяти между поколениями, о защите Донбасса и вообще всех исконно русских земель от неонацизма и т.п. направлены на постепенное изменение духовно-нравственного содержания массового сознания, его переформатирование на *новую идеологию*, складывающуюся под влиянием военных событий на Украине и политических пертурбаций в международных отношениях.

Известно, что *идеология* – это «некоторая совокупность идеалов, ценностей, целей и взглядов, посредством которых определенная общность людей выражает свое отношение к существующей социальной реальности, отдельным ее проблемам и конфликтам» [Философский... 2001: 199]. В идеологии воплощается стремление определенной части общества наполнить массовое сознание таким содержанием, которое отвечает интересам этой общественной группы (ср. идеологию нацизма, коммунизма, массового потребления, колониализма и др.). В этом смысле идеология выступает ценностно-смысловым стержнем, посредством которого формируется единство большого и разнородного коллектива людей в рамках общего политико-географического пространства (того или иного государства). Важно при этом, что в идеологии реализуется естественная потребность людей в наличии ясных и простых моральных, духовных, социальных норм общежития, благодаря которым каждой отдельной личности государства (или большинству его граждан) становятся понятными суть жизни в данный момент и векторы ее движения на ближайшее и/или отдаленное будущее.

Иначе говоря, идеология – это система взглядов и идей (религиозных, духовных, политических, правовых, эстетических и др.), закладывающих основы единого многонационального общества как государственной единицы. Ценностный характер идеологии не вызывает сомнений, поскольку «идеология как совокупность идеалов, ценностей, идей, взглядов и т. д. создается в основном из того духовного материала, который уже наличествует в обществе» [там же: 200].

По мнению Дж. Шварцмантеля, идеология – это «конструкт, разработанный философами, со-

циологами, правоведами, историками и другими учеными, исследующими общество, закономерности его функционирования и развития. Иначе, идеология – это модель желаемого общества и мироустройства, которое создается в результате *критического переосмысления существующей социальной реальности*» [Шварцмантель 2009: 54. Курсив наш. – Н. Д.].

Не случайно Л. А. Мусаелян подчеркивает, что формулируемая государством идеология должна «находиться в векторе исторического процесса, быть закономерным результатом развития общества. Соответственно, механизм реализации такого социального идеала определяется логикой развития общества. <...> Если реализация желаемой модели общества переносится (по разным причинам) за пределы видимого исторического горизонта, она не “цепляет” интересы людей, живущих здесь и сейчас, не мотивирует их на активную деятельность по претворению в жизнь заявленного идеала» [Мусаелян 2022: 18].

Иначе говоря, идеологию правомерно рассматривать в качестве духовного ориентира жизни общества, который должен соответствовать уровню его развития и – что очень важно – особенностям его положения в контексте текущей мировой геополитической ситуации.

Известно, что с распадом Советского Союза рухнула ценность и актуальность коммунистической идеологии. В новой же (постсоветской) Конституции РФ (1993 г.) в части 1 статьи 13 признавалось «идеологическое многообразие», а в части 2 этой же статьи подчеркивалось, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Данная позиция не была пересмотрена в последнем, измененном тексте Конституции, одобренном в ходе общероссийского голосования в 2020 г. В результате современная Россия живет без государственной идеологии, поскольку последняя запрещена на конституционном уровне.

Таким образом, получается, что у России отсутствует официально сформулированный курс развития, направление его движения; не ясен также государственный ориентир в области духовно-нравственного воспитания общества (ср. известное определение понятия *государство* как ‘аппарата управления и принуждения общества’). Вместе с тем известно, что без идеологии нет ориентированного, понятного каждому развития общества, как нет и самого общества. Без закрепленной на государственном уровне идеологии обществу обычно предлагаются лишь те или иные поддерживаемые или отрицаемые идеи, которые при этом могут периодически

меняться на другие идеи, в том числе противоположные.

С 90-х гг. XX в. выросло уже не одно поколение, освобожденное от какой бы то ни было идеологии, а значит, казалось бы, свободное и независимое в представлениях, верованиях и суждениях. Однако свобода человека от каких бы то ни было идеалов может быть только иллюзорной, ибо морально-нравственную пустоту, если она образуется в сознании личности, неизбежно занимает какое-то иное содержание – нормы, ценности, взгляды, привычки, часто идущие в разрез с традиционными ценностями той страны, в которой человек живет. Именно таким образом формировалось общественное сознание в России 1990–2020-х гг.

Между тем идеологическая составляющая есть практически во всех Конституциях всех государств, так как именно эта составляющая является инструментом государственного управления, а также служит гуманитарно-духовным стержнем жизни народа в настоящее время и вектором его движения вперед. Не случайно в преамбуле Конституции США подчеркивается, что «целью государства является образование союза, “содействующего всеобщему благоденствию и закреплению блага свободы за народом”». Прагматичные американцы прекрасно понимали, что без идеологии не может быть системности государственного управления. Они сделали упор на западные ценности абсолюта свободы и индивидуальный успех, так называемую американскую мечту: “Сделай себя сам”» [Апухтин 2022].

После разрушения коммунистических идеалов обществу не было предложено ничего взамен, никого, казалось, не интересовало нравственное и психологическое состояние общества, которое в это время всё более и более теряло связь с национальными корнями, вековыми традициями, нормами российского (и русского) уклада жизни. Правда, в последние несколько лет представители государственных органов, осознавая, видимо, необходимость решения социально-воспитательных задач, периодически озвучивали в медиапространстве идеи о единении нации. Ср. настойчивый поиск основ национальной монолитности, или так называемых духовных скреп, в качестве которых обществу последовательно предлагались футбол, олимпиада «Сочи-2014», спорт, борьба за здоровый образ жизни, идеалы православия, поиск государственного гимна, воспитание патриотизма и другие аспекты социальной жизни. Что из предложенного оказалось в итоге общественно признанной государственно значимой идеей? Пока –

ничего. Все эти важные для социума идеалы остаются разрозненными, фрагментарными в темпоральном отношении, не объединенными единым смысловым стержнем. Однако совершенно ясно: без продуманной и последовательной государственной политики духовно-нравственного воспитания всего общества и каждого конкретного человека в отдельности невозможно создать сильную, единую и непобедимую страну.

В последние годы многие политики, социологи, философы выражают обеспокоенность по поводу отсутствия в России государственной идеологии [см.: Шварцмантель 2009; Акулов 2011; Миронов 2016; Добрынин 2021; Лившиц 2021; Апухтин 2022; Мусаелян 2022 и др.]. Для Российской Федерации как страны, вынужденной постоянно отстаивать свою суверенность, отсутствие в общественном мировоззрении ясного идеологического идеала – это «нонсенс не только с точки зрения философии, но и мировой истории» [Мусаелян 2022: 17]. Во многом именно идеология формирует тип государства, его сущность, которая «есть наиболее характерное значимое в нем, что определяет его содержание, социальное назначение и функционирование» [Магузов, Малько 2005: 54].

Несмотря на многочисленные критические размышления ученых, политиков и журналистов о роли идеологии в государственном строительстве, проблема ее «возвращения» в Конституцию остается нерешенной и пока не решаемой.

Кроме того, сегодня возникли определенные социальные сложности для решения этой проблемы. Дело в том, что процесс деидеологизации российского общества сопровождался активным развитием в стране и массовом сознании процессов глобализации – объединения экономических, социальных, культурных, духовных и политических связей разных стран и народов с целью их взаимодействия и «накопления дивидендов» в разных сферах [Бондарь 2012; Кунилова 2022; Чешков 2005 и др.]. Этот процесс имел как позитивные, так и негативные стороны. Не останавливаясь на позитивных результатах влияния глобализации на социум, обратим внимание на важные для нас её негативные результаты.

Во-первых, современный этап процесса глобализации теснейшим образом связан с *цифровой революцией*, или, иначе, *цифровизацией* – внедрением в разные виды деятельности компьютерных систем, что привело к изменению отношения человека к пространству и времени: объединяя миры и общества, цифровизация одновременно сжимает время и пространство существования личности. Человек становится – часто вопреки своей воле – наднациональной

единицей, существом мира, теряя корневые связи со своим народом, его традициями и ценностями. Не случайно, размышляя о специфике русского национального стиля, Н. И. Клушина подчеркивает, что современное общество находится вне связи с национальной культурой, с историческим контекстом, а значит, и с традициями и навыками именно русского речепроизводства, растворяясь «в глобалистской массовой наднациональной культуре» [Клушина 2012: 25]. Между тем, как известно, язык – основа нации, и без его глобальной востребованности и повсеместной распространенности в рамках национального коллектива сама нация, как социально-политическая единица мироустройства, как самобытный социум, через два – максимум три поколения исчезнет.

Не случайно, очевидно, в ноябре 2022 г. президент РФ издал Указ «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (№ 809 от 9 ноября 2022 г.): пришло время серьезно задуматься над тем, куда и как мы идем [Указ... 2022]. Однако следует признать, что наднациональный, глобалистски воспитанный человек, не сознающий великой ценности родного языка, а, наоборот, отдающий предпочтение языку глобальной коммуникации, вряд ли может быть «легким объектом» для духовно-идеологического перевоспитания.

Во-вторых, как негативное последствие глобализации рассматривается *медиаатизация* общества – «процесс качественных изменений социальных коммуникаций, вызванный воздействием медиа, которые из институции, отражающей жизнь, становятся фактором, определяющим существенные моменты жизни общества и современной личности» [Шмелева 2015: 145; см. также: Клушина 2014; Луман 2005; Наседкина 2018 и др.]. Отрицательным результатом влияния массмедиа на общество является то, что индивидуальное информационное пространство современного человека практически полностью занято цифровыми ресурсами, среди которых почти не остается места книгам (в классическом понимании книги как объекта для глубокого чтения) и непосредственному межличностному общению. Сегодня люди, особенно представители молодого поколения, зависимы от интернет-пространства, от составляющих его блогов, постов, чатов, форумов, подкастов и т. п., весьма мало связанных с национальной культурой и речевыми традициями, что также отнюдь не облегчает решение задачи внедрения в массовое сознание государственной идеологии.

Итак, цифровизация и медиаатизация в определенной степени привели к выхолащиванию из

российского массового сознания таких национально значимых ценностей, как единство с Родиной и родной землей, долг перед страной, ответственность перед согражданами и др.

Между тем поглотивший современное общество цифровой тип жизни сам, как кажется, подсказывает способы и инструменты переформатирования массового сознания: именно медиа как посредник между государством и обществом во многом могут взять на себя функцию трансляции государственной позиции, направленной, согласно указу президента, на возрождение и сохранение в обществе традиционных национальных ценностей – любви к Родине, уважение к национальной истории, гордость за победы и достижения предков, бережное отношение к родному языку, верность многовековым русским традициям и традициям других народов России и мн. др. В условиях агрессивной западной политики, нацеленной на отрицание (а в исторической перспективе на уничтожение) христианской веры и вековых православных (общечеловеческих) ценностей, активная трансляция государственной позиции в русскоязычной медиасфере не будет напрасной. Тем более что, по мнению Н. И. Клушиной, медиаатизация проявляется не только как расширение влияния медиа на жизнь социума, но и как обратный процесс – «вовлечения в информационную сферу различных сторон общественной деятельности, то есть создание зон пересечения медиа и социальных феноменов» [Клушина 2012: 68–69].

В этом смысле одним из самых действенных способов влияния на массовое сознание является реклама, а в нашем случае – социально ориентированная реклама, открыто присутствующая как в интернет-пространстве, так и в СМИ разных типов (на телевидении и радио). В условиях обострившейся геополитической борьбы США и коллективного Запада против России вопрос об использовании воспитательного потенциала социальной рекламы становится остро актуальным.

Как известно, *социальная реклама* – это вид некоммерческой рекламы, направленной на изменение моделей общественного поведения и привлечение внимания к проблемам социума. В этом смысле социальная реклама (отражающая через официальную гуманитарную политику национальную идеологию), в отличие от коммерческой, есть важный инструмент воспитания, воздействия на сознание и поведение граждан.

В унисон этому звучит мнение Н. И. Наседкиной, ср.: «Медиаатизация выступает в качестве посредника с точки зрения информационного воздействия и взаимодействия между аудиторией и массмедиа <...> симбиоз действий, выпол-

няемых человеком при поглощении информации настолько широк, что медиапотребление давно уже вышло за пределы классического понимания. Технические инновации, проникающие в социальную среду, трансформируют мышление человека и тем самым заменяют реальную действительность на медиатизированную» [Наседкина 2018. См. об этом также: Данилевская 2014].

Следовательно, социальная реклама, при условии ее продуманности и системной организации, вполне может быть использована как один из инструментов государственной деятельности, направленной на формирование и распространение в обществе ценностных смыслов новой российской идеологии. Или, иначе, как «медиапособ» воспитания нации.

По мнению С. Хьярварда, сами по себе медийные технологии не являются причиной социокультурной динамики, однако погружение человека в информационный поток, где с помощью этих технологий созданы новые социальные, политические, культурные реалии, дает мощный толчок для воздействия на общественное сознание [Hjarvard 2008: 107–128]. Более того, ученый уверен, что данное явление затрагивает социум на макро- и микроуровнях, что позволяет говорить о полной зависимости общества от медиа [там же: 120].

В сложной ситуации проведения специальной военной операции (СВО) поиск ключевых смыслов для создания новой российской идеологии становится более простым и понятным, чем это было возможно в мирное время. Так складывалось веками: если России угрожала смертельная опасность, наши люди всегда мобилизовались физически и духовно вокруг одного единственного смысла – «победа любой ценой». И сегодня, несмотря на высокую степень деидеологизованности российского общества, в массовом сознании постепенно формируется глобальная русская идея «русские не сдаются». Большую роль в этом процессе играют тексты социальной рекламы, посвященной СВО и связанным с нею событиями. Можно говорить о том, что эти тексты принимают активное участие в формировании ценностных смыслов новой официальной идеологии.

Мы проанализировали более 50 текстов наружной (уличные баннеры), телевизионной и интернет-рекламы, посвященной тем или иным событиям специальной военной операции РФ на

Украине; в число рассмотренных документов вошли также рекламные тексты о другом военном событии – Великой Отечественной войне. Дело в том, что тексты, посвященные этому событию, с высокой частотностью стали появляться в рекламном информационном пространстве именно после начала СВО, обеспечивая смысловую и культурно-историческую связь времен и поколений.

В результате анализа выяснилось, что основное содержание рассмотренных текстов формируют следующие ценностные установки: *Отечество в опасности; Россия нуждается в защите; нас не победить; патриот – это человек, любящий Родину; российская армия готова к защите Родины; народ и армия едины; гордость за победу дедов; гордость за великую страну; мы помним всё; мы – внуки великой победы* и т. п. Как видно, ключевая идея, пронизывающая вербальное содержание рекламных сообщений о СВО, – это патриотизм.

Воспитание патриотизма сегодня служит, пожалуй, «точкой опоры», оттолкнувшись от которой, можно будет идти дальше. Вспомним: с момента разрушения СССР понятие *патриотизм* не просто, так сказать, вышло из моды, а приобрело отрицательную коннотацию – если ты патриот, значит, отсталый, жизни не знаешь и вообще глупец; любить Россию долгие годы считалось чуть ли не предосудительным, особенно в многочисленных тогда профессионально-возрастных группах, ориентирующихся на западные «либеральные ценности».

Сложившуюся в области патриотического воспитания ситуацию можно, на наш взгляд, назвать культурной деградацией. Полагаем, что успешному решению проблем, связанных с духовно-культурным кризисом, во многом могут способствовать базирующиеся на государственной идеологии СМИ, в том числе и анализируемая здесь социальная реклама. На данном этапе формирования новой государственной идеологии это один из очень действенных механизмов, тем более что рекламные тексты, посвященные СВО, сегодня все более и более наполняют цифровое и ландшафтное (уличное) пространство русского мира.

Приведем примеры конкретных вербальных и изобразительных средств, посредством которых в рекламных текстах воплощаются перечисленные выше ценностные установки (таблица).

Лексические средства выражения ведущих ценностных смыслов в текстах рекламы о СВО
Lexical means of expressing value-based meanings (values) presented in advertising texts about the special military operation (SVO)

Частеречная характеристика типичных лексических единиц	Примеры	Общая семантико-оценочная характеристика
Имена существительные	<i>Родина, Родина-мать, Отечество, фашизм, неонацизм, угрозы, война, победа, патриот, патриотизм, герой, героизм, память, история, сила духа, воля к победе, правда, деды, воины, защитники, долг, мужество, будущее, трусость, предательство, безопасность, счастье и др.</i>	Единицы с позитивной коннотацией более 90 %; единицы с негативной коннотацией не более 7–10 %
Имена прилагательные	<i>военный, непобедимый, сильный, смелый, героический, молодой, патриотический, независимый, суверенный, настоящий, мужественный и т. п.</i>	Практически все единицы с позитивной коннотацией
Местоимения	<i>ты, наш, твой, свой</i> и под.	Единицы с нейтральной коннотацией, приобретающие в контексте позитивную окраску
Глаголы (преимущественно в повелительном наклонении)	<i>Помни, запоминай, гордись, вступай, смотри, защити, спаси, защищаем, сможешь, служи, крепись, держись</i> и под.	Преимущественно единицы с нейтральной коннотацией, приобретающие в контексте позитивную окраску

Как видно, в рекламных текстах на тему СВО используются единицы всех основных частей речи, составляющих ядро лексической системы русского языка. В ограниченном количестве, но всё-таки участвуют здесь и имена числительные; это главным образом количественные числительные, называющие годы Великой Отечественной войны, – 1941 и 1945 и функционирующие субстантивно, т. е. как обозначение важнейшего в нашей истории времени (ср. порядковые числительные *сороковые*, равное по идеологическому насыщению выражениям типа *в гражданскую, в хрущевскую оттепель, в девяностые...*).

Имена с негативной семантикой – это такие единицы, которые сообщают о самом факте войны и ее причинах: *война, враг, нацисты, неонацисты, опасность, смерть, гибель, геноцид* и др. Однако данные лексемы употребляются в тексте не для того, чтобы напугать адресата, а, напротив, чтобы усилить ядерный смысл целого высказывания, который в контексте прочитывается обычно примерно так: «патриот не может безучастно смотреть на злодеяния нацистов», «патриот должен стать добровольцем, чтобы спасти Родину и семью», «Россия победит в любом случае», «лучше русского солдата никого нет» и под. Ср. (лексемы с явной или потенциальной негативной системной семантикой выделены полужирным шрифтом): **Война** снова на пороге России – *встань в ряды добровольцев!*; Муже-

ство закаляется в **огне**; *Ничто не устоит против русского **оружия***; **Ликвидация угрозы**; *Против **геноцида** Донбасса!*; *Снова скажем **фашизму** НЕТ!*; ***Грозы** сии пойдут во славу России* и др.

Интересно, что вербальная часть рекламного текста представляет собой высказывание по типу слогана – короткого и броского призыва или пропагандистского лозунга (девиза). Поэтому синтаксически такие высказывания представлены, как правило, простыми неосложненными односоставными, реже двусоставными или эллиптическими конструкциями (см. примеры выше и на рисунке). Однако в последнее время в качестве слоганов все чаще встречаются цитаты, принадлежащие известным военным, политическим, литературным деятелям России, а также представителям русского духовенства, см.: *Грозы сии пойдут во славу Росси* (Ф. Ушаков); *Ничто не устоит против русского оружия* (А. Суворов); *Нет выше чести, чем носить русский мундир* (М. Кутузов); *Величайшее счастье для солдата – сознание того, что ты выполнил свой солдатский долг, долг тяжкий и благородный, выше которого нет ничего на земле!* (К. Рокоссовский); *Счастье всегда на стороне отважного* (П. Багратион); *Кто к знамени присягал единожды, тот у оною и до смерти стоять должен* (Петр I); *Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно* (А. С. Пушкин); *Мы не начинаем войны, мы их заканчиваем* (слова священника Андрея Ткачева) и под.

1.

Волгоград
Монумент «Родина-мать зовёт!»

**СМОТРИ!
ГОРДИСЬ!
ЗАПОМИНАЙ!**

Путешествуй по РОССИИ

УРАЛСИБ
2.

НОЧЕВАТЬ НА СЫРОЙ
ЗЕМЛЕ
5 ЛЕТ...
**ПОПРОБУЙ
ТЫ!**

Наши деды смогли 1941-1945
3.

СЛАВА
ГЕРОЯМ
РОССИИ!
Александр Шляков
Полковник, Герой России
4.

**СТАНЕШЬ НАМ БРАТОМ
ЗАЙМИ СВОЁ МЕСТО
В СТРОЮ!**
5.

9 мая
Мирлө пултәр кашни суркунне...
6.

Мир, который мы защищаем...

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
7.

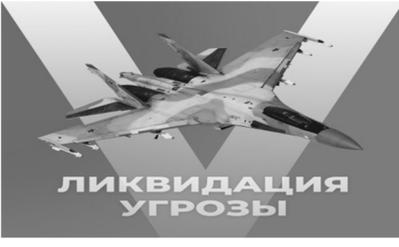
ПАТРИОТИЗМ НАЧИНАЕТСЯ С
ДЕТСТВА
8.

Родина зовёт
умей ее защищать!
ТЫ С НАМИ?
Мобилизационный резерв
подробности в бывшем военкомате
9.

РОДИНА-МАТЬ
ЗОВЕТ!

БЕЖИ КРАСИТЬ АРМИИ.
СПАСИ!
10.

СТАВЬША
ОБЫЧНАЯ РАБОТА

+7 (499) 317-13-09 - СЛУЖБА ПО КОНТРАКТУ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ - WWW.MIL.RU
11.

**ЛИКВИДАЦИЯ
УГРОЗЫ**
12.

СИЛА

ПРАВДЕ
13.

ЗА ПОБЕДУ
14.

**ПРОТИВ ГЕНОЦИДА
ДОНБАССА**

Примеры рекламных текстов (баннеров), посвященных СВО
Examples of advertising texts (banners) devoted to the special military operation (SVO)

Приведенные примеры характеризуются высоким мастерством поликодового оформления текстов, о чём свидетельствуют многообразие красок, цветовых оттенков, разнообразие шрифтов и графики, включение в пространство текстов фотографий, рисунков. Интересно, что неязыковые единицы здесь так же, как и языковые, создают прежде всего позитивную семантику (ср. тексты 1, 3, 5–8, 11–14).

В аспекте лингвистического анализа следует сказать также о таком частотном стилистическом приеме рассматриваемых текстов, как сопоставление разных смысловых и поликодовых планов.

Так, в примерах 2, 5, 7, 9, 10 сопоставляются разные временные планы, а именно две войны – Великая Отечественная и СВО, и, соответственно, два поколения – деды и прадеды, выигравшие Великую Отечественную, и современные и будущие (дети) защитники России. Сопоставление двух событийных планов – эмоционально и когнитивно сильный риторический ход, благодаря которому акцентируется смысл «ответственность молодого поколения за победы предков».

В примерах 2 и 9, кроме сопоставительного, присутствует оттенок противопоставления, правда, как латентный семантический компонент смысловой структуры целого текста. Так, в баннере № 2 представлены плакаты военного времени 1941–1945 гг., благодаря которым в сознании воспринимающего актуализируется событие сегодняшнего дня – СВО, причем именно как событие, противостоящее событию 1940-х гг. Сегодня противопоставление Великой Отечественной войны и СВО – это культурно и исторически обусловленная бинарная оппозиция, где второй компонент оппозиции (СВО) отрицается определенной частью российского общества, поскольку оценивается как агрессивное поведение России («Россия напала на Украину»). В результате на уровне подтекста как бы сталкиваются два противоположных (как они бытуют сегодня в сознании определенной группы носителей русской культуры) плана, но, благодаря существующему в русском культурном коде несомненно позитивному отношению к плакатам сороковых годов – как призывающим на священную борьбу против фашистских захватчиков, – бинарная оппозиция (семантика противопоставления) не является ведущей в смысловой структуре этого текста, но всё-таки подчеркивает противопоставление двух исторических планов, актуализируя одинаковую важность каждого из них. Поясним сказанное.

По мнению Н. С. Трубецкого, бинарная оппозиция – это «универсальное средство рационального описания мира, где одновременно рассматриваются два противоположных понятия, одно

из которых утверждает какое-либо качество, а другое – отрицает» [Трубецкой 2011: 246]. В интерпретации текстов, подобных примеру 2, понятие *бинарная оппозиция* оказывается весьма важным в силу того, что с его помощью описывается феномен не осознаваемой на языке культуры народа. Ср.: «язык отражает культуру народа, но его структура неосознаваема говорящими на языке. Язык – это феномен, стихийно обретающий структуру» [Леви-Строс 2011: 532]. По утверждению учёного, чтобы выявить структуру бессознательного, а значит, познать культуру народа, его картину мира, необходимо выявить бинарные оппозиции, поскольку именно из них и складывается эта структура [там же]. Очевидно, что стремление разделить явления мира на пары противоположностей – это один из природных принципов человеческого восприятия действительности в процессе ее познания.

Иными словами, в текстах 2 и 9 можно, кроме явного смысла ‘убежденность в способности выдержать трудности’ (№ 2) и ‘убежденность в способности защитить мать с ребенком’ (№ 9), выделить скрытый смысл противопоставления двух временных событий – прошлой войны и настоящей военной операции, в результате чего актуализируются такие ценностные смыслы, как отрицание неспособности выдерживать трудности (баннер № 2) и неспособности защитить Родину, мать, ребенка (баннер № 9).

Что касается примеров 11–14, то они демонстрируют прежде всего поликодовый тип смысловыражения: призывное значение создается здесь также на основе сопоставления разных планов, но планов не вербальных, а графических. Получившие в дискурсе СВО особое значение латинские буквы **V** (победа, виктория) и **Z** (за победу, за наших) накладываются на графический план рисунков с изображением военной техники и военнослужащих, что, как представляется, выдвигает на передний план общетекстовой семантики смысл «мы за победу – мы победим». В результате такого объединения вербальный план данных текстов (слоганы внизу изображений) оказывается второстепенным, поскольку на когнитивном уровне общий пафос содержания понятен и без включенных в текст лексических компонентов.

Интересно, что, кроме текстов социальной рекламы, активно участвующих в процессе конструирования нового общественного сознания, обращают на себя внимание факты песенного народного творчества на тему СВО. Такие песни возникают в последнее время с большой регулярностью и широко распространены в интернет-пространстве, а некоторые из них входят в эстрадный репертуар ведущих государственных

телевизионных каналов, например, такие песни в исполнении Шамана (Ярослава Дронова), как «Встанем», «Я русский», «Мой бой». Представляется, что песни на тему СВО выполняют ту же функцию, что и тексты социальной рекламы этого плана.

Для примера рассмотрим содержание одной из песен, появившейся буквально в последние дни как реакция на подвиг экипажа танка «Алеша», который в одиночку выстоял в бою против восьми танков противника.

Автор песни – композитор, аранжировщик, поэт, продюсер Константин Губин. Однако, несмотря на принадлежность автора к профессиональной музыкальной деятельности, песня воспринимается слушателем как народная или близкая к народному творчеству. Это определяется наличием в тексте следующих единиц и конструкций:

1) синтаксических конструкций разговорного характера с отрицанием называемого субъекта действия типа *то не ветер на поле затих* (ср. известную строчку из народной песни: *то не ветку клонит, не дубравушка шумит...*);

2) синтаксических конструкций разговорного характера типа *тот, кто ... тот и*, с помощью которых обычно выражается категоричное утверждение о чем-либо;

3) вопросо-ответного комплекса, характерного для разговорной речи;

4) повторов лексических, фразовых, смысловых;

5) фразеологической единицы *один в поле не воин*, перестроенной структурно и семантически из отрицательной конструкции в категорично утвердительную с условным компонентом – *и один в поле воин, если...* (по типу сформулированного И. А. Гончаровым категоричного утверждения о Чацком: «Один в поле не воин. Нет, воин, если он Чацкий!» [Гончаров: 1871];

6) высказываний лозунгового характера типа *он за правду вырвал этот бой, навсегда запомнят времена, за ним страна, крепка броня, так и было, да будет так*. Подобные высказывания также характерны для разговорного языка;

7) дискурсивов – частиц в усилительной функции *и, да, только, просто*.

См. (перечисленные единицы и конструкции выделены полужирным шрифтом):

Русский танк «Алеша»

То не ветер на поле затих.

То по миру дрожь прошла волной.

Он пошел один на восьмерых.

Он за правду вырвал этот бой.

Кто такой и как его зовут?

Навсегда запомнят времена.

Он татарин, русский и якут.

Он – «Алеша» и за ним страна.

Припев

Тот, кто смел, тот и воин.

Тот, кто смел, тот и волен.

Только вольным все на свете можно.

И один в поле воин.

И один в поле воин,

Если это русский так «Алеша».

То не просто стая воронья,

То фашистский снова реет стяг.

Да крепка «Алешина» броня.

Так и было, и да будет так!

То не ветер на поле затих,

То по миру дрожь прошла волной.

Он пошел один на восьмерых.

Он за правду вырвал этот бой.

Припев

Тот кто смел, тот и воин.

Тот кто смел, тот и волен.

Только вольным все на свете можно.

И один в поле воин.

И один в поле воин,

Если это русский танк «Алеша».

Если русский, если это русский,

Если это русский танк «Алеша».

Если русский, если это русский,

Если это русский танк «Алеша».

Обращает на себя внимание также большое количество специфической лексики, с помощью которой подчеркиваются культурно-этнические ценности русской нации – воля, свобода, сила духа, русский характер, смелость, единство народа (*и за ним страна*), непобедимость (*вырвал этот бой*), сама *русскость* как особая картина мира (прилагательное *русский*, начиная с заголовка песни, повторяется в тексте 10 раз).

Подобные песни можно считать, как представляется, текстами, выполняющими ту же функцию, что и тексты социальной рекламы на тему СВО, а именно прославление русской армии, силы духа ее солдат, их смелости и непобедимости, а в целом – функцию формирования гражданственности и патриотизма в картине мира современного российского социума.

Таким образом, можно утверждать, что рекламные тексты, посвященные специальной военной операции, в смысловом отношении не только организованы как призыв к поддержке армии РФ и её военных действий, но и во многом способствуют росту патриотических чувств граждан, т. е. «работают» в идеологическом и воспитательном ключе.

В завершение подчеркнем: современные условия существования России в международном политическом контексте выдвигают на пе-

редний план создание продуманной и рассчитанной на века государственной идеологии, центром которой может быть идея патриотизма и бескорыстной любви к Отечеству. Проблема воспитания гражданина является, безусловно, сложной и требует разностороннего решения. Существенную роль здесь может играть социально ориентированная реклама, направленная на внедрение в массовое сознание идеалов патриотизма и любви к родной истории и культуре, а значит, бережное отношение ко всему русскому и российскому.

Список литературы

Акулов В. Л. Что такое идеология и нужна ли она России? 2011. URL: https://vk.com/wall-5273_13426 (дата обращения: 17.04.2023).

Апуктин Ю. М. Нужна ли государственная идеология в Конституции или... «Нужны ли мы нам?» // Живой журнал. 2022. URL: <https://mikle1.livejournal.com/10619824.html?ysclid=lcvryaersz120940542> (дата обращения: 25.04.2023).

Бондарь О. Ю. Глобализация и ее философские проблемы // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2012. № 3. С. 131–141.

Гончаров И. А. Милльон терзаний (критический этюд). 1871. URL: <https://ilibrary.ru/text/1075/p.1/index.html?ysclid=lnmwr04wm5966219106> (дата обращения: 12.10.2023).

Данилевская Н. В. Механизмы воспитания нации в текстах социальной рекламы // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. П. Котюровой; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2014. Вып. 18. С. 281–292.

Добрынин Н. М. Новеллы Конституции России: настоящее и будущее. Работа над ошибками или на результат? // Государство и право. 2021. № 6. С. 124–135.

Клушина Н. И. Русский национальный стиль и его реализация в текстах современных СМИ // Stylistyka XXI. Польша (Opole), 2012. С. 19–33.

Клушина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. 2014. № 1. С. 66–73.

Кунилова К. С. Социология глобализации. URL: https://spravochnick.ru/sociologiya/sociologiya_globalizacii/12.07.2022 (дата обращения: 25.03.2023).

Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. М.: АСТ: Астрель, 2011. 541 с.

Лившиц Р. Л. Имитация науки. Полемиические заметки. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2021. 310 с.

Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 253 с.

Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 640 с.

Миронов С. Нужна ли государственная идеология? Нужна! // Российская газета. 2016. 13 декабря.

Мусаелян Л. А. К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 55. С. 6–21. doi 10.17072/1995-4190-2022-55-6-21.

Наседкина Н. И. Сущность медиатизации как явления современного общества // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журнал. 2018. № 9 (55). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/6381> (дата обращения: 17.02.2023).

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.

Указ Президента Российской Федерации «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» № 809 от 9 ноября 2022 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=lh948y3ht3389048995> (дата обращения^ 04.05.2023).

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.

Чешков М. А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: Науч.-образ. форум по междунар. отношениям, 2005. 224 с.

Шварцмантель Дж. Идеология и политика: пер. с англ. Харьков: Гуманит. центр, 2009. 312 с.

Шмелева Т. В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 7(90). С. 145–148.

Hjarvard S. The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29. No. 2. P. 105–134.

References

Akulov V. L. *Chto takoe ideologiya i nuzhna li ona Rossii?* [What is Ideology and Does Russia Need It?]. Available at: https://vk.com/wall-5273_13426 (accessed 17 Apr 2023). (In Russ.)

Apukhtin Yu. M. *Nuzhna li gosudarstvennaya ideologiya v Konstitutsii ili... ‘nuzhny li my nam?’* [Do we need a state ideology in the Constitution or... ‘Do we need us?']. Livejournal, 2022. Available at: <https://mikle1.livejournal.com/10619824.html?ysclid=lcvryaersz120940542> (accessed 25 Apr 2023). (In Russ.)

Bondar O. Yu. *Globalizatsiya i ee filosofskie problemy* [Globalisation and philosophical challeng-

es]. *Vestnik RUDN: Seriya Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy], 2012, issue 3, pp. 131–141. (In Russ.)

Goncharov I. A. *Mil'on terzaniy* (kriticheskiy etyud) [A million torments (critical study)]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/1075/p.1/index.html?ysclid=lnmwr04wm5966219106> (accessed 12 Oct 2023). (In Russ.)

Danilevskaya N. V. *Mekhanizmy vospitaniya natsii v tekstakh sotsial'noy reklamy* [Mechanisms of bringing up the nation in the texts of social advertising]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and Creativity in Text]: an inter-university collection of scientific papers. Ed. by M. P. Kotyurova. Perm, Perm State University Press, 2014, issue 18, pp. 281–292. (In Russ.)

Dobrynin N. M. *Novelly Konstitutsii Rossii: nastoyashchee i budushchee. Rabota nad oshibkami ili na rezul'tat?* [The innovations of the Constitution of the Russian Federation: present and future. A reflection on faults... or results?]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2021, issue 6, pp. 124–135. (In Russ.)

Klushina N. I. *Russkiy natsional'nyy stil' i ego realizatsiya v tekstakh sovremennykh SMI* [Russian national style and its implementation in the texts of modern media]. *Stylistyka XXI. Pol'sha (Opole)* [Stylistyka XXI – Poland (Opole)], 2012, pp. 19–33. (In Russ.)

Klushina N. I. *Mediatizatsiya sovremennoy kul'tury i russkiy natsional'nyy stil'* [Mediatization of modern culture and Russian national style]. *Russkaya rech* [Russian Speech], 2014, issue 1, pp. 66–73. (In Russ.)

Kunilova K. S. *Sotsiologiya globalizatsii* [Sociology of Globalization]. Available at: https://spravochnik.ru/sociologiya/sociologiya_globalizatsii/ (accessed 25 Mar 2023). (In Russ.)

Levi-Stros K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Transl. from French by V. V. Ivanov. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2011. 541 p. (In Russ.)

Livshits R. L. *Imitatsiya nauki. Polemicheskie zametki* [Imitation of Science. Polemical Notes]. Voronezh, Voronezh State University Press, 2021. 310 p. (In Russ.)

Luman N. *Real'nost' massmedia* [The Reality of Mass Media]. Transl. from German by A. Yu. Antonovskiy. Moscow, Praksis Publ., 2005. 253 p. (In Russ.)

Matuzov N. I., Mal'ko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]: a textbook.

2nd ed., rev. and exp. Moscow, Yurist Publ., 2005. 640 p. (In Russ.)

Mironov S. *Nuzhna li gosudarstvennaya ideologiya? Nuzhna! Rossiyskaya gazeta* [Russian Gazette], 2016, December 13. (In Russ.)

Musaelyan L. A. *K voprosu ob otsutstvii v Rossii gosudarstvennoy ideologii* [On the Absence of State Ideology in Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2022, issue 55, pp. 6–21. doi 10.17072/1995-4190-2022-55-6-21. (In Russ.)

Nasedkina N. I. *Sushchnost' mediatizatsii kak yavleniya sovremennogo obshchestva* [The essence of mediatization as a phenomenon of modern society]. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie* [Universum: Philology and Art History: an electronic scientific journal], 2018, issue 9 (55). Available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/6381> (accessed 17 Feb 2023). (In Russ.)

Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Basics of Phonology]. Moscow, Aspekt Press, 2000. 352 p. (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022 'Fundamentals of State Policy Aimed at Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values'. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=lh948y3ht3389048995> (4 May 2023). (In Russ.)

Filosofskiy slovar' [A Philosophical Dictionary]. Ed. by I. T. Frolov. 7th ed., rev. and exp. Moscow, Respublika Publ., 2001. 719 p. (In Russ.)

Cheshkov M. A. *Globalistika kak nauchnoe znanie. Ocherki teorii i kategorial'nogo apparata* [Globalistics as Scientific Knowledge. Essays on Theory and Categorical Apparatus]. Moscow, Academic Educational Forum on International Relations Publ., 2005. 224 p. (In Russ.)

Schwarzmantel J. *Ideologiya i politika* [Ideology and Politics]. Transl. from English. Kharkiv, Gumanitarnyy Tsentr Publ., 2009. 312 p. (In Russ.)

Shmeleva T. V. *Mediatizatsiya kak fenomen sovremennoy kul'tury i ob'ekt issledovaniya* [Mediatization as the phenomenon of modern culture and object of research]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Vestnik NovSU. Series: Liberal Sciences], 2015, issue 7 (90), pp. 145–148. (In Russ.)

Hjarvard S. *The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change. Nordicom Review*, 2008, vol. 29, issue 2, pp. 105–134. (In Eng.)

The Language of Russian Social Advertising of the New Times (Based on Texts Devoted to the Special Military Operation)

The research was supported by RFBR grant No. 20-412-590006 'Mass speech culture of Perm Krai: transformation of linguistic, communicative, ethical norms in the 21st century'

Nataliya V. Danilevskaya

Head of the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. danil6@mail.ru

SPIN-code: 8925-1833

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9727-3782>

ResearcherID: H-4798-2017

Submitted 13 May 2023

Revised 05 Jul 2023

Accepted 13 Oct 2023

For citation

Danilevskaya N. V. Ideologicheskiye smysly sotsial'noy reklamy novogo vremeni (na materiale tekstov, posvyashchennykh SVO) [The Language of Russian Social Advertising of the New Times (Based on Texts Devoted to the Special Military Operation)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 25–36. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-25-36 (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the problem of linguistic originality of social advertising texts devoted to the topic of the special military operation (abbreviated as SVO) conducted by the Russian Federation in the territory of Ukraine. The research field also includes advertising texts concerning the events of the Great Patriotic War as a historical event closely related to the current military-political situation. The article aims to study the language and content of social advertising texts devoted to the SVO in order to identify the ideological implications contained in them. Research methods: basic principles of philosophy, sociology, media linguistics as well as the lexico-semantic and functional-stylistic methods. Results: the paper discusses different approaches to the concept of 'ideology' and presents it as socially, politically, and morally significant in the context of the Basic Law (Constitution) of the Russian Federation. Following an analysis of the results of globalization, digitalization, and mediatization in modern society, the conclusion is made about the negative consequences of the absence of formulated parameters of state ideology in the Basic Law. An analysis of the linguistic and content features of the texts, conducted through the prism of the problem of creating a new state ideology, showed the presence of a large ideological and educational potential in social advertising related to the SVO; the author comes to the conclusion about the lexical and polycode diversity of expression of historical and cultural ideological implications in the studied texts. In the conclusion of the article, it is stated that texts related to the SVO are directly involved in the process of search for the main values underlying the new Russian ideology.

Key words: social advertising; ideology; new state ideology; values; value-based meanings; mediatization; education.

УДК 81'28
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-37-48

EDN WGYCJM

«Корка на подпорках»: наименования неудачных хлебных изделий в русских говорах Пермского края

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья» (проект № 19-18-00117)

Юлия Владимировна Зверева

к. филол. н., старший научный сотрудник

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН

614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13А. zv.ul@mail.ru

SPIN-код: 9483-8453

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

Статья поступила в редакцию 11.04.2023

Одобрена после рецензирования 09.08.2023

Принята к публикации 30.09.2023

Информация для цитирования

Зверева Ю. В. «Корка на подпорках»: наименования неудачных хлебных изделий в русских говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 37–48. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-37-48

Аннотация. В статье рассматриваются пермские диалектные наименования неудачных хлебных изделий. В пермских говорах отмечено большое количество слов, называющих подобные пищевые продукты, что свидетельствует о повсеместном распространении домашнего хлебопечения, при котором случались различные кулинарные ошибки. Характеристики и номинации неудачных выпечных изделий свидетельствуют о важности для носителей диалекта таких свойств выпечки, как вкус, консистенция и форма.

В статье проведен анализ указанной группы лексики в семантико-мотивационном аспекте с целью определения особенностей формирования рассматриваемой лексической группы, выявления возможных заимствований, этимологической реконструкции лексем с «непрозрачной» внутренней формой. В этой группе лексики преобладают образные, экспрессивные единицы; часто для характеристики непропеченной, неподнявшейся, подгоревшей выпечки используются фразеологические сочетания и выражения, сравнительные конструкции, метафоры. Во многом данным фактом обуславливается численный перевес собственно пермской диалектной лексики в группе с этим значением. Появление некоторых лексем оказывается результатом заимствования из пермских (коми и коми-пермяцкого) языков. Эти единицы отмечаются в северных говорах Прикамья, так как на территории их бытования были наиболее тесные контакты с коми населением. Приготовление хлеба и другой выпечки являлось одной из важных обязанностей женщины в крестьянском хозяйстве, свидетельствовало о ее качествах хозяйки. Поэтому для характеристики неудачных выпечных изделий иногда используются выражения, указывающие на ошибки женщины-пекаря.

Ключевые слова: русские говоры Пермского края; тематическая группа; выпечные изделия; наименования хлеба; коми заимствования; этимология.

Введение

В русской культуре питания большое место всегда отводилось хлебным изделиям. Хлеб не только был продуктом питания, но и выполнял различные обрядовые функции. Обрядовые функции и символическое значение хлеба рассмотрены в статьях «Поминальный хлеб» [Плотникова 2012], «Свадебный хлеб» [Гура 2012], «Хлеб» [Толстая 2012] в этнолингвистическом словаре «Славянские древности». Семантико-мотивационный анализ названий выпечных изделий в разных русских говорах представлен в работах И. И. Баклановой [Бакланова 2008], П. П. Виноградовой [Виноградова 2013], Ж. К. Гапоновой [Гапонова 2011], Ю. В. Зверевой [Зверева 2013], Н. Г. Ильинской [Ильинская 1985], Т. В. Карасевой [Карасева 2017], К. В. Осиповой [Осипова 2021; 2022] и других. Нередко авторы особо обращаются к описанию номинаций выпечных изделий, которые включены в обрядовые действия. Так, в работах Т. Е. Гревцовой [Гревцова 2018] рассматриваются донские названия и виды хлеба, которые встречаются в обрядах сватовства, обручения и свадьбы; в статьях П. П. Виноградовой [Виноградова 2018], В. Н. Гришановой [Гришанова 1996], Л. О. Занозиной [Занозина 2007] анализируются названия различной выпечки, приготовляемой в календарные праздники.

Описывая различные виды выпечных изделий из муки, исследователи диалектной лексики используют такие сочетания, как «хлебные изделия» [Занозина 2007], «выпечные изделия» [Гришанова 1996; Ильинская 1958], «мучные изделия» [Бакланова 2008], «хлебобулочные изделия» [Жандарова 2021]. В настоящей статье употребляется термин «хлебные изделия», под которым понимаются различные виды хлеба, булок, а также лепешек.

Приготовление хлеба, с одной стороны, было обыденным делом, а с другой – требовало больших умений хозяйки. Так, одной из проверок невесты на второй день свадьбы было выпекание хлеба, который называли *неудача*: *Молодых среди полу посадят, чуть подальше матицы, на лавку, перед ними табурет, на нем наломан хлеб – «неудача» и масло рядом. Молодые-то пригаркивают большую родню-то, неудачу-то есть надо, хлеб-от невестин* (В.-Кондас Усол.) (ЭССТП: 95). В пермских говорах плохую хозяйку могли характеризовать так: *хлеб никогда не пекала ‘о нерадивой хозяйке’* (Илаб Сол.) (КСРГСПК). Сложность приготовления хлеба, зависимость его вкуса от различных условий привели к появлению большого количества языковых единиц, обозначающих не получившийся по каким-либо

причинам (неподнявшийся, непропечённый, подгоревший) хлеб – в говорах Пермского края отмечено более 20 номинаций.

Часто в исследованиях, посвящённых наименованиям хлебных изделий, уделяется внимание названиям неудавшегося хлеба, например, в работах Ж. К. Гапоновой [Гапонова 2011], В. Н. Гришановой [Гришанова 2020], Т. В. Парменовой [Парменова 2015]. Несмотря на то что в статьях названных авторов анализу номинаций неудачных выпечных изделий уделяется немного внимания, в этих работах содержится интересный материал для сравнения. В статье Т. В. Карасевой отдельно рассматриваются названия непропеченного хлеба в воронежских говорах, выявляются локальные лексемы, ареал их распространения, выясняется происхождение слов [Карасева 2017]. Интерес исследователей обусловлен как сравнительно большим числом таких наименований, так и региональным своеобразием многих лексем, имеющих это значение. Многочисленность подобных номинаций связана с тем, что «для выпечки, как ни для одного другого продукта питания, важна оценка удачности/неудачности приготовления (пропекшийся/сырой/подгоревший, поднявшийся/не поднявшийся)» [Березович 2007: 374]. В настоящей статье мы обратимся к семантико-мотивационному анализу языковых единиц со значением ‘неудачное хлебное изделие’ в русских говорах Пермского края. Подобный анализ позволяет осуществить семантическую реконструкцию слов с неясным, тёмным значением, выявить лексемы иноязычного происхождения.

1. Лексика, характеризующая качества хлебных изделий

Для того чтобы объяснить появление некоторых наименований неудавшегося хлеба, нужно рассмотреть его признаки, которые важны для носителей диалекта и представлены в характеристиках таких выпечных изделий. Для крестьян Прикамья, как и для русских других территорий, был важен такой признак хлебных изделий (теста для них), как *кислый/пресный*. У русских Пермского края был распространён хлеб на закваске, которая нужна была для того, чтобы тесто поднялось, поэтому характеристика теста/хлеба *пресный* обозначала не только вкус, но и недостаточную степень готовности теста: *Хлеб закалистой вышел, плохо уjis, пресный*. Акчим Краснов. (АС 1: 307). Кроме прилагательного *пресный*, значение ‘недостаточно кислый’ имеют слова *неуskислый* и *недоkисший, сунресень*: *Недоkисшой ежле хлеб, даk закала*. Бондюг Черд. (КСРГСПК); *Не купила квасива, вот и неиздашной, неужислой, пресной хлеб*. Кривец Ильин. (ДАКТИПЯ); *Ежели*

каравай был супресень, то он был низким, твердым, нижняя корка отходила, дак шутили: можно де ложки в каравай-от прятать. Чернушка (СРГЮП 3: 201). Слово *пресный* может также иметь значение 'приготовленный без закваски (о тесте)', однако в таком случае оно обычно характеризует не хлеб, а другие выпечные изделия (пироги, шаньги и др.): *Шаньги, блины, оладьи, кто пресные – на простокваше, квашеные – заквасят квашонку*. Вильгорт Черд.; *Шесточкики – пироги пресные*. Половодово Сол. (КСРГСПК).

Сладкий вкус теста/хлеба также мог свидетельствовать о плохом качестве испеченного изделия, что отражается в определении *солодельный*: *Неудачу испекла, тесто шибко солоделое*. Илаб Сол.; *Просушат [зерно] плохо и смеют – вот и солодельный хлеб бывает. Зерно некачественное. Испекут его – он как кашеватый*. Илаб Сол. (КСРГСПК); *Оржаная мука солоделая, для хлеба плохая, из неё приноравливают на квас*. Акчим Краснов. (АС 5: 113). Слово *солодельный* имеет в говорах не только значение, которое есть в литературном языке 'имеющий вкус солода, сладковатый (о зерне, хлебе и т. п.)' (БАС 26: 679), но и значение 'недоброкачественный, ставший таким вследствие того, что зерновые подверглись неблагоприятным климатическим условиям (о зерне, приготовленной из такого зерна муке и хлебобулочных изделиях, имеющих сладковатый привкус)' (АС 5: 113). Характеристика вкусовых качеств хлеба тесно связана с его текстурой: недостаточно кислое тесто плохо поднималось, а сладкий (солодельный) вкус указывал на то, что хлеб испечён из зерна с меньшим содержанием клейковины, поэтому такой хлеб был тяжёлым, плотным, плохо пропекался.

Неподнявшийся хлеб получал такие характеристики, как *закáлистый (закаловáтый, закáльный, закáленный), кашевáтый, твёрдый, тяжёлый*. Прилагательные с корнем *закал-* имеют значение 'затвердевший при выпекании', они образованы от слова *закал* 'непропечённый, сырой слой в хлебе у нижней корки' и фиксируются во многих русских говорах. Нередко для описания такого хлеба используются сравнительные обороты и фразеологизмы: *как брус, как кирпич* 'твёрдый, жесткий' (*Хлеб сегодня закала закалой. Как брус, есть нечего*. Н. Мошево Сол. (ФСНП: 36); *Раньше хлеб ровно порховка, а сейчас как кирпич*. Левина Сол. (СПГ 2: 178)); *поленом* (*Ещё молодуха, допустим, хлеб вот испекла неиздашний, и она говорит: «Ой, какой у меня хлеб-от хороший!» Хозяйка-та бросила ей в спину. Она говорит: «Ты чё поленом-то кинула?» Вот это я ещё маленькая слыхала*. Сепыч Ве-

рещ. (ДАКТиПЯ)); *ровно лаптем исхлётан* 'грубый, шероховатый, потрескавшийся' (*Хлеб у меня нынче ровно лаптем исхлётан вышёл, не баской*. Мусонькино Караг. (ФСНП: 157)); *как клéстер* 'непропечённый' (*Хлеб испекём, там мука немножечко, мука немножко, а ну это, оно закала, ну всё равно кушать надо. А закала – это что такое? Ну оно вот как клестер*. Ивановская Черд. (КСРГСПК).

Носители диалекта также указывают на такие дефекты испеченного хлеба, как трещины и разрывы в мякише и корке, которые могли возникать из-за недобродившего теста или по другим причинам. Пустота в хлебе в пермских говорах называлась словом *тулево*: *Буханка такая поджаристая, белая, она её разрезала, а там тулево! Середина это, пусто, корки только подгорели*. Пермь-Серьга Кунг. (СРГЮП 3: 251). Скорее всего, лексема является родственной словам с корнем *дул-* (*дуль* 'дупло', *дульце* 'горлышко у бутылки' (СРНГ 8: 254–255), имеющим в русских говорах разные значения и объединённые общей семой 'полый'. В говорах Прикамья отмечены несколько фразеологизмов, которые характеризуют хлеб с отставшей коркой: *стряпка (хозяйка) пукала* (*Если корка поднялась у каравая, меньше пукать надо было хозяйке*. Бияваш Окт.; *Корка поднимется у каравая, дак говорили – стряпка де пукала шибко, когда пекла*. Верх-Бияваш Окт. (СРГЮП 3: 193; 320)); *кórка на подпóрках* (*Хлеб, девки, нехорошой у меня сёдне вышол: корка на подпорках* (Грузберг: 52)).

Для приготовления выпечных изделий также важно было соблюдение температурный режим и время выпекания, в противном случае они могли подгореть. Над хозяйкой, которая это допустила, посмеивались и могли так описать эту ситуацию: *Стряпечка дыра – хлебушко сожгá* 'слова, которые говорятся при неудачно выпеченном хлебе' (*Сожгёшь хлебушко, дак свекровка всё говаривала: «Стряпечка дыра, хлебушко сожгла»*. Коробейники Чернуш. (Подюков: 102); *Шáньга пригорéла – хозяйка когó-то в постельке пригрéла* (*Лида извиняться, чё-то пригорел у ей маленько пирог-от. А мы вроде шутим: «Шаньга пригорела, хозяйка кого-то в постельке пригрела»*. Камгорт Черд. (Подюков: 104)); *фугован-ные дровá были* 'о неудавшейся стряпне' (*Дрова-то у ей фугованные были, вот и не вышла стряпня-то*. Чернушка (СРГЮП 1: 249)).

Общей характеристикой не получившегося по каким-либо причинам хлеба являются лексемы *нездáшний/неиздáшний* 'плохо забродивший и в целом неудачный (о тесте, хлебе и т. п.)': *Не купила квасива, вот и неиздашной, неукислой, пресной хлеб* (Кривец Ильин.) (ДАКТиПЯ); *Нез-*

дашный. Не годен хлеб у стряпки. Другой раз даже и не поднесёшь к носу – такое выпечёшь. Если плохо да чё выкиснет, дак всякое оно тожо, нехорошоё, закала, нездашно. Акчим Краснов. (АС)). Часто такой хлеб признавали непригодным для употребления в пищу и называли **несъестным, неедёбным, неедким, неотойным**: *Пирог напекла несъестные, неедёбные*. Толстик Сол. (СПГ 1: 587); *Хлеб этот, его как наедались ли как ли раньше. Неотойное как-то называли, неедкое*. Воскресенское Уинск. (СРГЮП 2: 182). Лексема **неотойный** как характеристика хлеба отмечена только в пермских говорах, однако в севернорусских говорах зафиксированы однокоренные слова **отбить** ‘раскормить’ (СРНГ 24: 253), **тбить** ‘кормить досыта’ (СРНГ 44: 173), **неотойчивый** ‘плохо прибывающий в весе при откорме (о животном)’ (СРНГ 21: 105).

Неудачный, невкусный хлеб могли также охарактеризовать выражением **из рукава** ‘о некачественном (хлебе, вообще приготовлении)’: *Хлеб возили – есть невозможно, из рукава, беда плохой*. Меча Киш. (СРГЮП 3: 52). Возможно, в устойчивом сочетании реализуется представление о том, что такое выпечное изделие приготовлено не руками, а рукавами. Выпекание хлеба требует мастерства хозяйки, главным его «инструментом» являются руки, что подчеркивается в пословице «Из одной мучки – да не одне ручки». В то же время слово **рукав** в результате ассоциаций с существующими фразеологизмами **спустя рукава** ‘работать лениво, неохотно’, **не у шубы (не к шубе) рукав** ‘о ком-л., чем-л. малозначащем, никчемном’ (Ерофеева: 137) в сознании носителей диалекта может приобретать значение чего-то негодного, к чему приложено недостаточно усилий. Таким образом, в этом выражении также подчеркивается особая роль пекаря, от которого зависит вкус хлеба.

В лексике пермских говоров отражаются также представления носителей диалекта о качественном, вкусном хлебе. Зафиксированы лексемы, которые характеризуют идеальный по консистенции выпеченный хлеб: **пышный, мягкий, ноздреватый, паристый, ровню порховка**. Эти единицы выступают как антонимы определениям неудачного хлеба. Неравномерность представления отрицательных и положительных характеристик свойственна говорам: слов с отрицательной коннотацией всегда больше. Кроме того, определения неудачного хлеба часто содержат указание на причину этого: нарушение технологических процессов, плохое качество муки и т. п., что также ведет к увеличению числа подобных языковых единиц.

2. Наименования неудавшихся хлебных изделий

2.1. Семантико-мотивационный анализ лексики со значением ‘неудачное хлебное изделие’

Как уже упоминалось, в пермских говорах отмечено большое количество единиц, которые называют неудавшийся (неподнявшийся, непропеченный) хлеб: **алябуш, бутормáга, бьнда, закала (закало, закалина, закальник), корка на подпорках, кулебáка (кулебéня), кълтыш, кълки, лачкán, ляля, недóка, недопéка, неиздáча (неудáча), несамик, няча, узьмáлый хлеб**.

Самыми распространенными наименованиями такого хлеба являются слова с общей семьей ‘неудачный, неполучившийся’, часто имеющие в своем составе приставку **не-** или **недо-**: **недóка** (*Она хлеб недоку поставила*. Фоки Чайк. (СПГ 1: 585)); **недопéка** (*Хлеб-от всегда хорошей был; чё это сёдни неиздача вышел – недопéка*. Трушники Чернуш. (СРГЮП 2: 176)); **неиздáча/неудáча/неудáчка** (*Хлеб-от седни неудача, закала получилась*. Осокино Сол.; *Ешь, девка, токо хлеб-от у меня сёдни неудачка*. Б. Долды Черд. (СПГ 1: 595)); **несамик** (*Несамик. Это значит плохая брага, квас, можот, хлеб. Квашонка колды не выстояла* (Янидор Черд.) (КСРГСПК)); Часть этих единиц образована от глаголов: **неудача, неудачка**, < удаться, **неиздача** < издаться, **недопéка** < печь.

Возможно, лексема **недока** появляется в результате выпадения звуков, однако не исключено и метафорическое образование: **недóка** ‘плохо соображающий человек’ > ‘что-либо неудачное’ > ‘непропеченный хлеб’. В пермских говорах отмечены лексемы с корнем **док-**: **дока** ‘докучливый, надоедливый’ и **недокунча** ‘умственно отсталый, недоразвитый человек’. Отметим, что перенос ‘неудавшееся выпечное изделие’ > ‘человек с какими-либо внутренними и внешними недостатками’ довольно распространен в русских говорах. Так, в разных русских диалектах существует лексема **недопéка**, которая, кроме недопечённого хлеба, обозначает: 1) ‘неумелого, нерасторопного, несообразительного человека’, 2) ‘неаккуратную женщину, не убирающую дом’, 3) ‘глуповатого человека, простофилю’, и лексема **недопечка** ‘о слабом, плохо соображающем человеке’ (СРНГ 21: 28). В поддержку этой версии можно привести существование в пермских говорах многозначного слова **несамик**, которое может обозначать как умственного отсталого человека, так и любой неполучившийся предмет, в том числе пищу. Вероятнее всего, лексема **несамик** образована от наречия **несамо** ‘не очень,

не слишком (хорошо и т. п.)', которое было зафиксировано в севернорусских говорах (СРНГ 21: 148).

Невкусный, плохо испечённый хлеб также мог называться **бутормагой**: *Бутормага, невкусный хлеб, невкусный, всё равно бутормага*. Янидор Черд. (КСРГСПК). В данном случае происходит метонимический перенос, поскольку чаще в пермских говорах лексема *бутормага* (и фонетические варианты *бурдома*, *бурдомága*) обычно имеет значение 'некачественный, плохо приготовленный напиток или жидкое кушанье' (СРГСПК 1: 166). Таким образом, сема 'что-либо неудачное, имеющее недостатки' становится основанием для появления значения 'неудачный, невкусный хлеб'.

В пермских говорах, как и в общенародном языке, встречаются слова с корнем *закал-*: **закала/ закало** (*Недокишиой ежле хлеб, дак закала*. Бондюг Черд. (КСРГСПК); *Иной раз недоглядишь, и закало выйдет, а инда и хорошей хлеб*. Уролка Сол. (СПГ 1: 288)); **закалина** (*Хлеб неудача сёдни получился – закалина*. Чернушка (СРГЮП 1: 301)); **закальник** (*Коврига вытронется пышина, издастся если, а то дак испекешь каки-то закальники*. Тюлькино Сол.; *У нас че, привезут хлеб-то в магазин, закальник*. Касиб Сол. (СПГ 1: 289). Если в литературном языке слово *закал* имеет значение 'непробеченный, сырой слой хлеба у нижней корки' (БАС 6: 221), то в пермских говорах лексема также развивает значение 'хлеб с таким недостатком'.

В некоторых случаях наименования различных видов выпечки могут развивать значение 'неудачное выпечное изделие'. В литературном языке и во многих русских говорах существует номинация *кулебяка* 'пирог продолговатой формы с начинкой (обычно из мяса, рыбы, капусты, каши и т. п.)' (БАС 3: 763). В пермских говорах чаще встречается фонетический вариант слова *кулеба́ка*, *кулюба́ка* 'пирог с грибами', зафиксированы также однокоренные лексемы *кулю́б* 'рыбный пирог' и *кулебе́ня*. У слова **кулебака** отмечается большое количество переносных значений: 1) 'неудачный пирог или другое мучное изделие' (*Изломала хлеб-от, кулебаку сделала. Кулебака – которой не удастся хлеб-от. Пирог-от сёдни у меня кулебака вышел, стыдно показать*. Вильва Сол. (СПГ 1: 449); *Чё-то состряпают нехорошее, так кулебака называется*. Камгорт Черд. (КСРГСПК); *Один каравай не издался – кулебяка*. Советная Сукс. (СРГЮП 1: 441)); 2) 'о человеке с какими-л. недостатками' (*Анюту звали кулебакой-то: маленька, горбата, некрасивая. Неиздашной человек – кулебака, не издастся ежели человек*. Толстик Сол. (СПГ 1: 449)); 3) 'о некачественной обуви' (*Щас кулеба-*

ки: у кого носок толстушой, у кого пяты нет. У нас настоящие колодки, как тебе надо – так и сделают. Вильгорт Черд. (КСРГСПК)). Появление метафорических значений связано со значением 'неудачный пирог или другое мучное изделие', перенос осуществляется на основе признака 'что-либо с недостатками, некачественное'. Интересно, что в пермских говорах эта семантика становится преобладающей, о чем свидетельствует слово **кулебе́ня**, у которого сохраняются только значения, включающие сему 'что-либо с недостатками, дефектами': *Испеешь пирог, плохой получится, – вот и скажешь: кулебе́ня. А иной раз про человека сказываешь, у которого всё не так получатся*. Левино Сол. (СПГ 1: 449). Значение 'неудачно приготовленный пирог' у лексем *кулебака* (*кулебяка*), *кулебе́ня* отмечается также в севернорусских говорах (СРНГ 16: 55), из которых, видимо, оно и пришло в пермские. По мнению лингвистов, происхождение лексемы *кулебяка* довольно трудно объяснить, в словаре М. Фасмера большинство версий считаются сомнительными (Фасмер 2: 409). На наш взгляд, появление значения 'неудачно приготовленный пирог' у номинаций выпечных может быть связано с затемнённой внутренней формой слова. Во всяком случае, это значение довольно часто возникает у единиц, которые необычно звучат или не имеют мотивирующей основы.

Примером переноса 'хлебное изделие' > 'неудачно приготовленная выпечка' является также слово **кара́лька**: *Вчера пекла, не один не пробоvalа, чё за кара́льки*. Вёлгур Краснов. (КСРГСПК). Первым значением лексемы *кара́лька* (*коралька*) является 'булочка', которое реализуется в однокоренных словах *корáличка* (*Надо угостить вас стряпнёй. Это коралички на водяничке да на молосном*. Вёлгур Краснов. (КСРГСПК) и *кара́лик* (*В войну есть нечего было, дак мы из суррогата каралики пекли, вроде нонешних булочек, только муки там мало*. Платошино Перм. (СПГ 1: 378). Языковые единицы с корнем *карал-/ корал-* отмечены в говорах Сибири и Урала (СРНГ 13: 72), чаще всего они обозначают хлебобулочные изделия округлой формы (крендели, калачи, булочки, баранки). Отсутствие подобных слов в говорах Русского Севера позволяет предположить их довольно позднее возникновение. В русских говорах Сибири также распространены наименования бус с корнем *корал-* (*корáли*, *корáльки*). Почти полное совпадение ареалов бытования (в основном регионы Сибири) слов с корнем *корал* 'бусы' и *карал-/корал-* 'хлебные изделия округлой формы' позволяет предположить метафору: 'бусы' → 'баранки, крендели'. Вероятно, в уральские говоры лексема *кара́льки* приходит из сибирских и из-за непрозрачной внутренней

формы развивает значение 'неудачное хлебное изделие'.

Нередко значение 'плохо испечённый, невкусный хлеб' приобретают номинации различных выпечных изделий типа лепёшек, в тесто которых добавлены дикоросы и картофель. Наиболее часто в пермских говорах в этом значении встречаются слова с корнем *ляб-/ляп-* (*алаб-, аляб-, оляб-*): *алябуш/ алябыш* (*Алябыши из ячменной крупы и крапивы на ручной мельнице мололи. Камгорт Черд. (КСРГСПК); алябушка* (*Алябушки это пекли травяные. Илаб Сол. (КСРГСПК); лябушка* (*Во время войны лябушки делали из картошки с травой. Кляпово Бер. (СРГЮП 2: 45)).* Нередко вторым значением слов с этим корнем становится 'хлеб плохого качества': *Раньше хлеб пекли, хоть ись можно, а эта алябуши каки-то пекёт, ну, плохой, хлеб, значит, этот овсё ись нельзя. Тагьяшер Черд. (СРГСПК 1: 32); Олябуши каки-то пекёт, ну плохой хлеб значит. Черд. (КСРГСПК); Мы ели опил, траву и всякие алябки пекли. Острожка Ох. (СПГ 1: 10); Дрянь всякую насобирали, с мукой смешали, вот и настряпали ляпки. Байдины Част. (СПГ 1: 500).* Лексемы с данным корнем распространены во многих русских говорах и обозначают различные виды выпечных изделий, в том числе небольшие булочки, оладьи, караваи. Видимо, значение 'лепёшка с добавлением травы, картофеля' в говорах Прикамья является более поздним. По мнению исследователей, происхождение слова связано с глаголом *ляпать* 'бить плашмя, шлепать, бросать нечто мягкое, вязкое', 'делать как попало', от которого образуется приставочный глагол *оляпать*, а затем от него лексемы *оляповатый* и *олябыш* (Аникин 1: 185). В работе Т. В. Карасевой предлагается и другая версия происхождения: *олябушка* образовано от *олякушка*, которое связано с праславянским **klekь* [Карасева 2017: 298]. В южнорусских говорах этот корень нередко входит состав слов, обозначающих непропечённый (*клеклый/клёклый*) хлеб: *клякиш, ляка, лякушка* и др. Однако в пермских говорах этот корень встречается редко и имеет другое значение, поэтому такое образование кажется маловероятным. Таким образом, семантика 'плохо испечённый хлеб' у лексем с корнем *ляб-/ляп-* может быть объяснена как тем, что такая выпечка не требовала много времени для приготовления, так и тем, что добавление в муку дикоросов и картофеля обычно происходило в трудное, голодное время. Такой хлеб воспринимался как неполноценная замена обычному, его называли *суррогатом* и *суррогатником*, а травяную добавку – *ерундой* и *дрянью*.

Чаще всего номинации неудачных выпечных изделий связаны с характеристикой теста (недо-

статочно кислое, неподнявшееся, непропеченное), однако некоторые больше характеризуют форму выпечки. Так, в пермских говорах отмечены лексемы *бында* 'неудавшийся хлеб' (*Плохо без русской печки-то, хлеб неудачной пекётся – бында настоящая. Чернушка (СРГЮП 1:)* и *култыш* 'плохо испечённый крендель' (*Одна баба всё крендели пекла и продавала их на базаре; который неудачный, дак тот култыш. Её самуё так и прозвали – Култыш. Чернушка (СРГЮП 1: 443).* Поиск внутренней формы слов позволяет предположить метафорический перенос на основе признака внешнего вида. Лексема *култыш* имеет однокоренное слово *култышки* 'плохо испечённое изделие из теста, вообще плохо приготовленное кушанье', которое отмечено в словаре В. И. Даля как пермское (СРНГ 16: 71). Кроме того, эта же номинация с ударением на другом слоге *култыш* 'плохо испечённый хлеб' отмечена в говорах Среднего Урала (СРГСУ 2: 73). Видимо, *култыш, култышка* образовано от слов с корнем *култ-*, представленном, например, в таких единицах: *култыга* 'рука или нога без пальцев' (СРНГ 16: 71), *култышка* 'выпуклость, нарост, шишка' (СПГ 1: 450), 'уложенные в пучок волосы' (СРГЮП 1: 443), *култык* 'кадык' (СРНГ 16: 71) и т. п. Таким образом, объединяющей семой является 'нарост, выпуклость', соответственно, в подобной номинации плохо испечённого хлеба подчеркивается некрасивый внешний вид.

Довольно трудно объяснить происхождение слова *бында*, поскольку в пермских говорах не представлены однокоренные слова. Обращение к данным других русских говоров показывает существование таких севернорусских диалектных слов, как *бындырь* 'нарыв на коже' (СРНГ 3: 347), *бундырь* 'пузырь на воде', 'нарыв, болячка' (СРНГ 3: 276), которые, видимо, являются фонетическими вариантами *булдырь* 'волдырь, нарыв, опухоль' (СРНГ 3: 270). Поскольку в русском языке суффикс *-ырь*, хотя и редко, но встречается, лексема *бында* могла возникнуть в результате его усечения. Сравнение с лексемой *култыш* подтверждает возможность переноса 'что-либо выпуклое' → 'неудачное выпечное изделие'.

Не исключено, что в результате подобного переноса возникает также новое значение у лексемы *кылка* 'о неудачном, неподнявшемся хлебе': *Квашня цё-то не поднелась, мел плохой, дак вот какие кылки вышли. Бондюг Черд.; Квашонку растворишь, она скиснёт, а иной раз не подынеца, дак кылкими называют. Кылки-де какие, страшно глудить. Бондюг Черд. (КСРГСПК).* В пермских говорах встречается лексема *кылка* 'круглый нарост' (СПГ 1: 388), образованная от слова *кила*, которое в общенародном языке и го-

ворах имеет разнообразные значения: 'грыжа, опухоль, нарыв', 'нарост на дереве' и др. (СРНГ 13: 205–206). В то же время нельзя исключать, что лексема *кылка* может быть связана с коми словом *киль* 'шелуха, лузга' (КРС: 268), *килля* 'с примесью шелухи' (КПРС: 173). Возможно, что номинация хлеба *кылка* в таком случае связана с недостаточным подъёмом теста из-за наличия в нем мякины.

Если наименования с семантикой 'непропечённый хлеб', 'неподнявшийся хлеб' довольно распространены в пермских говорах, то подгоревший хлеб обозначается только словом *горёлыши*: *Чтоб горельши-те съели ребята, мама покойна говаривала – ешьте горело, кто горело ест, его Бог любит. Дак оне наперерываючи едят.* Воскресенское Уинск. (СРГЮП 1: 195). Возможно, такое соотношение связано с тем, что горелые хлебные изделия могли получиться только из-за недосмотра пекаря, в то время как другие качества неудачного хлеба зависят от многих условий: качества муки, закваски, температурного режима и т. п. Надо полагать, что непропечённые/неподнявшиеся хлебные изделия встречались чаще.

2.2. Заимствованные наименования неудачных хлебных изделий

В некоторых случаях бывает довольно сложно определить происхождение слов со значением 'неудавшийся хлеб', часто такие единицы являются заимствованиями. Так, в пермских говорах бытует лексема *челпан* 'праздничный (свадебный) высокий каравай, приготовленный специально для встречи и благословения молодых': *Матушка стоит на крыльце, челпан держит, жениха с невестой встречает.* Уролка Сол.; *Когда встречают молодых, челпан выносят, ставят кусать каждого из них по разу.* Рождественское Караг. (ЭССТП: 183)). Челпаном называли не только обрядовый каравай, но и любой хлеб круглой формы: *И челпанами хлеб пекли; челпаны на руках помесишь, потрепнешь и на доску; скоко-то постоят, вытронутся и садишь в печку; оне все из оржаной муки.* Толстик Сол. (СПГ 2: 525); *Пастуха нанимали. [Давали ему] 30 фунтов хлеба. Кормили в порядке очереди. Когда погонят коров – [давали] хлеб челпан, ярушник, горстку соли, яичко.* Тиунова Гайн. (КСРГСПК). Фиксируется это слово со значением 'хлеб круглой или продолговатой формы' также в севернорусских говорах (СВГ 12: 26; Подвысоцкий: 187; СРГК 6: 768). Происхождение лексемы *челпан* также довольно трудно объяснить, опираясь на данные русского языка. Хотя, по мнению М. Фасмера, лексема *челпан* является исконно русской, производна от *чело* и

связана, например, с литовским лит. *kélti* "поднимать" (Фасмер 4: 329), другие лингвисты считают ее заимствованием из пермских языков. В коми и коми-пермяцком языке существует лексема *чёлпан (чёвпан)* 'каравай', 'круглый ржаной хлеб' (КПРС: 540; КРС: 748). Исследователи объясняют происхождение лексемы сложением коми слов *чёл* – 'лопатка для теста, муки' и *пан* – 'конец', первоначально значение слова *чёлпан* – 'конец лопатки (для теста)', 'хлеб (тесто) в количестве одной лопатки' (Лыткин: 310; Полякова: 397). Бытование слова *челпан* в диалектах регионов, где русские контактировали с финно-угорским населением, позволяет считать версию заимствованного происхождения основной. Различные версии происхождения лексемы *челпан* более подробно рассматриваются в статье К. В. Осиповой [Осипова 2022]. Возникновение значения 'неудачно приготовленный хлеб' (*Даже челпан-то – это неудачный хлеб у нас. А говорили, что это вот специальный. А у нас он не получился. «О, как чулпан, хлеб-то!»* Сепыч Верещ. (ДАКТиПЯ)), скорее всего, объясняется тем, что слово не употребляется в говорах Верещагинского района Пермского края, хотя зафиксировано в речи жителей соседнего Карагайского. Таким образом, необычно звучащее слово, не имеющее словообразовательных связей, становится обозначением неудачного хлебного изделия.

Так, в пермских говорах отмечается (одна фиксация) лексема *няча*: *Няча – хлеб неудачной, пресной.* Янидор Черд. (КСРГСПК). Возможно, она связана с глаголом *нячкать* 'есть (обычно что-л. невкусное, малосъедобное)' (*Из овсяной крупы замешу, она екая колючая. На плиточке испеку, края ребятам обломаю, сама середку нячкаю, нячкаю, как свинья.* Бондюг Черд. (СПГ 1: 605)). Кроме того, неудавшийся хлеб часто имел непропечённый, влажный слой – *закал*, поэтому не исключен также метафорический перенос от слова *няча* (в пермских говорах *няша*), которое имеет значение 'глина, жидкая грязь', 'заболоченное место' и распространено в севернорусских, уральских и сибирских говорах (СРНГ 21: 335–336). Отметим, что лексема *няша* встречается в языке коми в значении 'илистые отложения на лугах' (ССКЗД: 225) и коми-пермяцком 'грязь, тина, ил' (КПРС: 285). Большинство исследователей считает слово *няча/няша* в русских диалектах заимствованием из языка коми [Мызников 2019: 546–548]. Подтверждением этой версии служит существование фразеологизма *как няча* 'о сыроватом, плохо пропечённом хлебе', который отмечен в говорах Нижней Печоры, на территории Республики Коми (Ставшина 1: 322).

Коми происхождение имеют языковые единицы *узъмáлый хлеб* и *лачкáн* (*лечкáн*). Прилагательное *узъмáлый* в сочетании *узъмáлый хлеб* («А белый хлеб разве не берёшь?» – «Нет, видишь, узъмáлый хлеб-от, а я даве пироги пекла, пусть их едят»). Усть-Весляны. Гайн (СРГКПО: 245), которое отмечено только в гайнских говорах края, является производным от глагола *зузъмáть* – ‘поддаться сну, задремать’ (в коми-пермяцком языке *узъны* ‘спать’) или же калькой коми-пермяцкого выражения *узъмáм нянь* ‘хлеб из плохо поднявшейся квашни’; букв. ‘хлеб, который спал’). Авторы-составители «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа» отмечают, что «применение данного “одушевленного” прилагательного отражает характерное для традиционной культуры одушевление хлеба» (СРГКПО: 31).

Лексема *лачкáн/лечкáн* ‘плохо выпеченный хлеб’ отмечена только в северных (вишерских) говорах края (*Негоден хлеб у стрепки, какой лачкан испекла худой Акчим Краснов. (АС 2: 100); Печь истопим, форму подмажем. (Надо) извzлать, чтобы поднялся, а то лечкан будет. А весь как цемен(т) получатся. Акчим Краснов. (АС 2: 106)*). В языке коми есть слова *лэчтан* ‘закал в хлебе’; *лэчтана нянь* ‘хлеб с закалом’ (КРС: 371), возможно, эти единицы образованы от глагола *лэдзчыны* ‘спускаться, спуститься, сойти, съехать’ (КПРС: 237) или же *личкисьны* (возвр. от *личкыны*) ‘оседать, осесть; умяться (под гнётом или от тряски)’ (КПРС: 224). Конечно, не исключена вероятность образования *лачкан* от глагола *лачкать, лячкать* ‘есть, подбирая пищу языком и издавая характерные прищелкивающие звуки; есть чавкая’ (АС 2: 100), однако слово встречается только в контактной (с народом коми) зоне, поэтому версия иноязычного происхождения кажется более предпочтительной.

Выводы

1. Большое число номинаций неудавшихся хлебных изделий связано с повсеместным распространением домашнего хлебопечения, при котором неизбежно возникали случаи кулинарных неудач. Носители диалекта через характеристики неполучившихся выпечных изделий (*неукислый, солодельый, закалистый* и т. п.) дают свое объяснение таким неудачам. Преобладают номинации непропечённого хлеба, другие наименования могут указывать на такие его особенности, как вкус, консистенция, способ приготовления, форма готового изделия.

2. Численный перевес в говорах имеют характеристики не получившихся по каким-либо причинам, невкусных хлебных изделий, определения соответствующего всем параметрам (вкусу, кон-

систенции, форме) хлеба встречаются реже. Номинации удачных выпечных изделий в пермских говорах не представлены вообще. Такая языковая асимметрия связана с тем, что качественные, удачные хлебные изделия именуются словами, лишёнными коннотации (*булочка, хлеб, шаньга* и др.), в то время как неудачные получают особые номинации.

3. Обычно таким языковым единицам свойственна образность и экспрессивность, это проявляется как в обилии фразеологических сочетаний, характеризующих выпечные изделия, так и в распространении метафорического переноса как способа развития значения ‘неудачный, невкусный хлеб’. При характеристике формы неудачного выпечного изделия может использоваться мотивационная модель: ‘выпуклость, нарост’ → ‘неудачное выпечное изделие’. Нередко семантика ‘неудачное, невкусное выпечное изделие’ может возникать у любой номинации, обозначающей хлебное изделие и имеющей непрозрачную внутреннюю форму (*кулебака, челпан, каралька*).

4. Приготовление различных выпечных изделий из муки свидетельствовало также о плохих/хороших кулинарных навыках хозяйки, поэтому во фразеологизмах часто содержится указание на какие-либо ее ошибки (*стряпка (хозяйка) пукала; стряпечка дыра – хлебушко сожгла* и др.).

5. Многие единицы с этим значением можно отнести к собственно пермским диалектным названиям: *бында, кылка, лачкан, несамик, няча* и др. Они могут появляться вследствие развития семантики слов, существующих в говорах края, или быть результатом заимствования из пермских (коми и коми-пермяцкого) языков. Некоторые слова этой лексико-семантической микрогруппы являются общерусскими (единицы с корнем *закал-*), часть лексем встречается также в севернорусских, сибирских и уральских говорах (*кулебака, култыши*). Сравнение пермских материалов с данными других русских диалектов показывает, что во всех говорах преобладают региональные единицы, что может быть связано с их экспрессивностью.

Сокращения

Бер. – Березовский район; Верещ. – Верещагинский район; Гайн. – Гайнский район; Ильин. – Ильинский район; Караг. – Карагайский район; Киш. – Кишертский район; Краснов. – Красновишерский район; Кунг. – Кунгурский район; Окт. – Октябрьский район; Перм. – Пермский район; Сол. – Соликамский район; Сукс. – Суксунский район; Уинск. – Уинский район; Чайк. – Чайковский район; Част. – Частинский район;

Черд. – Чердынский район; Чернуш. – Чернушинский район.

Список источников

Аникин – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а – аяюшка). М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2007. 368 с.

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь. 1984–2011. Вып. 1–6.

АЧ – Материалы полевых исследований А. В. Черных.

БАС – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2023. Т. 1–28 (издание продолжается).

Грузберг – Грузберг Л. А. Материалы к словарю «Афористика Пермского края» // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. Вып. 2. С. 104–122.

ДАКТиПЯ – диалектологический архив, хранящийся на кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

Ерофеева – Ерофеева Т. И. Социолингвистический глоссарий пермских локализмов: 60–90-е годы XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2020. 238 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

КРС – Коми-русский словарь / под ред. В. И. Лыткина. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. М., 1961. 928 с.

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

Лыткин – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1885, 198 с.

Подюков – К пиру едятся, а к слову молвится. Народная паремика Пермского края / науч. ред. И. А. Подюков. СПб.: Маматов, 2014. 176 с.

Полякова – Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Перм. ун-т, 2007. 420 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вологда, 1983–2007. Вып. 8–12.

СПГ – Словарь пермских говоров Пермь: Кн. мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с. 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2004.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: ПониЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1: А–В. 364 с.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. Т. 1–7. 1964–1988.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52 (издание продолжается).

Ставшина – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008. Т. 1: А–М. 416 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

ФСПГ – Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 432 с.

ЭССТСП – Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии северного Прикамья. Пермь, 2004.

Список литературы

Бакланова И. И. Названия мучных изделий в пермских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 274–279.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Виноградова П. П. Лексика по теме «Печёные изделия из муки» в костромских говорах: ономастический, структурно-семантический и ареальный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. Ярославль, 2013. 22 с.

Виноградова П. П. Лексико-семантическое своеобразие наименований обрядовой хлебной выпечки Костромского края // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 4. С. 178–181.

Гапонова Ж. К. Наименования выпечных изделий в мOLOGских (ярославских) говорах // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2011. С. 36–43.

Гревцова Т. Е. Названия и виды обрядового хлеба в донских ритуалах сватовства и обручения: ареальный аспект // Новое прошлое. 2018. № 3. С. 168–184.

Гришанова В. Н. Обрядовые выпечные изделия и их названия в одном из орловских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1994. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1996. С. 83–88.

Гришанова В. Н. Процесс домашнего хлебопечения и его отражение в лексике говора одного села // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2020. С. 204–215.

Гура А. В. Хлеб свадебный // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5. С. 431–434.

Жандарова А. Н. Наименования хлебобулочных изделий в вологодских говорах: структурно-семантический и функциональный аспекты // Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления: материалы IX Междунар. науч. конф. / под общ. ред. А. В. Баранова и Е. Н. Многолетней. Саратов: Саратовский источник, 2021. С. 396–400.

Занозина Л. О. Наименования обрядовых хлебных изделий в курских говорах // Курское слово. 2007. № 4. С. 76–86.

Зверева Ю. В. Способы номинации выпечных хлебных изделий в пермских говорах // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы Всерос. науч. конф. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. С. 147–155.

Ильинская Н. Г. Лексика, обозначающая выпечные изделия (на материале архангельских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 23 с.

Карасева Т. В. Названия непропечённого хлеба в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017: сб. ст. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 293–302.

Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.

Осипова К. В. Названия хлеба на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Фило-

логия. 2022. № 75. С. 148–167. doi 10.17223/19986645/75/7

Осипова К. В. Севернорусские названия муки и хлеба из разных сортов зерна: семантико-мотивационный аспект // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 276–290.

Парменова Т. В. Лексика, связанная с приготовлением выпечных изделий, в режском говоре // Народная речь Вологодского края. Между прошлым и будущим / науч. ред.: Ю. Н. Драчёва, Л. Ю. Зорина, Е. Н. Ильина. Вологда: Легия, 2015. С. 55–74.

Плотникова А. А. Хлеб поминальный // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 424–427.

Толстая С. М. Хлеб // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 412–421.

References

Baklanova I. I. Nazvaniya muchnykh izdeliy v permskikh govorakh [Names of flour-based foods in Perm dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* 2008 [A Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2008]. St. Petersburg, Nauka Publ., pp. 274–279. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p. (In Russ.)

Vinogradova P. P. *Leksika po teme 'Pechenye izdeliia iz muki' v kostromskikh govorakh: onomasiologicheskii, strukturno-semanticheskii i areal'nyy aspekty*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Vocabulary on the topic 'Flour-based baked foods' in Kostroma dialects: Onomasiological, structural-semantic, and areal aspects. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yaroslavl, 2013. 22 p. (In Russ.)

Vinogradova P. P. Leksiko-semanticheskoe svoeobrazie naimenovaniy obryadovoy khlebnoy vy-pechki Kostromskogo kraia [Lexico-semantic originality of appellation of ritual bread pastry of Kostroma territory]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2018, issue 4, pp. 178–181. (In Russ.)

Gaponova Zh. K. Naimenovaniya vypechnykh izdeliy v mologskikh (yoslavskikh) govorakh [The names of baked foods in Mologa (Yaroslavl) dialects]. *Kul'tura. Literatura. Yazyk: Materialy konferentsii 'Chteniya Ushinskogo'* [Culture. Literature. Language: Proceedings of the Conference 'Ushinsky's Readings']. Yaroslavl, Yaroslavl State

Pedagogical University named after K. D. Ushinsky Press, 2011, pp. 36–43. (In Russ.)

Grevtsova T. E. Nazvaniya i vidy obryadovogo khleba v donskikh ritualakh svatovstva i obrucheniya: areal'nyy aspekt [Names and types of ritual bread in Don rites of matchmaking and betrothal: Areal aspect]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2018, issue 3, pp. 168–184. (In Russ.)

Grishanova V. N. Obryadovye vypechnye izdeliya i ikh nazvaniya v odnom iz orlovskikh govorov [Ritual baked foods and their names in one of Oryol dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* 1994 [A Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 1994]. St. Petersburg, Institute of Linguistics of the RAS Publ., 1996, pp. 83–88. (In Russ.)

Grishanova V. N. Protsess domashnego khlebopecheniya i ego otrazhenie v leksike govora odnogo sela [The process of home baking and its reflection in the dialect vocabulary of the village]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [A Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)], St. Petersburg, Institute of Linguistics of the RAS Publ., 2020, pp. 204–215. (In Russ.)

Gura A. V. Khleb svadebnyy [Wedding bread]. *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2012, vol. 5, pp. 431–434. (In Russ.)

Zhandarova A. N. Naimenovaniya khlebobulochnykh izdeliy v vologodskikh govorakh: strukturno-semantic i funktsional'nyy aspekty [The names of bakeries in Vologda dialects: structural-semantic and functional aspects]. *Istoricheskaya pamyat' v teorii i sotsiokul'turnoy praktike: grani transformatsiy i potentsial osmysleniya: Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Historical Memory in Theory and Sociocultural Practice: the Facets of Transformation and the Potential for Comprehension: Proceedings of the 9th International Scientific Conference]. Ed. by A. V. Baranov, E. N. Mnogoletnyaya. Saratov, Saratovskiy Istechnik Publ., 2021, pp. 396–400. (In Russ.)

Zanozina L. O. Naimenovaniya obryadovykh khlebnykh izdeliy v kurskikh govorakh [The names of ritual bread products in Kursk dialects]. *Kurskoe slovo* [The Kursk Word], 2007, issue 4, pp. 76–86. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. Sposoby nominatsii vypechnykh khlebnykh izdeliy v permskikh govorakh [The ways of nominating bakeries in Perm dialects]. *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Philology in the 21st Century: Methods, Issues, Ideas: Proceedings of

All-Russian Scientific Conference]. Perm, Perm State University Press, 2013, pp. 147–155. (In Russ.)

Il'inskaya N. G. *Leksika, oboznachayushchaya vypechnye izdeliya (na materiale arkhangel'skikh govorov)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Vocabulary denoting baked foods (based on the material of Arkhangelsk dialects). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1985. 23 p. (In Russ.)

Karaseva T. V. Nazvaniya nepropechennogo khleba v voronezhskikh govorakh [The names of sodden bread in Voronezh dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* 2017 [A Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2017]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 293–302. (In Russ.)

Myznikov S. A. *Russkiy dialektnyy etimologicheskiy slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [A Russian Dialect Etymological Dictionary. Vocabulary of the Contact Regions]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 1076 p. (In Russ.)

Osipova K. V. Nazvaniya khleba na Russkom Severe: etnolingvisticheskiy aspekt [Names of bread in the Russian North: An ethnolinguistic aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2022, issue 75, pp. 148–167. (In Russ.)

Osipova K. V. Severnorusskie nazvaniya muki i khleba iz raznykh sortov zerna: semantiko-motivatsionnyy aspekt [Northern Russian names of flour and bread made of different varieties of grain: The semantic-motivational aspect]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestiya. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2021, issue 23 (3), pp. 276–290. (In Russ.)

Parmenova T. V. Leksika, svyazannaya s pri-gotovleniem vypechnykh izdelii, v rezhskom govore [Vocabulary related to the preparation of bakeries in the Rezhskoe dialect]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja. Mezhdunarodnyy i budushchim* [Folk Speech of the Vologda Region. Between the Past and the Future]. Vologda, Legiya Publ., 2015, pp. 55–74. (In Russ.)

Plotnikova A. A. Khleb pominal'nyy [Funeral bread]. *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2012, vol. 5, pp. 424–427. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Khleb [Bread]. *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]: in 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publ., 2012, vol. 5, pp. 412–421. (In Russ.)

‘A Crust on Supports’: the Names of Failed Bread Products in the Russian Dialects of the Perm Region

*This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00117
‘Traditional culture of Russians in the zones of active interethnic contacts in the Urals and the Volga region’*

Yuliya V. Zvereva

Senior Researcher

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS

13a, Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation. zv.ul@mail.ru

SPIN-code: 9483-8453

ORCID: <https://orcid.org/orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

Submitted 11 Apr 2023

Revised 09 Aug 2023

Accepted 30 Sep 2023

For citation

Zvereva Yu. V. ‘Korka na podporkakh’: naimenovaniya neudachnykh khlebnykh izdeliy v russkikh govorakh Permskogo kraya [‘A Crust on Supports’: the Names of Failed Bread Products in the Russian Dialects of the Perm Region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 37–48. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-37-48 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the Perm dialect names of failed bread products. There are a large number of words in Perm dialects that name such foods, which indicates the ubiquity of home-baked bread. Naturally, there frequently occur various culinary mistakes. Characteristics and nominations of failed baked products testify to the importance for the dialect speakers of such properties as taste, texture, and shape.

The author analyzes this group of vocabulary in the semantic-motivational aspect in order to determine the features of its formation, to identify possible borrowings, and to carry out etymological reconstruction of lexemes with an unclear internal form. The study shows that figurative, expressive units predominate in this lexical group; phraseological combinations and expressions, comparative constructions, metaphors are often used to characterize unbaked, not risen, burnt baked products. Basically, this fact explains the numerical predominance of Perm dialect vocabulary among the words with this meaning. The emergence of some lexemes is the result of borrowing from the Permian (Komi and Komi-Permyak) languages. These lexical units are noted in the northern dialects of the Kama region since the territory of their use was characterized by the closest contacts with the Komi population.

The making of bread and other baked products was one of the important duties of a woman in the peasant economy, testifying to her qualities as a hostess. Therefore, when describing failed baked products, speakers of the dialect may sometimes use expressions that indicate the mistakes of a female baker.

Key words: Russian dialects of the Perm region; thematic group; baked products; names of bread; Komi borrowings; etymology.

УДК 81'38/42:070:004
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-49-59

EDN SISKGQ

Способы выражения общественного настроения в текстах интернет-сообщества политической направленности социальной сети «ВКонтакте»

Елена Мечиславовна Крижановская

к. филол. н., доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. emkrizh@gmail.com

SPIN-код: 8780-1512

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9008-302X>

ResearcherID: HPG-0768-2023

Статья поступила в редакцию 13.05.2023

Одобрена после рецензирования 19.05.2023

Принята к публикации 19.07.2023

Информация для цитирования

Крижановская Е. М. Способы выражения общественного настроения в текстах интернет-сообщества политической направленности социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 49–59. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-49-59

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее типичные способы выражения общественного настроения, свойственного участникам интернет-сообщества политической направленности. Общественное настроение понимается как форма существования массового политического сознания. Исследование проведено на материале текстов, размещенных в сообществе «Политика» социальной сети «ВКонтакте» за период с 21 сентября 2022 г. по 6 января 2023 г. На материале интернет-текстов постов и комментариев к ним выявлены предпочтения интернет-пользователей в выборе прагматического типа высказывания, обусловленные преобладанием у них определенного компонента общественных настроений (преимущественно эмоционального, рационального или рационально-эмоционального). Соответствие между преобладающим видом реакции интернет-пользователей и прагматическим типом высказывания было установлено с учетом основных положений теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля, а также типологии речевых актов, разработанной Н. И. Формановской.

Отмечено преобладание эмотивной доминанты в структуре общественных настроений русскоязычных интернет-пользователей, которая реализуется в использовании авторами интернет-текстов преимущественно рогативных, директивных и репрезентативных речевых актов. Другие типы речевых актов (экспрессивы, контактивы) реализуют в основном фатическую функцию общения в интернет-сообществе. Сделан вывод о том, что применение выявленных типов речевых актов способствует выражению субъективных переживаний участников сообщества политической направленности, позволяет авторам предложить свои варианты развития обсуждаемой политической ситуации и оказать воздействие на формирование общественных настроений других интернет-пользователей социальной сети «ВКонтакте».

Ключевые слова: политический дискурс; интернет-коммуникация, социальная сеть; интернет-сообщество; политическое сознание; общественное настроение; политическое событие; речевой акт.

Введение

Общеизвестно, что понятие настроения относится к терминам психологии, в которой оно определяется как одна из форм эмоциональной жизни человека. В «Большом психологическом словаре» Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко настроением называется «более или менее устойчивое, продолжительное, без определенной интенции эмоциональное состояние человека, окрашивающее в течение некоторого времени все его переживания. <...> В отличие от чувств, всегда направленных на тот или иной объект (настоящий, будущий, прошлый), настроение, будучи часто вызванным определенной причиной, конкретным поводом, проявляется в особенностях эмоционального отклика человека на воздействия любого характера» [Мещеряков, Зинченко 2002: 292]. Как отмечают О. И. Каринцев и Е. Ю. Мазур, «концептуально настроение может быть обозначено как определенное психическое состояние, интегрирующее влияние объективных событий на субъективное их переживание. Поэтому интеграция выступает важнейшей характеристикой, отличающей настроение от всех иных психических состояний, т. е. это субъективное осмысливание объективного» [Каринцев, Мазур 2020].

Однако понятие настроения как особого эмоционального состояния человека применимо не только к изучению особенностей отдельной личности, но и к описанию характеристики больших групп людей, составляющих общество. В этом случае настроение рассматривается не как индивидуальное свойство, а как интегральная характеристика некоторой социальной общности в определенный период развития социума. Так, например, общественное настроение трактуется в социологии как «социально-психологический феномен, проявляющийся в определенном состоянии чувств и умов, типичных для конкретной социальной группы (класса, слоя), общества в целом в данный период времени или для некоторой социальной ситуации» [Социологический справочник].

Одним из первых в нашей стране ещё в середине прошлого столетия явления массовой психологии начал активно изучать Б. Д. Парыгин. Уже в одной из самых ранних его работ отмечались такие функции общественного настроения, как: «1) функция регулятора и тонизатора психической активности людей; 2) функция установки восприятия любой информации; 3) функция ценностной ориентации, или направленности внимания и деятельности» [Парыгин, цит. по: Куликов 2008: 33]. В более поздней работе, учитывая результаты изучения массовых настроений

В. М. Бехтеревым, Л. Н. Войтоловским, В. И. Лениным, К. Марксом, исследователь отмечал следующие свойства настроений масс как социально-психологического феномена, которые отличают его от настроений отдельных индивидуумов: «способность к многократному увеличению энергии составляющих группу индивидов; заразительность, т. е. способность быстро передаваться от одних социальных групп другим; способность к значительному усилению некоторых моментов в настроении индивида» и др. [Парыгин 1999: 366–367]. В качестве сущностных свойств массовых настроений, по мнению отечественного социального психолога, выступают динамичность, подвижность и способность к быстрому перерастанию в действие. Причину динамики массовых настроений Б. Д. Парыгин видел прежде всего в непосредственной связи общественных настроений с изменениями социальной среды, «поэтому групповое, а тем более массовое настроение оказывается нередко почти бессознательной импульсивной и эмоциональной реакцией на изменение окружающих людей социальных условий их существования. Такие перемены массовых настроений оказываются тем значительней, чем более болезненными для людей являются изменения условий их бытия» [там же: 371].

В учебном пособии Е. Б. Шестопаля «Политическая психология», изданном в 2002 г., понятие «массовое настроение», к сожалению, не рассматривается совсем, хотя, характеризуя политический менталитет, автор отмечает, что «в политической психологии, как и в психологической науке в целом, при анализе сознания принято выделять два блока элементов: мотивационные и познавательные. К мотивационным относятся потребности, ценности, установки, чувства. К познавательным – знания о политике, информированность, интерес, убеждения» [Шестопаля 2002: 152]. По-видимому, общественные настроения можно отнести преимущественно к мотивационному блоку элементов общественного сознания.

Известный советский психолог Д. В. Ольшанский в процессе детального изучения сути феномена политического сознания, его содержания и структуры убедительно доказал, что основными формами реализации политического сознания являются массовые мнения и массовые настроения. При этом «настроения – своеобразный предвестник такого важного компонента политического сознания, как общественное мнение» [Ольшанский 2002: 399]. Исследователь определял массовые настроения следующим образом: «это однородная для большого множества людей субъективная, сложная аф-

фективно-когнитивная сигнальная реакция. Это особые переживания комфорта или дискомфорта, отражающие: 1) степень удовлетворенности или неудовлетворенности общими социально-политическими условиями жизни; 2) субъективную оценку возможности реализации социально-политических притязаний в данных условиях; 3) стремление к изменению социально-политических условий ради осуществления своих притязаний» [там же: 405].

Определяя природу возникновения массовых настроений, Д. В. Ольшанский отмечал взаимодействие двух факторов: с одной стороны – объективно существующей действительности, с другой стороны – субъективных представлений и оценок реальной действительности разными людьми вследствие имеющихся у них различных потребностей, интересов и представлений. В работах психолога были представлены характеристики видов, циклов развития массовых настроений, их основные функции. Но, пожалуй, для целей нашего исследования особое значение имеет вывод ученого о том, что «массовые настроения связаны с политическим сознанием как форма функционирования массового политического сознания на обыденном уровне, а также как первичный, эмоционально-оценочный, а иногда и непосредственно действенный компонент такого сознания. <...> Массовые настроения связаны с политическим поведением как механизм инициирования и регуляции такого поведения» [там же: 418].

Развивая высказанные отечественными философами, социологами и психологами идеи о взаимосвязанности и взаимообусловленности общественного мнения и общественного настроения как основных форм проявления массового сознания, авторы современного учебного пособия по политической психологии для вузов В. В. Козлов, В. В. Новиков и Е. В. Гришин вместе с тем отмечают, что «хотя единство рационального и эмоционального характерно и для мнения, и для настроения, в первом превалируют рациональные начала, во втором – эмоциональные» [Козлов, Новиков, Гришин 2010: 175].

Суммируя всё вышеизложенное, ещё раз подчеркнем, что в данной работе мы будем понимать массовое настроение как специфическую форму воплощения массового политического сознания, отражающую субъективные, преимущественно эмоционально окрашенные переживания большими группами людей, составляющих общество, объективно существующих и развивающихся политических событий, процессов и состояний в определенный период развития социума.

Цель и задачи исследования

Современное российское общество переживает чрезвычайно сложный период своего развития, который сопровождается постепенной сменой представлений об экономических, политических, культурных и, конечно же, идеологических основах жизни в России, поэтому рассмотрение способов отражения в интернет-текстах массовых настроений наших соотечественников на переломном этапе русской и в целом мировой истории представляется актуальным. В то же время следует помнить о том, что изучение сообществ социальных сетей, т. е. «социальных объединений, базирующихся на интернет-взаимодействии достаточного количества людей в ходе публичной (достаточно длительной) дискуссии с целью формирования различных взаимоотношений между людьми в киберпространстве» [Rheingold 1993: 6], помогает сфокусировать внимание на методах взаимодействия российского общества и государства в непростой период развития его политической истории. Это особенно важно потому, что в настоящее время «Интернет позволяет воздействовать на массовое сознание и поведение людей, минуя контроль властных структур, способствует возникновению новых политических практик воздействия на массовое сознание и поведение самых разных групп населения» [Соснин и др. 2017: 81]. Кроме того, такой анализ способствует освещению отдельных аспектов проблемы вариативности интерпретации актуального политического события, так как в современной интернет-коммуникации «объективность произошедшего события переосмысливается автором первичного текста и дает множественную интерпретацию во вторичных текстах-откликах. Реальное событие, вербализованное в текстах, становится объектом восприятия для реципиентов и влечет за собой новые знания оценочного характера, которые вербализуются в текстах-откликах первичного и вторичного уровня» [Голев, Ким 2021: 184].

Материал и методы

Изучение отражения общественных настроений в русскоязычном сегменте Интернета проводилось нами на материале текстов сообщества «Политика» социальной сети «ВКонтакте». Данная группа была создана в социальной сети 18 мая 2014 г., в настоящее время является одним из самых многочисленных и активно действующих сообществ политической направленности, насчитывает 234 790 участников, размещает посты и комментарии к ним ежедневно. Кроме того, сообщество «Политика» содержит на своей странице прямые гиперссылки на мате-

риалы таких политических сообществ, как «МВД ФСБ», «Путин», имеет канал для распространения своих текстов и видео на интернет-платформе «Телеграм». Сообщество «Политика» отличается ярко выраженной патриотической направленностью, что, впрочем, не исключает возможности высказывания его участниками различных оценок и предположений, зачастую не совпадающих с мнением большинства членов группы. В качестве материала анализа исследовались тексты 10 постов и 1360 интернет-комментариев к ним, размещенных в период с 21 сентября 2022 г. по 6 января 2023 г. Все материалы были посвящены теме проведения Российской Федерацией специальной военной операции (СВО) на территории Украины с 24 февраля 2022 г. по настоящее время.

В постах и комментариях к ним были отражены следующие актуальные политические темы: начало проведения частичной военной мобилизации граждан в России, объявленной президентом России В. В. Путиным 21 сентября 2022 г.; интервью министра обороны РФ С. К. Шойгу по проведению частичной мобилизации в России; активный отклик добровольцев на объявление частичной мобилизации в Чеченской Республике; разъяснения главного редактора государственного телеканала «РТ» М. Симоньян о гражданах России, подпадающих под действие указа верховного главнокомандующего вооруженными силами РФ В. В. Путина об объявлении частичной мобилизации; реакция граждан Украины на объявление частичной мобилизации в России; передача французской стороной вооруженным силам Украины новых колесных танков; подготовка новейших российских танков «Прорыв» к участию в боевых действиях на Украине, модернизация российского наступательного вооружения; характер ведения боев российской армией в районе украинского города Соледара в январе 2023 г. и др.

Для изучения способов выражения общественного настроения участников сообщества «Политика» использовались методы содержательно-смыслового, сопоставительного, собственно лингвистического и прагматического анализа. В процессе исследования была выдвинута гипотеза о том, что предпочтения интернет-пользователей в выборе прагматического типа высказывания связаны с преобладанием у них определенного компонента общественных настроений (преимущественно эмоционального, рационального или смешанной природы, т. е. рационально-эмоционального). Подтверждение данной гипотезы было осуществлено с учетом основных положений классической теории речевых актов Дж. Остина и

Дж. Сёрля, а также типологии речевых актов, разработанной Н. И. Формановской.

Результаты исследования

Как известно, в теории речевых актов Дж. Остина в качестве основных единиц коммуникации рассматриваются многоплановые по своей структуре речевые действия, выступающие носителями определенных коммуникативных заданий и направленные на достижение эффектов, которые обычно распознаются по действенной или эмоциональной реакции адресата. В связи с этим речевой акт рассматривается как способ достижения человеком определенной цели при помощи используемых им языковых средств. Дж. Остин выделял в структуре единого речевого акта три составляющие: локуцию, иллокуцию и перлокуцию. Наиболее значимым компонентом в структуре речевого акта исследователь считал иллокутивный речевой акт, который обеспечивает указание на коммуникативную цель высказывания. Иллокутивный акт придает целенаправленность акту произнесения, т. е. локутивному акту, и выражает коммуникативную цель высказывания [Остин 1986].

В концепции Н. И. Формановской речевой акт понимается как «высказывание, порожаемое и произносимое человеком с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального, как правило, адресованного действия с помощью такого инструмента, как язык/речь» [Формановская 2007: 256]. Другими словами, речевой акт представляет собой высказывание, совершение которого вынуждается некоторым мотивом, произнесение его связано с воплощением определенной коммуникативной цели, а результатом осуществления этого речевого действия выступает реализация задуманного автором мыслительного или реального практического действия. Совершенно очевидно, что такое понимание речевого действия вполне соответствует характеру речевой деятельности, осуществляемой в том числе и участниками виртуальных дискуссий на политические темы.

Примечательно, что Дж. Сёрль считал психическое состояние пользователей языка, которое включает в себя их намерения, решающим фактором для успешного выполнения речевых актов [Mabaquiao 2018]. Иными словами, в концепции речевых актов Дж. Сёрля намерение, психическое состояние говорящего и перлокутивный эффект от произнесения речевого акта были тесно взаимосвязаны.

Основываясь на понятии иллокутивной силы высказывания как предназначения, функции вы-

сказывания, связанного с намерением говорящего, и опираясь на типологию речевых актов Дж. Серля, Н. И. Формановская устанавливает «семь классов РА [речевых актов – Е. К.] как тот обобщенный минимум, на который можно опираться: 1. Репрезентативы – сообщения. 2. Комиссивы – обязательства. 3. Директивы – побуждения. 4. Рогативы – вопросы. 5. Декларативы – объявления (декларации). 6. Экспрессивы – выражения эмоций. 7. Контактивы – выражения

речевого этикета» [Формановская 2002: 117]. Далее будет представлена краткая характеристика прагматических типов высказываний, используемых участниками интернет-сообщества политической направленности с целью выражения собственных политических настроений.

Анализ интернет-текстов 10 постов и 1360 комментариев к ним позволил определить количественное соотношение типов компонентов общественных настроений (таблица).

Соотношение типов компонентов общественных настроений
The quantitative representation of public sentiments' components by type

№ п/п	Тип компонента общественных настроений	Количество интернет-комментариев с данным типом компонента общественных настроений	Количество интернет-комментариев с данным типом компонента общественных настроений (% от общего количества)
1	Эмоциональный	797	58,6
2	Рациональный	82	6,03
3	Рационально-эмоциональный	72	5,3
4	Тип не определен	409	30,07

Так, в подавляющем большинстве отзывов пользователей отражены эмоциональные реакции участников сетевой дискуссии (58,6 %); количество комментариев, содержащих рациональное отношение к обсуждаемым политическим событиям, составляет всего лишь 6,03 %, как и число комментариев, в которых совмещаются рациональная и эмоциональная оценка (5,3 %). При этом выявленную эмоциональную доминанту в комментариях участников политического сообщества нельзя охарактеризовать как преимущественно негативную или позитивную, поскольку 51 % интернет-комментариев не содержит явно выраженной оценки вообще, в почти 42 % текстов преобладает отрицательная оценка сообщаемого, а 7 % высказываний интернет-пользователей характеризуются положительным отношением к обсуждаемой теме.

Отметим, что разделение в тексте рационального и собственно эмоционального компонентов высказываний авторов, формирующих общественное настроение, возможно лишь в целях анализа, так как в реальных ситуациях общения, как отмечает Н. И. Формановская, «одно высказывание может обладать несколькими иллокутивными функциями, определение иллокутивной силы может быть затруднено размытостью интенционального значения» [Формановская 2007: 264].

Почти в трети от общего количества всех комментариев (30,07 %) выявить отношение участников интернет-сообщества не удалось. По-видимому, это объясняется не только размытостью интенционального значения данных выска-

зываний, но и преобладанием в комментариях интернет-пользователей определенных типов речевых актов. В частности, многие рогативные речевые акты, как акты запроса информации, не предполагают выражения отношения автора к сообщаемому; затруднено выявление типа авторского отношения к сообщаемому и в некоторых директивных речевых актах, поскольку они представляют собой побуждение других пользователей к выполнению действий, названных автором. Далее будет рассмотрено, как использование определенных типов речевых актов способствуют выражению общественных настроений участников виртуальной дискуссии.

В ходе исследования были выявлено, что выражению эмотивной доминанты в общественном настроении интернет-пользователей анализируемого сообщества в наибольшей степени соответствуют разнообразные варианты употребления именно директивных и рогативных высказываний.

Так, вполне предсказуемой реакцией на объявление частичной мобилизации населения стала в первую очередь эмоциональная реакция граждан России, что нашло отражение и в текстах комментариев анализируемого сообщества. Уже 21 сентября 2022 г. в группе «Политика» было размещено 75 комментариев, имеющих отношение к этой теме. В текстах комментариев преобладали рогативные типы высказываний, что вполне объяснимо попыткой участников сообщества прояснить для себя и окружающих смысл происходящих событий, попытаться найти отве-

ты на вопросы у других членов группы, например (здесь и далее текстовые иллюстрации приводятся в частичной обработке автора – Е. К.):

а) «Ну че, с...ы. **Кто воевать идёт? Патриоты хреновы? Куда девались-то?** (21.09.2022); б) Ну что, теперь всем любителям ставить Z-аватарки и строчить комменты “дави укропов” нужно в первых рядах идти на частичную мобилизацию. ...**Или начнутся отговорки: вот когда ПОЛНАЯ мобилизация будет объявлена, когда Москва будет атакована, вот тогда и пойду?** (21.09.2022); в) **Это было ожидаемо. А чего тут хохлоботы визжат?»** (21.09.2022).

Приведенные текстовые фрагменты показывают явно агрессивный настрой комментаторов, который можно объяснить не только последствиями переживаемого людьми психологического стресса, но и в целом отсутствием сформированной у части граждан однозначной позиции по вопросам мобилизации из-за недостаточной информированности в начальный период. Названные речевые акты-рогативы представляют собой вопросительные предложения. Однако некоторые из приведенных рогативов – это риторические вопросы, т. е. высказывания, которые не требуют ответов, так как уже содержат их имплицитно.

Характеризуя особенности риторического вопроса как фигуры речи, исследователь А. Горнфельд еще в начале XX в. отмечал, что «двойственная природа фигуры определенно проявляется в психологической структуре риторического вопроса: он может быть непосредственным выражением чувства, владеющего автором, но может также быть искусственным приемом вовлечения читателя в умственную работу» [Горнфельд 1911, цит. по: Никитина, Васильева 1996: 121]. В данных текстах, на наш взгляд, риторические вопросы содержатся в высказываниях б) и в), они побуждают других участников дискуссии поддержать точку зрения автора или не согласиться с ней и тем самым продолжить дальнейшее обсуждение актуальных политических вопросов в группе, т. е. реализуют в большей степени собственно коммуникативную функцию, чем когнитивную.

Речевые акты директивного типа чрезвычайно частотны в анализируемых текстах интернет-сообщества политической направленности. Повидимому, это можно объяснить в первую очередь тем, что в процессе развертывания сетевой дискуссии интернет-пользователи постоянно вербально взаимодействуют друг с другом, побуждая других участников высказывать свое мнение, активно выражать оценку обсуждаемых политических событий, принимать определенные

решения. Как полагает И. В. Савельева, «повышенная частотность употребления речеактовых структур директивного типа... говорит о склонности представителей русской лингвокультуры к конструированию дискурса в виде экспертной оценки при продуцировании комментариев на политический информационный материал» [Савельева 2022: 35].

В качестве иллюстрации приведем следующие текстовые фрагменты, содержащие директивные речевые высказывания:

а) «**Тигран, с оборонкой хорошо, только бы ошибок СССР не навалить. О товарах народного потребления и всем прочем тоже стоит подумать** (04.01.2023); б) **Екатерина, что, бот, стараешься?))) Возьми с полки пирожок с тачком** (05.01.2023); в) **Тимур, сопли утри, тапочек унитазный** (05.01.2023); г) **Антон, от сумы и тюрьмы не зарекайся, а искупить вину КРОВЬЮ – святая обязанность каждого... МУЖИКА... Чушь несёшь, ознакомься для начала с личными делами... осужденных и принятых в ЧВК** (05.01.2023); д) **Александра, а вы почитайте, что это за села.) В Донетчине произошла в своё время урбанизация и индустриализация так быстро, что вчерашние села стали нехилыми такими городами.) Так быстро, что названия забыли сменить. К примеру, в той же Авдеевке до войны тысяч 100–150 жило. Это нехилый такой город. Только название сельское»** (06.01.2023).

В представленных выше интернет-комментариях директивные речевые акты используются в основном для побуждения участников дискуссии к определенным познавательным действиям, нередко это сочетается с резко негативной оценкой комментатора и даже его оскорблением (фрагменты б), в) и г)). Безусловно, это свидетельствует о доминировании эмоционального компонента в настроении интернет-пользователей. В тех комментариях, которые выражают экспертные мнения участников сетевого сообщества, (текстовые фрагменты а) и д)), преобладает рациональный компонент общественных настроений. Правда, в данном случае директивные речевые акты сочетаются с репрезентативными. В этом отношении выявлению характера отражения общественных настроений способствует использование участниками дискуссии приемов насмешки, издевки или оскорбления других интернет-пользователей, что выражается в употреблении прежде всего инвективной лексики и особых форм синтаксических конструкций (побудительных, восклицательных и вопросительных предложений).

Особенности приведенных выше текстовых иллюстраций можно, на наш взгляд, объяснить и

в аспекте реализуемых доминирующих психологических установок интернет-пользователей, проявляющихся в процессе сетевой дискуссии. Взяв за основу определение западных исследователей Д. Штальберг и Д. Фрея психологической установки как «психологической тенденции, которая выражается через оценивание заслуживающих внимание объектов с определенной степенью расположения или неприязни», С. Б. Баглюк называет два способа, которыми люди пользуются в процессе формирования своего отношения к чему-либо – «центральный путь, т. е. когнитивная обработка, включающая тщательное изучение содержания», и «периферический путь, поверхностный мыслительный процесс, в ходе которого кто-либо принимает или отвергает сообщение, основываясь на нерелевантных знаках. Другими словами, этот способ задействует аффективную сторону установки, актуализируя простые эмоциональные дихотомии: “нравится/не нравится”; “приятно/неприятно”; “выгодно/невыгодно”» [Баглюк 2021: 15]. По-видимому, превалирование эмоционального компонента в комментариях интернет-пользователей связано с преобладанием периферического пути обработки информации, более легкого в определенном смысле.

Исключительно эмоциональное отношение авторов к сообщаемому могут выражать и речевые акты-репрезентативы, использованные в текстах комментариев, которые появились в группе «Политика» после размещения в ней 4 января 2023 г. поста о том, что, по информации агентства Reuters, президент Франции Э. Макрон пообещал передать украинским вооруженным силам колесные танки марки АМХ-10 РС. Эта информация вызвала взрывную волну эмоций участников сообщества. Проиллюстрируем данное положение следующими примерами:

а) *Такой танк остановит обычный АК или пулемет* (04.01.2023); б) *Франция предоставит Украине новые мишени для наших пушек* (05.01.2023); в) *Дмитрий, Леклерки, Леопёрды и Абрамсы слишком тяжёлые, и в силу различных логистических нюансов их поставка и эксплуатация на Украине будут проблематичными, именно поэтому Пиндосы и их “шавки” для нужд ВСУ по всему миру и скупают устаревшую советскую технику, поставленную еще в годы развитого социализма* (05.01.2023).

В приведенных репрезентативных высказываниях, представленных простыми двусоставными предложениями с преимущественно прямым порядком слов, авторы резко отрицательно оценивают не только боевые характеристики военной техники зарубежного производства (*Такой танк*

остановит обычный АК или пулемет; новые мишени для наших пушек; Леклерки, Леопёрды и Абрамсы слишком тяжёлые; поставка и эксплуатация на Украине будут проблематичными), но и действия США и их союзников (*Пиндосы и их “шавки” для нужд ВСУ по всему миру и скупают устаревшую советскую технику*).

Ограниченное использование экспрессивных речевых актов и актов-контактивов (выражений речевого этикета) в интернет-комментариях участников политического сообщества связано, возможно, с тем, что русскоязычные пользователи Интернета, в особенности при создании комментариев на политическую проблематику, к сожалению, редко прибегают к использованию сетевого речевого этикета (нетикета). В основном речевые акты этих типов употребляются как способы выражения иронии, насмешки или издёвки по отношению к другим пользователям, т. е. с совсем другими интенциями. Проиллюстрируем высказанные положения следующими комментариями, принадлежащими одному и тому же автору – гражданке Италии:

а) *«Ольга, а вам не сообщили, что СССР развалился 30 лет назад и выросло новое поколение от смешанных браков по всему голубому шару? Сочувствую... теперь вы и это узнали. Не благодарите (06.01.2023); б) Павел, если бота не можешь отличить от человека, запишись на курсы программистов: там тебя научат. ...Умник. Слово Ципсо выучил уже? Поздравляю!»* (06.01.2023).

Совершенно очевидно, что автор приведенных интернет-комментариев использует экспрессивные речевые акты для того, чтобы унижить оппонента, показать отсутствие у него знаний по определенной теме, продемонстрировать его несостоятельность в ведении дискуссии.

В то же время речевые акты-контактивы (выражения речевого этикета) употребляются как для выражения особого эмоционального настроения автора, так и для завершения обсуждения темы в группе, например: а) *«Спаси Вас Бог, Солдатушки* (05.01.2023); б) *Спасибо вам, пацаны!* (05.01.2023); в) *Евгений, ладно. Поживём – увидим, что и как будет. Всего хорошего»* (05.01.2023).

Для выражения рационального компонента общественных настроений интернет-пользователей применяются преимущественно репрезентативные типы речевых актов, или высказывания-сообщения. При помощи речевых актов репрезентативного характера авторы размещаемых постов сообщают участникам группы о развитии политических событий, выполняя тем самым функцию информирования. Тексты постов в со-

обществе служат своеобразным пусковым механизмом для развертывания процесса обсуждения. В качестве иллюстрации приведем следующие тексты постов, представленные высказываниями-репрезентативами:

а) *«Путин объявил о мобилизации. Полное обращение к народу (21.09.2022); б) Новейшие танки “Прорыв” “Отважных” готовятся к боям на фронте. Боевая подготовка экипажей модернизированных Т-90М “Прорыв”, поступивших на вооружение группировки “О”: бойцы усовершенствовали навыки огневой подготовки и управления танков и высоко оценили управляемость танка как в движении, так и при стрельбе: “Уверенности больше в нем, чем в 72-ом”. После завершения боевого слаживания танкисты приступят к выполнению боевых задач в зоне СВО» (06.01.2023).*

Приведенные фрагменты текстов группы «Политика» демонстрируют, что данные посты содержат речевые акты-сообщения, представленные обычно простыми двусоставными и односоставными назывными предложениями, при помощи которых модераторы интернет-сообщества регулярно информируют участников группы о новых значимых событиях, касающихся проведения Россией специальной военной операции на Украине. Обычно такие сообщения в целом характеризуются нейтральным тоном, т. е. не выражают эмоционального отношения авторов к сообщаемому.

В то же время репрезентативные типы высказываний могут служить не только для сообщения какой-либо значимой информации, но и для выражения других интенций авторов. Так, репрезентативное высказывание может содержать своеобразный аналитический обзор комментатора и тем самым способствовать реализации преимущественно рационального компонента общественного настроения, например: *«По моим приблизительным подсчётам, по данным на 2001 год, мобилизационный резерв Украины составлял цифру от 15 до 17 миллионов человек. Учитывая убыль населения, уход Крыма и части Донбасса, а также уровень миграции, предполагаю, что, по состоянию на начало 2022, мобрезерв составлял от 8 до 10 миллионов. Поставить под ружьё всех от 20 до 59 лет практически невозможно. От 4 до 5 миллионов штыков. Совсем немало» (05.01.2023).*

Используя статические данные и учитывая объективные факторы, автор приведенного интернет-комментария вполне убедительно доказывает правоту своей позиции, показывая другим участникам дискуссии ход своих мыслей, демонстрирует последовательность своих расчетов и

делает выводы (*составлял цифру...; делим эту цифру пополам...; предполагаю, что; получается; совсем немало*). С этой целью употребляются вводные конструкции (*по моим приблизительным подсчётам, по данным на 2001 год*), деепричастный оборот (*учитывая убыль населения*), цифровые данные.

Интересно, что в относительно небольшом числе текстов от общего количества комментариев было выявлено совмещение эмоциональной и рациональной составляющих, формирующих общественное настроение. В качестве иллюстрации приведем текстовый фрагмент, автор которого, основываясь на знании отдельных фактов из истории Второй мировой войны, резко негативно оценивает интеллектуальные способности и речевые действия другого участника сетевой дискуссии, а затем подводит интернет-пользователей к определенным выводам: *«Дмитрий, ты дурак и провокатор и распространяешь брехню. Немцы и власовцев, которые подавляли восстание в варшавском гетто, положили на дорогу и раздавили танками, но не за их зверства, а за то, что немецкую колонию зверски вырезали, женщин стариков и детей. Рождество – праздник, но нельзя давать врагу передышку...» (06.01.2023).*

В данном текстовом фрагменте автор, по сути, оскорбляет другого участника сообщества и, апеллируя к историческим фактам, призывает других членов группы всегда быть готовыми дать отпор врагу.

Необходимо отметить, что комиссивные и декларативные типы речевых актов не были выявлены в процессе анализа текстов постов сообщества «Политика» и интернет-комментариев к ним, так как, они, по-видимому, не могут быть использованы для выражения общественных настроений участников сетевой дискуссии из-за специфики иллокутивной силы. Другими словами, авторы интернет-постов и комментариев к ним в данной группе не берут на себя какие-либо обязательства (что составляет сущность комиссивных речевых актов) и не обладают соответствующими властными полномочиями, необходимыми для того, чтобы в процессе совершения определенных речевых действий изменять статус других субъектов или объектов (суть иллокутивной силы декларативных актов).

Выводы

Таким образом, проведенный анализ интернет-текстов постов и комментариев к ним свидетельствует о том, что в текстах участников данного интернет-сообщества преобладает эмотивная доминанта, т. е. подавляющее большинство

отзывов пользователей представляют собой эмоциональные реакции участников сетевой дискуссии (58,6 %). Большая часть текстов, в которых была выявлена эмоциональная реакция пользователей интернет-комментариев, не содержит явно выраженной оценки, хотя в 42 % текстов наблюдается отрицательная оценка сообщаемого.

Количество комментариев, содержащих рациональное отношение к обсуждаемым политическим событиям, составляет всего лишь 6,03 %, как и число комментариев, в которых совмещаются рациональная и эмоциональная оценка (5,3 %), в остальных комментариях (30,07 %) выявить отношение участников интернет-сообщества к актуальным политическим событиям не удалось.

Обобщая, отметим, что предпочтения в выборе интернет-пользователями определенных типов речевых актов (рогативов, директивов, репрезентативов) обусловлены преимущественно эмоциональной основой общественных настроений. Это позволяет авторам постов и комментариев к ним выразить степень неудовлетворенности существующей политической ситуацией, предложить участникам дискуссии свои варианты ее скорейшего успешного преодоления и активно повлиять на формирование общественного настроения других интернет-пользователей относительно отдельных аспектов осуществления специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на Украине с февраля 2022 г. Дальнейшее изучение способов реализации в интернет-текстах общественных настроений русскоязычных пользователей позволит описать динамику их изменений и выявить специфику отражения в политических текстах общественных настроений и общественных мнений как двух важнейших форм проявления массового сознания.

Список литературы

Баглюк С. Б. Очернение как элемент информационной войны // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2021. № 70. С. 13–17.

Голев Н. Д., Ким Л. Г. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: монография в 2 т. Кемерово, 2021. Т. 2. 300 с.

Каринцев О. И., Мазур Е. Ю. Массовые настроения как политико-психологический феномен // Мировые цивилизации. 2020. Т. 5, № 1–2. URL: <https://wcj.wordl/PDF/01PSMZ120.pdf> (дата обращения: 30.01.2023).

Козлов В. В., Новиков В. В., Гришин Е. В. Политическая психология: учеб. пособие для вузов. М.: С.-Петерб. гуманит. ун-т профсоюзов, 2010. 458 с.

Куликов Л. В. Общественное сознание и общественное настроение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2008. Вып. 2. С. 33–39.

Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. М.; СПб.: АСТ: АСТ-Москва: Прайм-Еврознак, 2002. 632 с.

Никитина С. Е., Васильева Н. В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. 172 с.

Ольшанский Д. В. Политическая психология. СПб.: Питер, 2002. 576 с.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–130.

Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999. 592 с.

Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсоналогический аспекты моделирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2022. 43 с.

Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В. Массовое сознание и поведение как объекты исследования в социальной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 4(8). С. 71–105.

Социологический справочник / В. И. Волович и др. Киев: Политиздат Украины, 1990. 382 с.

Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с.

Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.

Шестопал Е. Б. Политическая психология: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2002. 448 с.

Mabaquiao N. M. Speech Act Theory: From Austin to Searle // Augustinian: A Journal for Humanities, Social Sciences, Business, and Education. 2018. Vol. 19(1). P. 35–45.

Rheingold H. The Virtual Community: Finding Connection in a Computerized World. Addison-Wesley Longman Publishing, 1993. 325 p.

References

Baglyuk S. B. Ochernenie kak element informatsionnoy voyny [Denigration as an element of information warfare]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh (NAU)* [National Association of Scientists], 2021, issue 70, pp. 13–17. (In Russ.)

Golev N. D., Kim L. G. *Sotsial'nye seti: kompleksnyy lingvisticheskiy analiz* [Social Networks: a Complex Linguistic Analysis]: a monograph in 2 vols. Kemerovo, 2021, vol. 2. 300 p. (In Russ.)

Karintsev O. I., Mazur E. Yu. *Massovye nastroyeniya kak politiko-psikhologicheskiy fenomen* [Social moods as a politico-psychological phenomenon]. *Mirovye tsivilizatsii* [World Civilizations], 2020, vol. 5, issue 1–2. Available at: <https://wcj.wordl/PDF/01PSMZ120.pdf> (accessed 30 Jan 2023). (In Russ.)

Kozlov V. V., Novikov V. V., Grishin E. V. *Politicheskaya psikhologiya* [Political Psychology]: a textbook for Higher Education Institutions], Moscow, Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 2010. 458 p. (In Russ.)

Kulikov L. V. *Obshchestvennoe soznanie i obshchestvennoe nastroyenie* [Public consciousness and public mood]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12], 2008, issue 2, pp. 33–39. (In Russ.)

Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'* [A Large Psychological Dictionary]. Moscow, St. Petersburg, AST: AST-Moskva: Praym-Evroznak Publ., 2002. 632 p. (In Russ.)

Nikitina S. E., Vasil'eva N. V. *Ekspperimental'nyy sistemnyy tolkovyy slovar' sti-listicheskikh terminov. Printsipy sostavleniya i izbrannyye slovarnye stat'i* [An Experimental System Explanatory Dictionary of Stylistic Terms. The Compilation Principles and Selected Dictionary Entries]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996. 172 p. (In Russ.)

Ol'shanskiy D. V. *Politicheskaya psikhologiya* [Political Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 576 p. (In Russ.)

Austin J. How to do things with words. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vypusk 17: Teoriya rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics. Issue 17: Theory of Speech Acts]. Moscow, 1986, pp. 22–130. (In Russ.)

Parygin B. D. *Sotsial'naya psikhologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii* [Social Psychology.

Problems of Methodology, History and Theory]. St. Petersburg, IGUP Publ., 1999. 592 p. (In Russ.)

Savel'eva I. V. *Neprofessional'nyy politicheskiy diskurs kak novoe kommunikativnoe yavlenie: lingvopragmaticheskiy i lingvopersonologicheskiy aspekty modelirovaniya. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk* [Nonprofessional political discourse as a new communicative phenomenon: linguopragmatic and linguopersonological aspects of modeling. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Kemerovo, 2022. 43 p. (In Russ.)

Sosnin V. A., Kitova D. A., Nestik T. A., Yur-evich A. V. *Massovoe soznanie i povedenie kak ob'ekty issledovaniya v sotsial'noy psikhologii* [Mass consciousness and behavior as objects of research in social psychology]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], 2017, vol. 2, issue 4(8), pp. 71–105. (In Russ.)

Sotsiologicheskiy spravochnik [Sociological Reference Book]. Ed by V. I. Volovich and others. Kyiv, Politizdat Ukrainy Publ., 1990. 382 p. (In Russ.)

Formanovskaya N. I. *Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech Interaction: Communication and Pragmatics]. Moscow, IKAR Publ., 2007. 480 p. (In Russ.)

Formanovskaya N. I. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod* [Speech Communication: A Communicative and Pragmatic Approach]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 2002. 216 p. (In Russ.)

Shestopal E. B. *Politicheskaya psikhologiya* [Political Psychology]: a textbook for Higher Education Institutions]. Moscow, INFRA-M Publ., 2002. 448 p. (In Russ.)

Mabaquiao N. M. Speech act theory: From Austin to Searle. *Augustinian: A Journal for Humanities, Social Sciences, Business, and Education*, 2018, vol. 19 (1), pp. 35–45. (In Eng.)

Rheingold H. *The Virtual Community: Finding Connection in a Computerized World*. Addison-Wesley Longman Publishing, 1993. 325 p. (In Eng.)

Ways of Expressing Public Sentiments in the Texts of Politically-Oriented Internet Community in the VKontakte Social Network

Elena M. Krizhanovskaya

Associate Professor in the Department of Journalism and Mass Communications

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. emkrizh@gmail.com

SPIN-code: 8780-1512

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9008-302X>

ResearcherID: HPG-0768-2023

Submitted 13 May 2023

Revised 19 May 2023

Accepted 19 Jul 2023

For citation

Krizhanovskaya E. M. Sposoby vyrazheniya obshchestvennogo nastroeniya v tekstakh internet-soobshchestva politicheskoy napravlenosti sotsial'noy seti «VKontakte» [Ways of Expressing Public Sentiments in the Texts of Politically-Oriented Internet Community in the VKontakte Social Network]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 49–59. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-49-59 (In Russ.)

The article discusses the most typical ways of expressing public mood that are employed by the participants in discussions in a politically-oriented Internet community. Public mood is understood as a form of mass political consciousness' existence. The study was conducted on the material of texts posted in the Politika (Politics) community of the VKontakte social network from September 21, 2022 to January 6, 2023. On the basis of the Internet posts and comments to them, the research revealed the preferences of Internet users in choosing the pragmatic type of utterance. The pragmatic type is determined by the predominance of a certain component of public moods (emotional, rational, or rational-emotional). The correspondence between the prevailing type of the Internet users' reaction and the pragmatic type of utterance was established taking into account the speech act theory developed by J. Austin and J. Searle and the typology of speech acts proposed by N. I. Formanovskaya.

The paper points out the predominance of the emotive dominant in the structure of the Russian-speaking Internet users' public attitudes. It is realized in the employment of mostly rogative, directive, and representative speech acts in the texts under analysis. Other types of speech acts (expressives, contactives) mainly implement the phatic function of communication in the Internet community. The paper concludes that the use of the identified types of speech acts contributes to the expression of subjective experiences of the community members. It also allows the authors of the texts to propose their own scenarios for the development of the political situation under discussion and to influence the formation of attitudes of other Vkontakte users.

Key words: political discourse; Internet communication; social network; Internet community; political consciousness; public mood; political event; speech act.

УДК 81'36
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-60-69

EDN TRBXVR

О семантике глагольной приставки *о-/об-* в русских народных говорах (на материале лексики, номинирующей нарушения сознания)

Татьяна Аркадьевна Макшакова

инженер-исследователь лаборатории цифровых технологий
в историко-культурных исследованиях

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620083, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. Tatiana.Makshakova@yandex.ru

SPIN-код: 8677-9397

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5354-195X>

ResearcherID: IUN-5436-2023

Статья поступила в редакцию 07.07.2023

Одобрена после рецензирования 31.07.2023

Принята к публикации 28.09.2023

Информация для цитирования

Макшакова Т. А. О семантике глагольной приставки *о-/об-* в русских народных говорах (на материале лексики, номинирующей нарушения сознания) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 60–69. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-60-69

Аннотация. В статье рассматривается система значений глагольного префикса *о-/об-*, участвующего в образовании диалектных обозначений нарушений сознания. Лексический материал был поделен в зависимости от характера основы мотивирующего слова. Отыменные и отглагольные дериваты на *о-/об-* также разбиваются на подгруппы, в рамках которых анализируются определённые типы семантических отношений между исходным и производным словом. Значения данного форманта, выделяемые на материале литературного языка, во многом справедливы и для диалектной лексики, однако нередко в народных говорах фиксируемые модели оказываются более продуктивными: значение *о-/об-* «уподобиться предмету, названному мотивирующей основой» (ср. литер. *окаменеть* 'от неожиданности, страха и т. п., замирать, застывать') реализуется в сев. *остолопиться* 'остолбенеть (от испуга, изумления и т. п.)' («стать таким, как *столоп* 'столб' (новг., ленингр., заонеж., олон., север, калин.)»), яросл., олон. *остожить* 'стать неподвижным от испуга, изумления и т. п.; остолбенеть' («стать таким, как стог») и пр. В случаях затемнения внутренней формы нами предлагается интерпретация языкового факта. Так, арх. лексема *обуреть* (*обуреть*) 'прийти в себя, опомниться' оказывается в подгруппе значения перфективации, поскольку, вероятно, данное слово было образовано от глагола с корнем *-выр-* с общим значением положительного внутреннего изменения (ср. с твер., новг. словом *выреть* 'привыкать, приобретать навык в чем-либо'). «Активация» разных значений приставки при словообразовании приводит к поляризации вариантов: олон. *обуметь* 'выжить из ума, поглупеть, стать забывчивым' и мурман. *обуметь* 'поумнеть'.

Ключевые слова: диалектология; русская диалектная лексика; префиксы; словообразование; семантико-мотивационная реконструкция.

Введение

В последние годы приставка *о-/об-(обо-)* часто оказывается в фокусе внимания учёных, стремящихся определить её статус в современном русском языке (*о-* и *об-(обо-)* – алломорфы или отдельные приставки? [Кронгауз 1998; Эндерсен 2013]), очертить круг узусных значений морфемы (подробнее см. ниже) или определить концептуальные значения [Кошелев 2004] либо «формальную схему»¹ [Добрушина 2011] приставки. В научной литературе рассматриваются также проблемы функционирования приставки *о-/об-(обо-)* в различные временные периоды [Нефедьев 1995; Толстая 2019]. Меньшее внимание уделялось бытованию этой приставки в русских народных говорах. Возможно, это обстоятельство объясняется тождеством семантической структуры приставок в литературном языке и диалектах (однако см. [Синицына 2010]) или затемнённости морфемной структуры слова в диалекте (ср. «тёмные» слова из нашего материала – лексического множества, связанного с обозначениями психической деятельности человека: олон. *очалпéть* ‘остолбенеть’ (СРНГ 25: 59), твер. *остопы́ниться* ‘остолбенеть от испуга, уставясь на кого-либо не мигая’ (СРНГ 24: 74), сев.-двин. *ожукнуться* ‘очнуться’ (СРНГ 23: 82) и пр.). В настоящей статье будут рассмотрены префиксальные глаголы, называющие неподконтрольные сознанию состояния, с точки зрения роли словообразовательного элемента в формировании семантики производной лексемы. Так, анализируемый лексический корпус образуют номинации состояний, обозначающие когнитивную *versus* психологическую *versus* физиологическую антинорму: потеря контроля над собой (состояние аффекта), обморок и помрачение сознания, состояние оцепенения, ступора и пр. Также в фокусе нашего внимания оказываются лексические единицы семантически зеркальной зоны «здоровья», объединяющей лексику со значением ‘прийти в себя’. Материал извлечен из «Словаря русских народных говоров» (СРНГ) и полевой картотеки «Словаря говоров Русского Севера» (КСГРС).

Приставка *о-/об-*², являющаяся континуантом праслав. **о-/об-* (вернее **об-/о-*, поскольку вариант **об-* первичен), постепенно развивает сложную систему значений. Как отмечает М. В. Нефедьев, «приставка *об-* первоначально конкретизировала значение глагола и локально его уточняла» [Нефедьев 1995: 91]. На базе прямого пространственного значения приставки, как кажется, уже в праславянском (подробнее см.: [Толстая 2019]) появляются переносные значения. Отметим «ранние» значения приставки, выделяемые как на базе

позднего праславянского лексического материала [там же: 343–347], так и на материале древнерусского и русского языков (от XI до XVIII вв. включительно в статье [Нефедьев 1995: 91–94])³:

– «обступить, окружить, осадить» (только у [Нефедьев 1995] с контекстами XIII–XV вв.);

– «распространить (распространять) действие на много объектов или много мест в пределах одного объекта» (дистрибутивная семантика);

– «направить действие мимо объекта» (однако М. В. Нефедьев говорит о спорности выделения данного семантико-словообразовательного типа), где для глаголов «непространственного» действия справедлива конкретизация значения как «опередить» (ср. рус. *обойти́* ‘опередить, превзойти’) или «ошибиться» (ср. рус. *оговориться* ‘по ошибке сказать не то’);

– «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, приспособить, подготовить к употреблению или эксплуатации что-л. (иногда кого-л.)»; кажется, данное значение приставки оформляется достаточно поздно, к XVIII в.;

– «движение в сторону», или «удаление или опускание вниз»⁴, нисхождение, уменьшение, освобождение от чего-л., лишение чего-л., ср. рус. *облететь*, *опась*, *оползть* (и далее *оползень*), *осесть*, *отечь*, *осунуться*...».

Отдельно скажем о перфективной семантике *о-/об-*. Как кажется, семантический компонент ‘результативность’ присущ не только глагольной лексике с рассматриваемой приставкой, но и большинству префиксальных глаголов в русском языке, что объясняется системным образованием видовых пар с помощью приставок (ср. значения «действие, названное мотивирующим глаголом, довести до конца или до какого-н. предела» для приставок *до-* и *вы-* и «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом» для *воз-*, *за-*, *из-*, *о-*, *об-* в (РГ-80 1: 356–362)). Однако редко смысловое приращение в префиксальных дериватах ограничивается перфективным значением, ср. литер. *очистить* < литер. *чистить* ‘сделать чистым’, где в семантической структуре *очистить* имплицитно присутствует компонент ‘полностью’.

Переходя к отыменному словообразованию глаголов, отметим, что оно, кажется, не так подробно описано. Так, С. М. Толстая выделяет четыре модели: две в рамках «субъективного» семантического типа (активный – «стать кем, каким» – и каузативный – «сделать кем, каким») и две «объектные» модели (активная – «овладеть чем; получить что-л.» – и каузативная – «наделить кого чем») [Толстая 2019: 347–349].

Думается, что в современном русском литературном языке приведенные выше значения гла-

голов с приставкой *о-/об-* сохраняются, подвергаясь разной степени конкретизации или генерализации. Так, в «сеть» значений приставки *о-/об-* включаются значения «переборщить» (литер. *опоить, объесться*⁵), «обмануть» (прост. *облванить*, ср. это значение для *об-* в (РГ-80 1: 362)), «воздействовать на поверхность» (литер. *оклеить, обнажить*) и пр. [Эндерсен 2013: 43]. Рассмотрим те значения префикса *о-/об-*, которые можно выделить на материале диалектных обозначений процесса потери связи с сознанием.

Префиксальные отыменные дериваты на *о-/об-*

В данной группе префиксальные дериваты⁶ можно разделить на четыре подгруппы в зависимости от семантических отношений между исходным и производным словом. Первые три подгруппы объединяют отсубстантивные глаголы, последняя подгруппа – отадективные, однако глаголы группы с приставкой *о-/об-* часто оказываются в ситуации множественной мотивации (например, *окаменеть* «стать таким, как камень» и «стать как бы каменным»), поэтому количественные показатели подгрупп не могут быть основанием для выводов о продуктивности модели.

Итак, мотивированная основа может отражать следующие значения (ср. значения литературных глаголов с приставкой *о-/об-*, образованных от прилагательных и существительных в [Кронгауз 1998: 137]).

Префиксальные глаголы, производные от существительных

♦ «Метафорически обрести объект, названный мотивирующей основой»: арх. *образумиться* ‘вспомнить’ (КСГРС) («как будто обрести разум»), влг. *обумиться* ‘образумиться’ (СРНГ 22: 251) («как будто обрести ум»).

♦ «Уподобиться предмету, названному мотивирующей основой» (ср. литер. *окаменеть* ‘приобретать вид и свойства камня; становиться твердым, как камень’ и ‘от неожиданности, страха и т. п. замирать, застывать’ (БАС 13: 617–618)): влг. *одубеть* ‘оцепенеть, обомлеть’ (КСГРС) («стать таким, как дуб»), влг. *остолбеть* ‘потерять память от старости, впасть в ма-разм’ и сев.-двин. *остолбить* ‘остолбенеть (от испуга, изумления и т. п.)’ (СРНГ 24: 72) («стать таким, как столб»), сев. *остолопиться* ‘остолбенеть (от испуга, изумления и т. п.)’ (СРНГ 24: 73) («стать таким, как *столоп* ‘столб’ (новг., ленингр., заонеж., олон., север, калин.) (СРНГ 41: 222)»), яросл., олон. *остожить* ‘стать неподвижным от испуга, изумления и т. п.; остолбенеть’ (СРНГ 24: 68) («стать таким, как стог»), волог., яросл., вят., урал. *одыбеть* ‘остолбенеть’ (СРНГ 23: 69–70) («стать таким, как *дыба* ‘столб,

на котором укреплен колодезный журавль’ (волог.) (СВГ 2: 68)»⁷).

Относя яросл., волог. *обалдеть* ‘одуреть или лишиться сознания’ (СРНГ 21: 345) к данной подгруппе, мы можем предположить значение «стать таким, как *балда*⁸ ‘палка’ (влад., перм., сибир.) (СРНГ 2: 79)», что, кажется, отсылает к образу человека с нарушенным сознанием как неудавшегося творения, недочеловека (подробнее см.: [Леонтьева 2008: 203–204]). Однако А. Д. Кошелев [Кошелев 2004: 79] предполагает для прост. глаг. *обалдеть* значение «становится *балдой* ‘бестолковым, глупым человеком’ (БАС 1: 353)», ср. метафорический перенос в прост. *балда* ‘дубина, палка’ → ‘бестолковый человек, дурак’ (Аникин 2: 135).

В рус. литов. *одрантвётъ* ‘оцепенеть, окоченеть’ (СРНГ 23: 63), очевидно, актуализируется предметный образ. Несмотря на эпентезу «н», внутренняя форма остается прозрачной (ср. литер. *дратва* ‘прочная просмоленная или наощенная нитка для шитья обуви, кожаных изделий’ (МАС 1: 444)). Подобное ассоциирование оцепенения с жесткой нитью можно объяснить двояко. С одной стороны, возможно, номинирующий уподобляет человека в ступоре или его окоченевшие части тела самой дратве или результату взаимодействия с ней (ср. разг. *руки как наждачка*). С другой стороны, оцепенение характеризуется неподвижностью, очевидной для наблюдающих за человеком в этом состоянии. Возможно, в основу мотивации глагола *одрантвётъ* мог лечь образ чего-то, что скреплено прочной дратвой, которая используется при подшивании обуви (ср. диалектное значение лексемы *дратва* ‘провода’ (прибалт., смол.) (СРНГ 8: 175)). В таком случае данный глагол стоит рассматривать в следующей подгруппе.

Также отдельно отметим арх. *обычиться* ‘опешить, остолбенеть (от удивления, неожиданности)’ (КСГРС), где переживающий состояние уподобляется не предмету, а живому существу: «стать таким, как бык», ср. прост. *набычиться* ‘надуться, насупиться’ (Ефремова 2000)). Вероятно, в основу сопоставления ложится впечатление от выжидающей стойки быка, замирающего перед нападением.

♦ «Нарушать связь с сознанием с помощью того, что названо мотивирующей основой»: пск. *одурманивать* ‘лишать памяти и сознания’ (СРНГ 23: 68) (ср. пск., твер., курск., орл., ворон. *дурман* ‘название некоторых (обычно ядовитых или сорных) растений’ (СРНГ 8: 267)), курск., смол., зап.-брян. *одуривать* ‘наводить на кого-л. одурь, помешательство, лишать рассудка, сознания; одурманивать, затуманивать’ (СРНГ 23: 68), алт. *отравить* ‘лишить сознания’ (СРНГ 24: 288).

◆ «Переживать состояние, при котором нарушается связь с сознанием с помощью того, что названо мотивирующей основой»: пск., твер., зап.-брян. *очмуревать* 'впасть в обморочное состояние, потерять сознание' (СРНГ 25: 70) (ср. смол. *чмур* 'едкий запах от подгоревшей пищи, чад' и смол. *чмур* 'болезненное состояние от угара' (ССГ 11: 113)), смол. *озяляться* 'омрачаться' (СРНГ 23: 103) (ср. отглагольный дериват пск., смол. *озяление* 'помутнение, помрачение сознания' (СРНГ 23: 103)).

Префиксальные глаголы, производные от прилагательных

Значения префикса *о-/об-* данной глагольной группы объединяются концептуальным значением «новое качество, названное мотивирующей основой», однако требуют конкретизации в зависимости от «площади» распространения и активности или каузированности действия.

◆ «Обрести качество, названное мотивирующей основой, стать таким (о психическом состоянии)»: арх. *объяреть* 'рассердиться, рассвирепеть' («стать ярим, яростным») (КСГРС), арх. *одичать* 'потерять ум' (КСГРС) («стать диким 'сумасшедшим' [СРНГ 8: 56]») и волог. 'остолбенеть, поразиться' (СРНГ 23: 34) («стать диким»⁹), (без указ. места) *ошалаветь* 'одуреть, утратить временно память, сознание (от угара, опьянения и т. п.)' (СРНГ 25: 77) («стать *шалавым* 'безрассудным, взбалмошным' (перм.) (СПГ 2: 540)»), арх. *ошаветь* 'прийти в смятение, в замешательство, остолбенеть' (СРНГ 25: 76) («стать *шавным* (печор.) 'одурманенным чем-н.' (СРНГ 2: 434)), новосиб. *оглоумнеть* 'поглубеть' (СРНГ 22: 319) («стать *глумным* (орл., курск., костром., влад., пск., ленингр., смол. калуж., новосиб.) 'умственно неполноценным, придурковатым; глупым, бестолковым' (СРНГ 6: 211)»), орл., вят., пск., смол. *обмертветь* 'лишиться сознания, обмереть' (СРНГ 22: 126), новг. *омертветь* 'потерять сознание' (СРНГ 23: 200) («стать *как бы мертвым*»).

◆ «Обрести качество, названное мотивирующей основой, стать таким (о части тела)»: яросл., новг., волог., олон. пенз., сарат., вят. *остаметь* 'стать неподвижным от испуга, остолбенеть, оцепенеть' (СРНГ 24: 56) («стать *стамым* 'онемевший, одеревенелый (о руках, ногах)' (арх.) (СРНГ 41: 42)»), нижегор., волог. *одрябнуть* 'окоченеть, оцепенеть' (СРНГ 23: 65) («стать *дряблым* 'слабым', возможно, о теле (СРНГ 8: 225), ср. костром., волог. *дрябнуть* 'терять чувствительность, затекать, неметь (о частях тела)' (СРНГ 8: 225)), *остеклеть* арх. 'оцепенеть, застыть от страха' и иркут., ярослав. 'потерять на время самообладание, обезуметь от гнева, страха

и т. п.' (СРНГ 24: 65) («стать *стеклянным*»; вероятно, изначально о взгляде, ср. лит. *стеклянный* 'неподвижный, остановившийся, безжизненный (о взгляде, взоре)' (Ефремова), однако см. арх. контекст: «Егда увидит больной человек смерть, от страха забудется, и язык его умолкнет, ноги остеклеют» (дух. стихи) (СРНГ 24: 65)).

◆ «Наделить качеством, названным мотивирующей основой, сделать таким»¹⁰: (без указ. места) *обмертвить* 'лишить сознания, довести до обморока' (СРНГ 22: 126) («сделать *как бы мертвым*»; думается, каузативное значение формируется не приставкой, а чередующимся суффиксом: ср. лит. *обессилеть* – *обессилить*, *белеть* – *белить* и пр.).

Префиксальные отглагольные дериваты на *о-/об-*

Обозначенная отглагольная группа дериватов численно превосходит множество отыменных глаголов с рассматриваемой приставкой, что согласуется с общими закономерностями словообразовательной деривации: «В словообразовании глаголов ведущее место занимает внутриглагольное словообразование» [Новикова 2016: 147].

В группе внутриглагольного словообразования выделяются следующие значения префикса *о-/об-*.

1. «Довести до результата действие, названное мотивирующим глаголом»: олон. *обмалтаться* 'опомниться, опаматоваться, очнуться' (СРНГ 22: 118) (ср. *малтать* олон., новг., волог., арх. 'понимать, разуметь', олон. 'чувствовать, ощущать' (СРНГ 17: 339)), смол., сев.-двин. *обомлеть* 'потерять сознание' (СРНГ 22: 170) (ср. пск. смол. *млеть* 'слабеть, падать в обморок; терять сознание' (СРНГ 18: 183)).

Кажется, арх. лексемы *обуреть* и *обыреть* 'прийти в себя, опомниться' (КСГРС) также стоит отнести к подгруппе значения перфективации: вероятно, приставка *об-* присоединилась к корню *-выр-*, подвергшемуся преобразованиям на морфемном шве. Так, обозначенные лексемы возможно сопоставить с твер., новг. словом *выреть*¹¹ 'привыкать, приобретать навык в чем-либо' (СРНГ 5: 341). Семантика положительного внутреннего изменения способствует появлению значения выхода из состояния нарушенного сознания. Показателен пример с родственной лексемой: арх. *обуркаться* 'очнуться, опомниться; отрезвиться' (СРНГ 22: 253) и волог. *обуркаться* 'обвыкнуть, освоиться, адаптироваться' (СВГ 6: 12), 'поправиться, выздороветь' (НОС: 686). С другой стороны, существует версия Т. В. Горячевой [Горячева 1994: 68–70], согласно которой рассматриваемые глаголы относятся к праслав. **obyр'ati(se)* 'опомниться, успокоиться,

разгуляться (о погоде); привыкнуть к обстановке', где данное значение развивается на базе значения 'беспокоиться (о человеке, природе)'. Так, префикс *о- «придает смысл окончания быстрого движения, беспокойства и перехода к покою, ясности – в душе и в погоде, ср. русск. *охирять* 'поправиться, выздороавливать'» [там же: 69].

2. «Причинить вред с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»¹²: арх. *ошибить* в выражении *обморок* *ошибёт* 'о падении в обморок' (КСГРС)¹³, *отуровить* вост. 'лишить памяти, сознания' и сиб. 'сильным ударом лишить сознания' (СРНГ 24: 347) (ср. *турить* иркут. 'с силой бросать что-л., швырять', ленингр., арх., яросл. 'ударять, бить, колотить', волог., сев-двин., брян., смол., краснодар., ставроп., краснояр. 'толкать, пихать кого-л.' (СРНГ 45: 268)), влг. *олопеть* 'выжить из ума' (КСГРС), влг. *олапеть* 'поглупеть, потерять разум' (КСГРС) (ср. волог., перм., яросл. *лопать* 'бить, колотить' (СРНГ 17: 136)), вят., калуж., том., сиб. *ошаращить* 'сильным ударом оглушить, лишить сознания' (СРНГ 25: 79), перм. *ошаращиться* 'растеряться, остолбенеть' (СРНГ 25: 79) (ср. прост. *шарахнуть* 'сильно ударить'), арх. *ошаровить* 'ошеломить, ошаращить' (КСГРС) (ср. арх. *ошаровить* 'ударить, стукнуть' (КСГРС)¹⁴).

Для глаголов пск., твер. *оглуметь* 'стать в тупик, остолбенеть' (СРНГ 22: 320) и зап.-брян. *оглумить* 'сильным ударом по голове лишить сознания, рассудка; оглушить' (СРНГ 22: 320) закономерно восстанавливается основа **glum-*, являющаяся наравне с **glup-* вторичным расширением с помощью экспрессивного суффикса *-m/-p-* на базе усеченного **glux-* (ЭССЯ 6: 147–148). Как кажется, связь с идеей глухоты, оглушения сохраняется в дериватах гнезда *-глум-*, что позволяет в данном случае конкретизировать деструктивное воздействие как негативное влияние на слух человека.

Представляется, что разработанность обозначенной глагольной группы не случайна: мотивационная модель «ударить» – «лишить связи с сознанием» выделяется достаточно рано в русском языке (например, см. обозначенное семантическое развитие для дериватов **bax-*, **biti*, **čьk-*, **dvignoti*, **gluzdь*, **pьx-/pix-*, **šal-*, **šib-*, **trax-*, **trep-*, **tresti*, **тк-* в [Турилова 2010]).

3. «Прекратить действие, названное мотивирующим глаголом»: арх. *оганиться* 'опомниться' (КСГРС) (ср. свердл. *ганиться* 'недомогать; находиться в расслабленном состоянии' (СРНГ 6: 135)), том. *одыбариться* 'очнуться, прийти в себя' (СРНГ 23: 69) (ср. новосиб., свердл., южн.-сиб., перм. *дыбать* 'неустойчиво стоять на ногах, шататься (о ребенке, пьяном, больном)' (СРНГ 8: 288)), влг. *оклемать* 'безл. прийти в

состояние, способствующее тому, чтобы что-л. вспомнить; проясниться в голове' (КСГРС), твер., ряз., вят., перм., тул., ставроп., ряз., якут. *оклёмываться* 'прийти в себя, очнуться после обморока, бесчувственного состояния, сильного удара и т. п.; опаматоваться после смятения, растерянности, испуга и т. п.' (СРНГ 23: 125), смол. *отошниться* 'опомниться, очнуться; проснуться' (СРНГ 24: 264) (ср. волог. *тошниться* 'беспокоиться, нервничать' (СРНГ 44: 310)), смол. *осалапеть* 'лишиться способности двигаться, остолбенеть' (СРНГ 23: 351) (ср. смол. *солонеть* 'двигать языком; говорить вздор, пустословить' (ССГ 10: 77)).

Третья подгруппа интересна «специализацией» значения префикса: семантика прекращения действия последовательно репрезентируется глаголами с общей семемой 'обрести нормальное состояние сознания' (исключение на нашем материале представлено глаголом *осалапеть*, где, думается, отражается связь между нарушением сознания и нарушением речи). Если в случае с лексемами *оганиться*, *одыбариться*, *отошниться* очевидна поляризация значения при словообразовательной деривации (X 'слабеть, недопомогать' – оX 'обретать силы, приходиться в себя'), то в *оклемать* и *оклёмываться*, где производящая основа возводится к форме **klemati* (гнездо **kle-/*klem-/*klim-* 'гнуть, клонить' (ЭССЯ 9: 194)), стоит усматривать образное осмысление сценария прихода в себя: человек, обретающий сознание, как бы распрямляется, разгибается.

4. «Воздействовать на все стороны чего-н., на объект полностью»: арх. *оплывать* 'цепенеть от ужаса' (СРНГ 23: 268) (ср. (без указ. места) *оплывать* 'становиться переспелым, перезревать' (СРНГ 23: 268), также ср. лит. *оплывать* 'становиться одутловатым, отечным (о лице, теле)' (БАС 13: 758)), орл. *обмырять* 'лишать сознания, доводить до обморока' (СРНГ 22: 139) (ср. у (Даль 2: 627): *обныривать*, *обнырять* все омуты, выныривать всюду)), калин. *облунеть* 'лишиться сознания, упасть в обморок' (СРНГ 22: 111) (префиксальный дериват корня **lun-* [Куркина 1985: 20], ср. смол. *лунуть* 'умереть; издохнуть' (СРНГ 17: 196)), костром. *обохмурить* 'о головокружении' (СРНГ 22: 185) (возможно, стоит сравнивать с омск. *хмара* 'состояние временного помрачения, сонливость, бессилие' (СРНГ 50: 294)), калуж. *обморить* 'довести до обморока кого-л.' (СРНГ 22: 120), дон. *обмаривать* 'лишиться сознания' (СРНГ 22: 120) и 'чувствовать слабость, дурноту, быть в состоянии, близком к обмороку' (там же).

5. «Действие, названное мотивирующим глаголом, метафорически направить вокруг чего-н.»:

сиб., колым. *о́кружа́ть* 'потерять память, сознание, утратить способность ясно воспринимать окружающее' [СРНГ 23: 166], влг. *о́кружи́ть* 'безл. закружиться (о голове)' (КСГРС), сев.-двин. *о́кружи́ться* 'докружиться до головокращения' (СРНГ 23: 166), арх. *о́кружну́ться* 'почувствовать головокружение' (там же: 167), вят., перм. *о́кружило голову* 'о головокружении' (СРНГ 23: 167), влг. *о́бно́ситъ (голову)* 'безл. о головокружении' (КСГРС), новг. *о́туря́ть* 'закружиться (о голове)' (СРНГ 24: 348), волог., костром., вят., перм., олон. *о́туря́ть* 'безл. одурманить, лишитъ памяти, сознания' (СРНГ 24: 348), (без указ. места) *о́ту́роветь* 'сильно, до беспамятства опьянеть; временно утратить память, сознание' (СРНГ 24: 347) (ср. волог. *ту́рять* 'двигаться, бросаться из стороны в сторону, вверх-вниз (о бумажном змее)' (СРНГ 45: 264), перм. *ту́рить* 'пошатывать, шатать (при головокружении)' (там же: 269)).

Глаголы пятой подгруппы объединены не только словообразовательным значением кругового движения, но и семантической зоной «головокращение». Возможно, в данных примерах значение приставки не нейтрализуется, а модифицируется¹⁵: дублируя семантику корня, префикс *о-* начинает выполнять усилительную функцию, что согласуется с общей экспрессивностью лексического множества.

Полисемия приставки и поляризация значений слова

Семантика мотивированного слова конструируется из значений мотивирующей основы и словообразовательного форманта. В таком случае фиксируемая в гнезде энантиосемия¹⁶ может «провоцироваться» активацией разных значений приставки при словообразовании. Обозначим найденные сочетания значений приставки, приводящих к поляризации вариантов слов.

*«Метафорически обрести то, что названо мотивирующей основой» и «направить действие мимо объекта»*¹⁷

Лексема *обуметь* (СРНГ 22: 251) может минимировать как процесс утраты связи с сознанием (олон. 'выжить из ума, поглупеть, стать забывчивым', волог. 'опешить, растеряться; испугаться'), так и возвращение в нормальное психофизиологическое состояние (мурман. 'поумнеть', якут., амур. 'образумиться', волог. 'суметь, сообразить что-либо сделать'). Вероятно, такие лексико-семантические варианты глагола, как олон. *обуметь* 'выжить из ума, поглупеть, стать забывчивым' и волог. *обуметь* 'опешить, растеряться; испугаться', можно сопоставить с литер. *наобум* 'не раздумывая' (*на* + *об-ум* (Фасмер 3: 42)) и *обум* арх., волог. 'наобум, на авось', арх.

'праздно, без дела', арх., перм. 'без толку, зря, напрасно' (СРНГ 22: 251), где также реализуется значение приставки *об-* «мимо» в сочетании с основой *ум*.

«Причинить вред с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» и «доставить до результата действие, названное мотивирующим глаголом»

Перм. глагол *ошара́шиться* фиксируется в значениях 'остолбенеть' (СРНГ 25: 79) и 'поняв ошибочность своего поведения, образумиться, остановиться' – *Поглядела на дом-от и думаю: дома, поди, че-то надо, а я бегаю с девками; с той поры че-то ошарашилась, больше не стала бегать* (СПГ 2: 67). Кажется, в данном случае поляризация значений происходит из-за разной интерпретации связи с прост. *шара́хнуть* 'сильно ударить': для *ошара́шиться* 'остолбенеть' очевидна модель «бить, ударять» – «лишать связи с сознанием», а для *ошараши́ться* 'поняв ошибочность своего поведения, образумиться, остановиться' восстанавливается переход «бить, физически воздействовать» – «приводить в чувство», ср. арх. *растряса́ть* 'трясти, заставляя очнуться, опомниться, приводить в чувство кого-либо' (СРНГ 34: 278), вят. *растуруши́кать* 'привести в чувство, в сознание' (СРНГ 34: 282). С точки зрения семантики префиксы синонимичны: в первом случае префиксальный формант «усиливает» значение корневой морфемы (деструктивное физическое воздействие), а во втором – только оформляет перфективацию.

Результаты

В статье рассмотрены диалектные глаголы с префиксом *о-/об-*, обозначающие как процесс потери связи с сознанием, так и процесс обретения когнитивной и психофизиологической нормы. Как было показано, в данном лексическом множестве присоединение приставки *о-/об-* возможно к мотивирующим основам с разным категориально-грамматическим компонентом в структуре значения. Представляется, что для группы отыменных дериватов на *о-/об-* справедливы приведенные ниже наблюдения:

– рассмотренные префиксальные наименования состояния оцепенения объединены значением «уподобиться предмету, названному мотивирующей основой»: влг. *одубе́ть* 'оцепенеть, обомлеть' («стать таким, как дуб»), яросл., олон. *остожи́ть* 'стать неподвижным от испуга, изумления и т. п.; остолбенеть' («стать таким, как стог») и пр. Думается, продуктивность обозначенной модели объясняется самоочевидностью отождествления человека в состоянии оцепенения с чем-то неподвижным, ср. контекст *Увидела, испугалась и как одубела* (КСГРС);

– производные глаголы со значениями «нарушать связь с сознанием с помощью того, что названо мотивирующей основой» и «переживать состояние, при котором нарушается связь с сознанием с помощью того, что названо мотивирующей основой» указывают на то, что процесс утраты сознания может связываться с действием определенного вещества. Так, во внутренней форме пск., твер., зап.-брян. глагола *очмуревать* ‘впасть в обморочное состояние, потерять сознание’, вероятно, отражается связь со смол. *чмур* ‘едкий запах от подгоревшей пищи, чад’.

Множество отглагольных дериватов на *о-/об-* на нашем материале представлено большим количеством языковых фактов. Проанализировав наполнение групп, выделенных на основании общности словообразовательного значения, можем предположить следующее:

– для определенных семантических зон рассматриваемого лексического множества характера «специализация» значения префикса *о-/об-*. Так, глаголы с общей семемой ‘обрести нормальное состояние сознания’ последовательно выражают семантику прекращения действия (значение «прекратить действие, названное мотивирующим глаголом»): арх. *оганиться* ‘опомниться’, ср. свердл. *ганиться* ‘недомогать; находиться в расслабленном состоянии’. То же закономерно и для номинаций головокружения: значение «действие, названное мотивирующим глаголом, метафорически направить вокруг чего-н.» репрезентируется в сиб., колым. *окружать* ‘потерять память, сознание, утратить способность ясно воспринимать окружающее’, вят., перм. *окружило голову* ‘о головокружении’, влг. *обносить (голову)* ‘безл. о головокружении’ и пр.;

– интенсивное значение приставки *о-/об-* конкретизировано нами как «воздействовать на все стороны чего-н., на объект полностью» (калин. *облунеть* ‘лишиться сознания, упасть в обморок’, ср. смол. *лунуть* ‘умереть; издохнуть’) и «причинить вред с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» (влг. *олопеть* ‘выжить из ума’, влг. *оланеть* ‘поглупеть, потерять разум’, ср. волог., перм., яросл. *лопать* ‘бить, колотить’). Подобная разработанность обозначенной семантической зоны может каузироваться экспрессивностью анализируемой лексики.

Таким образом, диалектный материал позволяет расширить основной перечень значений приставки *о-/об-*, а также проследить закономерности использования данного форманта в образовании лексем, называющих нарушения сознания.

Примечания

¹ Подokkaзиональным термином «формальная схема» понимается «такой семантический

конструкт, который всегда находится в истоках семантического взаимодействия данной приставки с глагольной основой» [Добрушина 2011: 32].

² В данной работе мы считаем *о-* и *об-(обо-)* вариантами одной приставки, также здесь и далее речь идет о глагольной приставке *о-/об-*.

³ Далее представлены семантические типы глаголов с *о-/об-*, производных от бесприставочных глаголов.

⁴ О глаголах падения с приставкой *о-/об-* см.: [Кулешова, Рыжова 2020].

⁵ Примеры взяты из указанной статьи.

⁶ Производность от именных основ предполагает выделение не просто префикса, но конфикса, однако это не принципиально в рамках заявленной темы, поэтому далее на специфике «составного» аффикса не останавливаемся.

⁷ Однако возможно сопоставить с яросл. глаголом *дыбеть* ‘дрябнуть’ (ЯОС 4: 28) или свердл. *дыбать* ‘стоять без дела’ (СРГСУ 1: 149).

⁸ Не стоит исключать возможность внутриглагольного словообразования, ср. *балдить* ‘пьянствовать’ (СРНГ 2: 80).

⁹ Глагол *одичать* принадлежит разветвленному в русском языке гнезду *-дик-*, ср. номинации из близкой семантической области: арх. *диковать* ‘терять рассудок, чудить’, арх. *дикумный* ‘помешанный, ненормальный’, арх. *задичать* ‘выжить из ума; сойти с ума’, арх. *издичать* ‘сойти с ума’ и пр. Как кажется, для приведенных дериватов *-дик-* существенна идея повышенной активности. В «Русском этимологическом словаре» (Аникин 14: 26–27) для прилагательного *дикий* (с диал. значениями ‘сумасшедший, безумный’, ‘глупый’, ‘шалевой’) реконструируется праслав. **dikъ(jь)* ‘дикий, первобытный’, ‘безлюдный, не освоенный’, ‘дикорастущий’, ‘страшный, шалевой, необузданный’, что подтверждает системность семантики активного действия в корневом гнезде. Однако лексема *одичать* называет процесс временной утраты физической и интеллектуальной деятельности. Возможно, в данном случае в процессе семантико-словообразовательной деривации актуализируется только компонент ‘чужой’ (ср. влг. *очужалой* ‘глупый, умственно неадекватный, выживший из ума’ – *Не ходи к ему, он уж очужалой* (КСГРС)), что заставляет смотреть на ситуацию остолбенения как на отчуждение человека.

¹⁰ Ср. отглагольное существительное смол. *ослепление* ‘зablуждение, ослепление; помрачение рассудка’ (СРНГ 24: 22).

¹¹ Подробнее о происхождении слова см.: (Аникин 9: 184).

¹² Ср. интенсивные значения приставки *об-* в [Годизова 2012: 32]: *обругати, обранити, обкусати* и др.

¹³ Возможна интерпретация через словообразовательное значение приставки «довести до результата действие, названное мотивирующим глаголом», ср. русск. карел. *шйбнуть* 'приводить в состояние обморока, потери сознания'. (СРГКСО 6: 866).

¹⁴ Однако возможна интерпретация через значение «сделать шалым», ср. иркут. *ошеромыжить* 'безл. об ощущении внезапного сильного холода, испуга, и т. п.' (СРНГ 25: 85), где аналогичная мена плавного согласного в корне (подробнее см.: [Сурикова 2016б]).

¹⁵ Ср. отнесение лит. глагола *окружить* к группе «направить действие на все стороны, на всю поверхность предмета или вокруг предмета (пространства)» в [Кронгауз 1998: 137].

¹⁶ В данном разделе мы говорим о собственно энантиосемии, т. е. о случаях внутрисловной антонимии, фиксируемой в говорах на одной территории. Подробнее о терминологии в исследованиях, посвященных русским народным говорам, см.: [Сурикова 2016а: 139]

¹⁷ Ср. значение «метафорически отклониться “не попасть” в ориентир» [Эндерсен 2013: 43].

Список источников

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.

БАС – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб: Наука, 2005–. Т. 1–.

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. М.; СПб: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880.

Ефремова – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М.: Дрофа; Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 08.06.2023).

КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой; Ин-т рус. яз. М.: Рус. язык, 1985–1988.

НОС – Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

РГ-80 – Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 т. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.

СРГКСО – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Среднеурал. книж. изд-во: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССГ – Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск: Изд-во СГПИ/СГПУ, 1974–2005.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987.

Список литературы

Годизова З. И. История глаголов интенсивного способа действия в русском языке XI–XVII вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владикавказ, 2012. 48 с.

Горячева Т. В. Этимологические заметки по восточнославянской метеорологической лексике // *Этимология* 1991–1993. М.: Наука, 1994. С. 65–74.

Добрушина Е. Р. К вопросу семантической целостности русских глагольных приставок // *Вопросы языкознания*. 2011. № 5. С. 31–43.

Кошелев А. Д. О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // *Вопросы языкознания*. 2004. № 4. С. 68–101.

Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.

Кулешова М. Л., Рыжова Д. А. Лексико-типологический подход к анализу приставочных дериватов: глаголы падения с приставками **о-/об-* в русском, сербском и словенском языках // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2020. № XVI (1). С. 299–343. doi 10.30842/alp2306573716109

Куркина Л. В. Славянские этимологии (**luna* / **lun'a*, **setьпъ* и **sotiti*, **сторьпъкъ*, **telm-* / **tolm-* / **tlm-*, **trek-* / **trok-* / **trak-*, **tronьka*, **zqьbьl*) // *Этимология* 1983. М.: Наука, 1985. С. 20–30.

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2008. 280 с.

Нефедьев М. В. Заметки о развитии словообразовательных типов (на примере глаголов с

приставкой об-) // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 90–95.

Новикова Л. Н. Глагольные словообразовательные категории в Тверских говорах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2016. № 3. С. 147–152.

Синицына Е. В. Семантические характеристики глагольных префиксов в синхронии и диахронии (на материале донских казачьих говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 28 с.

Сурикова О. Д. О нетривиальной семантике русских слов с приставкой без- // Русский язык в научном освещении. 2016а. № 1. С. 130–157.

Сурикова О. Д. Еще раз о русском слове шаромыга // Научный диалог. 2016б. № 10. С. 113–124.

Толстая С. М. Праславянские глаголы с префиксом *ob-/o-: морфонология, словообразование, семантика // Славянское и балканское языкознание: русистика. Славистика. Компаративистика: сб. к 64-летию С. Л. Николаева. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2019. С. 333–354.

Турилова М. В. Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 309 с.

Эндерсен А. А. Самостоятельные морфемы или позиционные варианты? Морфологический статус русских приставок о- и об- в свете новых данных: корпус и эксперимент // Вопросы языкознания. 2013. № 6. С. 33–69.

References

Godizova Z. I. *Istoriya glagolov intensivnogo sposoba deystviya v russkom yazyke XI–XVII vv.* Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [The history of the verbs of the intensive mode of action in the Russian language of the 11th–17th centuries. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Vladikavkaz, 2012. 48 p. (In Russ.)

Goryacheva T. V. *Etimologicheskie zametki po vostochnoslavjanskoy meteorologicheskoj leksike* [Etymological notes on the East Slavic meteorological vocabulary]. *Etimologiya 1991–1993* [Etymology 1991–1993]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 65–74. (In Russ.)

Dobrushina E. R. *K voprosu semanticheskoy tselostnosti russkikh glagol'nykh pristavok* [On the problem of semantic integrity of Russian preverbs]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2011, issue 5, pp. 31–43. (In Russ.)

Koshelev A. D. *O kontseptual'nykh znacheniyakh pristavki o-/ob-* [On the conceptual meanings of the prefix o-/ob-]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2004, issue 4, pp. 68–101. (In Russ.)

Krongauz M. A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and

Verbs in the Russian Language: Semantic Grammar]. Moscow, LRC Publishing House, 1998. 288 p. (In Russ.)

Kuleshova M. L., Ryzhova D. A. *Leksiko-tipologicheskij podkhod k analizu pristavochnykh derivatov: glagoly padeniya s pristavkami *o-/ob- v russkom, serbskom i slovenskom yazykakh* [Lexical typological approach to prefix derivatives: verbs of falling with the prefixes *o-/ob- in Russian, Serbian and Slovenian]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2020, vol. 16, pt. 1, pp. 299–343. (In Russ.)

Kurkina L. V. *Slavyanskije etimologii (*luna / *lun'a, *setьnъjъ и *sotiti, *stopьnъkъ, *telm- / *tolm- / *tъlm-, *trek- / *trok- / *trak-, *tronъka, *zobьlъ)* [Slavic etymologies (*luna / *lun'a, *setьnъjъ и *sotiti, *stopьnъkъ, *telm- / *tolm- / *tъlm-, *trek- / *trok- / *trak-, *tronъka, *zobьlъ)]. *Etimologiya 1983* [Etymology 1983]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 20–30. (In Russ.)

Leont'eva T. V. *Intellect cheloveka v russkoj yazykovoy kartine mira* [Human Intelligence in the Russian Language Picture of the World]. Yekaterinburg, Russian State Vocational-Pedagogical University Press, 2008. 280 p. (In Russ.)

Nefed'ev M. V. *Zametki o razvitii slovoobrazovatel'nykh tipov (na primere glagolov s pristavkoj ob-)* [Notes on the development of word-formation types (a case study of verbs with the prefix ob-)]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 1995, issue 6, pp. 90–95. (In Russ.)

Novikova L. N. *Glagol'nye slovoobrazovatel'nye kat'egorii v Tverskikh govorakh* [Verbal word-formation categories in Tver dialects]. *Vestnik TvGU. Seriya Filologia* [Herald of Tver State University. Series: Philology], 2016, issue 3, pp. 147–152. (In Russ.)

Sinitsyna E. V. *Semanticheskie kharakteristiki glagol'nykh prefiksov v sinkhronii i diakhronii (na materiale donskikh kazach'ikh govorov)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Semantic characteristics of verbal prefixes in synchrony and diachrony (based on the material of Don Cossack dialects). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2010. 28 p. (In Russ.)

Surikova O. D. *O netrivial'noy semantike russkikh slov s pristavkoj bez-* [On the non-trivial semantics of Russian words formed with the prefix bez-]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2016а, issue 1, pp. 130–157. (In Russ.)

Surikova O. D. *Eshche raz o russkom slove sharomyga* [One more time on the Russian word 'sharomyga']. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2016b, issue 10, pp. 113–124. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Praslavjanskije glagoly s prefiksom *ob-/o-: morfonologija, slovoobrazovanie, semantika [Proto-Slavic verbs prefixed with *ob-/o-: Morphology, word formation, semantics]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: rusistika. Slavistika. Komparativistika. Sbornik k 64-letiju S. L. Nikolaeva* [Slavic and Balkan Linguistics: Russian Studies. Slavistics. Comparative Studies. A collection dedicated to the 64th birthday of S. L. Nikolaev], Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 333–354. (In Russ.)

Turilova M. V. *Geneticheskaya i motivatsionnaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya*

‘Bezumie’ v russkom yazyke. Diss. kand. filol. nauk [Genetic and motivational characteristics of the lexical and semantic field ‘Madness’ in the Russian language. Cand. philol. sci. diss.], Moscow, 2010. 309 p. (In Russ.)

Endersen A. A. Samostoyatel’nye morfemy ili pozitsionnye varianty? Morfologicheskij status russkikh prstavok o- i ob- v svete novykh dannyx: korpus i eksperiment [Separate morphemes or allomorphs? Morphological status of the Russian prefixes o- and ob- in the light of the new data: Corpus and experiment]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 2013, issue 6, pp. 33–69. (In Russ.)

On the Semantics of the Verbal Prefix *o-/ob-* in Russian Vernacular Dialects (Based on Vocabulary Denoting Consciousness Disorders)

Tatyana A. Makshakova

Research Engineer at the Laboratory of Digital Technologies in Historical and Cultural Studies
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, prospekt Lenina, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation. Tatiana.Makshakova@yandex.ru

SPIN-code: 8677-9397

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5354-195X>

ResearcherID: IUN-5436-2023

Submitted 07 Jul 2023

Revised 31 Jul 2023

Accepted 28 Sep 2023

For citation

Makshakova T. A. O semantike glagol’noy prstavki *o-/ob-* v russkikh narodnykh govorakh (na materiale leksiki, nominiruyushchey narusheniya soznaniya) [On the Semantics of the Verbal Prefix *o-/ob-* in Russian Vernacular Dialects (Based on Vocabulary Denoting Consciousness Disorders)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 60–69. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-60-69 (In Russ.)

Abstract. The article examines the system of meanings of the verbal prefix *o-/ob-* as participating in the formation of dialectal denominations of consciousness disorders. In the course of study, the lexical data were divided depending on the nature of the motivating word stem. *O-/ob-* denominal and verbal derivatives were also divided into subgroups. Certain types of semantic relations between the original word and the derivative were studied within the subgroups. The meanings of the affix identified on the basis of the standard language data are mostly relevant to dialect vocabulary; however, the noted models often turn out to be more productive in vernacular dialects: the meaning ‘to become like the object named by the motivating stem’ (c. f. the standard language word *okamenét*, i. e., to become like a stone ‘because of surprise, fear, etc., to freeze’) is embodied in the Northern *ostolópit’sya* (because of fright, amazement, etc.), which means to ‘become like a *stolóp*’, i.e., a pillar (Novg., Leningr., Zaonezh., Olon., North., Kalin.), in the Yaroslav., Olon. *ostozhit* ‘to become motionless because of fright, amazement, etc.’ (‘to become like a hay stack’), etc. In cases of de-etymologization of the inner form, we propose an interpretation of the linguistic fact. For example, the Arkh. lexeme *oburét* (*obyret*) ‘to come to one’s senses’ is referred to the subgroup of the perfection meaning (bring to an end) since there should be restored the prefix *ob-* and the root *-vyr-* (with the general meaning of a positive internal change) (c. f. the Tver., Novg. word *vyrét* ‘get used to, acquire skills in something’). The root has undergone transformations on the morphemic seam. The ‘activation’ of different meanings of the prefix during word formation leads to the polarization: the Olon. *obumét* ‘to go out of mind, to become stupid, to become forgetful’ and the Murman. *obumét* ‘to get smart’.

Key words: dialectology; Russian dialect vocabulary; prefixes; word formation; semantic and motivational reconstruction.

УДК 811.511.1'37
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-70-79

EDN MNIAHK

Этимология и развитие семантики диалектизма *урос* 'беда, несчастье' в связи с традиционными представлениями коми-пермяков о смерти

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00484
«Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд
в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>)*

Юлия Анатольевна Шкураток

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. shkuratok@mail.ru

SPIN-код: 4745-5799

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2786-8734>

ResearcherID: T-6270-2018

Статья поступила в редакцию 11.04.2023

Одобрена после рецензирования 01.08.2023

Принята к публикации 16.10.2023

Информация для цитирования

*Шкураток Ю. А. Этимология и развитие семантики диалектизма *урос* 'беда, несчастье' в связи с традиционными представлениями коми-пермяков о смерти // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 70–79. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-70-79*

Аннотация. В статье анализируется этимология и семантика слова *урос* в говорах Пермского края. Распространенная на большой территории бытования русского языка, в основном на Русском Севере и в говорах, генетически с ним связанных, лексема *урос* употребляется в значениях: 'упрямство, норв (о человеке, животном)', 'об упрямом, капризном человеке', 'об упрямой лошади', 'об обидчивом человеке', 'лентяй', и только на ограниченной территории имеет значения 'сглаз, порча' и 'неудача, неблагоприятный поворот в деле, промысле'. В русских говорах Коми-Пермяцкого округа это слово используется в специфических нарративах о предвестниках смерти, где приобретает значения 'беда, несчастье', 'предвестник беды, несчастья', 'сверхъестественное явление'. Если семантический переход *урос* 'капризный, плачущий ребенок' > 'капризы, плач ребенка как следствие порчи, сглаза' > 'порча, сглаз' выглядит очевидным, то связь значений *урос* 'плачущий, капризный ребенок' и *урос* 'беда, несчастье' не вполне объяснима на материале русских говоров. Этот семантический переход может быть обусловлен тем, что русское слово *урос* было заимствовано говорами коми-зырянского и коми-пермяцкого языка, где оно начинает обозначать душу-призрак, двойника человека, появляющегося перед смертью (*орт, урѳс/урес, душенька*). Таким образом, группа значений 'беда, несчастье', 'предвестник смерти', 'сверхъестественное явление' у русского диалектного слова *урос*, по всей видимости, возникает в зоне коми-русских контактов и связана с традиционными представлениями финно-угорского народа коми о том, что перед смертью человека его близким показывается душа *орт*, призрак, который может появляться в виде двойника, в орнито- и зооморфном облике, а также обнаруживать себя другими сверхъестественными явлениями.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; Пермский край; русские пермские говоры; мифологическая лексика.

Введение

Коми-пермяцкие заимствования в русских пермских говорах и памятниках письменности традиционно являлись предметом рассмотрения лексикологов [Матвеев 1959, 1964; Кривошекова-Гантман 1981; Полякова 2006; 2009а, 2009б; Гайдамашко 2014, 2017].

После этапа накопления данных по русским диалектам и диалектам языков народов России в отечественной науке становится актуальной задача системного изучения заимствований, определения направления заимствования, установления этимологии этих слов и их лексикографического описания. С. А. Мызников во введении к «Русскому диалектному этимологическому словарю. Лексика контактных регионов» пишет о тех основных исследовательских процедурах, которые необходимы при анализе лексического материала в этом ключе. Среди важнейших он называет следующие: «1. Детальный (по возможности) показ географии бытования слова, вплоть до населенного пункта. 2. Показ этимологии слова в ареальном языковом микроконтексте (по возможности). 3. Учет специфики реалий материальной и духовной культуры контактирующих языков и этносов. 4. При этимологическом анализе неисконных данных важен не только учет формы слова, его семантики, но и ареал слова, который в ряде случаев может служить ключом к решению некоторых этимологий» [Мызников 2019: 4].

Эти исследовательские процедуры предполагают опору не только на опубликованные словари с их кратким иллюстративным материалом, но и на обширный полевой материал, тщательный анализ которого может дать ответы на поставленные лексикологом вопросы.

Данное исследование было выполнено на материале полевых записей, собранных в рамках проекта РНФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (далее – ПМ), кроме того, привлекались коми-пермяцкие записи лаборатории региональной лексикологии и лексикографии ПГНИУ (далее – КПА)¹, а также фольклорного архива ПГНИУ (далее – ФА ПГНИУ).

Этимология и развитие семантики

Во время экспедиции в Кочевский район Коми-Пермяцкого округа Пермского края при сборе текстов мифологических рассказов на коми-пермяцком языке сотрудниками лаборатории региональной лексикологии и лексикографии ПГНИУ был записан текст, содержащий лексему

урӧс в устойчивом сочетании *урӧсыс одзын*, которая стала отправной точкой для дальнейшего анализа: *Миан мамӧ висьтасьліс. Вот эстӧн куқаннез нӧа паситисӧ, сӧа телятницӧаӧн уджаліс, вот эстӧн вӧрыс пӧлӧн. И сэтчин поворотӧдзас пӧ муна, петіс пӧ пониктӧка мыжык. [Кыдз висьталіт?] Пониктӧка. Сэк понитӧккез нолйисӧ стариннӧй стариккеыс. Старичок пӧ петіс пониктӧка, бокас пӧ дӧбрадвӧй сумкаок ӧшалӧ. И ме пӧ шуа: «Но! Луниӧрнас пӧ кинкӧ эшӧ менӧ мӧдӧ пользӧтны». Ме пӧ куқаннесӧ сэтӧн пасита. Мыйкӧ пӧ бергӧтчышті этідзкат, бӧр пӧ бергӧтчи – некин некытӧна, некытӧна пӧ абу. Мый пӧ луниӧрнас эшӧ пользӧтлат менӧ! Сэтӧн пӧ катша токо кыдз кати-кати серӧмтчис. Сӧа гӧдӧ мамыс куліс. <...> [Сӧа висьталіс, кин сӧа эштиӧмыс вӧлі?] А сӧа, наэрнӧ, кинкӧ привидение ли мылли кытиӧмкӧ петаліс, ме кысь тӧда. Этӧ урӧсыс одзын. [Мый одзын?] Но, чтӧ куліс, урӧсыс одзын. [Урӧсыс – сӧа умӧль?] Но. У нас мать рассказывала. Вот здесь телят они пасли, она телятницей работала, вот здесь вдоль леса. И туда до поворота, говорит, иду, вышел, мол, мужик в понитке. [Как вы сказали?] В понитке. Тогда понитки носили старинные старики. Старичок, мол, вышел в понитке, сбоку, мол, холстяная сумочка висит. И я, мол, говорю: «Но! Посреди дня кто-то еще меня хочет напугать». Я, мол, телят там пасла. Что-то, говорит, резко повернулась так, обратно повернулась – никого нигде, нигде нет. Что, мол, посреди дня еще пугаете меня! Тут, мол, сорока только как «катш-катш» засмеялась. В том году еѐ мать умерла. <...> [Она сказала, кто это был?] А это, наверное, кто-то привидение, что ли, какое-то выходило, я откуда знаю. Это перед *урӧс*. [Перед чем?] Ну, что умерла (т. е. бабушка), перед плохим (*урӧс одзын*). [Урӧс – это плохое?] Да. (Сеполь Коч.) (КПА).*

Данный населенный пункт относится к кочевскому диалекту северного наречия коми-пермяцкого языка, выражение не было знакомо собирателю, более того, это значение не фиксирует нормативный «Коми-пермяцко-русский словарь», который подает слово *урӧс* только как 1) ‘урод’, 2) ‘замухрышка’ (КПРС 1985: 514). Этот источник приводит также некоторые другие слова, такие как *урӧса* 1) ‘уродливый’, 2) ‘хилый’, *урӧса кага* ‘хилый ребенок’. *Урӧситны*, *урӧситны* ‘сглазить’: *кинкӧ кагасӧ уроситис* – *пондіс шогавны* «кто-то сглазил ребенка – он заболел» (КПРС 1985: 514–515).

Мысль о том, что слово *урӧс* является заимствованием из русского языка, высказал Ю. Г. Рочев. Ссылаясь на материалы В. И. Даля, он при-

водит урос (упрямец; неслух; капризное дитя) и урек, урок (порча) [Рочев 1986: 67].

Фольклорист П. Ф. Лимеров предлагает иную этимологию. Он считает, что термин *урѳс/урес* может являться заимствованием из тюркских языков [Лимеров 1998: 12]. В качестве доказательства своей гипотезы он приводит алтайские, якутские, татарские, башкирские, чувашские лексемы со значением 'душа', используя работу Р. Г. Ахметьянова «Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья» [Ахметьянов 1988: 36]. Однако различия в фонетическом облике приводимых для сопоставления лексем, не объяснимые на коми-пермяцкой почве, а также отсутствие непосредственных контактов, в том числе культурных, с носителями приведенных автором тюркских языков позволяют выразить сомнение в состоятельности этой гипотезы, особенно если учесть наличие лексемы *урос* в русских говорах.

На наш взгляд, это слово является заимствованным из русского языка, где оно широко распространено в целом ряде значений. В «Словаре русских народных говоров» их выделяют 7.

1. *Урос*, м. 1. 'Упрямото, нором (о человеке, животном)'. *Он [дитя] или она [лошадь] с уросом*. Сольвыч. Волог., 1819. Гдов. Петрогр. *У меня лошадь с уросом*. Волог. Яран. Киров. *Баба-то у его с уросом; заупрямится, дак ничего не делает: он и дрова носит, и печь топит*. Перм. Урал., Свердлов. Челябин. Алт. Новосибир. Среднеобск., Том., Южн. Краснояр. Забайкалье. Бурят., Сиб. Амур. 'Каприз, непослушание'. Оренб., 1849. Коми АССР, Яран. Киров., Перм., Свердлов., Тобол., Новосибир., Том. Хакас. Краснояр. Иркут., Енис., Сиб., Якут.

2. 'Об упрямом, капризном человеке'. *Экой он урос!* Арх., Шенк. Арх., 1852. Пинеж. Арх. Усьян.-Дмитр. Сев.-Двин., Терск. Мурман. *Ну и урос твой ребенок*. Коми АССР. Волог., Пск., Ср. Поволжье, Вохом. Костром., Вят., Киров. Перм. Курган., Урал., Челябин., Свердлов., Зауралье. Новосибир. Горно-Алт., Вост.-Казах., Киргиз. ССР, Том. Кемер. Хакас. Краснояр., Южн. Краснояр., Иркут., Сиб., Бурят. Забайкалье. Амур., Хабаров. *Урос пришёл на кого-л.* 'то же, что уросы пристали'. *Урос. На него урос пришел*. Южн. Сиб., 1847. *Ишь, урос пришел*. Полев. Свердлов. *Урос. На него урос пришел*. Иркут., 1852. *Уросы пристали к кому-л.* 'о ребенке, который капризничает, упрямится'. *Ишь, ногами бьет, аж зашелся, плачет – уросы пристали*. *Уросы пристали – падает, лбом бьет, своего требует*. Бурят., 1999.

3. 'Об упрямой лошади'. Перм., 1895. *Не лошадь, а урос проклятый*. Вохом. Костром., 1972.

Волог. Арх. Мурман. Р. Урал, Челябин., Свердлов., Зауралье, Курган., Горно-Алт. Кыштов. Новосибир. Южн. Краснояр. Иркут. Забайкалье, Бурят., Сиб., Амур., Хабаров.

4. 'Об обидчивом человеке'. *Урос – тот, кто обижается*. Вельск. Арх., 2005.

5. 'Лентяй'. *Юрка урос был, уросить любил, теперь выправился*. Терск. Мурман., 1968.

6. По суеверным представлениям – 'сглаз, порча'. Перм., Охан., Соликам. Перм., 1850. Ильин. Перм. *В урос входит* 'болезненное состояние младенца: беспричинный плач, возникающий, по суеверным представлениям, от порчи, сглаза'. *Урос и лечут, криксу-плаксу. Венечком поладят, по попке побьют, а ребенок в подоле. Полечились раза три-четыре, урос отстанет вроде. Така-то болезнь со сглазу пристанет*. Бурят., 1999.

7. 'Неудача, неблагоприятный поворот в деле, промысле'. *Урос пал на меня нынче*. Колым. Якут., 1901. *На урос 'на беду, к досаде, к несчастью'*. *На урос он тут попал*. Камч., 1852. *Соха та испорухась, а на урос топора-то я не взял, починить нечем, дак як поскакал*. Перм. *В третий раз уж приходил, и опять, как на урос, дома не застал*. Перм. (СРНГ 47: 351).

В иллюстративном контексте к словарной статье на слово «худоба» в «Словаре русских народных говоров» был обнаружен такой пример употребления слова *урос* в говорах Низовой Печоры: *Стареть будешь, так сяка худоба заберёт... Всю худобу вымываешь, как попьёшь воды с колодца*. *Урос сымала, наговорила, водой поливала, байну открыла, вся худоба у меня улетела*. Низ. Печора (СРНГ 52: 166). К сожалению, словари русских говоров Республики Коми не фиксируют интересующую нас группу значений. В «Словаре говоров Низовой Печоры» нет слова *урос*, хотя есть глаголы *уросить* 'упрямиться, капризничать', 2) перен. шутол. 'плохо действовать, работать', прил. *уросливой(ый)* 'упрямый, своенравный' (СРГНП 2: 382).

Таким образом, мы видим, что на широкой территории бытования русского языка, в основном в северных русских говорах, а также на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, слово *урѳс* обозначает человека или животное с норомом, капризного, плачущего ребенка, и только на территории Пермского края и Республики Коми оно обозначает любую болезнь, вызванную колдовством, сглазом, порчу, а не только плач ребенка, который тоже может восприниматься как следствие сглаза (значение 6 в «Словаре русских народных говоров»). На ограниченной территории оно также обозначает неудачу, беду (значе-

ние 7), при этом единичные камчатские и якутские примеры употребления слова *урос* в последнем значении можно истолковать как принесенные из пермских говоров в ходе волны заселения зауральских территорий русскими.

А. Б. Коконова пишет, что данная номинация связана с проявлением болезни: *урос* (*урас*) – от *уросить* – ‘плакать’ [Коконова 2011: 139]. Этот глагол известен русским говорам Пермского края: *уросить* ‘капризничать’. *Вот какой некош-ной робёнок; это беспокойной робёнок, ревун, уросливой, всё время уросит* (Толстик Сол.). *Она без матери не спит, уросит. Покачай ее, может, перестанет реветь-то* (Кленовка Больш.). *Ты доглядывай за ребятами, а то они у тебя уросят и уросят* (Юго-Камский Пермск.) (СПГ 2: 480–481). В пермских говорах также есть отглагольное существительное *уроска* ‘плакса’. *А какая ты уроска в детстве-то была!* (Октябрьский) (там же: 481).

Слово *урос* в том же лексикографическом издании подается в двух значениях: 1. ‘капризный, упрямый, непослушный человек или животное’. *Дед его урос был, дак он весь в его* (Меча Киш.). *Ох, какие ведь уросы бывают: дак всё ревет, да капризничат, вот и поводишь с таким* (Вильва Сол.). *Вот эть урос какой, орёт – спасу нет* (Суксун). *У меня лошадь с уросом была, никого не слушалась* (Шумково Киш.). 2. ‘сглаз’. *Вчера пришла из бани, так хорошо было, да пришла соседка, изурочила меня: поглядела на меня, нагую, и всё – урос напал. Ох уж я и помаялась, голова болит, жар поднялся, спать не могу. Ой, кака баба, взгляд у её тяжёлой* (Ильинский) (СПГ 2: 480).

На территории Юрлинского района Коми-Пермяцкого округа в русских говорах слово *урос* употребляется в особых контекстах. «Словарь говоров Коми-Пермяцкого округа» подает это значение как ‘непредвиденное несчастье, беда’: *Русалки, они так-то тоже не кажутся, если уж к уросу, если чё-нибудь получится, к не хорошему. Могут задавить, за горло схватить, если мало ли в воде переругаешься* (Юм Юрл.). *Виш появляются к уросу. Перед тем как заболеть, у меня на каждом волосе по две вошки сидело* (Пож Юрл.) = *На урос ‘к беде’. Капуста-та уродилась у нас на урос, беда много, видно, не к добру* (Пож Юрл.) (СРГКПО: 248). В данных иллюстративных примерах мы видим два сочетания – *к уросу* и *на урос*. Они употребляются в ситуациях, когда какое-то событие считается предвестником серьезной болезни или смерти кого-либо из близких.

В архивных записях ПГНИУ также есть рассказы, записанные в Юрлинском районе Коми-

Пермяцкого округа, содержащие сочетание *к уросу*: *Ну вот это, к худу птички. <...> птичка подлетела и в окошко тук-тук. А мама и говорит: «Господи, помилуй, что ведь к беде, к уросу, к несчастью», – говорит. А я говорю: «Мало ли чё налетела так». Вот. Ещё дрова не допилили – почта идёт и телеграмму принесла. На севере брат старший у меня жил на Чукотке – погиб, трактором задавили. Вот тебе и всё, птичка принесла. Душа уже прилетела сюда. А тут этому, брату, умереть, тоже вот тут на кухне я стою, смотрю, а тут лес-то у нас близко, две белки бегут, одна большая, а другая поменьше. Подошла, а тут у нас на кухне скважина, на скважину полезла и на окно. И как человек царапает. Я у окошка стою – она меня не боится, всё равно царапат, царапат, царапат. [Душа, да?] Кака душа, он ещё живой был. Только через 3 дня умер. [Тожже как знак, получается?] Да, вот тожже несчастье* (Верхняя Лобанова Юрл.) (ФА ПГНИУ).

Во время экспедиции 2023 г. в населенном русскими Юрлинском районе Коми-Пермяцкого округа были записаны тексты, где можно выделить несколько значений слова *урос*.

1. Как и в других говорах, оно означает плач, капризы ребенка, как правило, появляющиеся в результате сглаза или порчи: *Ребенок когда капризничает... А вот считается, что ребенок, там изурочили, например, да, вот урочливая женщина, глаза черные... изревелась, и так, и сьяк, и тожже говорит, что это урос, что капризничал ребенок* (Вятчина Юрл.) (ПМ). «Урос» может персонифицироваться, ср. *Дак вот и говорят, что... пока... На темечко надо соль насыпать, чтоб не изурочились. Вот. А задурит – «У-у-у, ты, урос ты. Вбесился... Вселился в тебя урос» <смеется>* (Юм Юрл.) (ФА ПГНИУ).

2. ‘Беда, несчастье’: *Урос это... <смеется>. Говорят, вот урос-то какой напал. То одно, то другое случится, то третье случится, то четвёрто случится. Вот и урос какой напал. Урос, что-нибудь да случается вот это. <Др. информант> То картошка посохнет, то огурцы посохнут. [Урос напал?] <Др. информант> То корова титьки расшибёт, то ногу расшибёт. Ускота урос. Урос на скота. Урос на детей* (Юрла) (ПМ). *Напал-то какой-ко урос-от, напал. Чё-ко я не то, не то, не то это, чё-то неправильно там чё-то стало, неладно чё-то всё, какой-ко, мол, урос напал, нашёл* (Елога Юрл.) (ПМ).

К уросу ‘к беде’. Обычно вот говорили, про белок, появилась белка – вот, к уросу белка. Оно и сейчас некоторые вот так говорят. Хотя мы живём среди леса, немудрено, но всё равно. Го-

ворят «к уросу» получается. Или ещё кукушка залетает – тоже «к уросу» говорят (Юрла) (ПМ). Бабушка говорила, что нельзя вот, например, из леса что-то приносить, животных, зверей. Вот тогда, когда мы зайца принесли, она говорит: «Зачем вы принесли этого зайца? Не надо, что-то случится». И на завтра вот заболел этот да поросенок, большой уже такой, лето было, жара была, и поросенок умер. Она говорит: «Я ж вам говорила, к уросу вот принесли» (Вятчина Юрл.) (ПМ).

На урос ‘к беде’. Также говорили «вот на урос, на урос», потому что ждали вот эти... как-то... в этот год вот эти смерти произошли (Вятчина Юрл.) (ПМ).

3. ‘Предвестник беды, несчастья’. Ой, какой-ко это урос.... Птичка в избу залетела – это урос. Или лягушка прыгает по полу и, не дай боже, ешо яшиерица побежала – это какой-ко урос. Урос – значит, чё-то случится в семье, что-то случится в семье, или, может, смерть, или болезнь (Пож Юрл.) (ПМ). Там зараза как-то выскочила, тоже говорят, урос, не повезёт, мало ли, может, чё-ко лошадь, может, чё-ко человек вот это. Может, лошадь чё-то сделается, мало ли, куды-ко не туды повезёт не так (Елога Юрл.) (ПМ). Урос – это когда, вот допустим, все время говорят, вот там, принёс, крольчат, допустим, где-то поймал и с лесу принес крольчат (вероятно, должно быть «зайчат». – Ю. Ш.), у нас, помню, бабушка, всегда говорила, «урос», обратно унесите, это урос, то есть это плохое предзн... к чему-то плохому, если ты с лесу... (Вятчина Юрл.) (ПМ).

4. ‘Сверхъестественное явление’. Ну, урос – это, как сказать, как сверхъестественное что-то, урос какой-то, ну вот, например, урос, вот, видите, нормально, всё нормально. Раз! Ни с чего, вот тут, например, на дороге пыль, она возьмёт закрутится, закрутится, закрутится, вот это урос называют. <...> А как назовёшь? Урос, ну вот это что-то вот как сверхсила, вот этот урос. Дак вот. Это может быть не только на дороге где-то вот. Не обязательно здесь. Вот, в лесу, например, такое может быть. Всё спокойно, спокойно – раз вот это вот заделается. <...> Вот, урос. Он, ведь, бывает, не просто он так идёт, у нас два года тому назад, вот этот урос, как ни скажешь, залетел – и всю теплицу тьф-ф! только уволок, вместе с дугами со всем вот так вот искарячило, этот урос (Юрла) (ПМ).

Если семантический переход урос ‘капризный, плачущий ребенок’ > ‘капризы, плач ребенка как следствие порчи, сглаза’ > ‘порча, сглаз’ выглядит прозрачным, то связь урос ‘плачущий, капризный

ребенок’ и урос ‘беда, несчастье’ не совсем очевидна: не вполне понятно, каким образом мог появиться такой семантический сдвиг в русских говорах и почему он фиксируется только на территории тесных контактов коми и русских.

Предвестники смерти в традиционной культуре коми

Заемствованное русское урос в значении ‘предвестник смерти’ мы находим в некоторых диалектах коми-пермяцкого языка: Урӧс – сӧа кытиӧмкӧ урон лӧас хозяйствоат: или со здоровьем, или подакӧт. Вермас мыйкӧ пода шогалны или кулны вобице вермас мыйкӧ, или мыйкӧ вермас лоны керкуын вермас. Можот, керку сотчас или мый. Вот сӧтиӧм. Умӧль мыйкӧ. «“Урӧс” – это какой-то урон будет: или со здоровьем, или со скотом. Может что-то скот заболеть или умереть вообще может что-то, или что-то может произойти в доме. Может, дом сгорит или что. Вот такое. Плохое что-то» (Кочевое, род. Лобозова Коч.) (ПМ). Наурӧс шуӧны, то есть мыйкӧ шогмис умӧль, и сы одзын обычно мыйкӧ происходит. Например, кинкӧ кулис и сы одзын кытиӧмкӧ событие. «“Наурӧс” говорят, то есть произошло что-то плохое, и перед этим обычно что-то происходит. Например, кто-то умер и перед этим какое-то событие» (Б. Коча Коч.) (ПМ).

Слово урӧс обнаруживается также в говорах родственного коми-зырянского языка. В целом ряде диалектов (вымский, лузско-летский, нижевычегодский, печорский, присыктывкарский, среднесысольский, удорский) урӧс может употребляться как бранное в значении ‘паршивый, недоразвившийся, ненормальный; паршивец урод’, в верхнесысольском и нижевычегодском ‘беда, несчастье, неприятный случай’, в ижемском диалекте урес, устар. – ‘признак, привидение, которое будто бы показывается родственникам или друзьям перед смертью кого-л., двойник человека’ (ССКЗД 1961: 400).

Любопытно, что данную лексему мы находим на отдаленной от коми-пермяков территории у коми-ижемцев, традиционно занимающихся оленеводством, см. записи, сделанные в Ненецком автономном округе: Уресыс – вот тоже предвещайтӧ, топ старик ли мый ли кушитемке. Старик, бедъя старик, ну тошка. [Соб.: Сийӧ лёк водзын петкӧдчӧ?]. Да, лёк водзсэ. [Соб.: И мый вермас лоны?] Вермас. Ну сӧа тӧдасныс, мый сӧтишем да сӧтишем мый-ке лӧэ. Ну, кӧрыс висьмас, быдьямас. Урес – вот тоже предвещает, как старик или что какой-то. Старик, с палкой старик, ну и бородастый. [Соб.: Он перед худом показывается?] Да, перед плохим. [Соб.: И что может случиться?] Может. Ну, потом узнают, что

такое-то и такое-то будет. Ну, олени заболеют, всякое (Нарьян-Мар НАО). *Урöсыс сыа оолэ, висьтоласныс, перед, мортыс кор кулэ. Но сыа абу... Висьтоласныс тай: «Ой, уресыс петкөд-чылис».* Урöс бывает, рассказывали, перед смертью человека. Но не это... Говорят ведь: «Ой, урес мне показывался» (чум на р. Захарин в 10 км от В. Пёша Заполярный район НАО) [Фольклор... 2014: 27–28].

В «Словаре мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка» находим УРЭС (УРЭС) сущ. ‘привидение, дух, двойник человека’ // *Урэсьясис ке горзисныс.* Двойники-то кричали. *Урэсыс мэнэ чуйдис.* Привидение меня испугало. *Ин купатче рытнас, ва урэсыс кутас.* Не купайтесь вечером, русалка (букв.: ‘водяной дух’) утащит. *Мортыс явитчис топ урэс.* Человек появился как привидение (СМГИД 2010: 172).

Таким образом, заимствованное русское слово *урос* не только включается в систему коми языка в своем исконном значении, но и развивает другие значения, связанные с предвестниками смерти и двумя формами души у коми – *орт* и *лов*.

«Антропологические представления об *орте* (у ижемских коми – *урес*, у печорских – *душенька*), как душе-тени, душе-двойнике, сохранились практически во всех этнографических группах» [Панюков 2012: 36]. Коми считали, что «орт появляется у человека в момент его рождения и сопутствует ему до самой смерти. По отношению к лов, внутренней, обеспечивающей жизнедеятельность организма, орт находится вне тела. В течение всей жизни орт невидимо сопровождает человека вплоть до его смертного часа и дает знак о приближении смерти близким человека или ему самому. Знаком смерти может быть видимость орта <...>. Орт мог появиться в облике птицы, однако современными материалами этот тезис не подтверждается. Зооморфные ипостаси более характерны для *урöс*, *урэс* (души-двойника в ижемской традиции). *Урэс* может принимать вид птиц (куропатка, тетерев, ястреб, ворон) или мелких животных (белка, заяц)» [Лимеров 1999: 268].

У вымских коми встречается ещё один образ, связанный с предвестниками смерти, – *кыж*. В отличие от орта, который представляется как двойник человека, «кыж – это некий знак, предвещающий смерть близких: стук, падение предметов в доме и т. п. (Половники, Княжпогост). Кроме того, в единичных вариантах записаны характерные для представлений об *урöс* сюжеты о предвестнике смерти в образе лесной птицы, животного или природной стихии; например,

перед смертью человека птица стучится в окно; тетерев садится на крышу дома – в доме умирают хозяйка и сын» [Панюков 2012: 38].

Слово *орт* ‘двойник, призрак’, уст. поэт. ‘тень’ является исконным, ср. удм. *урт* ‘душа’, возводится к допермскому **orte* (КЭСНЯ 208). В речи коми-пермяков слово *орт* ‘двойник, призрак’ также не фиксируется, оно не было нами обнаружено в словарях коми-пермяцкого языка и диалектных архивах, хотя на территории бытования коми-пермяцкого языка по-прежнему можно записать нарративы о встрече с «двойниками». Наши наблюдения подтверждают и исследования этнографов: «В современном народном мировоззрении коми-пермяков отсутствуют понятия о двух формах души (лов и орт)», при этом «тексты, а также некоторые косвенные свидетельства позволяют предположить наличие представлений о второй душе-орте и у коми-пермяков» [Чугаева 2015: 13–14].

Лексема *урöс* (с ударением на первый и второй слог в разных диалектах) была зафиксирована во время экспедиций в кочевском диалекте северного наречия, в д. Б. Мочга (нижнеиньвенский диалект) и в обрусевших с. Они и д. Потапово Юсьвинского района (в прошлом территория распространения оньковского диалекта). Она имеет значение ‘предвестник смерти’, ‘беда, несчастье’, *урöсыс одзын* ‘к беде, несчастью’: [*Урöс одзын оз баитö?*] *Этö урöс нö? Баитвисö, а öни тожо оз баитö. [Мый сйа лоö?] Этö мöйкö вот, например, случилось тэкöт. Некор нö этö он думайт, что эта урöс воас мортыскöт. Вот этадз баитисö. Мöйкö тйян случилось. Этö нö эд урöс. Тэкöт приключилось са. [Сйа мыйкö умöль?] Са умöль. Урöс – значит мыйкö тэкöт приключилось умöль. [Прикашайтчö да урöс йитсьöны öтамöдкöt?] Да, наверно, сідз и петö, что прикашайтчö, что урöс тэкöт воö, наверно, öтик, одно и то же, ме думайта. [Перед «уросом» не говорят?] Это «урос», мол? Говорили, а сейчас тоже не говорят. [Что это значит?] Это что-то вот, например, случилось с тобой. Никогда, мол, это не подумаешь, что это «урос» будет с человеком. Вот так говорили. Что-то у вас случилось. Это, говорят, ведь «урос». С тобой приключилось это. [Это что-то плохое?] Это плохое. «Урос» – значит что-то с тобой приключилось плохое. [Мерешится (прикашайтчö) может быть связано с «уросом»?] Да, наверное, так и выходит, что мерешится, что «урос» с тобой происходит, наверное, одно, одно и то же, я думаю (Б. Мочга Юсьв.) (ПМ).*

Значение ‘привидение’ у слова *урос* мы находим у русских из бывших коми-пермяцких дере-

вень оньковского куста (ранее Большие и М. Они, Заполье, Потапово и др.). *А это, вот, говорили, значит, урос тебя это делал, как виденьё, ли че ли како-то, не знаю, это привиденьё как* (Они Юсьв.) (ПМ). (Записано от местной жительницы, пассивно владеющей коми-пермяцким языком.)

Урос – это нехорошее, урос. Приходит как вот это... Привидение какое-то. Вот это урос называли. Я, говорит, ходила, сёдня видела уроса. В каком он виде-то, какой, на кого он походит. Быстро, говорит, убежал. Не знаю, на кого он похож. И это. Оно видится не к добру. Не к добру видится этот урос. Такое привидение. Вот урос называли. <...> Это вот старые люди говорили, дак не запомнилось. Вот, я, говорит, чему вот быть, какому-то вот, ну, нехорошему делу, видится урос. То ли вот по дороге идёшь. Где-то какие-то звуки. Что вот кто-то рубит дерево или чё такое. Или поднимется ветер. Это считали, что урос. Всё равно чё-то-нибудь произойдёт. Ну я-то. Сноха моя рассказывала там, у Люси-то, брат был Иван, он мой брат. Вот, жена продавцом работала. До этого, до Оней-то приедет, а потом через Иньву-то как, надо всё равно в лодке переезжать. И вот, говорит, по берегу иду, и это, этот такой, говорит, стал шум, болото же, деревья-те болотные. Такой, говорит, шум, а рядом река – Иньва-то, она ведь далеко идёт. И вот это, пока, говорит, я до другого берега не дошла, ну это, где в лодку садятся, и вот тогда, grit, вот только перестало, по берегу, говорит, шла, так деревья-те всё качало, шумело. Вот это, говорит, урос. Это урос такой, привидение. И помоему, это привидение повлияло, что умер сын. Сын умер. Старые люди говорили это, этого уроса. Такое привидение, или шум, как-то метель бывает зимой, так же вот, это видится (Потапово Юсьв.) (ПМ). (Записано от местной жительницы, владеющей только русским языком, её мать – коми-пермячка, вышедшая замуж в русскую деревню, муж – из обрусевшей коми-пермяцкой семьи.)

Будучи связанным с миром сверхъестественного, слово *урос* развивает в этих говорах также значение ‘что-то необычное, удивительное’: *Урос? Ну как-то кто-то удивится или чё у нас вот это здесь. «Ой, какой урос!» – скажут порой старики раньше. [А удивится чему?] А любому, чё-нибудь, любое удивление. Урос какой!* (Они Юсьв.) (ПМ).

Выводы

Таким образом, русское диалектное слово *урос* приобретает значения ‘беда, несчастье’,

‘предвестник смерти’, ‘сверхъестественное явление’ в зоне коми-русских контактов, это семантическое развитие связано с традиционными представлениями коми о предвестниках смерти. Заимствованное русское слово *урос* не только включается в систему коми языка в своем исконном значении, но и развивает другие значения, отражающие мифологические представления об особой душе человека (*орт*), призраке, который может появляться как в виде его двойника, в орнито- и зооморфном облике, так и в виде других образов сверхъестественного.

Примечание

¹ Автор выражает благодарность А. В. Кротовой-Гариной, Е. Л. Федосеевой, Ю. М. Юркиной и Е. М. Матвеевой за помощь в сборе и расшифровке коми-пермяцких диалектных материалов.

Список источников с сокращениями

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985. 624 с.

КЭСКЯ – Лыткин В. И., Гуляев Г. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

ПМ – Полевые материалы, собранные в экспедициях по проекту РФФИ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» в 2022–2023 гг. под рук. Ю. А. Шкураток, С. Ю. Королевой.

КПА – Полевые материалы на коми-пермяцком языке, хранящиеся в лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1–2 / под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003–2005.

СМГИД – Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / авт.-сост.: О. Л. Бирюк и др.; под ред. А. И. Кузнецовой; РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Екатеринбург: Баско, 2010. 320 с.

СПГ – Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с.; 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССКЗД – Жилина Т. И., Сахарова М. А., Со-
рвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зы-
рянских диалектов. Сыктывкар: Коми филиал
АН СССР, 1961. 491 с.

ФА ПГНИУ – фольклорный архив при кафед-
ре русской литературы Пермского государствен-
ного национального исследовательского универ-
ситета.

Список литературы

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материаль-
ной культуры народов Среднего Поволжья. М.:
Наука, 1988. 220 с.

Гайдамашко Р. В. К этимологии и лингвогео-
графии названий зонтичных растений в русских
говорах Прикамья: *пучка, умра* // Acta Linguistica
Petropolitana. Труды института лингвистических
исследований. 2017. Т. 13, № 2. С. 298–331.

Гайдамашко Р. В. Ландшафтная лексика фин-
но-угорского происхождения в русских говорах
верхнего Прикамья: дис. ... канд. филол. наук.
М., 2014. 470 с.

Коконова А. Б. Рождение и смерть в про-
странстве диалекта: дис. ... канд. филол. наук.
М., 2011. 314 с.

Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие
займствования в русских говорах Верхнего При-
камья // Этимологические исследования. Сверд-
ловск, 1981. С. 46–62.

Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира.
Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1998. 124 с.

Лимеров П. Ф. Орт // Энциклопедия ураль-
ских мифологий. Т. 1. Мифология коми / науч.
ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар: Изд-во
ДИК, 1999. С. 268–269.

Матвеев А. К. Займствования из пермских
языков в русских говорах Северного и Среднего
Урала // Acta Linguistica Academiae Scientiarum
Hungaricae. 1964. Т. 14, вып. 3/4. Р. 285–315.

Матвеев А. К. Финно-угорские займствования
в русских говорах Северного Урала // Ученые
записки Уральского государственного универси-
тета. Вып. 32. Свердловск, 1959. 123 с.

Мызников С. А. Русский диалектный этимоло-
гический словарь. Лексика контактных регионов.
М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1076 с.

Панюков А. В. Фольклорная традиция Выми в
жанрах сказочной прозы // Фольклористика ко-
ми. Региональные фольклорные традиции Евро-
пейского Северо-Востока и Зауралья в межкуль-
турном контексте. Сыктывкар, 2012. С. 21–45.

Полякова Е. Н. Коми лексика в пермских па-
мятниках XVI–XVIII веков // Полякова Е. Н. Ре-
гиональная лексикология и ономастика: учеб. по-
сobie / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. С. 105–112.

Полякова Е. Н. Коми наследие в лексике рус-
ских говоров Пермского края // Живая речь
Пермского края в синхронии и диахронии: мате-
риалы и исследования / Перм. гос. ун-т. Пермь,
2009а. Вып. 3. С. 156–169.

Полякова Е. Н. Коми-пермяцкие материалы в
рукописных пермских памятниках XVI–XVIII
веков // Полякова Е. Н. Лингвокультурное про-
странство Верхнего и Среднего Прикамья: мате-
риалы для самостоятельной работы: учеб. посо-
бие / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009б. С. 198–204.

Рочев Ю. Г. Традиционные представления
коми об орте и их трансформация в современно-
сти // Традиция и современность в культуре
сельского населения Коми АССР. Труды Инсти-
тута языка, литературы и истории Коми филиала
Академии наук СССР. Сыктывкар, 1986.
Вып. 37. С. 57–70.

Фольклор ижемских коми в Ненецком авто-
номном округе: сборник фольклорных текстов /
сост. А. Н. Рассыхаев, В. М. Кудряшова. Сык-
тывкар; Нарьян-Мар, 2014. 504 с.

Чугаева С. В. Человек и смерть. М.: Триумф,
2015. 256 с.

References

Akhmet'yanov R. G. *Obshchaya leksika materi-
al'noy kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [Gen-
eral Vocabulary of the Material Culture of the Peo-
ples of the Middle Volga Region]. Moscow, Nauka
Publ., 1988. 220 p. (In Russ.)

Gaydamashko R. V. K etimologii i lingvogeog-
rafii nazvaniy zontichnykh rasteniy v russkikh go-
vorakh Prikam'ya: *puchka, umra* [On the etymology
and linguistic geography of the names of Apiaceae
herbs In Russian dialects of the Kama region: *puch-
ka, umra*]. *Acta Linguistica Petropolitana. Transac-
tions of the Institute for Linguistic Studies*, 2017,
vol. 13, issue 2. pp. 298–331. (In Russ.)

Gaydamashko R. V. *Landshafnaya leksika fin-
no-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh
verkhnego Prikam'ya*. Diss. kand. filol. nauk [Land-
scape vocabulary of Finno-Ugric origin in Russian
dialects of the Upper Kama region. Cand. philol. sci.
diss.]. St. Petersburg, 2014. 470 p. (In Russ.)

Kokonova A. B. *Rozhdenie i smert' v pros-
transtve dialekta*. Diss. kand. filol. nauk [Birth and
death in the space of the dialect. Cand. philol. sci.
diss.]. Moscow, 2011. 314 p. (In Russ.)

Krivoshechekova-Gantman A. S. Komi-permyats-
kie zaimstvovaniya v russkikh govorakh Verkhne-
go Prikam'ya [Komi-Permyak borrowings in Russian
dialects of the Upper Kama region]. *Etimologiches-
kie issledovaniya* [Etymological Studies]. Sverd-
lovsk, 1981, pp. 46–62. (In Russ.)

Limerov P. F. *Mifologiya zagrobnogo mira* [Mythology of the Underworld]. Syktyvkar, Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. 124 p. (In Russ.)

Limerov P. F. Ort. *Entsiklopediya ural'skikh mifologiy* [An Encyclopedia of Ural Mythology]. Ed. by V. V. Napol'skikh. Moscow, Syktyvkar, DIK Publ., 1999, vol. 1. Mifologiya komi [Mythology of the Komi], pp. 268–269. (In Russ.)

Matveev A. K. Zaimstvovaniya iz permskikh yazykov v russkikh govorakh Severnogo i Srednego Urala [Borrowings from Permic languages in Russian dialects of the Northern and Middle Urals]. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1964, vol. 14, issue 3/4, pp. 285–315. (In Russ.)

Matveev A. K. Finno-ugorskie zaimstvovaniya v russkikh govorakh Severnogo Urala [Finno-Ugric borrowings in Russian dialects of the Northern Urals]. *Uchenye zapiski ural'skogo universiteta* [Scientific Notes of the Ural University]. Sverdlovsk, 1959, issue 32. 123 p. (In Russ.)

Myznikov S. A. *Russkiy dialektnyy etimologicheskii slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Vocabulary of Contact Regions]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 1076 p. (In Russ.)

Panyukov A. V. Fol'klornaya traditsiya Vymi v zhanrak neskazochnoy prozy [Folklore tradition of Vym in the genres of non-fairy-tale prose]. *Fol'kloristika komi. Regional'nye fol'klornye traditsii Evropeyskogo Severo-Vostoka i Zaural'ya v mezkul'turnom kontekste* [Komi Folkloristics. Regional Folklore Traditions of the European North-East and Trans-Urals in an Intercultural Context]. Syktyvkar, Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012, pp. 21–45. (In Russ.)

Polyakova E. N. Komi leksika v permskikh pamyatnikakh XVI–XVIII vekov [Komi vocabulary in Perm monuments of the 16th–18th centuries]. In: Polyakova E. N. *Regional'naya leksikologiya i onomastika* [Regional Lexicology and Onomastics].

Perm, Perm State University Press, 2006, pp. 105–112. (In Russ.)

Polyakova E. N. Komi nasledie v leksike russkikh govorov Permskogo kraja [Komi heritage in the vocabulary of Russian dialects of the Perm region]. *Zhivaya rech' Permskogo kraja v sinkhronii i diakhronii: materialy i issledovaniya* [Living Speech of the Perm Region in Synchrony and Diachrony: Materials and Research]. Perm, Perm State University Press, 2009a, issue 3, pp. 156–169. (In Russ.)

Polyakova E. N. Komi-permyatskie materialy v rukopisnykh permskikh pamyatnikakh XVI–XVIII vekov [Komi-Permyak materials in handwritten Perm monuments of the 16th–18th centuries]. In: Polyakova E. N. *Lingvokul'turnoe prostranstvo Verkhnego i Srednego Prikam'ya: materialy dlya samostoyatel'noy raboty* [Linguocultural Space of the Upper and Middle Kama Region: Materials for Independent Work]: Textbook. Perm, Perm State University Press, 2009b, pp. 198–204. (In Russ.)

Rochev Yu. G. Traditsionnye predstavleniya komi ob orte i ikh transformatsiya v sovremennosti [Traditional Komi ideas about *ort* and their transformation in modern times]. *Traditsiya i sovremennost' v kul'ture sel'skogo naseleniya Komi ASSR. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi filiala Akademii nauk SSSR* [Tradition and Modernity in the Culture of the Rural Population of the Komi ASSR. Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Branch of the Academy of Sciences of the Soviet Union]. Syktyvkar, 1986, vol. 37, pp. 57–70. (In Russ.)

Fol'klor izhemsikh komi v Nenetskom avtonomnom okruge: sbornik fol'klornykh tekstov [Folklore of the Izhem Komi in the Nenets Autonomous Okrug: A Collection of Folklore Texts]. Comp. by A. N. Rassykhaev, V. M. Kudryashova. Syktyvkar, Naryan-Mar Publ., 2014. 504 p. (In Russ.)

Chugaeva S. V. *Chelovek i smert'* [Man and Death]. Moscow, Triumf Publ., 2015. 256 p. (In Russ.)

Etymology and Semantic Development of the Dialect Word *uros* ‘trouble, misfortune’ in Connection with Traditional Komi-Permyak Beliefs about Death

*This paper was financially supported by a grant from the Russian Science Foundation,
project No. 22-18-00484 ‘Slavic-non-Slavic borderlands: funeral and memorial rite
in ethnolinguistic coverage’ (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>)*

Iuliia A. Shkuratok

Associate Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. shkuratok@mail.ru

SPIN-code: 4745-5799

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2786-8734>

ResearcherID: T-6270-2018

Submitted 11 Apr 2023

Revised 01 Aug 2023

Accepted 16 Oct 2023

For citation

Shkuratok Iu. A. Etimologiya i razvitie semantiki dialektizma *uros* ‘beda, neschast’e’ v svyazi s traditsionnymi predstavleniyami komi-permyakov o smerti [Etymology and Semantic Development of the Dialect Word *uros* ‘trouble, misfortune’ in Connection with Traditional Komi-Permyak Beliefs about Death]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 70–79. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-70-79 (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the etymology and semantics of the word *uros* in the dialects of the Perm region. Used over a large territory of the Russian language, mainly in the Russian North and in dialects genetically related to this area, the lexeme *uros* has the meanings: ‘stubbornness, temper (about a person, animal)’, ‘about a stubborn, capricious person’, ‘about a stubborn horse’, ‘about a touchy person’, ‘a lazy person’, and only in a limited area does it mean ‘the evil eye, a bad spell’ and ‘failure, an unfavorable turn in business or trade’. In the Russian dialects of the Komi-Permyak district, this word is used in specific narratives about the harbingers of death, where it takes on the meaning of ‘trouble, misfortune’, ‘a harbinger of trouble, misfortune’, ‘a supernatural phenomenon’. The semantic transition *uros* ‘a capricious, crying child’ > ‘whims, crying of a child as a consequence of a bad spell, the evil eye’ > ‘a bad spell, the evil eye’ looks obvious, while the connection between the meanings *uros* ‘a crying, capricious child’ and *uros* ‘trouble, misfortune’ is not entirely explainable on the basis of Russian dialects. This semantic transition may have occurred due to the fact that the Russian word *uros* was borrowed into dialects of the Komi-Zyryan and Komi-Permyak languages, where it began to mean a ghost soul, a double of a person appearing before his death (*ort*, *urös/ures*, *dushenka*). Apparently, the Russian dialect word *uros* acquired the meanings ‘trouble, misfortune’, ‘a harbinger of death’, ‘a supernatural phenomenon’ in the zone of Komi-Russian contacts, and this group of meanings is associated with the traditional ideas of the Finno-Ugric Komi people that before the death of a person his loved ones are shown the soul *ort*, a ghost that can appear in the form of a double, in an ornithomorphic and zoomorphic form, and can also manifest itself in other supernatural phenomena.

Key words: Komi-Permyak language; Perm Krai; Russian Perm dialects; mythological vocabulary.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111.09"18"
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-80-87

EDN AEZAZI

Образ героя и функция библейских аллюзий в контексте «южной готики» на примере рассказа Марка Ричарда «Джентльменское соглашение»

Анна Алексеевна Алипова

аспирант кафедры зарубежной литературы

Литературный институт имени А. М. Горького

123104, Россия, г. Москва, Тверской бульвар, 25. ms.annalysikova@mail.ru

SPIN-код: 5211-9740

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0243-1909>

Статья поступила в редакцию 27.02.2023

Одобрена после рецензирования 24.04.2023

Принята к публикации 27.05.2023

Информация для цитирования

Алипова А. А. Образ героя и функция библейских аллюзий в контексте «южной готики» на примере рассказа Марка Ричарда «Джентльменское соглашение» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 80–87. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-80-87

Аннотация. Статья посвящена жанровой модификации американской «южной готики». Для авторов, создающих произведения в ее рамках, характерно пристальное внимание к истории американского Юга, трагическое мировосприятие, интерес к едва заметным движениям человеческой души, обращение к религиозным темам, мрачный юмор, подробное описание различных видов насилия, использование приемов шоковой терапии и привнесение в сюжет детального анализа поступков бесконечной вереницы маргинальных персонажей. В статье дается краткий экскурс в историю жанровой модификации: от возникновения в первой половине XX в. до завоевания авторитетного положения в литературном процессе США в настоящее время. Обосновываются причины серьезного влияния «южной готики» на мировую литературу и возникновения к ней особого интереса исследователей. Кроме того, рассматривается религиозный аспект данной жанровой модификации, в частности – библейские реминисценции в рамках постмодернистской поэтики и их применение в качестве инструментов для создания многогранного образа героя и выстраивания аллегорического сюжета. Цель работы – проиллюстрировать составляющие подобного рода на материале рассказа Марка Ричарда (Mark Richard) «Джентльменское соглашение» (“Gentleman’s Agreement”). В этой связи был избран культурно-исторический метод исследования с элементами структуралистского анализа, при помощи которых раскрываются отличительные черты стиля писателя, создающего свои произведения в рамках «южной готики» и являющегося продолжателем традиций таких мастеров, как Фланнери О’Коннор, Юдора Уэлти, Эрскин Колдуэлл, Харпер Ли и др.

Ключевые слова: «южная готика»; библейские реминисценции; постмодернизм; Марк Ричард; американская литература; герой; «Джентльменское соглашение».

За прошедший век образ героя американского рассказа претерпел серьезные изменения: если в начале прошлого столетия на его страницах читатели чаще всего встречались с цельной личностью, которая стремится найти свое место в этом мире, то «персонаж современных рассказов ассоциален» [Соколова 2020], он не пытается найти себя и часто демонстрирует бессилие и патологические наклонности. Однако, прежде чем выйти на панамериканскую литературную сцену, такого рода герой прошел проверку временем в лоне региональной жанровой модификации под названием «южная готика». Именно его возросшему влиянию мы обязаны тем, что сегодня персонажами малой американской прозы все чаще становятся личности, не просто отвергнутые обществом, но откровенно маргинальные [там же]. На наш взгляд, успеху этого процесса способствует удивительное созвучие данного явления господствовавшему до недавнего времени в литературе направлению постмодернизма, поскольку и «южная готика», и постмодернизм основаны на деконструкции, разрушении. Поскольку в настоящее время влияние американской литературы на литературы других стран весьма значительно, то и черты, которые изначально были присущи героям «южной готики», неизбежно проникают в иные социокультурные реалии [MacKethan 2004]. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые аспекты жанра «южной готики» и на примере рассказа Марка Ричарда (Mark Richard) «Джентльменское соглашение» (“Gentleman’s Agreement”, 1994) проследим, какую функцию в ней выполняют библейские аллюзии.

Американский Юг – особый регион. Самознание южан, распаленное поражением в Гражданской войне 1861–1865 гг., спустя полвека породило целую плеяду авторов так называемого «южного ренессанса», прогремевшего на весь мир в 20–60-е гг. XX в. [Архангельская 2012]. К данному направлению принято относить и таких титанов американской литературы, как Уильям Фолкнер (William Faulkner, 1897–1962) и Роберт Пенн Уоррен (Robert Penn Warren, 1905–1989). Однако в русле этого мощного литературного движения, повлиявшего не только на американскую, но и мировую литературу, принято выделять яркую и самобытную жанровую модификацию под названием «южная готика» [Morrison 1992].

Термин «южная готика» появился в литературоведении с легкой руки американской писательницы и лауреата Пулитцеровской премии Элен Глазго (Ellen Glasgow, 1873–1945). В статье “Heroes and Monsters” («Герои и чудовища») 1935 г., написанной для издания “The Saturday

Review”, она раскритиковала так называемую «южноготическую школу», к которой причислила среди прочих Уильяма Фолкнера и Эрскина Колдуэлла (Erskine Caldwell, 1903–1987), за «презренный стусок воспаленных импульсов в современных южных романах». По ее словам, в произведениях вышеупомянутых авторов «проявляется опасная тенденция к “беспричинному насилию” и “фантастическим кошмарам”»¹ [Bjerre 2017]. Вначале «южная готика» была термином уничижительным, однако с течением времени эти «опасные тенденции», которые не давали покоя Глазго, укоренились в литературе и нашли приют в творчестве признанных мастеров пера, среди которых стоит упомянуть Фланнери О’Коннор (Flannery O’Connor, 1925–1964), Томаса Вульфа (Thomas Wolfe, 1900–1938), Харпер Ли (Harper Lee, 1926–2016), Трумэна Капоте (Truman Capote, 1924–1984), Теннесси Уильямса (Tennessee Williams, 1911–1983) и Уильяма Гея (William Gay, 1941–2012). Но даже двадцать пять лет спустя, в 1960 г., Фланнери О’Коннор в лекции “Some Aspects of the Grotesque in Southern Fiction” («О проявлении гротеска в южной литературе») отнесет себя к “The School of Southern Degeneracy” («Школе южного упадка»), также известной как «южная готика» [O’Connor 1960: 26].

Для «южной готики» характерно трагическое мироощущение, внимание к темной стороне человеческой души, прием «шоковой терапии», а также неразрывная связь с историей американского Юга (проблема и трагедия рабства, поражение в Гражданской войне, тяжелые материальные условия, расовая сегрегация, религиозный фанатизм и прочее) [Goddu 1997]. Именно совокупность этих элементов отличает «южную готику» от готики европейской, но важно отметить, что оба эти жанра неразрывно связаны. Так, «южная готика» сформировалась из слияния «мрачного романтизма, южного юмора и нового литературного реализма» [Flora 2002: 315]. И если европейский романтизм подчеркивал исключительную природу зла, то «южная готика» делает акцент на его обыденности [Street 2016]. Отныне злодеи не прячутся в темных лесах и не поджидают своих жертв за многовековыми стенами фамильных замков, теперь они живут среди обычных людей, но и «обычные люди» не лишены деструктивных черт и устремлений. Зло может пустить корни в душе каждого из нас, ибо, как написал Уильям Джеральди (William Gerald) в эссе, посвященном Уильяму Гею, еще одному автору южноготической прозы минувшего столетия: «В мире Гея, равно как и в нашем, злые души согреваются добром, а в добрых всегда найдется место Дьяволу» [Gibaldi 2008].

Священное Писание всегда занимало важное место в культурном ландшафте авторов американского Юга. Одной из особенностей южной литературы принято считать проявление гротеска, который часто идет рука об руку с религиозной проблематикой. Свое предположение о причинах такой особенности жанровой модификации высказала и Фланнери О'Коннор: «Когда меня спрашивают, почему писатели Юга так увлеченно пишут о разного рода чудачках, я всегда отвечаю, что это потому, что мы еще можем распознать их в толпе. Для этого нужно иметь общее представление о том, что такое человек, а на Юге оно по-прежнему во многом теоцентрично» [O'Connor 1960: 30].

В рамках данной статьи мы будем рассматривать аллюзии согласно определению словаря эстетики под редакцией А. А. Беляева: «Аллюзия (от лат. *alludo* – подшучивать, намекать) – прием худож. выразительности, обогащающий худож. образ дополнительными ассоциативными смыслами по сходству или различию путем намека на известное уже другое произв. иск-ва» [Беляев 1989: 12]. Будем следовать также мысли И. Р. Гальперина, который считал, что «аллюзии – это ссылки на исторические, литературные, мифологические, библейские и бытовые факты; аллюзия не сопровождается указанием на источники» [Гальперин 1958: 217].

К библейским реминисценциям и аллюзиям, которые позволяют развернуть сюжет до поистине общечеловеческих масштабов, не раз обращались Фланнери О'Коннор и Уильям Фолкнер. Этот прием продолжают использовать последователи титанов направления «южная готика» и сегодня.

Марк Ричард (Mark Richard) родился в 1955 г. в маленьком городке Лэйк-Чарльз в штате Луизиана. Его детство нельзя назвать сказочным: все дело в том, что Ричард родился с врожденной патологией тазобедренного сустава. Вскоре отец ушел из семьи, и матери, нашедшей утешение в религии, ничего не оставалось, кроме как отдать сына, который с трудом мог передвигаться без посторонней помощи, в приют для «особенных» детей. В те времена на Юге такими заведениями руководили представители церкви и монашеских орденов (штат Луизиана в прошлом был французской колонией, отсюда и влияние римско-католической церкви на протестантском Юге). Там юный Ричард познакомился с библейскими текстами и полюбил чтение. Несколько лет он был прикован к постели. Как он сам вспоминает, «я вырос в компании книг» [Carpenter 2011]. Этот период жизни впоследствии ляжет в основу рассказа “Charity” («Благотворительность», 1998). Когда его состояние улучшилось, мать забрала

сына домой. Однако впоследствии он еще не раз вернется в приют. И дома, и в приюте христианство было важной частью жизни мальчика. Его семья жила в маленьком, раздираемом расовыми противоречиями и предрассудками городке. Чего только стоит история, которая, по воспоминаниям Ричарда, породила у него желание писать: один из одноклассников принес в школу отрезок кожи черного цвета, которая, как выяснилось позже, принадлежала Нейту Тернеру, рабу африканского происхождения, в середине XIX в. поднявшему бунт против белых плантаторов и убитому около 60 человек (среди жертв были и дети). В конце концов Тернера схватили и подвергли невыносимо жестокому издевательствам, в ходе одного из которых с него содрали кожу [Carpenter 2011]. Эта история не только отражает социальные и расовые противоречия региона, но и прекрасно демонстрирует жестокость и степень насилия, из которого впоследствии и родился жанр «южной готики». Она пробудила у юного Ричарда желание воссоздать жизнь Тернера на бумаге – так уже с первых литературных шагов Марк Ричард выбрал творческое направление.

Окончив школу, он поступил в Университет Вашингтона и Ли (Washington and Lee University) в штате Вирджиния. Вскоре его рассказы стали появляться в весьма престижных журналах, среди которых “The New Yorker”, “Harper’s”, “Esquire”, “GQ”, “The Paris Review”, “The Oxford American” и многие другие [Dolan 1998]. На сегодняшний день у него за плечами два сборника малой прозы и два романа, а также премия им. Эрнеста Хемингуэя, стипендия Нью-Йоркского фонда искусств, награда Уайтинга и др.

Обстоятельства, в которых жил и вырос Марк Ричард, а также неразрывная связь с американским Югом, вне всякого сомнения, оказали глубокое влияние на творчество писателя. Южнотические мотивы были восприняты им на интуитивном уровне еще в детстве, причем как из литературы, так и из окружающей обстановки. А серьезная увлеченность матери религией и продолжительное пребывание под присмотром служителей веры подарили ему глубокие знания библейских текстов и способность свободно оперировать аллюзиями к Священному Писанию [Cantrell 2011].

Так, в рассказе «Джентльменское соглашение» перед читателем в аллегорической форме разворачивается история борьбы добра и зла, Бога и дьявола, и для того, чтобы воплотить этот грандиозный замысел в рамках рассказа, Ричард, вслед за своими великими предшественниками, обращается к аллюзиям и аллегориям, а библейские реминисценции раскрываются через обстоятельства, в которых оказываются герои.

В рассказе действуют «отец», «ребенок», «мать» и «доктор». Сюжет таков: отец, отправляясь тушить пожар, бушующий на подступах к маленькому южному городку, берет с сына обещание, что тот больше никогда не будет кидаться камнями. Так они заключают то самое джентльменское соглашение, вынесенное в заглавие рассказа. Какое-то время сын соблюдает отцовский завет, но вследствие ряда искушений всё же его нарушает – этот поступок оборачивается для него чудовищными последствиями: подброшенный камень падает ему на голову и рассекает скальп. Мать везёт его к доктору, который в момент прибытия маленького пациента находится под воздействием морфия. Он всё же накладывает швы и сообщает матери, что они разойдутся сами собой через пару недель. Вернувшийся с задания отец оказывается единственным выжившим участником своего отряда, страдающим от ужасных ожогов. Когда же отец приходит в себя, он, как и обещал в начале рассказа, отводит сына в сарай, где разворачивается одна из самых противоречивых и шокирующих сцен не только всего рассказа, но и «южной готики» в целом.

Рассматривая систему образов персонажей, нельзя не отметить тот факт, что ни один из героев рассказа не назван по имени. Данное обстоятельство позволяет взглянуть на всё повествование как на универсальную историю, которая могла произойти в любое время и в любом месте. Единственный намёк на то, как на самом деле зовут мальчика, можно найти в эпизоде печально закончившейся игры: мальчик собирается подбросить последний камень и нарекает его «адамовой бомбой» (Adam's bomb), но, упав на голову главному герою, он мгновенно становится «камнем Судного Дня» (doomsday rock).

Открывает рассказ «сцена завета и клятвы». Отец предупреждает сына, что если тот ещё хоть раз бросит камень, то он пришьёт его руку гвоздем к деревянной стене сарая. С самого начала Ричард обозначает основные характеристики двух главных героев: жестокого и непреклонного отца, живого воплощения карающего Ветхозаветного Бога, и сына, который изо всех сил стремится к послушанию, он обожает и боится отца, но заложенное в нем природой любопытство из раза в раз сбивает его с истинного пути. Эта сцена перекликается со сценой Божьего завета в Эдемском саду: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» [Православная энциклопедия].

Затем отец ненадолго исчезает, а сын сталкивается с искушением. Ребенку отчаянно хочется бросить камень, но, помня о завете родителя, он

дважды подавляет в себе это желание. Однако после игры в центре сада у разрушенного колодца, в котором, по словам отца, водятся змеи (деталь, все всякого сомнения, перешедшая в рассказ из Ветхого Завета), мальчик решает на «сделку с совестью» и убеждает себя, что «подбросить камень, это вовсе не то же самое, что кинуть его» [Richard 1998: 9]. Мотивы искушения в Священном Писании встречаются нередко, здесь уместно будет вспомнить и искушение Адама Евой, и искушение Христа. На наш взгляд, здесь находят отражения оба сюжета, однако главенствующей реминисценцией, разумеется, будет именно Адам. Не зря именно его именем мальчик нарекает главный камень, «краеугольный камень разрушенного колодца» [ibid.: 8], которому и суждено сыграть роль карающего орудия судьбы.

После того как неудачно подброшенный камень падает на голову ребенку, мать отвозит его к «лучшему белому доктору в городе» [ibid.: 9]. Здесь можно вспомнить, что Ричард рос в городке, где разделение людей по цвету кожи носило непреложный характер. По иронии, именно в этот момент врач-морфинист, промышленный аборт, в полусне видит огромную летучую мышь с глазами на крыльях. Рукокрылое появляется в поле зрения доктора уже не в первый раз и в контексте библейских аллюзий представляется воплощением дьявола, злого духа, который неотступно следует за доктором и в конце концов проникает и в душу мальчика. В момент встречи доктора и маленького пациента из головы последнего на землю падает что-то черное с трепещущими крыльями. Этот фрагмент рассказа заканчивается истошным воплем матери и залихватским смехом доктора, отсылая читателя к деяниям Св. Геминиана, христианского епископа, жившего в Риме в IV в. н.э. Ему приписывается исцеление бесноватой дочери Константинопольского императора Иовиана, из головы которой болезнь вылетела в виде летучей мыши. За прошедшие семнадцать веков этот эпизод напоминал о себе в произведениях архитектуры, живописи и литературы. Чем ближе мать подъезжает к дому доктора, тем больше летучих мышей появляется на страницах рассказа: «На главной улице среди бела дня висели сотни, тысячи летучих мышей, по ночам они разлетались в погоне за тонной-другой комаров, которые по вечерам клубились над канавами стадиона и рытвинами на третьей базе, но, если приглядеться, то и днем над изогнутыми водосточными желобами можно было заметить их сложенные черные крылья – длинная полоса черной смолы, размазанная под крышами, а на деле и не смолы вовсе, а макушек тысяч крохотных головок, свисавших из-под

крыш и карнизов вверх ногами, и как минимум одна из тварей проснулась от грохота, разбудившего и доктора, который пробудился ото сна с сухостью во рту, краем глаза заметив в углу под потолком своего любимого летуна, наделенного неземными крыльями, с которых на доктора смотрели глаза, и отвратительно сладострастным слюнявым ртом» [Richard 1998: 10].

Однако из следующей части мы узнаем, что после того, как доктор наложил на голову мальчика швы, ребенок стал постоянно ощущать в голове присутствие летучих мышей: они пытаются прорваться наружу, их крохотные лапки вызывают у него нестерпимый зуд кожи головы. Мальчик не сомневается, что однажды они вылетят на волю (нас вновь отсылают к житию Св. Геминиана), но больше всего его страшит то, что в этот момент рядом будет мать, которая может не на шутку испугаться. Символически, в контексте библейских аллюзий, этот эпизод можно прочесть так: персонаж, как и Адам, нарушил завет, за что и поплатился («адамова бомба» или «камень Судного дня») фактически перенесли его из родного сада в кабинет к доктору, т. е. из Эдема на землю). Посещение доктора – своеобразное мирское причастие, во время которого ребенок столкнулся с мраком реальности и в какой-то мере и сам стал его частью. Вне всякого сомнения, мотив летучих мышей необходимо рассматривать в контексте аллюзий на житие Св. Геминиана, так как его роль в рассказе аналогична той, что он играл в священном тексте.

Тем временем домой возвращается отец – опаленный с головы до ног последний выживший в диком пламени пожарный, чьи брови и борода расплавились, а кожа покрыта ожогами. Фигура отца, который с самого начала грозит сыну наказанием за непослушание, довлеет над всем повествованием. Он борец с огнем, бесстрашный пожарный, который в свободное время рассекает по городу на огромном мотоцикле по прозвищу “Goat”, что можно перевести на русский язык как «козел отпущения». Эту деталь можно истолковать как символ всеисилия отца, так как принято считать, что на козла отпущения возлагались все грехи, которые он должен был вернуть их источнику. В таком случае сам факт того, что отец «оседлал» грехи или своеобразный «сосуд для греха», указывает на божественную природу родителя. А когда отца нет дома, сын представляет себе, как отец, сражаясь с безжалостной огненной стихией, забирается на спину медведицы и вместе с ней спасается от пламени во тьме глубокой пещеры. В глазах ребенка он предстает поистине всеисильным богом, повелевающим не только стихией и животным миром, но даже жизнью и смертью. А потому все его

приказы, даже самые жестокие, должны беспрекословно исполняться. Вернувшись домой опаленным, но, в отличие от всех друзей и сослуживцев, живым, он какое-то время служит сыну безмолвным напоминанием о нарушенной клятве, а затем вершит свой суд. Как персонаж он остается абсолютно статичным, несмотря ни на какие невзгоды, и именно это усиливает восприятие его образа как проекции Бога. Он неизменен, непознаваем, суров и всеисилен. Наступает воскресенье, а с ним и агония кульминации. Когда мать уходит в церковь, отец напоминает сыну о джентльменском соглашении, которое тот нарушил, и ведёт его в сарай. Там разворачивается последняя и, пожалуй, самая неоднозначная сцена рассказа: отец приносит столярные инструменты, сын прикладывает руку к стене сарая, а отец, вооружившись плоскогубцами и ножницами, принимается «разрезать нити, которые скрепляют плоть его единственного сына» [ibid.: 14].

Персонаж сына, напротив, представлен в развитии. Всезнающий автор приоткрывает нам дверь во внутренний мир ребёнка, позволяет услышать его самые сокровенные мысли. Именно благодаря этому приёму мы знаем, что лишь с третьего раза ребёнок поддаётся соблазну и «подбросил» камень на крышу сарая. Мальчик разрывается между страхом и трепетом перед отцом и естественным желанием познать мир вокруг. Фигура ребёнка в рассказе символизирует человека: он знает, что нарушил завет, и теперь с ужасом и благоговением ожидает возвращения отца, на плечи которого ляжет бремя суда и наказания. Если допустить, что мальчика действительно зовут Адам, то значение имени только подтверждает предположение о том, что в рассказе он воплощает Человека. Тогда игра у колодца предстает аллегорией грехопадения и, как следствие, изгнания из Рая, встреча с доктором – это не что иное, как встреча с дьяволом, а «камень “Судного дня”», из-за которого отец и наказал мальчика, знаменует собой начало Апокалипсиса. Сравнение мальчика с Христом может иметь место в связи со схожей природой родственных отношений между героями (Христос, сын Бога, сын (Адам) и безымянный отец), но оно замыкает аллегорический сюжет на религиозном аспекте, тогда как акцент на человеческой, «адамовской» природе мальчика позволяет взглянуть на рассказ как на историю всего человечества.

Улицу, ведущую к дому доктора, живущего прямо напротив здания суда, что тоже символично, ведь в христианском представлении дьявол является частью миропорядка, в разгар дня заполонили летучие мыши. Они свисают и с потолка кабинета доктора, который под воздей-

ствием морфия накладывает на голову ребёнка неровные швы, и, по сути, производит действие, обратное тому, что совершит в финале отец.

Мать в рассказе выполняет функцию «хранительницы». Она присматривает за ребёнком в отсутствие отца и покорно ждёт его возвращения. Ей принадлежит всего одна реплика, и та доходит до читателей в пересказе сына: «она гадает, вернется ли её муж когда-нибудь домой» [Richard 1998: 4]. Если отец – Бог, а ребёнок – человек, то логично предположить, что мать символизирует церковь, в обязанности которой входит ждать возвращения Бога и наставлять людей до Второго Пришествия. Именно в церковь уходит мать в то воскресенье, когда отец решился воплотить в жизнь угрозу. Подобная экспозиция: мать молится в церкви, а отец исполняет обещанное – еще больше подчеркивает значимость и сакральность финала. Таким образом статичный и второстепенный образ матери реализует заложенную в ней сюжетную роль.

Учитывая все собранные нами элементы этой литературной энигмы (ребенок по имени Адам – символ человека, колодец со змеями, сцена с высвобождением из головы ребенка летучей мыши, камень «Судного дня», с которого начинается отсчет дней до наказания), финальная сцена в контексте библейских реминисценций может быть истолкована как Страшный Суд, событие, после которого существование этого мира (в глазах ребёнка) заканчивается. И тогда получается, что, следуя аллюзиям на Священное Писание, мы прочитали рассказ, написанный в 1998 г., как аллегорический пересказ истории рода человеческого: от пребывания в Раю до Судного дня. Во многом слаженность повествования, состоящего из реминисценций и аллюзий, обеспечивается особенностями жанровой модификации, в которой он был создан, так как «южная готика» предполагает монументальность и общечеловеческое значение замысла даже в рамках небольшого произведения.

Все герои рассказа прекрасно укладываются в модель библейских аллегорий. Хотя несправедливо было бы утверждать, что Марк Ричард преследовал цель создать парафраз Старого и Нового Заветов, то есть изложить историю человечества от Изгнания из Рая до Страшного суда, отдельные эпизоды Священного Писания (грехопадение Адама, искушение Христа), все всякого сомнения, легли в основу сюжета, более того, этот способ его построения оказался весьма созвучен жанровым характеристикам направления «южной готики»; реминисценции помогли представить модель мира в миниатюре и, что ещё более важно, стали своеобразным строительным материалом для создания персонажей. Един-

ственный подвижный герой – мальчик, ребёнок, воплощение Человека. Именно ему уготована трансформация от непокорного, но, по сути, невинного создания, до воплощения человечества, столкнувшегося с концом мира. Такое разделение аллегорических героев на статичных и подвижных демонстрирует не только широкие возможности постмодернистской поэтики малого жанра, но и художественную жизнеспособность героев-символов.

Примечание

¹ Здесь и далее, если не указано иное, перевод цитат из англоязычных источников наш. – А. А.

Список литературы

Архангельская И. Б. Феномен «Южного ренессанса» и литература американского юга 20–30-х гг. XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6. С. 304–309.

Беляев А. А. Эстетика: словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 462 с.

Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <https://www.pravenc.ru/text/161994.html> (дата обращения: 07.03.2022).

Соколова И. В. Американский рассказ XXI века // Наука и школа. 2020. № 4. С. 35–42. doi 10.31862/1819-463X-2020-4-35-42

Bjerre T. Southern Gothic Literature // Oxford Research Encyclopedia of Literature. URL: <https://oxfordre.com/literature/view/10.1093/acrefore/9780190201098.001.0001/acrefore-9780190201098-e-304> (дата обращения: 25.02.2022).

Cantrell J. Meet Mark Richard, Author of June Read of the Month – House of Prayer No. 2. URL: <https://southernlitreview.com/authors/meet-mark-richard-author-of-june-read-of-the-month-house-of-prayer-no-2.htm> (дата обращения: 02.05. 2022).

Carpenter K. Growing Up in the Company of Books – The Life of Mark Richard. URL: <https://litreactor.com/interviews/growing-up-in-the-company-of-books-the-life-of-mark-richard> (дата обращения: 10.06.2022).

Dolan J. Mark Richard by J. D. Dolan, 1998. URL: <https://bombmagazine.org/articles/mark-richard/> (дата обращения: 17.05.2022).

Flora J. The Companion to Southern literature: themes, genres, places, people, movements, and motifs, Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2002. 1054 p.

Gibaldi W. A World Almost Rotten: The Fiction of William Gay. URL: <https://therumpus.net/2012/>

04/18/a-world-almost-rotten-the-fiction-of-william-gay/ (дата обращения: 06.05.2022).

Goddu T. *Gothic America: Narrative, History, and Nation*. New York: Columbia University Press, 1997. 226 p.

MacKethan L. *Genres of Southern Literature*. URL: <https://southernspaces.org/2004/genres-southern-literature/> (дата обращения: 12.06.2022).

Morrison T. *Playing in the Dark// Whiteness and the Literary Imagination*. New York: Vintage, 1992. 110 p.

O'Connor F. *Some Aspects of the Grotesque in Southern Fiction, Mystery and Manners // Occasional Prose*. New York: Farrar, Straus, Giroux, 1960. P. 19–25.

O'Connor F. *The Regional Writer, Mystery and Manners// Occasional Prose*. New York: Farrar, Straus, Giroux, 1960. P. 34–40.

Richard M. *Gentleman's Agreement*. Charity New-York: Doubleday, Random House Inc, 1998. 149 p.

Street S. C. Crow C. L. *Introduction: Down at the Crossroads // The Palgrave Handbook of the Southern Gothic*. Macmillan Publishers Ltd. London, 2016. P. 1–7.

References

Arkhangel'skaya I. B. Fenomen 'Yuzhnogo renessansa' i literatura amerikanskogo yuga 20–30-kh gg. XX veka ['The Southern Renaissance' phenomenon in American literature of 1920s – 1930s]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2012, issue 6, pp. 304–309. (In Russ.)

Belyaev A. A. *Estetika: Slovar'* [Esthetics: a Dictionary]. Ed. by A. A. Belyaev et al. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 447 p. (In Russ.)

Gal'perin I. R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on the Stylistics of the English Language]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostranykh yazykakh Publ., 1958. 462 p. (In Russ.)

Pravoslavnaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Ed. by Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/161994.html> (accessed 7 Mar 2022). (In Russ.)

Sokolova I. V. *Amerikanskiy rasskaz XXI veka* [American short story of the 21st century]. *Nauka i shkola* [Science and School], 2020, issue 4, pp. 34–42. doi 10.31862/1819-463X-2020-4-35-42. (In Russ.)

Bjerre T. *Southern Gothic Literature*. *Oxford Research Encyclopedia of Literature*. Available at: <https://oxfordre.com/literature/view/10.1093/acrefore/9780190201098.001.0001/acrefore-9780190201098-e-304> (accessed 25 Feb 2022). (In Eng.)

Cantrell J. *Meet Mark Richard, Author of June Read of the Month – House of Prayer No. 2*. Available at: <https://southernlitreview.com/authors/meet-mark-richard-author-of-june-read-of-the-month-house-of-prayer-no-2.htm> (accessed 2 May 2022). (In Eng.)

Carpenter K. *Growing Up in the Company of Books – The Life of Mark Richard*. Available at: <https://litreactor.com/interviews/growing-up-in-the-company-of-books-the-life-of-mark-richard> (accessed 10 Jun 2022). (In Eng.)

Dolan J. *Mark Richard by J. D. Dolan*, 1998. Available at: <https://bombmagazine.org/articles/mark-richard/> (accessed 17 May 2022). (In Eng.)

Flora J. *The Companion to Southern Literature: Themes, Genres, Places, People, Movements, and Motifs*. Baton Rouge, Louisiana State University Press, 2002. 1054 p. (In Eng.)

Giraldi W. *A World Almost Rotten: The Fiction of William Gay*. Available at: <https://therumpus.net/2012/04/18/a-world-almost-rotten-the-fiction-of-william-gay/> (accessed 6 May 2022). (In Eng.)

Goddu T. *Gothic America: Narrative, History, and Nation*. New York, Columbia University Press, 1997. 226 p. (In Eng.)

MacKethan L. *Genres of Southern Literature*. Available at: <https://southernspaces.org/2004/genres-southern-literature/> (accessed 12 Jun 2022). (In Eng.)

Morrison T. *Playing in the Dark. Whiteness and the Literary Imagination*. New York, Vintage, 1992. 110 p. (In Eng.)

O'Connor F. *Some Aspects of the Grotesque in Southern Fiction, Mystery and Manners. Occasional Prose*. New York, Farrar, Straus, Giroux, 1960, pp. 19–25. (In Eng.)

O'Connor F. *The Regional Writer, Mystery and Manners. Occasional Prose*. New York, Farrar, Straus, Giroux, 1960, pp. 34–40. (In Eng.)

Richard M. *Gentleman's Agreement*. Charity New-York, Doubleday, Random House Inc., 1998. 149 p. (In Eng.)

Street S. C., Crow C. L. *Introduction: Down at the Crossroads. The Palgrave Handbook of the Southern Gothic*. London, Macmillan Publishers Ltd., 2016, pp. 1–7. (In Eng.)

The Image of the Hero and the Function of Biblical Allusions in the Genre of Southern Gothic: a Case Study of Mark Richard's Story 'Gentleman's Agreement'

Anna A. Alipova

Postgraduate Student at the Department of Foreign Literature

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing

25, Tverskoy bulvar, Moscow, 123104, Russian Federation. ms.annalysikova@mail.ru

SPIN-code: 5211-9740

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0243-1909>

Submitted 27 Feb 2023

Revised 24 Apr 2023

Accepted 27 May 2023

For citation

Alipova A. A. *Obraz geroya i funktsiya bibleyskikh allyuziy v kontekste «yuzhnoy gotiki» na primere rasskaza Marka Richarda «Dzhentl'menskoe soglashenie»* [The Image of the Hero and the Function of Biblical Allusions in the Genre of Southern Gothic: a Case Study of Mark Richard's Story 'Gentleman's Agreement']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 80–87. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-80-87 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the Southern gothic genre, which is characterized by American authors' close attention to the history of the South, tragic worldview, and interest in the barely noticeable movements of the human soul as well as by a focus on religious themes, bitter humor, detailed description of various types of violence, the use of 'shock therapy' techniques, and bringing into the plot a minute analysis of the actions of an endless string of marginal characters. The article gives a brief excursus into the history of the genre and its roots: from its emergence in the first half of the 20th century to its present authoritative position in the American literary process. The paper highlights the reasons for the Southern gothic's serious influence on world literature and for the scholars' special interest in it. In addition, the religious aspect of this genre is discussed, in particular its Biblical reminiscences within the framework of postmodern poetics and the use of those as tools for creating the image of a versatile hero and building an allegorical plot. The study aims to highlight some of the abovementioned features in Mark Richard's short story *Gentleman's Agreement*. Using the cultural-historical method with some elements of structuralist analysis, the article reveals the distinctive stylistic features of the writer's text, while considering Mark Richard a successor to the traditions of such masters of the genre as Flannery O'Connor, Eudora Welty, Erskine Caldwell, Harper Lee, and others.

Key words: Southern gothic; Biblical reminiscences; postmodernism; Mark Richard; American literature; character; Gentleman's Agreement.

УДК 821.161.1
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-88-96

EDN XRFKDF

Отражение полемики вокруг оды Г. Р. Державина «Изображение Фелицы» в горацианских переложениях В. В. Капниста

Александр Юрьевич Антонов

магистрант кафедры истории русской литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. alexander.a11@yandex.ru

SPIN-код: 1457-7512

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0706-0180>

Статья поступила в редакцию 10.06.2023

Одобрена после рецензирования 11.07.2023

Принята к публикации 10.08.2023

Информация для цитирования

Антонов А. Ю. Отражение полемики вокруг оды Г. Р. Державина «Изображение Фелицы» в горацианских переложениях В. В. Капниста // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 88–96. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-88-96

Аннотация. В статье рассматривается специфика отражения литературной полемики вокруг оды Г. Р. Державина «Изображение Фелицы» в горацианских переложениях В. В. Капниста. В рамках данной полемики Капнистом были затронуты важные аспекты его поэтической философии, которую в значительной степени разделял и Державин, в оде «Изображение Фелицы» отступивший от ряда признанных им постулатов об искренности, допустимых границах лъстивости в поэзии и т. д., чем эту полемику и спровоцировал. В статье показывается, что отголоски данной полемики обнаруживаются и в более поздних сочинениях Капниста – в трех его горацианских переложениях, посвященных Державину, а именно: в одах «Ломоносов» («Гений-Пиит») (1790/91), «К Музе» («Певцу Фелицы») (1797) и «Против златолюбия» (1811–1814). В них Капнист вновь обращается к тому же кругу тем, что и в «Ответе Рафаэла певцу Фелицы», продолжая как бы угасшую полемику. Анализируется специфика эволюции взглядов Капниста на существо данной полемики: показывается, сколь различны установки, которыми он руководствуется при обращении к ней на разных этапах своего творчества. Так, ода «Ломоносов», использующая горацианский претекст лишь в качестве источника, от которого заимствует свою композиционную схему, является как бы «смягченным» вариантом «Ответа Рафаэла певцу Фелицы», однако лишенным некоторого «сатирического» подтекста. Ода «Ломоносов» представляет для Державина своего рода пример того, как можно писать оды искренне и бескорыстно. И наконец, в оде «Против златолюбия» Капнист вновь повторяет модель оды «Ответ Рафаэла певцу Фелицы»: начиная исправлять исключительно поэтические «недостатки» державинских строк, он вновь обращается к теме чрезмерной лъстивости державинской оды.

Ключевые слова: В. В. Капнист; поэзия XVIII века; поэзия XIX века; полемика вокруг оды Державина «Изображение Фелицы»; ода.

Ода «Ответ Рафаэла певцу Фелицы» 1789 г. – хронологически самое раннее произведение В. В. Капниста, так или иначе затрагивающее тему Г. Р. Державина и его поэтического насле-

дия. Это произведение не имеет однозначной трактовки: одни исследователи считают его шуточным [Иванов 1959: 428; Демин 2009: 26], другие же – едко-сатирическим [Лаппо-Данилевский

2011: 205] (вслед за Державиным, которого оно сильно обидело [там же]). Но, как кажется, Капнист не ставил себе задачи оскорбить, зло высмеять Державина (его талант и авторитет как поэта первой величины был абсолютно незыблем для Капниста, что особенно наглядно видно на материале его поздних произведений).

Видимо, целью написания данного «ответа» была попытка продолжить дружеское «сотворчество», коллективное «вычитывание» стихотворений, обычное в так называемом «кружке Н. А. Львова» в 1770–1780-х гг. [Николаев 2004: 18]. Шутливо сравнивая свой труд с работой трубочиста (Капнист озаглавил свою оду «Репорт лейб-автору от Екатеринославских муз трубочиста Василья Капниста»¹), Капнист спровоцировал насмешки со стороны Державина и Львова: дословная публикация Лаппо-Данилевского текста [Лаппо-Данилевский 2011: 214–220], отправленного Капнистом Державину, с пометами Львова показывает, что насмешки друзей во многом относились на счет невыверенной, пестрящей ошибками и пропусками писарской копии оригинала. Более того, Львов был даже склонен по достоинству оценить критические замечания Капниста относительно державинской оды.

Действительно, велик соблазн увидеть в произошедшей полемике столкновение каких-либо значимых, фундаментальных различий поэтик Капниста и Державина. Как правило, исследователи либо трактовали поэтику Капниста как тяготеющую к «классичности», либо стремились увидеть в его поэзии чуть ли не революционную (в плане политическом) противопоставленность высшему обществу и двору (и Державину как представителю этой среды).

Предположение о революционности сознания Капниста успешно развенчает К. Ю. Лаппо-Данилевский [Лаппо-Данилевский 1989: 49–56]: событий Французской революции Капнист не принял, а тот факт, что в его доме гостили будущие декабристы (соседи и друзья его детей), еще не означает, что он разделял их взгляды (как и то, что они ему их подробно высказывали). О его отношении ко двору и крепостному состоянию можно с уверенностью сказать лишь следующее: несмотря на его неприятие крепостного права, несмотря на его гуманное отношение к крестьянам, видимо, не в «народе», а в «просвещенной монархии» он видел решение всех социальных проблем: недаром он посвящает Екатерине II оды «На рабство» и «На истребление в России звания раба»; не зря и «Ябеду» он посвящает Павлу I. П. Н. Берков видит в интересе, стремлении Капниста к деревенской, уединенной жизни, в этом как бы «жизнетворчестве» вслед за лирическим героем Горация некий «побег» Капниста

от блеска двора [Берков 1959: 257–268]. Безусловно, что-то такое у Капниста есть. Но, скорее, этот «побег» продиктован отнюдь не «классовыми», не идеологическими причинами, а чем-то личным. В этом контексте целесообразно вспомнить его литературный дебют – неудачу с обнародованием «Сатиры первой и последней»: помимо критики, она была не принята и салонным обществом, на которое Капнист собирался произвести впечатление [Бабкин 1960: 17–18]. После этого Капнист уезжает в Обуховку [там же]. При Павле он вновь возвращается в Петербург, делает неплохую карьеру (становится директором всех императорских театров Петербурга [там же: 43]) и лишь после убийства императора, удрученный этим событием [Демин 2017: 500], принимает решение выйти в отставку и поселиться в Обуховке уже окончательно. Иными словами, по-видимому, если у Капниста и было резко негативное отношение к высшему обществу, то не потому, что он был противником аристократии, а потому, что ему были несимпатичны конкретные проявления этого «высшего света» при дворе Екатерины II.

Концепция Беркова строится во многом на противопоставлении эстетики поэзии Капниста и Державина в рамках их отношения к императорскому двору и противостоящей ему «вольной» деревенской жизни: Державин здесь играет роль поборника высшего света и в этом оказывается несхож с Капнистом. Данную концепцию убедительно опровергают А. Ю. Веселова и В. А. Доманский, в работах которых показывается общность традиции так называемого «усадебного текста» поэтов Львовско-Державинского литературного кружка: не только Капнистом, но и Державиным созданы «усадебные» оды, пафос которых направлен против столичного общества [Доманский 2015: 79–84]. А. Ю. Веселова отмечает, что содержание такой «усадебной лирики» связано скорее не с политическим, а с идейно-философским наполнением. В «усадебной лирике» поэты державинского круга находят новый способ выражения воспринятых ими идей Просвещения – идей личности и свободы; и светское общество в этом контексте представляется источником излишней и ненужной суеты, мешающей счастливой и «полезной» жизни. При этом усадебная жизнь провозглашается способной позволить человеку спокойно и счастливо трудиться на благо общества – например, при помощи поэтического творчества [Веселова 2006: 206–218]. Единственное, в чем тут, по мысли Веселовой, Капнист противопоставлен Державину, – то, что усадебная жизнь Державина предполагает роскошь; Капнист же постулирует горацянскую умеренность [там же: 213].

Вряд ли раннее творчество Капниста было и «классицистичнее» державинского. К примеру, Д. Д. Благой видит в «Сатире первой и последней» Капниста то произведение, которое повлияло на Державина как на автора «Фелицы» (что, конечно, спорно; скорее, здесь должно видеть отражение одного и того же, общего для обоих авторов процесса – разочарования в рамках господствующей нормативной поэтики, а также следы обсуждения этих общих идей в рамках локального литературного сообщества): в ней Капнист сочетает похвалы императрице с обличительными речами на пороки (а в первой редакции – на лица), тем самым становясь как бы предтечей приёма «смещения стилей» – важного новшества державинской оды «Фелица» [Благой 1959: 7].

Существование различий в поэтиках Капниста и Державина отрицать не приходится. Другое дело, что важно уяснить, в чем же принципиальная суть данных различий². На наш взгляд, нет необходимости искать в поэтических методах этих поэтов какой-то фундаментальной противопоставленности. То, что их слог и поэтическая манера довольно сильно разнятся, – это, скорее, обусловлено различием их интересов, склонностей и разнонаправленностью их талантов: как правило, поэзия Державина больше ориентирована на написание длинных, патетических произведений на значимые (гражданские, религиозные) темы; стихотворения же Капниста (как правило, более короткие) характеризуются преобладанием эмоционально-личного начала. И пусть большая (и лучшая) часть поэтического наследия Капниста будет написана значительно позже, в начале XIX в., уже в 1789 г. в «Ответе Рафаэла певцу Фелицы» он формулирует некоторые важные принципы, которым будет верен и в дальнейшем.

Прежде всего, Капнист критикует Державина за чрезмерную отвлеченность его образов: он порицает нарочитую гиперболизацию образа Фелицы. И тут речь не может идти о том, что Капнист якобы не был способен понять, что это художественный прием: Капнист ценил различные поэтические новшества, эксперименты. Так, вскоре ему по душе придется державинский аллегорический образ водопада, в его творчестве отразится и метафорический пласт образности «водной стихии»; будет Капнист интересоваться и творчеством русских преромантиков и сентименталистов. Не был он и ярким поборником «классицизма»: помимо «смещения стилей» в его «Сатире», творчество Капниста в целом будет тяготеть к той жанровой перестройке, которую обычно связывают с именем Карамзина и его последователей. То, что Капнист высмеивает «нереалистичность» державинской оды, – это,

видимо, результат его твёрдого убеждения в том, что поэзия должна быть «правдивой». Тема тождества «правдивости» и «реалистичности» применительно к поэзии имплицитно пройдёт через всё творчество Капниста, посвящённое в той или иной степени теме поэта и поэзии. Вероятно, идеалом «честного» поэта для Капниста был Гораций, который представлялся ему полностью тождественным лирическому герою его стихотворений.

Вслед за Горацием Капнист был сторонником формулы «ut pictura poesis» [Лаппо-Данилевский 2011: 205]. Он последовательно отстаивает эту формулу как основу своей поэтической философии. Равноценность поэзии и живописи для Капниста – это не просто следование принципу умеренности, «золотой середины» (вслед за Горацием), это утверждение самоценности поэзии как важного, значимого, общепольного искусства. Если обратиться к более поздним текстам Капниста, то среди них можно найти немало таких, где он изображает общественно значимую (гражданскую и религиозную) поэзию как наиболее ценный род деятельности. Наивысшее позиционирование роли поэзии Капнист демонстрирует в стихотворении «Славолюбие» 1822 г. Он пишет:

Чернило лучше на бумагу,
Чем кровь на поле бранном, лить
[Капнист 1973: 300].

Но не только общественно значимой поэзии Капнист отводит столь важное место. Он ценит и сам язык, силу языкового выражения. В 1810-е гг. Капнист пишет эпитафию «Надгробие язычнику, от язвы, на языке приключившейся, умершему». Не лишенный остроумия, данный текст, однако, затрагивает и серьёзную, очень важную для Капниста тему о могуществе слова. Вот этот текст:

Язычник здесь лежит. Языком сотворил
Он множество чудес: языком он чернил,
Языком правду в ложь, а ложь он в правду плавил,
Языком грызть умел, и жалить, и рубить,
Языком, наконец, и сам себя управил.
Прохожий! берегись, чтоб как не наступить
[там же: 270].

«Ответ Рафаэла певцу Фелицы» заканчивался следующими строками:

Когда ж ты в способах уверен
Те дива живо написать.
То кисть и краски пред тобою:
Пиши волшебною рукою,
Что мог так лепо рассказать³.

Хочется выделить первые две из приведенных здесь строк: Капнист акцентирует внимание на «способах»; видно, что сам язык, само поэтическое слово воспринимается им равным кистям и

краскам – поэт, подобно художнику, сам создает из этого материала предмет искусства. Иными словами, Капнист постулирует примат содержания над формой, и державинскую оду он критикует как раз с этой позиции: увлекшись формой как самоцелью, поэт, по мнению Капниста, оставил без должного внимания содержание.

Тем не менее столь безобидно-шутливая ода вызвала резкое негодование у Державина. Нельзя с полной уверенностью сказать, чем же именно был так задет «певец Фелицы». Думается, что наиболее верное предположение высказал А. О. Демин, писавший, что Державин был столь сильно разгневан по причине своего трудного материального положения: бывший тамбовский губернатор, он получил отставку и попал под суд, что и послужило причиной написания оды «Изображение Фелицы» [Демин 2009: 26]. Согласно данной гипотезе, Державин прекрасно понимал отличность «Изображения Фелицы» от предыдущих его од, посвященных императрице, а вот Капнист, по всей видимости, будучи оторван от столичной жизни, воспринял оду Державина как произведение, полное искреннего восхищения и верноподданнической преданности. Иными словами, Капнист пытался судить заведомо «заказное», написанное из меркантильного интереса произведение так, как будто бы оно являлось образцом изящной словесности, как будто бы оно претендовало встать в один ряд с другими, новаторскими, произведениями Державина. В глазах Капниста же эта ода выглядела в лучшем случае как автоэпигонство, как опыт не стихотворчества, а графомании.

Однако полемика вокруг данной оды отразилась и в других произведениях Капниста, причем, что интересно, в его гораццианских переложениях. Предположительно в 1790 или 1791 г. создается одна из наиболее известных современникам гораццианских од Капниста – ода «Ломоносов», или «Гений-Пиит». Капнист называл её подражанием, но фактически от Горация в ней осталось не так уж и много. Хотя, как отмечают исследователи, уже здесь у Капниста проявилось стремление к «точному переводу»: он лучше, чем кто-либо из современников, почувствовал поэтику оригинала и постарался приблизиться к Горацию путём сохранения структурной основы произведения [Демин 2009: 23].

Однако само наполнение оды отлично от произведения Горация. Вместо Пиндара тут – Ломоносов (перифразы из четырех произведений которого приводит здесь Капнист), а вместо лирического адресата (Иулла Антония) – Державин. Сама ода в идейном отношении представляет собой продолжение полемики вокруг оды «Ответ Рафаэла певцу Фелицы»; её как бы «смягчен-

ный» вариант. Капнист побуждает Державина к восхвалению реальных заслуг императрицы, сам, однако, эти заслуги перечисляя, на них внимания не акцентирует, чтобы тем самым «не дерзать вторить русскому Пиндару».

Как и Гораций, Капнист воспекает (русского) Пиндара (то есть у Капниста – Ломоносова), перечисляя его поэтические заслуги, причем воспекает он его, как бы обращаясь к другому поэту, поэту-современнику, и потому не столь великому – к Державину. Вернее, тут речь идет даже не о степени величия поэтического дара, а о разности этого дара: поэт-друг (у Горация – Иулл (Юлий), у Капниста – Державин) побуждается к выбору собственного, оригинального пиитического пути; предостерегается от раболепного подражания Пиндару (Ломоносову) – поэту минувших лет. Затем следует и реплика о себе самом – тоже как о поэте, причем с весьма самоуничижительным оттенком данного высказывания.

И вот то, что сказано лирическим героем (тождественным Капнисту) о самом себе, требует отдельного, чуть более подробного рассмотрения. У Горация мы читаем: «Тогда мой голос, если что достойное слышания сказать могу, соединится с твоим, и я воспою: о прекрасный, о благословенный день, счастливый восприятием Кесаря; во время шествия твоего не один раз: ура! целым городом: ура! – воскликнем и фимиам принесем богам всемилосердным». Другими словами, герой Горация как бы равняет себя с Юлием, раз уж допускает возможность соединения их голосов (логично, что они могут соединиться, только если они друг другу под стать, иначе это не будет гармоничным соединением). Капнист же этот фрагмент передает вовсе иначе:

Но я, как пчелка, над землею
С трудом с цветов сосуща мед,
Я тиху песнь жужжать лишь смею:
Высокий страшен мне полет
[Капнист 2013: 105].

Голос лирического «я» уподобляется не голосу Юлия (у Капниста было бы – Державина), а жужжанию пчелы. В данном контексте аллюзия на образ пчелы представляет собой топос, ассоциирующийся прежде всего с трудолюбием и пользой; возможно, здесь намекается на противопоставление поэзии, вдохновленной свыше (поэзии Державина), как бы «вымученной», более механической, отождествляемой с лирикой самого Капниста. Однако в любом случае здесь выражена идея несоразмерности дарования автора «таланту Державина и гению Ломоносова».

Как отмечает Б. И. Коплан, в эти годы Капнист создает своего, «русского Горация» [Коплан 1941: XIII]. И этот тезис справедлив примени-

тельно как к переводным, так и (возможно, даже в большей степени) оригинальным произведениям Капниста.

В 1797 г. Капнист пишет оду «К Музе (певцу Фелицы)», представляющую собой вольное подражание Кн. I, оде XXVI Горация. Она была послана Державину в рамках дружеской переписки в письме от 13 августа 1797 г. При переложении этой оды Капнист следует за широко распространенной тогда традицией «улучшающего перевода», «адаптируя» Горация под русские реалии. Но тем не менее ода «К Музе» – это уже именно переложение Горация, в то время как ода «Гений-Пиит» представляла собой всё же оригинальную оду, лишь отсылающую на мотивном уровне к гораціанскому претексту.

В рамках же данной адаптации, например, античные политические реалии заменяются событиями, актуальными для конца XVIII в.:

Пусть галл Европой потрясает,
Британец всех на море бьет,
От рая Пий ключи теряет, –
Да мне до них и нужды нет
[Капнист 2013: 106].

Здесь отражены такие значимые события, как победы наполеоновской Франции на суше, превосходство к концу XVIII в. английского флота над всеми другими флотами Европы, поражение папского войска в ходе Итальянских войн, упразднение Наполеоном светской власти Папы Пия VI. Но для нас в данной оде интересно даже не это; более значим следующий фрагмент:

Честей я не служу кумиру,
Ползком я злата не ищу;
Доволен малым, – жизнь и лиру
Любви и дружбе посвящу [там же: 107].

Никакого эквивалента этим строкам нет в претексте Горация. Безусловно, выраженное тут умонастроение в целом актуально для общего корпуса произведений Горация, но, кажется, здесь стоит усмотреть как бы отголосок «жизнетворчества» Капниста по лекалам образа (мифа) Горация: все относительно поздние произведения Капниста (начиная с середины 1790-х гг.) имеют словно общего лирического героя, тождественного биографическому автору, – дворянина-поэта, удаленного от великосветского общества и ищущего идиллию на лоне природы, в своем поместье. Это, по-видимому, является проекцией концепта «умеренности» бытия (лейтмотивом проходящего через всё творчество Горация) на лирику Капниста.

Ода эта была посвящена Державину, имя которого в самом тексте фигурирует под перифразом «Певец Фелицы», заменяющим имя Ламия. В примечаниях к «Опыту перевода и подражания

Горациевых од», в который должна была войти и эта ода, сам автор комментирует это место так: «Элий Ламий – хороший пиит. Цицерон во многих местах похваляет его». Другими словами, Капнист тем самым восхваляет Державина, что не могло не польстить ему.

Стоит отметить, что образ Державина в этой оде отнюдь не является центральным. Более того, можно сказать, что Державин упоминается тут как бы ненароком, между делом. И в этом явственно прослеживается изменение творческой установки Капниста. Шесть лет назад, при написании оды «Ломоносов» («Гений-Пиит»), Капнист свободно пользуется претекстом Горация как «донором» для композиционной схемы своего произведения. Не очень заботясь о точности следования оригиналу, Капнист создаёт в достаточной мере вольное подражание, по сути, совершенно новый текст, лишь отсылающий к Горацию, но почти не дающий читателю никакого представления о нём. Центральный герой, адресат его оды – именно Державин, хотя почти весь текст посвящен воспеванию Ломоносова. Сейчас же Капнист не взывает к Державину как к поэту. Обращение к нему – скорее, просто дружеская учтивость, стремление польстить коллеге по «парнасскому цеху», а заодно и вызвать у него дополнительное внимание к оде. Переложение Кн. I, оды XXVI – это уже именно переложение оды, а не подражание. Капнист демонстрирует стремление именно перевести латинскую оду на современный ему русский литературный язык.

Хотя нельзя отрицать и, по-видимому, имевшееся у Капниста стремление всё же продолжить данным текстом былую полемику: неслучайно он воспевае почившего Ломоносова, а не, скажем, самого, ещё живого, Державина. В этом заметно следование прежним идеалам: он воспевае того, чьи выдающиеся заслуги чтит, и воспевание это в высшей степени бескорыстно, ведь Ломоносов мертв, и потому невозможно ожидать от него какой бы то ни было протекции.

В этом контексте интересно и то, что Капнист (как об этом будет более подробно сказано дальше) нападает на державинскую оду «К Скопихину», но совершенно игнорирует в этом плане, к примеру, оду «На возвращение Зубова из Персии», где мадригальная часть куда как более ярко выражена. Происходит это, видимо, вследствие того, что пишет ее Державин уже после ослабления Валериана Зубова, в период его опалы [Грот 1997: 505], а значит, она уже не может служить каким-либо меркантильным интересам поэта.

Об отношении поэтов державинского круга (и Капниста, в частности) к различным формам «льстивой» поэзии достаточно подробно пишет

Иоахим Клейн: он отмечает сложную иерархическую градацию степеней лестиности этой придворной поэзии в их восприятии [Клейн 2021: 132–133]; подробно анализирует и рефлексию «искренности» такой мадригальной поэзии самим Державиным. В частности, о том, что «заказную» поэзию оба автора считают недопустимой, показательно говорит приводимый Клейном пример с критикой «продажного» Рубана в «Сатире» Капниста. Данный его тезис Державин вполне поддерживает [там же: 109–127].

На этом основании и можно вполне основательно утверждать, что Капнист ни в коем случае не хотел оскорбить Державина своей полемикой (даже на этапе написания им «Ответа Рафаэла певцу Фелицы»): Капнист упрекает Державина в некоторой доли неискренности именно как человека, разделявшего его убеждения по данному вопросу; это не чтение морали, не нравоучение, а беседа с равным, разговор с единомышленником.

Но вернемся к оде «К Скопихину», державинскому переложению кн. II оды II Горация 1803 г. Капнист откликнется на нее своим переводом 1811–1814 гг. под заглавием «Против златолюбия». И хотя этот перевод тоже достаточно вольный (по крайней мере, если учитывать актуальную на тот момент для самого Капниста переводческую методику), он всё же значительно точнее державинского.

Переложение Державина, написанное на случай, лишь отчасти следует за горацианским претекстом: там, где у Горация – панегирик, у Державина – обличение; где восхваление ратных подвигов прошлого – щедроты меценатов настоящего. Текст Державина далеко отстоит от горациева оригинала и по структуре: пространственный период о Прокулее заменен на краткое упоминание о Минине, в то время как восхваление меценатов Шереметева, Владимирова и Демидова в общей сложности занимает 45 стихов (против 3 стихов о Минине!). Капнист, казалось бы, следует за Державиным, вместо Прокулея воспевая Минина, но в то же время открыто с ним полемизирует, значительно увеличивая объем данной микротемы. Строки его пронизаны героическим пафосом, в них слышится гордость и благоговение, чего недостает Державину, у которого Минин упомянут как бы между делом. В подстрочнике Капниста читаем: «известный отеческою к братьям любовью», – в переложении: «И жизнь и злато в дар несли». Готовность отдать жизнь соотносится с «любовью к братьям», то есть к соотечественникам, а вот «злато» – полемика с Державиным: как можно забывать о меценатстве Минина, спасшем Россию; как можно заставить померкнуть подвиг вечный на фоне частного, сегодняшнего?

Капнист не просто так обращается к Державину: его стремление более точно передать горацианский оригинал сливается со стремлением продолжить былую полемику. Именно поэтому Капнист отходит от принятой им в то время установки на переводческую, а не подражательную деятельность: обращение к Державину (а потому, вслед за ним, – к Минину) позволяет ему противопоставить объективно более значимые события прошлого (Второе Ополчение) куда более иллюзорному меценатскому подвигу настоящего. В этом проявляется и неприятие Капнистом намеренно усиленного объемом отведенного текста державинского возвеличивания меценатства (на фоне которого получается, что меркнет спасение отечества), и предпочтение исторически значимого, вечного – сиюминутному.

Стоит, однако, заметить, что Капнист не упрекает Державина (как человека) в забвении подвигов прошлого: Капнист не мог не знать державинского «героического представления» «Пожарский, или Освобождение Москвы» 1806 г. Капнист критикует Державина-поэта, создателя конкретной оды. И именно в этом прослеживается «преemptивность» по отношению к «Ответу Рафаэла певцу Фелицы»: Капнист последовательно выступает против «заказных од», ведь обе оды – и «Изображение Фелицы» (1789), и «К Скопихину» (1803) – помимо творческой задачи имели и цели меркантильно-политические. Мы не станем говорить, будто бы Державин писал их только ради некоторого улучшения своего положения в высшем свете, но и отрицать то, что автор хотел польстить адресатам обеих од, было бы странно.

И опять, как и немногим более, чем за 20 лет до этого, Капнист как бы вежливо, дружески-шутливо «намекает» Державину на его «неправоту». Та часть критического содержания, которая подчеркнута эксплицитно выражена в оде «Против златолюбия», относится прежде всего к вопросам формы (как и в «Ответе Рафаэла певцу Фелицы», но уже без сатирического тона). Капнист своим переложением изображает что-то вроде «примера» для Державина; вернее, даже не примера, а как бы «переработанного» варианта державинской оды. Видимо, этим и продиктован выбор Капниста переложить эту оду как «подражание», а не как «перевод»⁴.

При этом важно отметить: по всей видимости, Капнист не мог (или не хотел) понять, что Державин намеренно не желал терять свою идентичность, становиться «русским Горацием» подобно ему самому. Державин не мыслил себя слабым подражателем: он прекрасно понимал, что способен на точный перевод; вот только – зачем ему это? Он идентифицировал себя в ка-

честве самобытного поэта, а не переводчика [Клейн 2021: 103].

Итак, в ходе полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» 1789 г. Капнистом были затронуты важные аспекты его поэтической философии, которую в значительной степени разделял и Державин, в оде «Изображение Фелицы» отступивший от ряда признанных им постулатов об искренности, допустимых границах лести в поэзии и т. д. Капнист критикует Державина прежде всего за следование корыстным побуждениям при создании этой оды, а также за то, что тот позволяет себе чересчур неумеренные, гиперболические, отвлеченные образы. Но полемика эта, кончившаяся скорым примирением друзей-поэтов, не ограничилась со стороны Капниста написанием лишь «Ответа Рафаэла певцу Фелицы»; этим данная полемика только начинается. В трех переложениях од Горация, посвященных впоследствии Державину: в одах «Ломоносов» («Гений-Пиит») (1790/91), «К Музе» («Певцу Фелицы») (1797) и «Против златолюбия» (1811–1814) – Капнист вновь обращается к тому же кругу тем, продолжая как бы угасшую полемику. Ода «Ломоносов», берущая претекст Горация лишь в качестве источника, от которого заимствует свою композиционную схему, является как бы «смягченным» вариантом «Ответа Рафаэла певцу Фелицы»: в ней Капнист, уже без сатирического подтекста, вновь провозглашает принципы умеренности и «реалистичности» поэтических образов; в оде «Ломоносов» Капнист как бы дает Державину своеобразный пример бескорыстного воспевания заслуг уже почившего великого деятеля, взывает своего адресата творить искренне, подобно Ломоносову. В оде же «Против златолюбия» Капнист повторяет модель той оды, с которой и начал данную полемику: начиная исправлять исключительно поэтические «некорректности» Державина (и правда добываясь более близкого перевода), он опять же плавно переходит к теме «меркантильности» державинского замысла, критикуя его за непомерное возвеличивание современных меценатов на фоне исторических героев прошлого.

Примечания

¹ Видимо, название это обыгрывает хорошо известную Львову и Державину раннюю французскую эпиграмму Капниста, сохранившуюся лишь в стихотворном переложении Державина (см. подробнее: [Коплан 1941: V]):

Писанья ты свои прилежно вычищай:
Ведь из чистилища приходят уже в рай.

Суть данной словесной игры, по всей видимости, заключается не только в использовании изящного каламбура как такового, но и в нарочи-

той актуализации прецедентного для Державина и Львова текста, отсылающего ко второй половине 1770-х гг. – ко времени активного функционирования львовского кружка.

² В данном контексте интересно было бы попытаться проследить, понять различия их мотивации занятия литературным трудом, однако сделать этого в полной мере нельзя из-за невозможности отделить реальное авторское самознание от топики [Николаев 2017: 19].

³ Здесь приведен текст в первой редакции, каким его впервые увидели Львов и Державин [Лаппо-Данилевский 2011: 219].

⁴ В соответствии с авторским определением.

Список литературы

Бабкин Д. С. В. В. Капнист. Критико-биографический очерк // Капнист В. В. Собрание сочинений: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. С. 12–65.

Берков П. Н. В. В. Капнист как явление русской культуры XVIII века // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Сб. 4. С. 257–268.

Благой Д. Д. Василий Капнист // Капнист В. В. Сочинения. М.: ГИХЛ, 1959. С. 3–35.

Веселова А. Ю. Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка // XVIII век. СПб.: Наука, 2006. Сб. 24. С. 206–218.

Грот Я. К. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997. (Серия «Гений в искусстве»). 688 с.

Демин А. О. Капнист Василий Васильевич // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. Т. 2. С. 500–503.

Демин А. О. О датировке трех горацианских од В. В. Капниста // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. ст. СПб.: «ВИРД», 2009. Вып. 5. С. 20–28.

Доманский В. А. Усадебный текст Г. Р. Державина и поэтов его круга // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 79–84.

Иванов Ю. Д. Примечания // Капнист В. В. Сочинения. М.: ГИХЛ, 1959. С. 413–448.

Капнист В. В. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1973. 623 с.

Капнист В. В. Опыт перевода и подражания Горациевых од. СПб.: Наука, 2013. 436 с.

Клейн И. При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Изд. дом ЯСК, 2021. 464 с.

Коплан Б. И. В. В. Капнист // Капнист В. В. Избранные сочинения. Л.: Сов. писатель, 1941. С. V–XV.

Лаппо-Данилевский К. Ю. К вопросу о рецепции событий Великой французской революции (В. В. Капнист и его ближайшее окружение) // Русская литература. 1989. № 3. С. 49–56.

Латно-Данилевский К. Ю. К истории дружеской полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» // XVIII век. СПб.: Наука, 2011. Сб. 26. С. 203–220.

Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века. (Очерк проблематики) // XVIII век. СПб.: Наука, 2004. Сб. 23. С. 3–19.

Николаев С. И. Русские писатели XVIII века о мотивации своих занятий литературным трудом // XVIII век. СПб.: Наука, 2017. Сб. 29. С. 5–20.

References

Babkin D. S. V. V. Kapnist. Kritiko-biograficheskiy ocherk [V. V. Kapnist. A critical and biographical essay]. In: Kapnist V. V. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 2 vols. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1960, vol. 1, pp. 12–65. (In Russ.)

Berkov P. N. V. V. Kapnist kak yavlenie russkoy kul'tury XVIII veka [V. V. Kapnist as a phenomenon of the 18th-century Russian culture]. *XVIII vek* [The 18th Century]. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1959, issue 4, pp. 257–268. (In Russ.)

Blagoy D. D. Vasiliiy Kapnist. In: Kapnist V. V. *Sochineniya* [Kapnist V. V. Works]. Moscow, State Publishing House of Fiction Publ., 1959, pp. 3–35. (In Russ.)

Veselova A. Yu. Usadbnaya zhizn' v stikhakh poetov l'vovsko-derzhavinskogo kruzha [Manor life in the poems by poets of Nikolay Lvov and Gavril Derzhavin's society]. *XVIII vek* [The 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, issue 24, pp. 206–218. (In Russ.)

Grot Ya. K. *Zhizn' Derzhavina*. [Gavril Derzhavin's Life]. Moscow, Algoritm Publ., 1997. 688 p. (In Russ.)

Demin A. O. Kapnist Vasiliiy Vasil'evich. *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskiy slovar'. XVIII–XIX vv.* [Russian Folklorists: A Biobibliographical Dictionary. The 18th–19th Centuries]: in 5 vols. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2017, vol. 2, pp. 500–503. (In Russ.)

Demin A. O. O datirovke trekh goratsianskikh od V. V. Kapnista [On dating of three Horatian odes by V. V. Kapnist]. *G. R. Derzhavin i ego vremya: Sbornik nauchnykh statey* [Gavril Derzhavin and His Time: A Collection of Scientific Articles]. St. Petersburg, 'VIRD' Publ., 2009, issue 5, pp. 20–28. (In Russ.)

Domanskiy V. A. Usadbnyy tekst G. R. Derzhavina i poetov ego kruga [The country estate text of G. R. Derzhavin and the poets of his circle]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2015, issue 2, pp. 79–84. (In Russ.)

Ivanov Yu. D. Primechaniya [Notes]. In: Kapnist V. V. *Sochineniya* [Works]. Moscow, State Publishing House of Fiction, 1959, pp. 413–448. (In Russ.)

Kapnist V. V. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1973. 623 p. (In Russ.)

Kapnist V. V. *Opyt perevoda i podrazhaniya Goratsievyykh od* [The Experience of Translation and Imitation of the Horatian Odes]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013. 436 p. (In Russ.)

Klein J. *Pri Ekaterine. Trudy po russkoy literature XVIII veka* [In the Times of Catherine the Great. Works on Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, LRC Publishing House, 2021. 464 p. (In Russ.)

Koplan B. I. V. V. Kapnist. In: Kapnist V. V. *Izbrannye sochineniya* [Collected Works]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1941, pp. V–XV. (In Russ.)

Lappo-Danilevsky K. Yu. K voprosu o retseptsii sobytii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii (V. V. Kapnist i ego blizhayshee okruzhenie) [On the reception of the events of the Great French Revolution (V. V. Kapnist and his immediate circle)]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1989, issue 3, pp. 49–56. (In Russ.)

Lappo-Danilevsky K. Yu. K istorii druzheskoy polemiki vokrug ody Derzhavina 'Izobrazhenie Felitsy' [On the history of a friendly debate about Gavril Derzhavin's ode 'The Image of Felitsa']. *XVIII vek* [The 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, issue 26, pp. 203–220. (In Russ.)

Nikolaev S. I. Original'nost', podrazhanie i plagiat v predstavleniyakh russkikh pisateley XVIII veka. (Ocherk problematiki) [Originality, imitation, and plagiarism in the perception of Russian writers of the 18th century. (Overview of the problems)]. *XVIII vek* [The 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, issue 23, pp. 3–19. (In Russ.)

Nikolaev S. I. Russkie pisateli XVIII veka o motivatsii svoikh zanyatiy literaturnym trudom [Russian writers of the 18th century about their motivation for doing literary work]. *XVIII vek* [The 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, issue 29, pp. 5–20. (In Russ.)

A Literary Debate around Gavrila Derzhavin's Ode 'The Depiction of Felitsa' as Reflected in Vasily Kapnist's Horatian Interpretations

Alexander Yu. Antonov

Master's Student at the Department of History of Russian Literature

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. alexander.a11@yandex.ru

SPIN-code: 1457-7512

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0706-0180>

Submitted 10 Jun 2023

Revised 11 Jul 2023

Accepted 10 Aug 2023

For citation

Antonov A. Yu. Otrazhenie polemiki vokrug ody G. R. Derzhavina «Izobrazhenie Felitsy» v goratsianskikh pere-lozheniyakh V. V. Kapnista [A Literary Debate around Gavrila Derzhavin's Ode 'The Depiction of Felitsa' as Reflected in Vasily Kapnist's Horatian Interpretations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 88–96. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-88-96 (In Russ.)

Abstract. The article discusses how a literary debate around Gavrila Derzhavin's ode *The Depiction of Felitsa* is reflected in Vasily Kapnist's Horatian interpretations. In this debate, Kapnist puts emphasis on important aspects of his poetical philosophy, which was to a large extent shared by Derzhavin, who departed from these views on sincerity, permissible limits of flattery in poetry, etc. in the ode *The Depiction of Felitsa*, this having provoked the literary debate. The paper shows that repercussions of this debate are also found in the later works of Kapnist – in his three Horatian interpretations dedicated to Derzhavin, namely *Lomonosov* (1790/91), *To the Muse* (1797), and *Against Gold-Greed* (1811–1814). In these works, Kapnist develops the same topics that we can see in the first of his odes related to the debate (*A Raphael's Answer to the Felitsa's Poet*). The paper analyzes the evolution of Kapnist's views on the essence of the debate: it is shown how various are his attitudes to this issue in different periods of his life. The ode *Lomonosov*, which uses the Horatian pretext only as a source from which it takes its compositional scheme, appears to be a 'softened' version of *A Raphael's Answer to the Felitsa's Poet*, devoid of some 'satirical' subtext. *Lomonosov* represents a kind of example to follow that shows Derzhavin how to write odes sincerely and selflessly. In the ode *Against Gold-Greed*, Kapnist repeats the model of *A Raphael's Answer to the Felitsa's Poet*: he starts from correcting exclusively poetic 'flaws' of the Derzhavin's ode, seeking a more accurate translation of some passages of the Horace's ode in his own interpretation, and then he again turns to the theme of excessive flattery of the Derzhavin's ode.

Key words: Vasily Kapnist; poetry of the 18th century; poetry of the 19th century; literary debate around Gavrila Derzhavin's ode 'The Depiction of Felitsa'; ode.

УДК 821.161.1=312.6(1-87)
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-97-106

EDN WZIRAI

Автобиографическая повесть С. А. Зайцевой «Детскими глазами на мир» в контексте литературной традиции Л. Н. Толстого («Детство»)

Анна Альбертовна Арустамова

д. филол. н., доцент, профессор кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. aarustamova@gmail.com

SPIN-код: 3568-5321

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3079-0253>

Чжэнь Цзинжу

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. zhenjingru@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.07.2023

Одобрена после рецензирования 24.09.2023

Принята к публикации 13.11.2023

Информация для цитирования

Арустамова А. А., Чжэнь Цзинжу. Автобиографическая повесть С. А. Зайцевой «Детскими глазами на мир» в контексте литературной традиции Л. Н. Толстого («Детство») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 97–106. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-97-106

Аннотация. В статье рассматривается первое произведение автобиографической трилогии писательницы первой волны русской эмиграции С. А. Зайцевой «Детскими глазами на мир» в контексте литературной традиции Л. Н. Толстого (повесть «Детство»). Утверждается, что структура трилогии соотносится со структурой трилогии Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». В произведении писательницы XX в. присутствуют такие характерные для «повести о детстве» черты, как герой-ребенок, открывающий для себя мир, пространство дома как организующее пространство жизни персонажа, изображение семейного уклада, разработка принципов изображения внутреннего мира ребенка. В исследовании проводятся параллели с произведением Толстого на образном, мотивном, пространственном, сюжетном уровнях художественной системы повести «Детскими глазами на мир». Особое внимание уделяется сопоставлению образов Николеньки и Сони, принципам анализа внутреннего мира героев повестей, выявляются сходства и различия в использовании приема психологизма, а также исследуется роль принципа остранения в создании образов героев. В статье рассматриваются особенности организации пространства в повести «Детскими глазами на мир», соотношения *своего* и *чужого* в художественной структуре произведений, анализируется взаимодействие культур в повести писательницы XX в. Сопоставление произведений позволяет охарактеризовать историко-культурный контекст повести С. Зайцевой и роль традиции русской классики в её творчестве.

Ключевые слова: автобиографическая повесть; повесть о детстве; С. А. Зайцева; Л. Н. Толстой; литература первой волны эмиграции; литературная традиция; поэтика; стиль.

Личность и творчество С. А. Зайцевой (1899–1945) долгое время оставались вне поля зрения исследователей литературы русской эмиграции, исчерпываясь библиографическими сведениями [Хисамутдинов 2002; Русские в Китае 2010, Хисамутдинов 2017]. Сегодня произведения писательницы только начинают привлекать к себе внимание. Так, А. В. Марков анализирует феномен книжности и его место в трилогии Зайцевой. По мнению учёного, в творчестве Зайцевой «книга оказывается... особым аппаратом сохранения и признания чужого опыта в ситуации катастрофы» [Марков 2022: 23]. Н. А. Рубан создаёт очерк биографии писательницы, даёт общую характеристику произведениям Зайцевой. В частности, говоря о первой книге трилогии «Детскими глазами на мир», она упоминает роман И. С. Шмелёва «Лето Господне», проводя тематические и образные параллели между двумя произведениями.

Литература восточной ветви русского зарубежья привлекает внимание исследователей в Китае. Так, были опубликованы работы Дяо Шаохуа – «Обзор поэтов русской эмиграции в Харбине в 1920-х годах» [Дяо Шаохуа 1992a: 102–104] и «Яркое сияние литературы русской эмиграции в Харбине», посвященные общей характеристике литературы русской эмиграции в Китае. Исследователь отметил, что «Харбин когда-то был культурным центром русских эмигрантов на Дальнем Востоке. Здесь была процветающая русская литература и появилось много выдающихся писателей» [Дяо Шаохуа 1992b: 82]. Ученый также указал, с одной стороны, на связь литературы русских эмигрантов с русской классической культурой и культурой Серебряного века, а с другой – на отличия между ними. По мнению исследователя, литература русской эмиграции в Китае, «с одной стороны, наследует традицию русской литературы и связана литературой конца XIX – начала XX века, но, с другой стороны, изолирована от своей родины» [Дяо Шаохуа 1994: 150].

Следует отметить также работы Ли Мэн «Недостающее звено – литература русской эмиграции в Китае» [Ли Мэн 2007] и Ван Яминь «Исследование литературы русской эмиграции в Китае в XX веке» [Ван Яминь 2007]. Ли Мэн анализирует исторические корни русских эмигрантов в Китае, делает обзор литературы русской эмиграции в Китае, а также подробно анализирует творчество двух авторов – А. И. Несмелова и В. Ф. Перелешина. Ван Яминь обращается к литературе разных жанров, в том числе мемуарной. Отдельная глава исследования посвящена демонстрации связи русской литературы в Харбине с русской и китайской литерату-

рой, а также её месту в истории литературы. В то же время творчество Софьи Зайцевой до сих пор не привлекало внимания ученых, анализирующих тенденции развития восточной ветви русской литературы.

Автобиографическая трилогия была написана Зайцевой в 1930–1940-е гг. и состоит из трех повестей: «Детскими глазами на мир», «У порога в мир», «Путь через мир». Сюжетное время в них охватывает детство, отрочество и юность героини Сони, пришедшиеся на дореволюционное и революционное время. В эпоху революционных событий Соня, чьё детство и отрочество прошли в Петербурге, покидает Россию, и страницы третьей повести посвящены годам, прошедшим между расставанием героини с родиной и отбытием в Китай из Европы.

Композиция трилогии Зайцевой следует той, что стала к 1930-м гг. уже классической благодаря произведениям Льва Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Структурный принцип трилогии Толстого в дальнейшем был разработан в творчестве целого ряда писателей, аналогичным образом строящих свое повествование. Среди них Н. Г. Гарин-Михайловский («Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры»), А. М. Горький («Детство», «В людях», «Мои университеты»). Можно вспомнить также произведения, в которых представлен путь взросления героя («История моего современника» В. Г. Короленко, «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина) или изображено его детство («Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Лето Господне» И. С. Шмелёва). Исследователи прозы писателей русского зарубежья, в частности Бунина и Шмелёва, отмечают влияние традиции Толстого в произведениях «Жизнь Арсеньева» и «Лето Господне» [Дзыга 2009; Чой Чжин Хи 1999 и др.].

Важно сделать методологическое замечание. Софью Зайцеву можно отнести к «младшему» поколению писателей-эмигрантов первой волны. Как уже было отмечено в научной литературе, творчество авторов этого поколения русских эмигрантов первой волны литературоцентрично в том смысле, что принадлежавшие к нему поэты и писатели воспроизводят культурную атмосферу и литературную традицию XIX в., а также Серебряного века [Через океан 2021: 15].

В этой статье речь пойдет о первом произведении автобиографической трилогии Зайцевой «Детскими глазами на мир» как продолжении основанной Толстым («Детство») литературной традиции изображения мира детства и персонажа-ребенка. Именно этот писатель задал вектор письма о детстве для XIX и XX вв., получившего затем столь плодотворное развитие в творчестве многих писателей.

Новизна статьи связана с тем, что тема детства и связь с литературной традицией рассматриваются в творчестве писательницы восточной ветви русского зарубежья. Если в литературе русского зарубежья в Париже они основательно изучены, то в отношении восточной ветви русской эмиграции эта работа только начинается. Следует отметить, что харбинская или шанхайская литература о детстве, как и автобиографическая проза русских эмигрантов в Китае, до сих пор практически не систематизирована и не исследована. Можно отметить ряд работ по русской детской журналистике Харбина и Шанхая (Е. С. Бабкина «Журналистика русского зарубежья Дальнего Востока для детей и молодежи в социокультурном контексте (1898–1945 гг.)» [Бабкина 2018], А. А. Хисамутдинов «Сохраняя русский язык: как издавали детские книги в Китае» [Хисамутдинов 2015]), однако в них освещается главным образом журналистика русской эмиграции и вопросы книгоиздания.

Как заметил Альгазо Хасан, анализируя автобиографическую прозу писателей русского зарубежья Бунина, Зайцева и Шмелёва, «как и в русской классике, в творчестве писателей-реалистов нового поколения изображение всецело подчинено раскрытию человеческой судьбы. Но она в новую эпоху складывается иначе, нежели это было в XIX веке, драматизм ее объясняется резкими разломами в жизни тех, кому довелось жить в эпоху войн и революций. <...> Осознающие трагизм положения человека в XX веке писатели пытаются преодолеть его обращением к духовной жизни, к памяти, поэтизацией быта» [Хасан 2006: 8]. Поэтому необходимо рассмотреть, какие общие черты «повести о детстве» выявляются в произведении Зайцевой, следующей литературной традиции, а в чем проявляются стилевые особенности ее прозы, а также отличительные черты проблематики.

Также следует иметь в виду, что, во-первых, в повести (как и во всей трилогии) изображена иная историческая ситуация. В трилогии чувствуется нарастающее напряжение, которое знаменует переломное, бурное время первых десятилетий XX в. И это напряжение ощущается уже в первой книге. Во-вторых, произведение Зайцевой создавалось почти через два десятилетия после изображаемых событий, когда писательница более десяти лет находилась в эмиграции.

Главные герои этих двух произведений – дети. Концепт «детство» присутствует в заглавии обоих произведений. Зайцева в определенном смысле продолжает, развёртывает заглавие повести Толстого. Писательница указывает на кругозор героя – маленькой девочки, которая открывает для себя мир вокруг, познаёт радости детства

и первые горести. Можно предположить, что название повести Зайцевой родилось в диалоге с произведением классика. В повествовании Толстого присутствуют два субъекта – Николенька Иртенев и взрослый Николай Иртенев, осмысляющий и комментирующий события далекого прошлого, своего детства, рефлексиирующийся и наделённый жизненным опытом. В повести «Детскими глазами на мир» повествование ведётся от лица героини – шестилетней девочки Софьи, или Шишилки, как её ласково зовут в домашнем кругу. Именно её детский и бесхитрый взгляд на мир представлен в произведении. В повести нет другого повествователя. А мотивы поступков других героев, исторический контекст происходящего, положение дел в семье и вокруг читатель реконструирует из описания их действий, поведения, речи, а также характеристик, которую дает им маленькая Соня.

Так, в повести Толстого зачастую изображение того или иного события или ситуации передаётся в двух планах. Сначала оно показано в восприятии Николеньки, а затем взрослый рассказчик Николай Иртенев дополняет то, что недоступно пока детскому взгляду на мир. Ярким примером является двуплановая характеристика отца героя. Эта двуплановость подчёркивается, в частности, композицией повествования. Так, третья глава повести называется «Папа», в ней глазами Николеньки показана ситуация общения отца с приказчиком. А глава десятая повести называется «Что за человек был мой отец?», в которой раскрывается характер «человека общего века», анализируются социально-исторические истоки его личности, его внутренний мир. Меняется интонация повествования и кругозор героя.

В повести Зайцевой воспроизводится взгляд ребенка на окружающих, что меняет повествовательную структуру произведения. Так, драматичная история болезни горячо любимого отца передана глазами Сони, которая, может быть, не в полной мере понимает происходящее, но ощущает постепенное ухудшение положения семьи. Читатель же воссоздает полную картину через реплики других персонажей – горничных, матери: «...мама говорила Неше: – Его должны были перевезти сегодня, но не прислали во время санитаров, и пришлось отложить на завтра. <...> Это очень неудачно вышло из-за детей. <...> Так бы он уехал, и дети не увидели бы его перед отъездом...» [Зайцева 1947: 135], а также через «взрослое» понимание того, что видит девочка: «...я ударила обеими ладонями в дверь, распахнула ее, шмыгнула под ногами у незнакомых мне людей, катящих громадное кресло, и бросилась в спальню... На кровати, свесив ноги и нащупывая ими мягкие туфли, сидел в белой рубашке с от-

ложным воротником, в белых длинных панталонах папа. Худой, обросший бородой, с глубоко впавшими глазами...» [Зайцева 1947: 135–136].

Оба писателя создают образ ребенка, чуткого, глубоко переживающего, сочувствующего другим, умеющего видеть красоту мира и его многообразия. Например, Николенька наивно надеется, что отец и Карл Иванович смогут понять друг друга: «я сочувствовал его горю, и мне больно было, что отец и Карл Иванович, которых я почти одинаково любил, не поняли друг друга; я опять отправился в угол, сел на пятки и рассуждал о том, как бы восстановить между ними согласие» [Толстой 1978: 14].

И Николенька, и Соня наивны, любопытны, полны воображением. Воображение Николеньки очень богато. Когда он пошел с отцом на охоту и увидел лес, то он «...тогда казался мне самым отдаленным, таинственным местом, за которым или кончается свет, или начинаются необитаемые страны» [там же]. Соня тоже любит фантазировать. Девочка представляет ночник на комодке корабликом в темноте: «...и мне кажется, что крохотный кораблик с голубым фонарем плывет ко мне из темноты по зеркальному озеру» [Зайцева 1947: 10]. Соня представляет себе чашку сестры Тамарки ледяной горой, под которой горит пламя: «...как будто ледяная гора, а под ней костры» [там же: 9].

Вслед за Толстым Зайцева показывает присутствующим детям способность видеть мир поэтически – способность, которую большинство взрослых утрачивает. Детский взгляд на мир – тот, который может увидеть поэзию в обыденном. Именно этот «свежий», незамутненный, а иногда – острабяющий. Так, Соня представляет себе сторожа Таврического сада добрым колдуном: «Сторож в Таврическом саду колдун – это я давно знала! Только он добрый колдун... Но мы видим, как колдун на горе бросает вниз по прозрачному зеленоватому водопаду одну диковинную рыбу за другой. Через секунду рыбы доплывают до нас и оказываются веселыми мальчуганами, распластавшимися на деревянных санях» [там же: 10].

Детское умение видеть непривычное в рутинно привычном взрослому взгляду, непосредственность восприятия обуславливают и использование техники острабления, разработанного Толстым. Зайцева также на протяжении повести неоднократно прибегает к этому приему. Вот как она описывает, какой причудливой видят комнату, подготовленную к отъезду семьи на дачу, Соня и её сестра Тамарка: «Тамарка осторожно дотронулась до электрической кнопки, и мы увидели, что в гостиной теперь и вправду была совсем – *своя* [курсив автора] жизнь. Громадный белый, но

не прозрачный кокон бабочки засветился над нашей головой, хотя вся комната оставалась почти в полутемноте...; Мы сели на корточки. – Теперь это морское дно, – сказала Тамарка. – Подводные камни и скалы, – она показала на составленные друг на друга стулья в чехлах и на корзины, – страшные чудовища и рыбы, – она протянула руку к свернутым коврам» [там же: 104].

Писательница показывает, как уносится в даль воображение девочки, придумывающей волшебный мир и трансформирующей скучную для взрослых реальность. Этим развернутым эпизодом завершается одна из глав повести. Очарование детства не нарушается вторжением рационально мыслящих взрослых. Здесь Зайцева словно бы останавливается там, где Толстой продолжает исследовать мир детства и хрупкость его гармонии. В повести «Детство» старший брат Николеньки Володя, пытающийся казаться «большим», скептически отзывается об игре младших детей и разрушает волшебный мир, созданный их воображением: «...его ленивый и скучный вид разрушал все очарование игры. Когда мы сели на землю и, воображая, что плывем на рыбную ловлю, изо всех сил начали грести, Володя сидел сложа руки и в позе, не имеющей ничего схожего с позой рыбака... Такие поступки и слова, охлаждая нас к игре, были крайне неприятны, тем более что нельзя было в душе не согласиться, что Володя поступает благоразумно» [Толстой 1978: 23].

Благоразумие взрослых входит в противоречие с непосредственным детским восприятием событий. В дальнейшем Толстой продолжит размышлять над противоречием между истинным и ложным, между поэтическим и рациональным в восприятии мира, связывая его с нравственными установками героев. Наташа Ростова позднее, в знаменитой сцене в театре, совершая ошибку, вдруг перестанет воспринимать условность искусства – и очарование спектакля разрушится. Обратим также внимание на переключку эпизодов в двух произведениях: героини Зайцевой и Толстого придумывают водный мир, имитируют плавание в лодке: «Потом забралась в качалку. Тамарка свесила одну ногу и отталкивалась ею от пола. Мы тихонько покачивались. – Вот мы как будто плывем по самому дну и как будто смотрим вокруг, – сказала Тамарка» [Зайцева 1947: 105]. В произведении и Толстого, и Зайцевой мальчик и девочка открывают мир, и им все интересно, без исключения. Как замечает маленькая Соня, «самое трудное то, что все вообще интересно, а старшие все время заставляют выбирать что-нибудь одно» [там же: 107].

По мысли Толстого и Зайцевой, открытость миру героев-детей обусловлена не только этим

этапом их жизни, но и атмосферой любви, в которой они пребывают в родительском доме – будь то имение (Николенька) или петербургская квартира (Соня). При этом особую роль в жизни детей играют родители – мать Николеньки и отец Сони. И именно с потерей матери и отца, отметим, будут связаны первые страшные, горестные события жизни маленьких героев, разрушающие идиллию детства.

Уклад жизни семьи Сони строится на фундаменте взаимной любви, доверии, прощении, заботе друг о друге. Именно в семье девочка получает нравственный опыт, совершает первые ошибки и учится делать правильный выбор (эпизод с дарением игрушке кузине). Соня проявляет высокомерие, на что мягко ей указывает отец, побуждая девочку задуматься над своим поступком. А когда она заплакала, утешает её. Писательница показывает, что лучшим воспитателем становится любовь родных, помогающая ребенку делать правильный выбор в той или иной ситуации, пробуждает рефлексию над собственными поступками. Здесь писательница следует Толстому, который показывает Николеньку размышляющим над собственными поступками, но Толстой усложняет повествовательную структуру, потому что даёт слово и комментатору Николаю Иртеньеву, переосмысляющему прошлое (ср. рефлексию взрослого Иртеньева: «Я решительно не могу объяснить себе жестокости своего поступка. Как я не подошел к нему, не защитил и не утешил его? Куда девалось чувство сострадания, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыд при виде выброшенного из гнезда галчонка... Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мне любовью к Сереже и желанием казаться перед ним таким же молодцом, как и он сам? Незавидные же были эти любовь и желание казаться молодцом! Они произвели единственные темные пятна на страницах моих детских воспоминаний» [Толстой 1978: 51]). В целом можно говорить о глубоком психологизме Толстого в изображении душевных переживаний десятилетнего Николеньки.

Зайцева рисует пяти-шестилетнюю Соню, чья душа в большей степени впитывает впечатления мира, но уже и начинает работу над нравственной переработкой этих впечатлений. Писательница хорошо улавливает общие особенности детской психологии, по возможности избегая абстрактных характеристик, вводя большое количество конкретных образных описаний. Используемый детский язык отличается невинностью и юмором. Повествование включает в себя стилистические маркеры детского мировосприятия. Оно проявляется, например, в описании испуганной Сони: «Когда мы возвращались домой, – ноги у меня стали мягкими и вялыми, как

макароны, и я едва ступала ими» [Зайцева 1947: 123]. Писательница показывает в эпизоде с Цыганковыми одно из первых столкновений девочки с незнакомым ей миром, сильно отличающимся от мира её семьи, что выводит её за рамки знакомого опыта. И тогда Соня начинает напряженно размышлять, в её душе происходит нравственная работа. На даче девочка впервые узнает, что не все семьи живут в любви и согласии. Она слышит крики из дома крестьян Цыганковых и наталкивается на равнодушную реакцию соседской бабы: «Отец пьяный вернулся, опять, должно, дерется» [там же: 122]. Девочка тяжело переживает увиденное и затем размышляет: «...когда услышала крики и подумала, что Нюту с Ксюшей бородастый злой мужик бьет – так стало нехорошо, страшно, противно, так ужасно жалко их обеих... Что же с этой жалостью делать?» [там же: 123].

Однако не случайно, что сюжетная история обеих книг завершается расставанием героев с самыми любимыми – родителями. Большой мир вторгается в идиллический мир детства, и начинается новый этап в их жизни. Это случается, когда умирает мать Николеньки и фактически исчезает из жизни Сони её отец. Гармоничный мир детства больше никогда не будет для героини повести Зайцевой «своим» – потерянным раем. Об этом свидетельствует и изменение восприятия девочкой пространства детской, которое маркируется теперь как «чужое» в финальных строках повести: «Через полчаса я совсем одна сидела за столом в столовой – одна первый раз в моей жизни. Пила с блюдечка молоко и не спускала глаз с дверей моей детской. Она казалась мне теперь совсем грустной и как будто немного чужой. И в ней с утра горела перед образом лампадка – как будто в знак расставанья моего с Тамаринькой и с моим папой...» [там же: 139–140]. Горе, которое переживает девочка, приносит одиночество и чувство покинутости. Мотив одиночества впервые появляется на страницах трилогии с тем, чтобы затем звучать всё сильнее и достигнуть пика драматизма в третьей книге, когда героиня в вихре исторических событий расстается с семьёй и оказывается одна в Константинополе. Отметим также, что писательница в финале повести указывает и на переход на другой этап жизни и сестрой Сони Тamarой – девочка отправляется держать экзамен в гимназию, и значит, неразлучные сестры должны будут ходить в разные учебные заведения, находить новых друзей и круг общения.

Как и в повести Толстого, в книге «Детскими глазами на мир» актуализировано противопоставление *своего* и *чужого*. В повести «Детство» *свой* для Николеньки мир усадьбы – его дом,

включающий также пространство и дома, и природы прилегающих окрестностей, домочадцев и, прежде всего, родителей. Попадая в Москву, в бабушкин дом, мальчик оказывается в *чужом* пространстве, гораздо более узком и замкнутом. Но, главное, это другой уклад жизни, лишённый простоты, естественности и, главное, любви, которой был наполнено родовое гнездо Иртеневых. Это другой мир, к которому Николеньке приходится привыкать, понимать его законы, и этот процесс исполнен драматизма и сомнений в детской душе.

В повести Зайцевой отчасти сохраняется данный принцип организации пространства. Писательница также актуализирует противопоставление *своего* и *чужого*, но делает это иначе. Прежде всего, семья Сони живет в Петербурге на Кировской улице, и её «родовым гнездом» является квартира, а окрестностями – Таврический сад, куда её и сестру Тamarку водят гулять, «особенная» лавочка на Воскресенской, в которую после прогулки заходят девочки с гувернанткой Нешей. Однако пространство в повести постепенно расширяется: дети посещают церковь, школу, цирк Чинезелли. Отметим, что школьные занятия станут предметом следующей повести «У порога в мир», посвящённой отрочеству и ранней юности героини, сближая в жанрово-тематическом отношении вторую книгу со «школьными повестями». При этом центром пространства неизменно остается дом, чему более всего служит композиционный принцип организации повести: Действие переносится из дома и возвращается обратно в него – в *свое* пространство.

В повести происходит постепенное открытие Соней окружающего мира, при этом она, «петербургская девочка, отправляется в *чужое* пространство – на Рождество в Москву к бабушке и дедушке и летом на дачу. Особенностью повести «Детскими глазами на мир» является изображение процесса взаимодействия культур. Поездка в Москву оказывается для Сони не только знакомством с родственниками, но и погружением в армянскую культуру. Писательница подробно показывает постепенное освоение и *чужого* пространства и другой культуры: «Я осталась в большом чужом доме, где было несколько парадных комнат с высокими, как балконные двери, окнами, огромными хрустальными люстрами, пестрыми кавказскими коврами и иконами с цветными висячими лампадами» [Зайцева 1947: 53]. Поначалу девочка ощущает себя чужой в этом пространстве и в общении с семьей бабушки и дедушки, чему способствует незнание армянского языка: «Я домой хочу. Я боюсь вас всех, – прошептала я, совсем по чужому, заика-

ясь и шепелявя» [там же: 66]. Встреча с другим укладом жизни, с другой культурой вызывают сильный эмоциональный отклик в героине повести, настолько, что она перестает быть *собой*. И лишь спустя несколько дней девочка адаптируется к укладу жизни московской семьи и осваивает новое пространство.

Летняя поездка на дачу (о дачном топосе в русской литературе см.: [Богданова 2018а, 2018б; Мари 2020; Осьминина 2020 и др.]) приносит новый опыт знакомства с миром. Для городской девочки всё кажется новым, ведь деревня поначалу воспринимается ею как пространство на картинках: «Вечером я принесла и разложила у мамы на коленях картинки, которые мы покупали в табачной, напротив. У меня были стада, хорошенькие избушки, сплошь покрытые снегом, и другие – коричневые, с соломенными крышами, с беленькой распутившейся березкой у крыльца; куры у глиняной чашки, наполненной зерном, колодезь, и возле него две румяные бабы с коромыслами на плечах... – Мама, это такая и есть деревня?... – Не совсем... но почти такая...» [Зайцева 1947: 98].

Однако крестьянский мир оказывается не похож на открыточный. Мотив несовпадения идиллических ожиданий городских детей и увиденного ими несколько раз возникает в дачных главах повести: «...деревня оказалась и похужей и, вместе с тем, совсем не похужей на картинки из табачной лавки» [там же: 109]: избы не такие красивые, как на картинках, баба «не румяная и не в красном платочке, а с серым, немного корявым от оспы лицом, в выцветшем платке на голове, в ситцевой кофте поверх юбки» [там же: 110]. Крестьянским детям девочки тоже кажутся чужими: «Мы не знали, как дальше быть... Мальчики окружили нас, и тоже все молчали и смотрели на нас не то с любопытством, не то с испугом» [там же: 111].

Тем не менее поэтичная душа героини откликается на красоту природы. Как и Николеньке, ей интересна флора и фауна, к которой она бережно относится. Можно увидеть сходство между эпизодами в повести «Детство» и книге Зайцевой. Вот как Толстой описывает Николеньку, который увидел бабочку: «Как только я обратил на нее внимание, она отлетела от меня шага на два, повилась над почти увядшим белым цветком дикого клевера и села на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрело, или она брала сок из этой травки, – только видно было, что ей очень хорошо. Она изредка взмахивала крылышками и прижималась к цветку, наконец совсем замерла. Я положил голову на обе руки и с удовольствием смотрел на нее» [Толстой 1978: 21]. Писатель подчеркивает умение мальчика видеть красоту и

радоваться ей, чувствовать настроение всего живого. Так же ведут себя и Соня с Тамаркой, которые, в отличие от мальчиков-соседей на пикнике, не прикалывают бабочек, а ловят их и отпускают. Другой эпизод – описание вечера и ночи в первый день девочек в имении, которое было нанято под дачу, – отчасти рифмуется с эпизодом в Отрадном из «Войны и мира», когда Наташа Ростова, в отличие от Сони, не спит, впитывая красоту ночи. Чуткая героиня повести Зайцевой, впервые оказавшаяся в деревне и услышавшая пение соловья и ночных птиц, не может уснуть, переполненная впечатлением и красотой природы, в отличие от сестры Тамары: «Очень скоро я проснулась от громкого щелканья и свиста. Приподнялась, села на кровати и уже хотела разбудить Тамарку... Но сама я не спала. Перед самым рассветом я опять поднялась и присела на кровати. Хрипло и настойчиво прокричал где-то петух. Ему не сразу ответили другие. Но когда за окном нацело светлеть – со всех сторон послышалось их разноголосое крикливое пение... Тамарка недовольно фыркнула во сне и залезла с ушами под пикейное одеяло» [Зайцева 1947: 116]. Как и Толстой в «Детстве», а затем в «Войне и мире», Зайцева противопоставляет тонкую и поэтичную натуру Сони более приземленной Тамаре. Но, как и в других эпизодах книги, писательница, в отличие от автора XIX в., не делает подробного психологического комментария, перечисляя только действия героини (проснулась, приподнялась, села, хотела разбудить, не спала, опять поднялась, присела). Читателю приходится реконструировать волнение девочки, всю гамму её эмоций. В повести Зайцевой создается подводное течение, когда динамика внешних движений соотносится с динамикой чувств и эмоций героини.

Следование традиции Толстого как одного из ключевых авторов «повести о детстве», «усадебной повести» осложняется в произведении писательницы XX в. изображением исторически переломного времени и самими обстоятельствами написания трилогии. Маленькая Соня пока не понимает значения слова «революция», пульсирующего на страницах повести, однако чувствует страх и беспокойство, разлитые в воздухе и безошибочно считываемые ребенком. Тамара заявляет: «теперь все будет по-особенному, потому что везде... “революция” <...>. От этого непонятного слова мне становится в потемках немного страшно. Я стараюсь смотреть только прямо перед собой в дверную щель, в которую виден свет из столовой. В столовой шелестит скатерть, позвякивают о блюда ложки. Потом слышны тяжелые, быстрые шаги Насти, которая несет по коридору самовар. Тамара вскакивает с

диванчика. – Угадай, какие сегодня булочки к чаю? – Не знаю, – тихо отвечаю я» [там же: 21].

Автор противопоставляет темноту, ассоциативно связывающуюся со словом «революция», свету в столовой, в сердце дома, где накрывают на стол, несут самовар и испечённые к обеду булочки, где продолжается установленный порядок жизни. В первой книге трилогии космос дома ещё противостоит хаосу недалёкого уже будущего. Но мотивы страха и напряжения нарастают к финалу произведения, что отражается даже в названиях глав («Жить становится немного страшно», «Невеселое возвращение»). Финал повести демонстрирует первые удары судьбы, разрушающие гармонию дома, и в последующих книгах путь героини – это путь поиска духовной опоры в череде трагических ситуаций её жизни, обусловленных историческим временем.

Как отметила Л. И. Бронская, анализируя автобиографическую прозу Шмелёва, Зайцева и Осоргина, «писателей первой половины 20 века, как и писателей-классиков, интересует чувственный мир ребенка, его детские горести и радости, сложности взаимоотношений со взрослыми, первые встречи с вневременными константами: смертью, любовью, осознание совершенства Вселенной и т. д. Но писатели-эмигранты обладают и иным социальным, историческим, нравственно-психологическим опытом; перед ними стоят иные сверхцели...» [Бронская 2001: 338]. Оставаться в русле русской классической литературы в разработке темы детства означало для писательницы, с одной стороны, сохранять связь с русской культурой и литературой, а с другой – запечатлеть в памяти исчезнувший уклад, найти в воспоминаниях о детстве, художественно переработанных в повести, опору, помогающую пережить трагические события XX в., противопоставить дом – скитальчеству. В то же время уже в первой повести автобиографической трилогии Зайцевой появляются признаки приближающегося исторического перелома, нарастает напряжение, обусловленное социально-историческими обстоятельствами предвоенной и предреволюционной жизни, которое определит повествовательную интонацию и структуру двух последующих повестей – «У порога в мир» и «Путь через мир».

Список литературы

Бабкина Е. С. Журналистика русского зарубежья Дальнего Востока для детей и молодежи в социокультурном контексте (1898–1945 гг.). СПб., 2018. 406 с.

Богданова О. А. Дачный топос в литературных источниках XX в. и в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор» // Филологический класс. 2018а. № 2(52). С. 134–140. doi 10.26710/fk18-02-22

Богданова О. А. Окно в рай? Культурная семиотика усадьбы и дачи в русской литературе рубежа XIX–XX вв. // Артикульт. 2018б. № 3 (31). С. 79–83.

Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья: И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин: дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2001. 373 с.

Ван Яминь. Исследование литературы русской эмиграции в Китае в XX веке: дис. д-ра филол. наук. Ланьчжоу, 2007. (王亚民. 20世纪的中国俄罗斯侨民文学研究. 博士论文, 兰州, 2007.)

Дяо Шаохуа. Литература русской эмиграции в Китае // Современная зарубежная литература. 1994. № 4. С. 150–157. (刁绍华. 在华俄侨文学一瞥 [J]. 当代外国文学, 1994, (4): 150–157.)

Дяо Шаохуа. Обзор поэтов русской эмиграции в Харбине в 1920-х годах. // Академические обмены. 1992а. № 5. С. 102–106. (刁绍华. 二十年代哈尔滨俄侨诗坛一瞥 [J]. 学术交流. 1992(5): 102–106.)

Дяо Шаохуа. Яркое сияние литературы русской эмиграции в Харбине // В поисках истины. 1992б. № 5. С. 82–86. (刁绍华. 重放异彩的哈尔滨俄侨文学 [J]. 求是学刊. 1992. ((5): 82–86.)

Дзыга Я. О. Традиции русской классической литературы в эмигрантском творчестве И. С. Шмелева // Русский язык за рубежом. 2009. № 2. С. 83–88.

Зайцева С. Детскими глазами на мир: Повесть из жизни Петербургской девочки. Шанхай, 1947. 140 с.

Ли Мэн. Литература русской эмиграции в Китае – Забытая страна. М., Пекин: Изд. Пекинского университета, 2007. (李萌. 缺失的一环——在华俄国侨民文学. 京: 北京大学出版社, 2007.)

Мари Э. У истоков «дачного топоса»: заметки на полях незавершенного труда Ю. М. Лотмана // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: кол. монография / под ред. и автор предисл. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 128–143.

Марков А. В. Блокада в книге: страница из истории русской эмиграции в Китае // Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 23–32. doi 10.54347/Lab.2022.1.2

Осьминина Е. А. Образ дачи в произведениях И. С. Шмелева и В. А. Никифорова-Волгина // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: кол. монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 246–255.

Рубан Н. А. Писатель русской эмиграции Софья Зайцева // Русский Харбин, запечатлённый в слове: сб. науч. работ / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой; пер. на кит. Ван Юйци, пер.

на англ. О. Е. Цмыкал. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2021. С. 147–151.

Русские в Китае / под общ. ред. и предисл. А. А. Хисамутдинова. Шанхай: Изд. Координ. совета соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае, 2010. 572 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 22 томах. Т. 1. Детство. Отрочество. Юность. М.: Худ. лит., 1978. 422 с.

Хасан А. Нравственное становление личности в автобиографической прозе русского Зарубежья: И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, А. И. Куприн: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 20 с.

Хисамутдинов А. А. Сохраняя русский язык: как издавали детские книги в Китае // Русский язык за рубежом. 2015. № 6. С. 90–94.

Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 359 с.

Хисамутдинов А. А. Русские литераторы-эмигранты в Китае. Материалы к словарю (1-я половина XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2017. 127 с.

Через океан: очерки литературы русской эмиграции в Китае и в США (1920–1930-е гг.) / А. А. Арустамова, Б. В. Кондаков, В. А. Филимонова, Хэ Тинтин. Пермь: Изд. центр ПГНИУ, 2021. 152 с.

Чой Чжун Хи. Роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: Проблема жанра. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 181 с.

References

Babkina E. S. *Zhurnalistika russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka dlya detey i molodezhi v sotsiokul'turnom kontekste (1898–1945 gg)* [Journalist Works of Russian Emigres in the Far East for Children and Youth in the Sociocultural Context (1898–1945)]. St. Petersburg, 2018. 406 p. (In Russ.)

Bogdanova O. A. Dachnyy topos v literaturnykh istochnikakh XX v. i v romane E. G. Vodolazkina 'Aviator' [Dacha as topos in the literature of the 20th century and in E. G. Vodolazkin's novel 'Aviator']. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], 2018, issue 2 (52), pp. 134–140. doi 10.26710/fk18-02-22. (In Russ.)

Bogdanova O. A. Okno v ray? Kul'turnaya semiotika usad'by i dachi v russkoy literature rubezha XIX–XX vv. [A window to paradise? The cultural semiotics of estate and dacha in the Russian literature of the turn of 19th–20th centuries]. *Artikul't* [Art & Cult], 2018, issue 3 (31), pp. 79–83. (In Russ.)

Bronskaya L. I. *Kontseptsiya lichnosti v avtobiograficheskoy proze russkogo zarubezh'ya: I. S. Shmelev, B. K. Zaytsev, M. A. Osorgin. Diss. dokt. filol. nauk* [The concept of personality in the

autobiographical prose of Russian emigre writers: I. S. Shmelev, B. K. Zaitsev, M. A. Osorgin. Dr. philol. sci. diss.]. Stavropol, 2001. 373 p. (In Russ.)

Wang Yamin. *20 shi ji zhong guo e luo si qiao min wen xue yan jiu* [A study of the literature of Russian emigration in China in the 20th century]. Dr. philol. sci. diss.]. Lanzhou, 2007. 151 p. (In Chin.)

Diao Shaohua. *Zai hua e qiao wen xue yi pie* [Literature of Russian emigration in China]. *Dang dai wai guo wen xue* [Modern Foreign Literature], 1994, issue 4, pp. 150–157. (In Chin.)

Diao Shaohua. *Er shi nian dai ha er bin e qiao shi tan yi pie* [An overview of Russian emigre poets in Harbin in the 1920s]. *Akademicheskije obmeny* [Academic Exchanges], 1992a, issue 5, pp. 102–106. (In Chin.)

Diao Shaohua. *Chong fang yi cai de ha er bin e qiao wen xue* [The bright shine of Russian emigration literature in Harbin]. *V poiskakh istiny* [Seeking Truth], 1992b, issue 5, pp. 82–86. (In Chin.)

Dzyga Ya. O. *Traditsii russkoy klassicheskoy literatury v emigrantskom tvorchestve I. S. Shmeleva* [Traditions of Russian classical literature in the emigre works of I. S. Shmelev]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2009, issue 2, pp. 83–88. (In Russ.)

Zaitseva S. *Detskimi glazami na mir: Povest' iz zhizni Peterburgskoy devochki* [The World Through the Child's Eyes: A Life Story of the Girl from Saint Petersburg]. Shanghai, 1947. 140 p. (In Russ.)

Li Meng. *Que shi de yi huan – zai hua e guo qiao min wen xue* [Russian Emigre Literature in China: a Missing Link]. Moscow, Beijing, Peking University Press, 2007. 512 p. (In Chin.)

Mari E. U istokov 'dachnogo toposa': zametki na polyakh nezavershennogo truda Yu. M. Lotmana [At the origins of the 'dacha topos': Notes on the margins of Yu. M. Lotman's unfinished work]. *Russkaya usad'ba i Evropa: diakhroniya, nostal'giya, universalizm: Kollektivnaya monografiya* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: Collective monograph]. Ed. and pref. by O. A. Bogdanov. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 128–143. (In Russ.)

Markov A. V. *Blokada v knige: stranitsa iz istorii russkoy emigratsii v Kitae* [The block(ade) in the book: A page from the history of Russian emigration in China]. *Labyrinth: teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and Practices of Culture], 2022, issue 1, pp. 23–32. doi 10.54347/Lab.2022.1.2. (In Russ.)

Os'minina E. A. *Obraz dachi v proizvedeniyakh I. S. Shmeleva i V. A. Nikiforova-Volgina* [The depiction of dacha in the works by I. S. Shmelev and V. A. Nikiforov-Volgin]. *Russkaya usad'ba i Evropa: diakhroniya, nostal'giya, universalizm: Kollektivnaya monografiya* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: Collective mon-

ograph]. Comp., ed., and pref. by O. A. Bogdanov. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 246–255. (In Russ.)

Ruban N. A. *Pisatel' russkoy emigratsii Sof'ya Zaytseva* [Sofia Zaitseva, a Russian emigre writer]. *Russkiy Kharbin, zapechatlennyy v slove* [Russian Harbin as Depicted in Words]: a collection of scientific papers. Ed. by A. A. Zabiako, G. V. Efendieva, transl. into Chinese by Wang Yuqi, transl. into English by O. E. Tsmykal'. Blagoveshchensk, Amur State University Press, 2021, pp. 147–151. (In Russ.)

Russkie v Kitae [Russians in China]. Ed. and pref. by A. A. Khisamutdinov. Shanghai, Coordination Council of Compatriots in China and the Russian Club in Shanghai Publ., 2010. 572 p. (In Russ.)

Tolstoy L. N. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 22 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, vol. 1. *Detstvo. Otrochestvo. Yunost'* [Childhood. Adolescence. Youth]. 422 p. (In Russ.)

Khasan A. *Nravstvennoe stanovlenie lichnosti v avtobiograficheskoy proze russkogo Zarubezh'ya: I. A. Bunin, I. S. Shmelev, B. K. Zaytsev, A. I. Kuprin*. Avtoreferat dis. dokt. filol. nauk [Moral development of a personality in autobiographical prose of Russian emigre writers (I. A. Bunin, I. S. Shmelev, B. K. Zaitsev, A. I. Kuprin)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 20 p. (In Russ.)

Khisamutdinov A. A. *Sokhranyaya russkiy yazyk: kak izdavali detskie knigi v Kitae* [Preserving the Russian language: how children's books were published in China]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2015, issue 6, pp. 90–94. (In Russ.)

Khisamutdinov A. A. *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae: Opyt entsiklopedii* [Russian Emigration in China: an Experience of an Encyclopedia]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Press, 2002. 359 p. (In Russ.)

Khisamutdinov A. A. *Russkie literaturny-emigranty v Kitae. Materialy k slovaryu (1-ya polovina XX v.)* [Russian Literary Emigrants in China. Materials for a Dictionary (1st half of the 20th century)]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Press, 2017. 127 p. (In Russ.)

Cherez okean: ocherki literatury russkoy emigratsii v Kitae i v SShA (1920–1930-e gg.) [Across the Ocean: Essays on the Literature of Russian Emigre Writers in China and the USA (1920–1930s)]. A. A. Arustamova, B. V. Kondakov, V. A. Filimonova, Khe Tintin. Perm, Perm State University Press, 2021. 152 p. (In Russ.)

Cui Jinxi. *Roman I. A. Bunina 'Zhizn' Arsen'eva': Problema zhanra*. Diss. kand. filol. nauk [I. A. Bunin's novel 'The Life of Arseniev': the problem of the genre. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1999. 181 p. (In Russ.)

An Autobiographical Novel by Sophia Zaitseva ‘The World Through the Child’s Eyes’ in the Context of the Literary Tradition of Leo Tolstoy (‘Childhood’)

Anna A. Arustamova

**Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. aarustamova@gmail.com

SPIN-code: 3568-5321

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3079-0253>

Zhen Jingru

**Postgraduate Student at the Department of Russian Literature
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. zhenjingru@yandex.ru

Submitted 25.07.2023

Revised 24.09.2023

Accepted 13.11.2023

For citation

Arustamova A. A., Zhen Jingru. Avtobiograficheskaya povest' S. A. Zaytsevoy «Detskimi glazami na mir» v kontekste literaturnoy traditsii L. N. Tolstogo («Detstvo») [An Autobiographical Novel by Sophia Zaitseva ‘The World Through the Child’s Eyes’ in the Context of the Literary Tradition of Leo Tolstoy (‘Childhood’)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 97–106. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-97-106 (In Russ.)

Abstract. The article examines *The World Through the Child’s Eyes*, a novel being the first work of the autobiographical trilogy by Sophia Zaitseva, a writer belonging to the first wave of Russian emigration. The novel is discussed in the context of the literary tradition of Leo Tolstoy (the story *Childhood*). It is argued that the structure of the trilogy correlates with the structure of Tolstoy’s trilogy *Childhood, Adolescence, Youth*. In the story by Zaitseva, there are such characteristic features of the ‘tale of childhood’ as a child hero discovering the world, the space of the house as the organizing space of the character’s life, the image of the family way of life, the development of the principles of depicting the inner world of a child. The study draws parallels with the Tolstoy’s work on the figurative, motivational, spatial, plot levels of the artistic system of the story *The World Through the Child’s Eyes*. Special attention is paid to the comparison of the images of Nikolenka and Sonya, to the principles of analyzing the inner world of the characters; the paper identifies the similarities and differences in using the method of psychologism, as well as the role of the principle of detachment in the creation of images of the heroes. The article examines the organization of space in *The World Through the Child’s Eyes*, the relationship of one’s own and another’s in the artistic structure of the works, analyzes the interaction of cultures in Zaitseva’s story. The comparison of the works provides a better understanding of the historical and cultural context of the story by Zaitseva and the role of the tradition of Russian classics in her work.

Key words: autobiographical story; childhood story; Sophia Zaitseva; Leo Tolstoy; literature of the first wave of Russian emigration; literary tradition; poetics, style.

УДК 821.161.1:070
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-107-116

EDN PPHCZQ

Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1918–1919 гг.)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края
и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001*

Александр Юрьевич Горбенко

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
660049, Россия, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89. al_gorbenko@mail.ru

SPIN-код: 7279-9864

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7610-6659>

ResearcherID: ABE-8533-2020

Викентий Владимирович Чекушин

к. филол. н., доцент кафедры журналистики и литературоведения
Сибирский федеральный университет

660041, Россия, г. Красноярск, просп. Свободный, 82а. vikesha@bk.ru

SPIN-код: 9046-3576

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9829-0875>

ResearcherID: AAY-5954-2020

Статья поступила в редакцию 26.07.2022

Одобрена после рецензирования 13.04.2023

Принята к публикации 27.05.2023

Информация для цитирования

Горбенко А. Ю., Чекушин В. В. Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1918–1919 гг.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 107–116. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-107-116

Аннотация. В статье анализируются изменения идеологических импликаций журнала «Сибирские записки», произошедшие в период 1918–1919 гг. (издание прекратило свое существование в декабре 1919 г.). В это время существенно эволюционируют взгляды ключевых сотрудников редакции на происходящие в России масштабные социально-политические сдвиги. После начала Гражданской войны и окончательной ликвидации Сибирской областной думы заметно меняется модальность текстов. В художественных произведениях авторы журнала продолжают вести разговор о социально-политической ситуации, используя арсенал природной метафоры. Однако в отличие от периода 1916–1917 гг. настоящее и будущее описывается пессимистически. Авторы используют традиционный для «Сибирских записок» троп весны как знака перемен, однако эта метафора уже лишена тех исключительно позитивных коннотаций, которые доминировали ранее. Кроме того, и в художественных, и в нехудожественных текстах раз за разом возникает сочетание белого и зеленого в качестве цветовой доминанты. Это продиктовано тем, что бело-зеленое знамя стало флагом Сибирской республики, которая просуществовала с июня по ноябрь 1918 г. и управлялась Временным Сибирским Правительством, министром внутренних дел в котором был издатель и редактор журнала Вл. М. Крутовский. Судя по всему, таким образом сотрудники журнала манифестировали свою идею

логическую принадлежность и приверженность идеям областничества. Ключевым в этом отношении стал последний номер «Сибирских записок» за 1918 г., в котором интенсивность использования белого и зеленого цветов достигает своего пика. Так, номер открывался программным стихотворением «Гимн Сибири», в первом стихе которого бело-зеленые цвета знамени областников сопоставлялись с цветами двух ключевых компонентов сибирского пространства – «бело-зеленым морем тайги» и «белой тихой ширью».

Ключевые слова: журнал «Сибирские записки»; Вл. М. Крутовский; сибирское областничество; метатекст; идеологические импликации.

Обсуждая причины прекращения существования журнала «Сибирскія записки»¹ (далее – СЗ), авторы «Очерков русской литературы Сибири» (которые А. И. Разувалова точно характеризует как «издание, следовавшее принятым в официозном литературоведении принципам классификации и описания материала, но даже с учетом этого обстоятельства ставшее заметным шагом в децентрализации истории отечественной литературы» [Разувалова 2015: 266]) пишут следующее: «Если первые два года существования журнала можно по праву считать периодом его наивысшего расцвета, то начиная с 1918 г. журнал вступает в полосу кризиса, вызванного не только материальными затруднениями, но и общим тяжелым состоянием литературы в период колчаковщины. Прежде всего заметно измельчал литературно-художественный отдел журнала. За два года в нем не появилось ни одного по-настоящему значительного произведения» [Очерки 1982: 50–51]. Как видно, авторы раздела остаются внутри определяемой идеологическим давлением эпохи объяснительной схемы, что неизбежно ведет к существенному искажению картины.

Безусловным, однако, остается то, что СЗ действительно трансформировались. Одна из таких важнейших трансформаций, а именно – изменения системы идеологических подтекстов, которые наполняли публиковавшиеся в журнале художественные произведения, и будет обсуждаться в настоящей статье². Материалом для решения этой задачи послужат все номера знаменитого сибирского журнала, рассматриваемого в качестве метатекста³.

На протяжении всех четырех лет существования СЗ их авторы активно использовали природную метафорику, наделенную явственными социально-политическими коннотациями. В этой связи необходимо вспомнить, что две ключевые в этом смысле метафоры – «почва» и «весна» – были важнейшими социальными и политическими тропами для «старшего» поколения сибирского областничества. Так, и Н. М. Ядринцев, и Г. Н. Потанин в целом ряде сочинений регулярно сравнивали с весной эпоху Великих реформ. Например, в потанинских «Воспоминаниях», создававшихся близко ко времени функционирования СЗ, читаем: «Счастливого тогда было время.

То была весна русской жизни, вроде так называемой “весны Святополка-Мирского”, но лучше ее» (Потанин 1983: 162–163). Ср.:

Весна шестидесятых годов была настоящая весна; то была пасхальная неделя. Царские врата раскрыты настужь, пение клиросов ликующее, лица молящихся веселые.

Летучие мыши, которые боятся света, скрылись и так глубоко запрятались в щели, что, даже близко проходя мимо их логовищ, не слышишь их специфического противного запаха. В воздухе чисто и благоуханно, на душе отрадно, и прежде всего отрадно потому, что в ней затихли враждебные чувства к политическим противникам (там же: 163)⁴.

Подобные метафоры активно эксплуатировались для описания социокультурных перемен и на страницах СЗ. Однако если до начала Октябрьской революции и затем Гражданской войны описания будущей социальной реальности были исполнены оптимистического пафоса, то с 1918 г. ситуация меняется. Авторы используют устоявшиеся тропы весны и сопутствующей ей Пасхи, но наполняют их уже другой семантикой.

Приведем несколько фрагментов показательного в этом отношении стихотворения К. Журавского, которое появилось в первом номере журнала за 1919 г. (характерно, что оно входит в короткую подборку из двух стихотворений, озаглавленную «Стихи о родинѣ», что автоматически дает возможность интерпретировать образный строй этих произведений в социально-политическом ключе). В начале произведения описывается недавнее прошлое: «Помните: – // – Теплою лаской // струится солнце весны... // Пасхой красной, великой Пасхой // люди нежданно пьяны... // Толпится радостно, лѣзет // в новья толпы народ... // Мѣдный прибор марсельезы // к солнцу зовет. // Заревья зажглись знамена, // полыхаются над толпой. // Слышен голос въ толпѣ заглушенный: // – “Граждане, пой!” // Граждане пѣли. И тѣ, что сегодня // первыми жмутся въ тѣни, // искренно и свободно // святые славили дни. // – Помните?» (Журавский 1919: 45). Пасхальная топика здесь, как и у «старших» областников, сопрягается с политическим дискурсом, о чем свидетельствует, помимо всего прочего, упоминание Марсельезы, именно на француз-

ский оригинал которой были положены слова популярного после Февральской революции гимна «Отречемся от старого мира».

Затем лирический субъект задается вопросом: «[о]тчего же // так скоро померкла гроза? // И новые страхи наш разум тревожат // И гаснут наши глаза? // Ужели мы снова пугливо и зябко // уйдем потихоньку по нашим домам // И знамя опустим негодною тряпкой, // И снова взойдет непроглядная тьма?» (Журавский 1919: 45). Далее Журавский задействует привычную для авторов журнала метафору весны, однако уже в более пессимистическом духе, нежели это было в 1916–1917 гг.: «Ужели во тьмѣ мы, мечтатели, снова // Надѣяться будем на райскіе сны, // а бѣлую гостью ненужной весны // в гробик положим сосновый? // И холмик святой в назиданье времен // забьем злорадной осиною // и к алому цвѣту отживших знамен // снова пришьем – бѣлый и синий?» (там же). Автор стихотворения использует метафору похорон, которую можно интерпретировать и как погребение революции, и – шире – как смерть России в ее послефевральском виде. При этом, рисуя мрачную картину смерти России, Журавский активно эксплуатирует евангельский контекст: он уравнивает гибель родины с казнью Христа. В частности, здесь появляется чрезвычайно характерная для сибирской словесности органицистская метафорика, а именно – обреченная на гибель Россия уподоблена телу распинаемого Христа: «Уже вонзил внимательный палач // послѣдній гвоздь въ истерзанное тѣло <...>» (там же: 46). Одновременно с этим в тексте стихотворения возникает сочетание цветов, которое окажется в центре образной системы журнала (подробнее об этом речь пойдет ниже) – возврат к старому порядку описывается как реабилитация бело-синекрасного флага.

Любопытно, что «Марсельеза» (теперь уже рассмотренная сквозь интертекстуальную призму) упоминается и в статье «Трагизм русской революции» (№ 1 за 1918 г.), в которой осмысляются события октября 1917 г. Автор статьи, скрывшийся за псевдонимом М. Л. Б., рассуждает о том, почему «[у] нас разрушительный процесс революции быстро вышел из границ творческого процесса, приняв характер анархической, т. е. чистаго разрушения без созиданія», видя в этом «трагеді[ю] русской революции» (М. Л. Б. 1918: 24) В начале своей статьи публицист обращается к роману Ф. М. Достоевского «Бесы», персонаж которого Лямшин во время игры на рояле постепенно вытеснял мелодию «Марсельезы» звуками «пошлаго нѣмецкаго романса» «Ach, mein lieber Augustin» (там же: 23). Второстепенный эпизод классического романа иллю-

стрировал тезис М. Л. Б. о том, что «[н]аша революція со всѣми ея безцѣнными завоеваніями нынѣ повержена в грязь и кровь. Произошло это постепенно, само собою, без вмѣшательства какой-либо внѣшней силы и с чисто дьявольской послѣдовательностью» (там же).

В том же номере, что и статья М. Л. Б., было опубликовано традиционное для СЗ «Областное обозрѣніе», принадлежащее перу Вл. М. Крутовского. Уже в начале этого обозрения Крутовский дает крайне резкие оценки состоянию общества, которое, по его мнению, сделало неизбежными негативные последствия Февральской революции 1917 г. (пришедшейся в Сибири на первые десять дней марта⁵, поэтому автор называет этот государственный переворот «социальной “леформой”»⁶, в которую «мы в’ѣхали в мартѣ 1917 г.»): «Наш доморощенный “большевизм” – это именно то несуразное “рыло”, которое никогда социализма не нюхало, слышало об нем только одно – “все мое – мое и все твое мое” – этот упрощенный острожный социализм и за этой то ясной и простой формулой на страх и ужас обывателя пошла огромная рать темных людей, а к ней примазались всякіе проходимцы уголовного типа, с громким прошлым, с беззастѣнчивою наглостью, с огромнѣйшею жадностью, с бѣгающими глазами, всюду высматривающими свои жертвы, с которых можно урвать, на счет которых возможно пожитья» (В. К. 1918: 55).

Всѣ в том же номере СЗ появилось стихотворение А. Константинова «Жизнь горить!» (Константинов 1918: 1), которое мы приведем целиком по причине его исключительной репрезентативности и малой известности.

Жизнь горить, – но она не свѣтла.
Жизнь мучительна, тяжка, темна. –
Солнца нѣт.
Ах, скорѣй бы, скорѣе пришла
Чародѣйка, волшебная сказка – весна. –
Ей привѣт!
Солнце вышло, но только на миг.
Тьма повисла опять надо мной. –
Снова ночь.
Скрыло солнце свой лик,
Вслѣд умчалось за яркой весной. –
Жить – не в мочь...

Здесь возникают ключевые образы СЗ, регулярно воспроизводившиеся в публикуемых на страницах издания в 1918–1919 гг. художественных (прежде всего стихотворных) текстах: лирический субъект указывает на скоротечность пришедшей весны и сетует на невозможность жить в новой ситуации, когда «[с]крыло солнце свой лик <...>».

С этим стихотворением Константинова необходимо сравнить другой образчик наполнявшей

страницы журнала поэзии – стихотворение «Грустно на сердцѣ, ноет оно...», опубликованное в первом номере 1919 г. за подписью «Ел. К.». В нем рисуется идентичная константиновской картина внутреннего мира лирического субъекта, построенная на дихотомии светлого прошлого и сменившего его безрадостного настоящего и одновременно с этим – на параллелизме человеческих переживаний и состояний природы: «Грустно на сердцѣ, ноет оно... // Весеннія розы повяли давно... // Солнце погасло, все сѣро и // блѣдно»; «Счастье ушло, а мечты всѣ // разбиты...» и т. д. В процессе размышлений возникает надежда («Полно! замолкни же сердце мое: // Выглянет солнышко, станет // свѣтло»), которая, однако, бесповоротно сменяется однозначно пессимистическим финалом, где окончательное вытеснение весны осенью («Дождік осенний все льет, как // из сита») и в буквальном, и в символическом отношении рифмуется с утратой счастья и мечтаний («Счастье ушло, а мечты всѣ // разбиты...»), подготавливая безрадостный итог: «Душат, терзают рыданья меня. // Нѣтъ я не вѣрю, что скоро весна...» (Ел. К. 1919: 6).

В обоих случаях и негативно, и позитивно маркированные комплексы образов (с одной стороны, «солнце / солнышко» и «весна»; с другой – «дождь» и «тьма»), среди прочих значений, наделены коннотациями, размыкающими границы интимных переживаний и переключающими анализируемые стихотворения в социально-политический регистр. В особенности это касается ключевого топоса «весны», восходящего не только к дискурсу «старших» областников (о чем уже говорилось), но и – шире – к традиции русского политического языка XIX – начала XX в. вообще. Прежде всего речь идет, безусловно, об отечественном «революционно-демократическом» дискурсе XIX столетия, внутри которого активно разрабатывались упомянутые клише⁷.

Таким образом, в 1918–1919 гг. регулярно эксплуатируемая на страницах СЗ природная образность продолжала оставаться одним из главных резервуаров идеологических подтекстов⁸. Однако работавшие с этой топикой авторы могли прибегать к разным модальностям в зависимости от колебаний общественно-политической ситуации в пореволюционной России – в первую очередь, разумеется, Сибири (ср.: [Костякова 2017а: 30]). Как представляется, причиной этому была не только политическая позиция авторов, но и не самый высокий эстетический уровень их произведений, ставший, насколько можно судить, результатом стремления предложить оперативную и довольно прямолинейную репрезентацию быстроменяющейся окружающей реальности.

Безусловно, природная метафорика, нагруженная комплексом идеологических и/или политических значений, была не единственным инвариантом СЗ, рассмотренных в качестве метатекста. Одним из новых способов манифестации идеологической принадлежности издания стало использование цветовой гаммы, ассоциирующейся с областническим движением, – сочетания белого и зеленого. Напомним, что бело-зеленое знамя было выбрано в качестве флага Сибирской республики, которая была создана в 1918 г., просуществовала с июня по ноябрь и управлялась Временным Сибирским Правительством (министром внутренних дел в котором был создатель, издатель и редактор СЗ Вл. М. Крутовский).

В качестве наиболее показательного примера имплицитных в цветовую гамму идеологических подтекстов рассмотрим четвертый номер журнала за 1918 г., вышедший в свет уже после роспуска Сибирской Областной думы и Временного Сибирского Правительства. Номер открывался стихотворным «Гимном Сибири», в первой же строке которого бело-зеленые цвета областного знамени «рифмовались» с цветами двух ключевых компонентов сибирского локуса, увиденного сквозь романтическую призму: «Бѣлая, тихая, снѣжная ширь; // Темно-зеленое море Тайги, – // Вот она наша родная Сибирь. // Вѣрьте друзья нам, страшитесь враги» (И. К.⁹ 1918: 1).

К «Гимну Сибири» композиционно, тематически и символически примыкает идущее вслед за ним стихотворение «Наши знамена». Приведем показательный фрагмент этого произведения: «Бѣлозеленое над красным... // О, да! Силен был общій враг – // И зовом пламенным и страстным // Над нами рѣял красный стяг. // В крови, и в муках, и в печали // Неизъяснимое росло. // И злые тернии вѣнчали // Свободы гордое чело. // О, – пусть послѣдняя преграда // Скорее рухнет на пути! // Знаменам алым сердце радо // И руки рады их нести. // Но как забыть о бѣлом снѣгѣ // Родимых сѣверных долин, // И о зеленой вешней нѣгѣ // Таежных дебрей и равнин? // Как не любить нам этой шири, // Гдѣ никакой не страшен враг? – // И над просторами Сибири // Бѣлозеленый взвился флаг!» (Вяткин 1919: 2). Наряду с бело-зеленым флагом здесь упоминается «красный стяг», использовавшийся как во время Февральской революции, так и после прихода к власти большевиков. В последней же строфе стихотворения знамена, ассоциирующиеся с различными политическими силами, в буквальном смысле переплетаются между собой¹⁰: «... А вѣтер вѣет и играет, // Трубит, и мчит, и зовет // И оба знамени свивает // В одном стремлении вперед» (там же).

Своеобразную трилогию с «Гимном Сибири» и «Нашими знаменами» образует стихотворение «Б'бло-зеленое знамя», опубликованное под псевдонимом Георгий Сибирский. Оно открывало предпоследний, сдвоенный (4–5) номер СЗ, вышедший в октябре 1919 г. Позволим себе привести его целиком:

Темны таежныя шири безкрайныя.
В'чно зеленяя сосны игольныя;
Сн'гом покрытыя степи раздольныя –
Знамени дали цв'та неслучайныя.

Ткали стихии их Родине тайныя –
Холод с тайгою да в'тры лишь вольныя,
Чтобы воспрянули к жизни, бездольныя,
К св'ту и к счастью, народы крайныя
(Сибирский 1919: 1).

По справедливому замечанию Ю. Б. Костяковой, «[г]лавенство бело-зеленого стяга» в стихотворении Г. Сибирского «символизировало не только победу над большевистским режимом, но и превосходство политических позиций и устремлений областников над идеологией их соперников <...>» [Костякова 2017б: 101].

Устойчивый повтор природных образов вместе с идентичным набором цветов во всех этих трех стихотворениях позволяет рассматривать их в качестве еще одного метатекстуального субститута отсутствовавших на всем протяжении периода существования СЗ редакционных манифестов¹¹. В этой своеобразной трилогии сибирское областническое движение предстает органическим феноменом, «выросшим» из местных ландшафтно-климатических условий («Знамени <...> цв'та неслучайныя. // Ткали стихии их Родине тайныя <...>»). Данная особенность поэтики рассматриваемых стихотворений отчетливо коррелирует с общим обилием органицистских метафор на страницах СЗ. В этой связи стоит вспомнить, что органицистская метафорика, введенная, как хорошо известно, в европейский политический язык Гердером (применительно к народам) и «заложившая основу нового политического словаря, которому была суждена долгая жизнь» [Атнашев, Велижев 2018: 11], «несл[а] в себе мощный заряд легитимации: история народов уподоблялась природным явлениям, имеющим универсальный и “вечный” характер» [там же: 12]. На наш взгляд, эта логика работает не только применительно к народам/нациям, но и в случае с общественно-политическими движениями и направлениями, легитимации которых способствует органицистский образный инвентарь.

Вернемся к анализу четвертого номера СЗ за 1918 г. За открывающими номер стихотворениями «Гимн Сибири» и «Наша знамена» следует начало поэмы М. Плотникова «Янгал-Маа». Уже

во вступлении, вложенном в уста сказителя Куксы, появляется сочетание белого и зеленого: «”Вы видали на полянах // Позабытыя могилы? // Вы видали кости кхонна¹², // Кости б'блыя оленей // На ковр' зеленем тундры... // Так вогулы умирают. // Как олени в годь голодный <...>» (Плотников 1918: 3). Как видим, при описании сибирского пейзажа вновь, хотя и в совершенно ином контексте, нежели в рассмотренных выше стихотворениях, доминируют именно белый и зеленый цвета.

Помимо приведенных примеров есть случаи, в которых, на первый взгляд, сложно усмотреть областнические импликации. Так, в очерке И. Голенецкого «Старый холм»¹³ (1918, № 4) есть несколько фрагментов, которые можно прочесть исключительно как пейзажные зарисовки. Например: «...Был август. Зелень см'шалась с багрянцем. Словно налитые кровью колыхались листья осин. Золотыя березы гордились недолгим нарядом. Зелен'ла осенняя трава» (Голенецкий 1918: 50). Или: «...И теперь, когда мимо проходит с зелеными и красными огнями пароход, заглушая стуком колес и ревом сирены печальные стоны невольников, старый холм еще глубже уходит в задумчивость и по утрам на нем жемчужной росой блестят слезы» (там же)¹⁴. Однако тот факт, что эти природные картины предваряют разговор о будущем Сибири и «областном вопросе», который «по-прежнему не потерял своей остроты» (там же: 55), поддерживает интерпретацию интересующего нас цветового комплекса в символической плоскости.

Узус, внутри которого цветовая палитра более или менее осознанно «нагружалась» идеологическими и/или политическими коннотациями, не ограничивался стихотворной частью СЗ. К схожим приемам прибегал их издатель Вл. М. Крутовский, рассуждая в своих публицистических сочинениях о текущей политической ситуации. Так, в первом номере журнала за 1919 г. в своем традиционном «Областном обозр'нии» он писал о состоянии власти в пореволюционной Сибири следующее:

Мой путь въ город лежит мимо бывшаго губернскаго управления, которое за посл'дние два года см'няло свое названіе н'сколько раз, смотря по лицам занимавшим его. Соотв'тственно посл'днему, т. е. см'н'н' лиц, олицетворяющих тот или иной режим данной минуты, на фронтон' этого зданія появлялись различныя эмблемы существующей власти въ вид' флагов соотв'тствующих цв'тов.

Во время періода власти временнаго правительства и см'нившей его большевистской на древк' гордо развивался флаг краснаго цв'та, зат'м посл'дній исчез и на этом же м'ст' по-

явилось красивое бѣло-зеленое знамя. Почему то оно быстро обтрепалось и поблекло, а в ноябрѣ и совсѣм исчезло с древка; затѣм нѣкоторое время оставалось торчать оголенное древко –олицетвореніе твердой власти и, наконец, за самое послѣднее время к этому древку “*управляющей губернией*” [здесь и далее курсив авторов. – А. Г., В. Ч.] прикрѣпил старое трехцвѣтное знамя¹⁵ (В. К. 1919: 62).

Описание стремительной смены разноцветных флагов, метонимически репрезентирующих резкость политических сдвигов эпохи, позволяет автору очерка заключить: «наблюдая за этими метаморфозами на древкѣ», он «узнавал и снаружи какіе люди в данное время олицетворяют власть, какой режим теперь господствует и пришел на смѣну старого <...>» (там же). В финале этого фрагмента публицист резюмирует: «Всѣ поиски *настоящей твердой власти* не привели ни к чему новому и, пока что, мы, описав круг, вернулись к тому же исходному положенію, которое имѣло мѣсто еще в до февральскіе дни, к ежовым рукавицам, с которыми мы так сжились и при которых так спокойно и уютно себя чувствовали, что многіе, а особенно тѣ, у кого еще остались пуховики, снѣдь и благопріобрѣтенная недвижимость, так глубоко вздыхают» (там же).

Итак, в 1918–1919 гг. авторы *СЗ* прибегали к опробованному в предыдущий период существования журнала (1916–1917) арсеналу средств – природной метафорике, в корпус которой имплицировались идеологические и политические подтексты. Вместе с тем существенно изменилась доминирующая в этих произведениях модальность. Если в предыдущие два года весна ассоциировалась у авторов журнала исключительно с положительными социокультурными переменами, а в ее скором приходе не было сомнений, то после Октябрьской революции семантика этого центрального тропа существенно меняется. Период «весны» ограничивается в их сочинениях полугодием, отделяющим Февральскую революцию от Октябрьской. Первая должна была «откры[ть] новый свѣтлый період; русской исторіи» (Крутовский 1917: 146), но этого не случилось. Происходящее же после Октября изображается как бессобытийная и безрадостная, унылая картина, подобная летаргическому сну¹⁶. Кроме того, авторы журнала находят новый способ создания идеологических подтекстов, которые теперь конструируются еще и с помощью сочетания белого и зеленого «областных» цветов (бывших официальными цветами Сибирского областного правительства, а потому тесно ассоциирующихся с областническим дискурсом вообще), к которым периодически добавляется «революционный» красный цвет.

Проанализированные художественные (в первую очередь стихотворные) произведения дают основания заключить, что большинство авторов журнала использовало «весеннюю» метафорику для художественной репрезентации межреволюционного полугодия – того времени, когда инициативы, горячо приветствовавшиеся и подробно освещавшиеся на страницах журнала (создание местного парламента¹⁷, усиление кооперации в Сибири и – шире – вообще развитие самоуправления и расширение демократических свобод)¹⁸, начали воплощаться в жизнь. Послеоктябрьский же период (а иногда уже и послефевральский) регулярно описывался в «поэтической» части *СЗ* как «непроглядная тьма», «ночь», сопровождающиеся, как это было в уже цитировавшемся стихотворении К. Журавского, оживлением разнообразных гадов («Уже шипят и ползают у ног // зловѣщія, разбуженныя змѣи <...>» (Журавский 1919: 46)).

Примечания

¹ Мы сохраняем орфографию и пунктуацию, а также ошибки и опечатки источника. Подробное обоснование такого текстологического решения см.: [Горбенко, Чекушин 2022: 80].

² Ср. анализ динамики отношения авторов *СЗ* к революциям 1917 г., предложенный в статье [Костякова 2017а]. См. также работу, посвященную репрезентации на страницах *СЗ* событий Гражданской войны: [Костякова 2018].

³ В последние годы заметна интенсификация внимания исследователей к периодическим изданиям, одним из следствий которой стали попытки выявления ключевых особенностей поэтики и идеологии журналов и газет, рассмотренных как некоторое целое, а не просто в качестве набора разножанровых текстов. Среди тех из них, которые дали, на наш взгляд, наиболее интересные результаты, назовем (не претендуя, разумеется, на полноту этого списка): [Печерская 2015; Левитт 2018; Богомолов 2019; Федотов 2019]. На сибирском материале анализ журнала как целого см. в: [Капинос 2016].

⁴ Обратим внимание на образ, противопоставленный «весенне-пасхальной» метафорике, – спрятавшихся в «логовищах» дурно пахнущих летучих мышей. Подробнее о схожем соотношении тропов на страницах *СЗ* речь пойдет ниже.

⁵ Подробнее о ходе Февральской революции в Сибири см.: [Шишкин 2016].

⁶ Крутовский использует здесь привычную для себя литературоцентричную оптику, в данном случае цитируя персонажа Г. И. Успенского. Специально о литературоцентризме Крутовского см.: [Чекушин 2021].

⁷ В этом смысле чрезвычайно показательным, что почти идентичный ряд топосов содержался в массовой поэтической продукции, публиковавшейся на страницах периодических изданий Урала в эти же годы (1917–1919). Тщательно проанализировавший этот корпус поэтических текстов И. Е. Васильев считает, что частотность и стабильность образов Февральской революции как Пасхи и последующего за ней «пробуждения» страны, противопоставленные другому комплексу образов («тьмы», в которой таятся противостоящие новым «светлым» силам «ядовитые змеи» и прочие гады), стали результатом работы «коллективного сознания» и активизации «культурных универсалий» [Васильев 2017]. На наш же взгляд, близость образного словаря уральских поэтов и их сибирских коллег-современников показывает, что и сибиряки, и уральцы более или менее осознанно ориентировались на один дискурс.

⁸ Эта особенность поэтики стихотворного корпуса *СЗ*, безусловно, коррелировала с «узостью» «тематическ[ого] спектр[а] поэзии в журнале», о котором справедливо пишет Ю. Б. Костякова [Костякова 2017б: 99].

⁹ В содержании номера указан иной криптоним – «Н. К.».

¹⁰ Любопытны содержащиеся в этом стихотворении ритмико-сематические аллюзии на лермонтовский «Парус», подробное изучение которых, как и вообще изучение лермонтовского влияния на поэтов, печатавшихся на страницах *СЗ*, может стать отдельной исследовательской задачей.

¹¹ О других таких субститутах см. нашу статью, посвященную реконструкции системы идеологических подтекстов *СЗ* предыдущего периода (1916–1917): [Горбенко, Чекушин 2022].

¹² К этому слову дается примечание, разъясняющее, что «кхонн» на верхотурском наречии означает оленя.

¹³ По всей вероятности, важнейшим источником этого очерка стали «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского.

¹⁴ Обратим внимание на то, что в этом абзаце названные прямо зеленое и красное сочетаются с не названным прямо белым – «жемчужной росой блестят слезы».

¹⁵ Ср. в обсуждаемом выше стихотворении Журавского.

¹⁶ Есть все основания полагать, что метафора сна в сочинениях авторов *СЗ* генетически восходит к сочинениям «старших» областников, где она привлекалась для описания интеллектуальной стагнации Восточной окраины Российской империи. Ограничимся двумя примерами, взятыми практически наудачу. Первый – одна из

программных публицистических статей Ядринцева «Спящая красавица» (1882), заглавный троп которой призван передать горечь, испытываемую областником при виде «сонного» состояния своей родины, соединенную с надеждой на ее «пробуждение»: «Прекрасные глаза ее еще закрыты, живые силы этого молодого тела еще в покое, под влиянием этого покоя они растут и накапливаются, это не смерть, а сон ребенка. Тихое дыхание и легкий вздох показывают, однако, что близко пробуждение. Величественная, свежая и прекрасная, может быть, скоро откроет она свои глаза и встанет со своего ложа навстречу румяному утру новой жизни» (Ядринцев 1980: 73). Второй – из речи Потанина 1915 г., произнесенной им по случаю собственного 80-летия: «В настоящее время мы наблюдаем, что жизнь духовная вся сосредоточивается в столицах. Провинция – представляет пустыню. Провинциальное общество очень сонно, не реагирует на внешние события» (Потанин 1986: 257).

¹⁷ Здесь уместно вспомнить точную характеристику, которую дал Временной Сибирской областной думе В. И. Шишкин, – «сибирский предпарламент», см.: (Сибирский предпарламент 2013).

¹⁸ См. прежде всего корпус текстов, помещавшихся в «Областном отдѣле» *СЗ*.

Список источников

- В. К. Областное обозрѣніе // Сибирскія записки. 1918. № 1. С. 55–65.
- В. К. Областное обозрѣніе // Сибирскія записки. 1918. № 4. С. 89–96.
- В. К. Областное обозрѣніе // Сибирскія записки. 1919. № 1. С. 62–70.
- Вяткин Г. Наши знамена // Сибирскія записки. 1918. № 4. С. 1–2.
- Голенецкий Ин. Старый холмъ. Сценка // Сибирскія записки. 1918. № 4. С. 49–58.
- Ел. К. «Грустно на сердце, ноет оно...» // Сибирскія записки. 1919. № 1. С. 6.
- Журавский К. Стихи о родинѣ // Сибирскія записки. 1919. № 1. С. 45–47.
- М. Л. Б. Трагизмъ русской революціи (отрывок) // Сибирскія записки. 1918. № 1. С. 23–29.
- Н. К. Гимн Сибири // Сибирскія записки. 1918. № 4. С. 2.
- Константинов А. Жизнь горить! // Сибирскія записки. 1918. № 1. С. 1.
- Крутовский Вс. Сибирь и февральская революція // Сибирскія записки. 1917. № 2. С. 143–147.
- Плотников Мих. Янгал-Маа. Поэма // Сибирскія записки. 1918. № 4. С. 3–22.
- Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск: Зап.-Сиб. Книж. изд-во, 1983. 336 с.

Потанин Г. Н. [Речь на юбилее] // Литературное наследие Сибири. Т. 7. Новосибирск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1986. С. 256–258.

Сибирский Г. Бъло-зеленое знамя // Сибирские записки. 1919. № 4–5. С. 1.

Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь – август 1918 г.). Сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2013. 293 с.

Ядринцев Н. М. Спящая красавица // Литературное наследие Сибири. Т. 5. Новосибирск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1980. С. 70–73.

Список литературы

Атнашев Т., Велижев М. «Особый путь»: от идеологии к методу // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 9–35.

Богомолов Н. А. Газета «Жизнь» (Москва, 1918): политическая позиция // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 5. С. 25–40.

Васильев И. Е. Топика и мифопоэтика революции в массовой поэзии Урала 1917–1919 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 3 (166). С. 128–145.

Горбенко А. Ю., Чекушин В. В. Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1916–1917 гг.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 75–84. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84

Капинос Е. В. «Литература» и «факт» в новосибирском журнале «Настоящее» (1928–1930) // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 138–165.

Костякова Ю. Б. Отношение сибирских областников к революциям 1917 г. (по материалам журнала «Сибирские записки») // Уральский исторический вестник. 2017а. № 3 (56). С. 23–30.

Костякова Ю. Б. Поэзия революционной эпохи как фундамент медиаккультуры (по материалам журнала «Сибирские записки») // Человек в мире культуры. 2017б. № 2–3. С. 98–102.

Костякова Ю. Б. Гражданская война и ее жертвы в представлениях очевидцев (по публикациям журнала «Сибирские записки» за 1918–1919 гг.) // Гражданский мир – гражданская война: осмысление и прогнозы: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 2 марта 2018 г. / под ред. В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 113–116.

Левитт М. Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела»: композиция и направление // Дар дружества муз: сб. ст. в честь Н. Д. Кочетковой / отв. ред. А. Ю. Веселова, А. О. Демин. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. С. 69–77.

Очерки русской литературы Сибири. Т. 2. Советский период. Новосибирск: Наука, 1982. 632 с.

Печерская Т. И. Травелог в «Русском слове»: к вопросу о редакционной тактике журнала // Русский травелог XVIII–XX веков: кол. монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 486–502.

Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 616 с.

Федотов А. С. Между газетой и журналом: «Музыкальный и театральный вестник» в ряду других театральных изданий // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 4. С. 121–130.

Чекушин В. В. Апелляции к классической литературе в публицистике Вл. М. Крутовского как способ трансляции общественно-политических идей // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 59–66.

Шишкин В. И. Февральская революция в Сибири (2–10 марта 1917 г.) // Вестник Омского государственного университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 31–41.

References

Atnashev T., Velizhev M. 'Osobyu put': ot ideologii k metodu [Sonderweg: from ideology to method]. 'Osobyu put': ot ideologii k metodu [Sonderweg: From Ideology to Method]. Comp. by T. Atnashev, M. Velizhev, A. Zorin. Moscow, New Literary Observer Publ., 2018, pp. 9–35. (In Russ.)

Bogomolov N. A. Gazeta 'Zhizn' (Moskva, 1918): politicheskaya pozitsiya ['The Zhizn' newspaper (Moscow, 1918): Its political position]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika [Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism], 2019, issue 5, pp. 25–40. (In Russ.)

Vasil'ev I. E. Topika i mifopoetika revolyutsii v massovoy poezii Urala 1917–1919 gg. [The topics and mythopoetics of the revolution in the mass poetry of the Urals between 1917 and 1919]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2017, vol. 19, issue 3(166), pp. 128–145. (In Russ.)

Gorbenko A. Yu., Chekushin V. V. Zhurnal 'Sibirskie zapiski' kak metatekst: sistema ideolog-

icheskih implikatsiy (1916–1917 gg.) ['Siberian Notes' Journal as a Metatext: the System of Ideological Implications (1916–1917)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 75–84. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84. (In Russ.)

Kapinos E. V. 'Literatura' i 'fakt' v novosibirskom zhurnale 'Nastoyashchee' (1928–1930) ['Literature' and 'fact' in the Novosibirsk literary magazine 'The Present' (1928–1930)]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plot Studies], 2016, issue 2, pp. 138–165. (In Russ.)

Kostyakova Yu. B. Otnoshenie sibirskikh oblastnikov k revolyutsiyam 1917 g. (po materialam zhurnala 'Sibirskie zapiski') [The attitude of the Siberian regionalists to the revolutions of 1917 (on the materials of the journal 'Siberian Notes')]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2017a, issue 3(56), pp. 23–30. (In Russ.)

Kostyakova Yu. B. Poeziya revolyutsionnoy epokhi kak fundament mediakul'tury (po materialam zhurnala 'Sibirskie zapiski') [The poetry of the revolutionary era as the foundation of media culture (based on the materials of the 'Siberian Notes' journal)]. *Chelovek v mire kul'tury* [Man in the World of Culture], 2017b, issues 2–3, pp. 98–102. (In Russ.)

Kostyakova Yu. B. Grazhdanskaya voyna i ee zhertvy v predstavleniyakh ochevidtsev (po publikatsiyam zhurnala 'Sibirskie zapiski' za 1918–1919 gg.) [The Civil War and its victims in the perception of eyewitnesses (based on the materials of 'The Siberian Notes' journal for 1918–1919)]. *Grazhdanskiy mir – grazhdanskaya voyna: osmyslenie i prognozy: materialy mezhdunarodnoy nauchoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 2 marta 2018 g.* [Civil World – Civil War: Understanding and Forecasts: Proc. int. sci. conf., St. Petersburg, March 2, 2018]. Ed. by V. M. Dobroshtan, S. I. Bugashev, A. S. Minin, T. V. Rabush. St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Press, 2018, pp. 113–116. (In Russ.)

Levitt M. Zhurnal A. P. Sumarokova 'Trudolyubivaya pchela': kompozitsiya i napravlenie [Journal of A. P. Sumarokov 'The Hardworking Bee': the composition and direction]. *Dar druzhestva muz:*

Sbornik statey v chest' N. D. Kochetkovoy [A Gift from the Muses: a collection of articles in honor of N. D. Kochetkova]. Ed. by A. Yu. Veselova, A. O. Demin. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2018, pp. 69–77. (In Russ.)

Ocherki russkoy literatury Sibiri [Essays on Russian Literature of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, vol. 2. Sovetskiy period [The Soviet period]. 632 p. (In Russ.)

Pecherskaya T. I. Travelog v 'Russkom slove': k voprosu o redaktsionnoy taktike zhurnala [Travelogue in 'The Russian Word': On the editorial tactics of the journal]. *Russkiy travelog XVIII–XX vekov* [The Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries]: a multi-authored monograph. Ed. by T. I. Pecherskaya, N. V. Konstantinova. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Press, 2015, pp. 486–502. (In Russ.)

Razuvalova A. *Pisateli-'derevenshchiki': literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov* [Village Prose Writers: Literature and Conservative Ideology in the 1970s]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2015. 616 p. (In Russ.)

Fedotov A. S. Mezhdru gazetoy i zhurnalom: 'Muzykal'nyy i teatral'nyy vestnik' v ryadu drugikh teatral'nykh izdaniy [Between the newspaper and the magazine: the music and theatre herald as a theatre periodical]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology], 2019, issue 4, pp. 121–130. (In Russ.)

Chekushin V. V. Apellyatsii k klassicheskoy literature v publitsistike V. M. Krutovskogo kak sposob translyatsii obshchestvenno-politicheskikh idey [Appeals to classic literature in the journalism of Vladimir Krutovsky as a way of broadcasting socio-political ideas]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2021, issue 471, pp. 59–66. (In Russ.)

Shishkin V. I. Fevral'skaya revolyutsiya v Sibiri (2–10 marta 1917 g.) [The February Revolution in Siberia (March 2–10, 1917)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 'Istoricheskie nauki'* [Herald of Omsk University. Series 'Historical Studies'], 2016, issue 4(12), pp. 31–41. (In Russ.)

‘Siberian Notes’ Journal as a Metatext: the System of Ideological Implications (1918–1919)

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory
and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20-412-243001

Alexander Yu. Gorbenko

Associate Professor in the Department of World Literature and Teaching Methods

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev

89, A. Lebedevoy st., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation. al_gorbenko@mail.ru

SPIN-code: 7279-9864

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7610-6659>

ResearcherID: ABE-8533-2020

Vikentiy V. Chekushin

Associate Professor in the Department of Journalism and Literary Studies

Siberian Federal University

82a, prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. vikesha@bk.ru

SPIN-code: 9046-3576

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9829-0875>

ResearcherID: AAY-5954-2020

Submitted 26 July 2022

Revised 13 Apr 2023

Accepted 27 May 2023

For citation

Gorbenko A. Yu., Chekushin V. V. Zhurnal ‘Sibirskie zapiski’ kak metatekst: sistema ideologicheskikh implikatsiy (1918–1919) [‘Siberian Notes’ Journal as a Metatext: the System of Ideological Implications (1918–1919)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 107–116. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-107-116 (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the changes in the ideological implications of the *Siberian Notes* journal that occurred in 1918–1919 (the journal ceased to exist in December 1919). At that time, the views of the key editorial staff members on the large-scale socio-political shifts taking place in Russia underwent significant evolution. After the outbreak of the Civil War and the dissolution of the Siberian Regional Duma, the modality of the texts changed noticeably. In fiction works, the authors of the journal continued to discuss the socio-political situation using the arsenal of nature metaphors. However, in contrast to the period of 1916–1917, the present and the future were described pessimistically. The authors used the trope of spring as a sign of change, traditional for *Siberian Notes*, but this metaphor was devoid of those exclusively positive connotations that had dominated before. In addition, both fictional and non-fictional texts repeatedly introduced a combination of white and green as a color dominant. This was driven by the fact that the white-and-green banner became the flag of the Siberian Republic, which existed from June to November 1918 and was controlled by the Provisional Siberian Government, with the publisher and editor of the journal Vl. M. Krutovsky being the Minister of Internal Affairs. Apparently, this was the way the journal’s staff manifested their ideological affiliation and commitment to the ideas of regionalism. This is most perfectly exemplified in the last issue of *Siberian Notes* for 1918, where the intensity of the use of the white and green reached its peak. The issue opened with the program poem *The Anthem of Siberia*, in the first verse of which the white-green colors of the regionalists’ banner were compared with the colors of two key components of the Siberian space – ‘the white-green sea of the taiga’ and ‘the white quiet expanse’.

Key words: Siberian Notes; Vl. M. Krutovsky; Siberian regionalism; metatext; ideological implications.

УДК 821.111.09 “1930–1950”
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-117-126

EDN VAELAM

Динамика автобиографизма в американском модернистском романе: от Г. Миллера до Дж. Керуака

Никита Александрович Жиялков

аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания

Уральский государственный педагогический университет

620091, Россия, г. Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26. deny.cooper@gmail.com

SPIN-код: 8942-4745

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8142-5507>

Статья поступила в редакцию 30.06.2023

Одобрена после рецензирования 11.10.2023

Принята к публикации 30.10.2023

Информация для цитирования

Жиялков Н. А. Динамика автобиографизма в американском модернистском романе: от Г. Миллера до Дж. Керуака // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 117–126. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-117-126

Аннотация. Статья посвящена проблеме эволюции автобиографизма в американском модернистском романе 30–50-х гг. XX в. В работе кратко описана жанровая специфика художественных автобиографий, а также рассмотрена проблема неоднозначной трактовки в современном литературоведении термина «автобиографизм». Методологической базой нашего исследования стала жанровая теория Н. Л. Лейдермана, в основании которой лежит идея о том, что любой жанр есть определенное соотношение его структурных единиц – «носителей жанра» – в первую очередь субъектной, пространственно-временной и речевой организации. Автобиографизм, который в рамках данной статьи рассматривается как принцип изображения автором собственной жизни в художественном произведении, проявляет себя именно в жанровых носителях, определенным образом трансформируя их. Исходя из этого, мы определяем автобиографический роман как жанровую разновидность, в которой целью автора становится изображение жизни собственного «Я» в динамике его взаимоотношений с окружающим миром, материалом служит личный жизненный опыт – реальная биография, а ведущим принципом изображения – автобиографизм. Сопоставительный анализ особенностей автобиографизма модернистских романов позволил проследить тенденцию отказа писателей-модернистов в 30–50-е гг. от идей элитарности и текстоцентричности литературы 20-х г. и их усиливающийся интерес к собственной писательской индивидуальности, а также способы ее выражения в литературном произведении. Автобиографический роман, идейно ориентированный на репрезентацию мироощущения авторского «Я», в этом случае стал жанром, в рамках которого указанная тенденция нашла свое выражение в усложнении форм автобиографизма, отражающего структурные, стилистические и идейные особенности модернистских автобиографий. Материалом исследования послужили автобиографические романы Г. Миллера «Тропик Рака» и Дж. Керуака «В дороге».

Ключевые слова: автобиография; автобиографизм; автобиографический роман; модернизм; американский модернистский роман; Г. Миллер; Дж. Керуак; битники; разбитое поколение.

В современном литературоведении творческое наследие американских писателей-модернистов изучено подробно и многоаспектно. Художественным текстам Э. Паунда, Т. С. Элиота, У. К. Уильямса, Г. Стайн, Э. Хемингуэя, Ф. С. Фицджеральда, Г. Миллера, Дж. Керуака и многих других посвящены сотни статей и исследований зарубежных и отечественных литературоведов, однако «белые пятна» в области развития литературы модерна в США по-прежнему остаются. Так, например, существует крайне мало работ, посвященных своеобразию американского автобиографического романа, вопреки тому, что именно к XX столетию этот жанр обретает действительно множество форм, часто усложняющих структуру и стилистику автобиографического повествования во имя обнажения «радикально исследовательской природы» [Collins 2001: 904] модернистской поэтики. В связи с этим актуальным представляется сопоставительный анализ модернистских автобиографий и специфики автобиографизма в них, поскольку устремление авторов первой половины XX в. к творческому эксперименту и эстетическому «бунту» против литературных норм XIX в. во многом определило своеобразие американской и европейской модернистской прозы в целом.

Цель нашей работы – определив границы понятия «модернистский», выявить жанровую специфику автобиографического романа, а также, рассмотрев теоретические подходы к трактовке понятия «автобиографизм» в зарубежном и отечественном литературоведении, проследить динамику автобиографизма в романах американских писателей-модернистов, что, в свою очередь, позволит нам сделать выводы об особенностях развития модернистской литературы США в первой половине XX в.

Обращаясь к понятию «модернизм», исследователь, несмотря на высокую степень изученности феномена, неминуемо сталкивается с проблемой вариативности его значения: «Границы данного термина размыты, он используется в различных значениях: обозначение определенной стадии историко-литературного процесса (литературной эпохи), художественной системы, литературного направления, типа индивидуально-творческого художественного сознания, моделей житнетворчества, в качестве негативно-оценочного определения и т. п.» [Ушакова 2010: 109]. В отечественном литературоведении различные подходы к изучению модернизма, обусловленные вариативностью значения данного понятия, мы можем встретить в исследованиях, учебниках и энциклопедиях под редакцией А. М. Зверева (1976),

Л. Г. Андреева (1996), В. П. Руднева (1997), В. М. Толмачева (2003), Я. Н. Засурского (2013) и др. В зарубежном литературоведении наблюдается схожая «размытость» значений. Анализируя историю подходов к определению понятия «модернизм» на материале работ Г. Левина (1962), Ф. Кермоуда (1968), М. Брэдбери и Дж. МакФарлена (1976), П. Брукера, П. Гея (2008) и др., исследователь В. Г. Тимофеев заключает, что «расплывчатость <...> термина оказывается следствием того, что под зонтик слова “модернизм” попадают, с одной стороны, эпоха, точнее некоторый период времени, а еще точнее, несколько периодов времени, границы которых зависят как от географии, <...> так и от широты авторского взгляда и угла зрения на явление» [Тимофеев 2014а: 96]. Одним из решений данной проблемы, которая, как мы убедились, не теряет своей актуальности и в поле современной науки, является понимание модернизма как «художественной системы»: «Несмотря на отсутствие программного документа, <...> развитие этого направления в художественной культуре Запада и России выявляет устойчивость свойственных ему особенностей, позволяющих говорить об определенной художественной системе (в ряде работ предпочтение отдано другому термину – художественный метод)» [Николюкин 2001: 567]. Что более важно, такой подход не привязан к отдельному дискуссионному вопросу о периодизации эпохи литературного модернизма, границы которой также крайне подвижны, поскольку часто «главным критерием для определения границы исследуемого периода оказываются исторические события (обычно войны), а не типология исследуемого объекта» [Тимофеев 2014б: 48]. Таким образом, в рамках нашего исследования под «модернизмом» мы будем подразумевать художественную систему, в «ядре» которой находится общая для всех писателей, к ней обратившихся, идея, определившая художественные особенности их текстов – невозможность охватить и выразить мир в его целостности.

В США литература модернизма начала зарождаться в 1910-е гг. XX в., а художественная палитра американского модернистского письма формировалась в 1920–1930-е гг. Известный отечественный американист Я. Н. Засурский подчеркивает, что именно в начале века в Америке усиливается интерес писателей к индивидуальности и человеческому «Я» и его развитию в духовном и психологическом аспектах. В системе прозаических жанров автобиография, пожалуй, является одним из ведущих в области описания этапов становления личности и передачи миро-

ощущения субъекта. При этом, несмотря на то что уже несколько десятилетий автобиографические тексты становятся объектом изучения многих литературоведов в аспектах их жанровой природы, стиля и поэтики, а также дискурсивных практик, автобиография остается одним из самых полемичных жанров.

В западном литературоведении теоретическим и историко-литературным проблемам автобиографического жанра посвящены исследования Р. Сейра, Б. Дж. Мандела, Дж. Олни, Р. Паскаля, М. К. Блейзинга, Дж. Кокса, Г. Гюсдорфа и др. Одним из первых точное в контексте жанра и его структуры определение автобиографии предложил в середине 70-х гг. французский литературовед Ф. Лежен. С его точки зрения, автобиография – это «ретроспективное повествование о себе, первостепенное значение в котором имеют события частной жизни и история становления личности рассказчика» [Лежен 2006: 262]. Исследователь также очертил формальные жанровые признаки автобиографических текстов: «повествование в прозе, ретроспективность и, как следствие, раздвоенность сознания повествователя, проживающего собственную биографию во временных плоскостях “тогда и сейчас”, хронологическая последовательность изложения» [там же: 266]. Однако, как мы можем заметить, определению Лежена по-прежнему могут соответствовать и другие жанры – мемуары или, например, роман воспитания. Дело в том, что, по верному замечанию С. Ю. Павловой, «предложенное Леженом понимание жанра выступает своего рода его идеальной моделью, тогда как реальный корпус автобиографических текстов оказывается значительно разнообразнее» [Павлова 2020: 23]. Иными словами, Лежен не столько дал определение жанру, сколько указал на то, что позволяет говорить об «автобиографическом начале», в той или иной степени проявляющем себя в структуре других прозаических жанров.

Другой полемичный вопрос – внутрижанровая классификация автобиографических произведений. Почти каждый исследователь, обращающийся к автобиографическим текстам, выбирая тот или иной аспект, предлагает собственный вариант типологии: «субъективная» и «объективная» (У. Шумейкер); «автобиография как риторика», «автобиография как драма» и «автобиография как поэзия» (У. Ховарт); традиционная, «автобиография духа» и политическая (Л.А. Мишина) и др. При этом наравне с проблемой внутрижанровых разновидностей актуальным остается вопрос о соотношении автобиографии с другими художественными и документальными

жанрами. Причина тому, по мнению Л. А. Мишиной, в том, что «автобиография, полно, как никакой другой жанр, отражающая личность, усложняется по мере усложнения внутреннего мира и внешних взаимосвязей этой личности» [Мишина 2010: 23]. Авторитетная отечественная исследовательница Н. А. Николина замечает, что «развитие жанра, его взаимодействие с воспоминаниями и мемуарами, наконец, проникновение этой жанровой формы в художественную литературу привели к возникновению разветвленной внутрижанровой системы» [Николина 2017: 12], и предлагает классификацию, в основании которой заложен критерий степени взаимодействия «автобиографического начала» с категориями художественности. В особую группу исследовательница включает «художественные автобиографии» – «художественные произведения, использующие жанровую форму автобиографии и опирающиеся на реальные факты жизни автора» [там же]. В данной статье речи пойдет об автобиографических романах.

В работах разных лет встречаются различные определения термина «автобиографизм». В широком смысле под автобиографизмом можно понимать перенесение писателем фактов биографии в реальность текстуальную, однако такое определение верно, на наш взгляд, лишь для автобиографии как документального жанра, но не художественных произведений, вступивших с ней в жанровый синтез. Как показала исследовательская практика, «не всегда учитывается, что при создании произведения автобиографические элементы подвергаются художественной трансформации и становятся событием художественного мира» [Ковалева 2013: 225]. Как принцип изображения автором собственной жизни в рамках художественного целого автобиографизм рассматривался в исследованиях М. Медарич, Д. Л. Чавчанидзе, Е. М. Болдыревой, И. П. Карпова, Л. С. Янковской и др. Самое точное, на наш взгляд, определение предложила исследовательница С. Ю. Павлова: «Автобиографизм – это совокупность содержательно-структурных и словесно-образных свойств произведения, связанных с биографией и/или личностью автора» [Павлова 2020: 25]. Изучение автобиографизма в этом случае – это выявление закономерностей изображения писателем в тексте собственной биографии без привязки к поиску фактов и степени правдивости их изображения, так как, во-первых, любое автобиографическое произведение заведомо ложно из-за применения художественных принципов изображения реальности, а во-вторых, автор, появляющийся в тексте, –

лишь художественная версия автора реального, максимально к нему близкая, но не тождественная, так как «конкретная авторская судьба оказывается только наброском идеальной поэтической биографии, которую и представляет автобиографический персонаж» [Янковская 2018: 89]. Иными словами, автобиографизм – тот принцип, что в рамках художественной автобиографии «позволяет автору стать другим по отношению к себе самому, взглянуть на себя глазами другого» [Бахтин 1986: 25]. Проблема автора и его произведения всегда оставалась актуальной для художественной литературы, но именно в автобиографических романах 30–50-х гг. процесс усложнения форм автобиографизма стал одним из факторов, определившим дальнейшее развитие модернистской прозы.

Материалом нашего исследования стали романы Г. Миллера «Тропик Рака» и Дж. Керуака «В дороге». В зарубежном литературоведении творчество каждого из писателей изучено многоаспектно. Художественным особенностям текстов Г. Миллера посвящены исследования Дж. Оруэла (1963), У. Гордона (1967), Дж. Нельсона (1970) и др., о взаимосвязи писателя с американской литературной традицией (У. Уитмен, Р. У. Эмерсон, Г. Торо) писали Дж. Вайкс (1966), П. Джексон (1971) и И. Хассан (1967), а биография Г. Миллера подробно раскрыта в работах Дж. Мартина (1978), Р. Фергюсона (1991) и др. К творчеству Дж. Керуака академическая наука начинает проявлять интерес в 50–60-е гг. XX в. Среди большого количества работ, посвященных методу, поэтике, идейной специфике и стилю романов писателя, можно выделить исследования Дж. Холмса (1952), Н. Мейлера (1957), Т. Паркинсона (1961), Б. Кука (1971), Ф. Макдара (1985), Э. Фостера (1991) и др.

Романы Керуака в отечественном литературоведении часто рассматриваются в русле жанровых исследований. В частности, Э. Э. Ошиньш (1984) определяет роман «В дороге» как «роман-испытание», И. В. Львова (2011) называет текст Дж. Керуака «романом-исповедью», А. О. Школьская говорит о нем и как об «автобиографическом романе с элементами библейских и мифологических сюжетов» (2016), и как о примере «жанрового синкретизма», ядром которого является жанр травелога (2021). Мы, опираясь на теоретическую модель жанра Н. Л. Лейдермана и исследования автобиографического жанра Ф. Лежена, рассматриваем «В дороге» как роман, чья структура испытала на себе влияние «автобиографического начала». Однако для данной статьи проблема жанра не является ведущей, поскольку ав-

тобиографизм, как было сказано выше, проявляется и на стилевом уровне. В связи с данной особенностью цитаты из романов Миллера и Керуака (существующие и в русскоязычных переводах) мы будем приводить на языке оригинала.

Генри Миллер (Henry Miller, 1891–1980) – автор «парижской трилогии романов» «Тропик Рака (1934), «Черная весна» (1936) и «Тропик Козерога» (1939) – начал свой творческий путь в момент расцвета модернистской литературы. В «Тропике Рака» повествователь вспоминает о своей жизни в Париже, куда он приехал из США. Важной особенностью литературного творчества Г. Миллера можно считать то, что, создавая урбанистические тексты, он не стремился к текстоцентричности или художественности, замкнутой на себе, что было характерно для писателей начала XX в. «Профессионалы от литературы, в частности модернисты, заперты в мире литературных схем, в мире слов <...> Его [Миллера] цель – совпасть с этой жизнью, стать тождественным себе, стать подлинной личностью, а не носителем чужой мудрости» [Аствацатуров 2016: 104], – подчеркивает исследователь А. Аствацатуров, связывая тексты Г. Миллера с подлинно американской литературной традицией Р. У. Эмерсона, Г. Д. Торо и У. Уитмена, в творчестве которых прослеживается общая мысль о необходимости человека узнать свое собственное подлинное «Я», равное жизненному опыту, и обрести гармонию с миром.

Как писатель Г. Миллер убежден в том, что культура и общество отнимают у человека его существо, заставляя его забыть о том, кто он есть на самом деле. Путь к себе возможен только через чувственный опыт, не через интеллект. Эта идея Миллера созвучна идеям французского мыслителя А. Бергсона, который полагал, что «состояние души, продвигаясь по дороге времени, постоянно набухает длительностью, которую оно подбирает: оно как бы лепит из самого себя снежный ком... Это значит, что нет границы между переходом от одного состояния к другому и пребыванием в одном и том же состоянии» [Бергсон 2001: 40]. Для А. Бергсона жизнь, реализующая себя и протекающая в человеческом сознании, – неразделимый поток, энергия, и человек не способен охватить их, не способен увидеть причинно-следственные связи. По А. Бергсону, только усилие самого человека может привести его к своему «Я», которое единственно можно противопоставить любому чужому опыту, культуре, цивилизации и даже разуму. «Всякий раз Миллер, – добавляет А. Аствацатуров, – сохраняя общую идею и представление, демон-

стрирует нам некий сдвиг в индивидуальном восприятии, показывая интеллект костным, а глубинное переживание (поток энергии, таящийся в мире и человеческом “Я”) – уникальным, не повторяющимся дважды» [Аствацатуров 2012: 7].

Автобиографические романы «парижской трилогии» запечатлевают внутреннее ощущение автора от проживаемого им опыта – таким образом он не просто рассказывает о себе, но и становится собой: «Для Миллера событие – это прежде всего не факт внешней действительности, но его отражение в сознании человека, становящееся частью человеческого опыта» [Петров 2006: 31]. Эта установка сразу же отражена в эпиграфе к роману «Тропик Рака», где Миллер цитирует Р. У. Эмерсона: “These novels will give way, by and by, to diaries or autobiographies—captivating books, if only a man knew how to choose among what he calls his experiences that which is really his experience, and how to record truth truly” [Miller 1940: 9]. Главы «Тропика Рака» – отобранные Г. Миллером фрагменты жизни, таящие в себе опыт, который можно осознать только в процессе письма. Так, рассказывая о своем пребывании в Париже, нередко герой-повествователь «отвлекается» от реальности и описывает свои ощущения, ссылаясь на других писателей, вступая с ними в диалог. Описываемая реальность вызывает в герое ассоциации, которые Миллер порой разворачивает на несколько страниц, будто забывая о сюжете: действие чередуется с осмыслением действия, а фрагменты реальности складываются в концепцию «Я»: “My idea briefly has been to present a resurrection of the emotions, to depict the conduct of a human being in the stratosphere of ideas, that is, in the grip of delirium” [ibid.: 249]. Для героя Г. Миллера идея познания мира лежит вне человеческих возможностей: мир заканчивается там, где существует какая-то абсолютная истина, потому что вместе с утверждением абсолюта заканчивается и реальность: “When a man appears the world bears down on him and breaks his back. <...> If any man ever dared to translate all that is in his heart, to put down what is really his experience, what is truly his truth, I think then the world would go to smash, that it would be blown to smithereens and no god, no accident, no will could ever again assemble the pieces, the atoms, the indestructible elements that have gone to make up the world” [ibid.: 255]. В то же время в этом утверждении прослеживается писательская установка Миллера-творца: личность, индивид – лишь набор кусочков опыта, фрагментов, квантов и атомов, находящихся в бесконечном движении, а цель жизни – не их обретение, а созерцание,

осмысление внутренних взаимосвязей фрагментов «Я».

В финале романа герой смотрит на течение Сены и ландшафт Парижа, наконец символически останавливаясь, наблюдая течение времени, понимая многомерность реальности, признавая себя частью мира – «Тропик Рака» заканчивается ощущением гармоничности действительности: “After everything had quietly sifted through my head a great peace came over me. Here where the river gently winds through the girdle of hills lies a soil so saturated with the past that however far back the mind roams one can never detach it from its human background. <...> The sun is setting. I feel this river flowing through me – its past, its ancient soil, the changing climate. The hills gently girdle it about, its course is fixed” [ibid.: 322–323]. Вечность и гармония находятся вне человека, однако именно он способен их познать через призму своего опыта: “For a little while I would be able to look around me, to take in the meaning of the landscape” [ibid.: 323] («У меня появилось наконец время, чтобы осмотреться вокруг и понять значение ландшафта») [Миллер 2015: 382]. Образ территории, которую герой видит, выбравшись из тесного города, символизирует его понимание себя и своей природы – из воспоминаний и внутреннего диалога сложилось «полотно» личности. В ходе своего становления герой «Тропика Рака» – писатель, работающий над романом, – противопоставляет собственное мироощущение социуму и культуре, так как «он исходит из того, что социальная структура, отчуждающая художника и уничтожающая творческие импульсы в человеке, не требует от индивида никакой вовлеченности» [Nelson 1970: 114]. Путь автобиографического героя Миллера выстроен от хаоса к космосу благодаря тому, что негативный опыт познания реальности трансформируется в личностную концепцию, в основе которой лежит обновление, движение и отказ от объективности. Текстуально, как мы увидели выше, это воплощается в чередовании автобиографических фрагментов повествователя с почти эссеистическими эпизодами, раскрывающими внутренне движение мысли Миллера-творца: «Прожить свою жизнь – вот тема автобиографических романов Миллера. В основе этой темы лежит парадокс, поскольку путь к умиротворению противоположен тому, который обычно рекомендует наша культура. Вместо того чтобы подавлять инстинкты, желания, влечения, нужно жить ими. Только так человек может обрести мир внутри себя, а мир внутри себя – это путь к миру во всем мире» [Gordon 1967: 65].

Итак, специфика автобиографизма романа «Тропик Рака» определяется стремлением автора и его героя обрести целостность через обновление посредством письма. В автобиографическом романе Г. Миллера концепция движения субъекта из его прошлого в настоящее усложняется: автобиографическое письмо более не столько рассказывает об истории становления «Я», сколько текстуально воплощает процесс обнаружения осознания писателем собственной целостности в моменте рассказывания о себе: «Трансформация и просветление – вот те цели, к которым стремится “Я”, ибо они приводят к интеграции личности. Однако возможность того, что сознание может потерять связь с центром, сохраняется, поэтому процесс никогда не может завершиться полностью. Самость, к которой движется рассказчик, – это высшая точка в иерархии ценностей Миллера» [Nelson 1970: 128]. Принципы автобиографизма Г. Миллера, таким образом, концептуально и художественно трансформируют модернистский автобиографический роман, а развитие этой тенденции возможно проследить в текстах «разбитого» поколения.

В послевоенной Америке 50-х гг. писатели-битники, также ощущая репрессивность массовой культуры по отношению к человеческой индивидуальности и наследуя, в частности, миллеровскую эстетику, формируют свою программу освобождения от «оков» культуры и общества. Для битников американской образ жизни тех лет стал символом несвободы и превалирования формы над содержанием, гибели индивидуально-го. Для «разбитых» так же, как и для Г. Миллера, характерно движение к глубинам собственного «Я», однако стремление к его высвобождению подчеркнуто изолированно от чьего-либо опыта. Это не значит, что творчество битников было вне американской и мировой литературной традиции, однако, по замечанию Дж. Тайтла, «они должны были найти способ напомнить своей культуре о достоинстве и самостоятельности и обеспечить эмерсоновское понимание тирании институтов. Презирая мирское, страшись форм контроля, они выбрали следовать за индивидуальностью» [Tytell 1976: 259]. Бунт битников был призван показать, что истина и свобода начинаются там, где человек принимает решение отправиться на их поиски, отринув любой чужой опыт, и, «как и у Миллера, подобные призывы были направлены против элитарной и безжизненной модернистской художественной культуры» [Зверев 1979: 197].

В 1957 г. публикуется роман Джека Керуака (Jack Kerouac, 1922–1969) «В дороге» (“On The Road”), который быстро приобретает культовый

статус и становится «библией» бит-поколения. Сюжет романа строится вокруг нескольких путешествий по Америке, в которые отправляются Сал Парадайз (альтер эго Керуака) и его друг Дин Мориарти. Рассказывая о своих путешествиях (заметим, более последовательно, в отличие от героя Миллера), главный герой фокусируется на собственных впечатлениях от Америки, которые, превращаясь в субъективный чувственный опыт, формируют его особое лирическое мироощущение: “And before me was the great raw bulge and bulk of my American continent; somewhere far across, gloomy, crazy New York was throwing up its cloud of dust and brown steam. There is something brown and holy about the East; and California is white like washlines and emptyheaded – at least that’s what I thought then” [Kerouac 1991: 79]. Герой Дж. Керуака пытается увидеть Америку такой, какой способен ее запечатлеть только его внутренний взор. Таким образом, впечатления определяют реальность, а не наоборот. Это, по мнению, писателя позволяет человеку создавать индивидуальную «настоящую историю о мире» [Керуак 2004: 619]: “We were all delighted, we all realized we were leaving confusion and nonsense behind and performing our one and noble function of the time, move. And we moved!” [Kerouac 1991: 133]. Желание героев «передвигаться» определяет фрагментарную¹ структуру романа: каждая его часть начинается тогда, когда главному герою (часто вместе с Дином Мориарти – блаженным безумцем) предстоит отправиться в дорогу: “It was over a year before I saw Dean again” [ibid.: 109], “Whenever Spring comes to New York I can’t stand the suggestions of the land that come blowing over the river from New Jersey and I’ve got to go. So I went” [ibid.: 249] и т. д.

Роман заканчивается сценой, в которой поведоматель, ставший писателем, сидит на веранде своего дома и смотрит на ночное небо, размышляя о потоке жизни, о человеке в нем и о Дине Мориарти, с которым он впервые отказался отправиться в очередное приключение: “So in America when the sun goes down and I sit on the old broken-down river pier watching the long, long skies over New Jersey and sense all that raw land that rolls in one unbelievable huge bulge over to the West Coast, and all that road going, all the people dreaming in the immensity of it <...> I think of Dean Moriarty, I even think of Old Dean Moriarty the father we never found, I think of Dean Moriarty” [ibid.: 309]. Роман Дж. Керуака, как и у Г. Миллера, заканчивается в статике, в моменте, когда герой окидывает взглядом пейзаж и предаётся рефлексии. И если герой «Тропика Рака» приближается

к познанию вечности, то для Сала Парадайза движение остаётся принципом жизни: физически прекращая свои путешествия, он продолжает свой путь с Дином, размышляя о нем. Фрагменты памяти главного героя выстроены в хронологической последовательности, но особым образом: роман «В дороге» рассказывает о путешествии куда более важным, чем физическое перемещение по дорогам Америки. Как верно заметил Д. Хаустов, в своем романе Дж. Керуак говорит о необходимости «пускаться во внутреннее путешествие и завоевывать новые плоскости опыта» [Хаустов 2017: 149], который «субъективно переживается каждым из героев» [Школьская 2016: 144].

Таким образом, автобиографизм романа «В дороге» в первую очередь особым образом модифицирует субъектную организацию текста: в сознании субъекта возникают лиризм и стремление к чувственному обобщению собственного жизненного опыта, который становится универсальным принципом постижения мира и формирования личностного мироощущения и при этом более не является средством обретения героем внутренней целостности. Принципы автобиографизма Дж. Керуака более не направлены на изображение процесса становления целостного «Я» в споре с современной ему культурой и традицией, как это было у Г. Миллера, – автор «В дороге», оставляя финал романа открытым, предлагает свой опыт как возможный вариант, способ постижения действительности, сознавая и подчеркивая при этом его неповторимость и субъективность.

Итак, эволюция автобиографизма в американских автобиографических романах первой половины XX в. отражает в себе глубину художественного модернистского эксперимента, результат которого – парадоксальный уход писателей-модернистов 30–50-х гг. от принципов элитарности модернистской литературы 20-х г., предполагающей отказ от реальности в угоду сложной текстуальной ирреальности: «Так был подготовлен тот «бунт» против формалистичности и безжизненности модернистской поэтики, который еще в 30-е годы поднял Генри Миллер, а после второй мировой войны – равнявшийся на него неоавангард» [Зверев 1979: 29]. Автобиографический роман, идейно ориентированный на репрезентацию мироощущения авторского «Я», в данном случае стал жанром, в рамках которого эта тенденция нашла свое выражение посредством усложнения форм автобиографизма, отражающего структурные, стилистические и идейные особенности модернистских автобиографий. Обусловленная тенденцией отказа от сложных

литературных форм «высокого» модернизма, динамика автобиографизма проявляется в новой тенденции – сосредоточенности писателей на изображении процесса формирования собственного литературного «Я». Результаты сопоставительного анализа принципов автобиографизма в романах Г. Миллера и Дж. Керуака позволяют предположить, что автобиографизм является не только важнейшим художественным принципом автобиографического романа, но и значимой чертой американской модернистской прозы 30–50-х гг.

Примечание

¹ Подробнее об этом см.: [Жиляков 2022: 18–37].

Список литературы

Аствацатуров А. А. Генри Миллер: художественное и документальное // Филология и культура. 2016. № 4. С. 102–109.

Аствацатуров А. А. Жизнь как Творческая эволюция: к проблеме влияния идей Анри Бергсона на Генри Миллера // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2012. № 4. С. 3–9.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 454 с.

Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флеровой; вступ. ст. И. Блауберг. М.: КАНОН-пресс, 2001. 384 с.

Жиляков Н. А. Фрагментарность памяти в бит-литературе // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7, № 2. С. 18–37. doi 10.18522/2415-8852-2022-2-18-37

Зверев А. М. Модернизм в литературе США. Формирование. Эволюция. Кризис. М.: Наука, 1979. 319 с.

Керуак Дж. Вера в технические приемы в современной прозе // Антология поэзии битников / сост. и пер. с англ. Г. Андреева. М.: Ультра. Культура, 2004. С. 619–621.

Ковалева Е. К. Термин автобиографизм в современном литературоведении // Вопросы русской литературы. 2013. № 26. С. 225–231.

Лежен Ф. Когда кончается литература? // Автобиографическая практика в России и во Франции / под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 261–275.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра: научное издание / Ин-т филол. исслед. и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург 2010. 904 с.

Миллер Г. Тропик Рака / пер. с англ. Г. Егорова. М.: Изд-во АСТ, 2015. 384 с.

Мишина Л. А. Жанр автобиографии в истории американской литературы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 148 с.

Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: учеб. пособие. М.: Флинта, 2017. 424 с.

Павлова С. Ю. О соотношении понятий «жанр автобиографии», «автобиографический дискурс», «автобиографизм»: литературоведческий аспект // *Жанры речи*. 2020. № 1. С. 22–28.

Петров Д. С. «Тропик Рака» Г. Миллера. К вопросу о жанре // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2006. № 4. С. 29–34.

Тимофеев В. Г. Термин и понятие «модернизм» в англо-американском литературоведении (часть 1) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2014а. Вып. 1(9). С. 93–100.

Тимофеев В. Г. Термин и понятие «модернизм» в англо-американском литературоведении (часть 2) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2014б. Вып. 2(9). С. 45–58.

Ушакова О. М. Модернизм: о границах понятия // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2010. Вып. 6(12). С. 109–114.

Хаустов Д. Битники. Великий отказ, или Путешествие в поисках Америки. М.: РИПОЛ классик, 2017. 300 с.

Школьская А. О. Художественное пространство романа Джека Керуака «В дороге» // *Вестник Челябинского университета*. 2016. № 13. С. 143–148.

Янковская Л. С. Автобиографизм или автопсихологизм? К вопросу авторского присутствия в художественном повествовании // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 87–91. doi 10.18500/1817-7115-2018-18-1-87-91

Collins R. United States: 20th-century Autobiography // *Encyclopedia of Life Writing: Autobiography and Biography Forms*. ed. by Jolly M. Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 2001. 1090 p.

Cook B. The Beat Generation. New York: Charles Scribner's Sons, 1971. 248 p.

Gordon W. The Mind and Art of Henry Miller. Louisiana State University Press, 1967. 232 p.

Kerouac J. On the Road. New York: Penguin Books, 1991. 310 p.

Miller H. Tropic of Cancer. New York: Medusa, 1940. 322 p.

Nelson J. Form and Image in the Fiction of Henry Miller. Detroit: Wayne State University Press, 1970. 229 p.

Tytell J. Naked Angels: The Lives & Literature of the Beat Generation. New York: McGraw-Hill, 1976. 276 p.

References

Astvatsaturov A. A. Genri Miller: khudozhestvennoe i dokumental'noe [Henry Miller: Fiction and Non-Fiction]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2016, issue 4, pp. 102–109. (In Russ.)

Astvatsaturov A. A. Zhizn' kak Tvorcheskaya evolyutsiya: k probleme vliyaniya idey Anri Bergsona na Genri Millera [Life as Creative evolution: On the problem of the influence of Henri Bergson's ideas on Henry Miller]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2012, issue 4, pp. 3–9. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Art]. Moscow, Iskustvo Publ., 1986. 454 p. (In Russ.)

Bergson H. *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative Evolution]. Transl. from French by V. Flerova, introd. article by I. Blauberg. Moscow, KANON-press, 2001. 384 p. (In Russ.)

Zhilyakov N. A. Fragmentarnost' pamyati v bit-literature [The fragmentedness of memory in beat-literature]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 2022, vol. 7, issue 2, pp. 18–37. doi 10.18522/2415-8852-2022-2-18-37. (In Russ.)

Zverev A. M. *Modernizm v literature SShA. Formirovanie. Evolyutsiya. Krizis* [Modernism in the Literature of the USA. Formation. Evolution. Crisis]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 319 p. (In Russ.)

Kerouac J. Vera v tekhnicheskie priemy v sovremennoy proze [Beliefs & technique for modern prose]. *Antologiya poezii bitnikov* [An Anthology of Beat Poetry]. Comp. and transl. from English by G. Andreeva. Moscow, Ul'tra. Kul'tura Publ., 2004, pp. 619–621. (In Russ.)

Kovaleva E. K. Termin avtobiografizm v sovremennoy literaturovedenii [The term autobiography in modern literary criticism]. *Voprosy russkoy literatury* [Issues of Russian Literature], 2013, issue 26, pp. 225–231. (In Russ.)

Lejeune Ph. Kogda konchaetsya literatura? [When literature ends?]. *Avtobiograficheskaya praktika v Rossii i vo Frantsii* [Autobiographical Practices In Russia and France]. Transl. from French by

- K. V'olle, E. Grechanaya. Moscow, IWL RAS Publ., 2006, pp. 261–275. (In Russ.)
- Leyderman N. L. *Teoriya zhanra: nauchnoe izdanie* [Genre Theory: A Scientific Publication]. Yekaterinburg, Institute of Philological Research and Educational Strategies 'Slovesnik' of the Ural Branch of the RAS Press, Ural State Pedagogical University Press, 2010. 904 p. (In Russ.)
- Miller H. *Tropik Raka* [Tropic of Cancer]. Transl. from English by G. Egorov. Moscow, AST Publ., 2015. 384 p. (In Russ.)
- Mishina L. A. *Zhanr avtobiografii v istorii amerikanskoy literatury* [The Genre of Autobiography in the History of American Literature]. Cheboksary, Chuvash State University Press, 2010. 148 p. (In Russ.)
- Nikolina N. A. *Poetika russkoy avtobiograficheskoy prozy* [Poetics of Russian Autobiographical Prose]: a textbook. Moscow, Flinta Publ., 2017. 424 p. (In Russ.)
- Pavlova S. Yu. O sootnoshenii ponyatiy 'zhanr avtobiografii', 'avtobiograficheskiy diskurs', 'avtobiografizm': literaturovedcheskiy aspekt [On the correlation of the concepts of 'Autobiography Genre', 'Autobiographical Discourse', 'Autobiographism': a literary aspect]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2020, issue 1 (25), pp. 22–28. (In Russ.)
- Petrov D. S. 'Tropik Raka' G. Millera. K voprosu o zhanre ['Tropic of Cancer' by Henry Miller. On the Question of Genre]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2006, issue 4, pp. 29–34. (In Russ.)
- Timofeev V. G. Termin i ponyatie 'modernizm' v anglo-amerikanskom literaturovedenii (chast' pervaya) [Modernism as a term and notion in Anglo-American literary criticism. Part 1]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2014a, issue 1 (9), pp. 93–100. (In Russ.)
- Timofeev V. G. Termin i ponyatie 'modernizm' v anglo-amerikanskom literaturovedenii (chast' vtoraya) [Modernism as a term and notion in Anglo-American literary criticism. Part 2]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2014b, issue 2(9), pp. 45–58. (In Russ.)
- Ushakova O. M. Modernizm: o granitsakh ponyatiya [Modernism: On the limits of the term]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 6 (12), pp. 109–114. (In Russ.)
- Khaustov D. *Bitniki. Velikiy otkaz, ili Puteshestvie v poiskakh Ameriki* [Beatniks. The Great Rejection, or a Journey in Search of America]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2017. 300 p. (In Russ.)
- Shkol'skaya A. O. Khudozhestvennoe prostranstvo romana Dzheka Keruaka 'V doroge' [The artistic space of the novel by Jack Kerouac 'On the Road']. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, issue 13, pp. 143–148. (In Russ.)
- Yankovskaya L. S. Avtobiografizm ili avtopsihologizm? K voprosu avtorskogo prisutstviya v khudozhestvennom povestvovanii [Autobiography or autopsychology? To the issue of the author's presence in the fiction narration]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 2018, vol. 18, issue 1, pp. 87–91. doi 10.18500/1817-7115-2018-18-1-87-91 (In Russ.)
- Collins R. United States: 20th-century autobiography. *Encyclopedia of Life Writing: Autobiography and Biography Forms*. Ed. by M. Jolly. Chicago, Fitzroy Dearborn Publishers, 2001. 1090 p. (In Eng.)
- Cook B. *The Beat Generation*. New York, Charles Scribner's Sons, 1971. 248 p. (In Eng.)
- Gordon W. *The Mind and Art of Henry Miller*. Louisiana State University Press, 1967. 232 p. (In Eng.)
- Kerouac J. *On the Road*. New York, Penguin Books, 1991. 310 p. (In Eng.)
- Miller H. *Tropic of Cancer*. New York, Medusa, 1940. 322 p. (In Eng.)
- Nelson J. *Form and Image in the Fiction of Henry Miller*. Detroit, Wayne State University Press, 1970. 229 p. (In Eng.)
- Tytell J. *Naked Angels: The Lives & Literature of the Beat Generation*. New York, McGraw-Hill, 1976. 276 p. (In Eng.)

The Dynamics of Autobiographism of the American Modernist Novel: from Henry Miller to Jack Kerouac

Nikita A. Zhilyakov

Postgraduate Student at the Department of Literature and Methods of Teaching Literature

Ural State Pedagogical University

26, prospekt Kosmonavtov, Yekaterinburg, 620091, Russian Federation. deny.cooper@gmail.com

SPIN-code: 8942-4745

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8142-5507>

Submitted 30 Jun 2023

Revised 11 Oct 2023

Accepted 30 Oct 2023

For citation

Zhilyakov N. A. Dinamika avtobiografizma v amerikanskom modernistskom romane: ot G. Millera do Dzh. Keruaka [The Dynamics of Autobiographism of the American Modernist Novel: from Henry Miller to Jack Kerouac]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 117–126. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-117-126 (In Russ.)

Abstract. The study is devoted to the evolution of autobiographism in the American modernist novel of the 1930s–1950s. The article briefly describes the genre features of literary autobiographies and discusses the problem of ambiguous interpretation of the term ‘autobiographism’ in contemporary literary criticism. The study is based on Naum Leiderman’s theory of genre constructed on the idea that any genre is a certain combination of its structural units, i. e., ‘genre carriers’, these primarily including subject-oriented, spatial-temporal, and speech organization. Autobiographism, considered in the article as a principle of the author’s portrayal of his own life in a work of fiction, manifests itself precisely in the genre carriers, transforming them in a certain way. Following this, we define the autobiographical novel as a genre variety possessing the following features: the author aims to portray his life in dynamics of his personal relationships with the exterior world; the author’s life experience serves as the material; the leading principle of depiction is autobiographism. Based on a comparative analysis of the features of autobiographism in modernist novels, the paper traces the tendency, typical of modernist writers in the 1930s–50s, to abandon the ideas of elitism and text-centricity of the 1920s literature, and shows their increasing interest in their own writer’s individuality as well as the ways of expressing it in a literary work. The autobiographical novel, ideologically oriented toward the representation of the author’s ‘I’, became a genre in which this trend found expression through the complication of the forms of autobiographism, reflecting the structural, stylistic, and ideological features of modernist autobiographies. The material under research are the autobiographical novels *Tropic of Cancer* by Henry Miller and *On the Road* by Jack Kerouac.

Key words: autobiography; autobiographical novel; autobiographism; modernism; modernist novel; Henry Miller; Jack Kerouac; beatniks; beat generation.

УДК 82.09
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-127-136

EDN VKQRJH

Художественная циклизация в эпической прозе (к проблеме сопоставительного анализа жанровых форм цикла и романа)

Эльвира Викторовна Зайцева

аспирант кафедры теоретической и исторической поэтики

Российский государственный гуманитарный университет

125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6. zaitsevaelvira@gmail.com

SPIN-код: 3052-0579

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0335-3940>

ResearcherID: HNR-3691-2023

Статья поступила в редакцию 25.03.2023

Одобрена после рецензирования 19.07.2023

Принята к публикации 28.07.2023

Информация для цитирования

Зайцева Э. В. Художественная циклизация в эпической прозе (к проблеме сопоставительного анализа жанровых форм цикла и романа) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 127–136. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-127-136

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимосвязи прозаического цикла и романа. Развитие романного жанра в диахроническом аспекте показывает, что между романами (греческим и античным, средневековым и раблезианским, романом воспитания и романом становления, классическим и модернистским и постмодернистским романом) всегда существует некая промежуточная «зона», в которой совершается процесс подготовки нового типа романа. В литературоведении это «предроманное» жанровое образование принято называть прозаическим циклом. Однако при существующих исследованиях прозаической циклизации до сих пор нет как теоретически разработанного подхода к такого рода литературным явлениям, так и единодушного мнения по поводу их онтологической связи с романским жанром.

Теория романа М. М. Бахтина, в которой рассматриваются основные фундаментальные признаки романа (народно-смеховая культура, незавершенное настоящее романного времени, предельная связь с действительностью, многоголосие, многоязычие, полифония), по нашему мнению, может выступать теоретическим основанием к рассмотрению прозаических циклов. Взаимодействие цикла и романа в таком случае анализируется в причинно-следственной перспективе как прототекст к тексту или как пресуппозиция к иллюстрации. Современные литературоведческие исследования по циклизации (М. Н. Дарвина, В. И. Тюпы, А. С. Янушкевича и других ученых) рассматриваются в контексте теории романа М. М. Бахтина на основании предположения об онтологической связи этих двух «незаконных» жанровых образований. В процессе анализа данных работ можно увидеть постепенное превращение цикла в роман: от циклов 20–30-х гг. XIX в. через «Повести Белкина» к русскому классическому роману. Таким образом, открывается путь интерпретации прозаических циклов с учетом наличия в них романских признаков.

Ключевые слова: цикл; жанр; циклизация; роман; полифония.

Цикл как особый тип жанрового образования был известен еще до эпохи *креативизма* (термин С. Н. Бройтмана), однако особый интерес к нему

как к теоретико-литературной проблеме возникает в начале XX в. М. Н. Дарвин в своей статье «Европейские традиции в становлении понятия

цикл» [Дарвин 2003], анализируя взгляды на цикл В. Брюсова и А. Белого, приходит к следующим выводам.

1. Под циклом следует подразумевать совокупную группу произведений, композиционно определенным образом расположенную автором на основании каких-то общих признаков: тем, мотивов, сквозных образов, лирического героя и т. п.

2. Единство авторского цикла определяется единством читательского восприятия.

3. Каждое отдельное произведение цикла наделяется свойством интертекстуальной активности на границе перехода из текста в контекст и обратно.

4. Цикл осознается как разновидность большой жанровой формы: поэмы, повести, романа в стихах и т. д. [Дарвин 1988: 13]. Однако и в лирике, и в эпосе, и в драме цикл никак не связывается с какой-то одной, близкой ему канонической формой.

Происхождение цикла в отечественном и зарубежном литературоведении изобилует множеством версий и гипотез. Пожалуй, одной из самых распространенных является теория кризиса (распада) и обновления жанровой системы художественной литературы. Единство и непрерывность литературного развития представляет собой последовательную смену *художественных парадигм*, когда старая система сменяется новой. Для обновления содержания требуется постоянный поиск новых форм выражения. По словам Д. С. Лихачева, «всякие поиски правды жизни <...> рано или поздно приводят к борьбе с формой, с канонами выражения. Не форма стремится к острашению и новизне, а содержание <...> выражает стремление отказаться от старых форм выражения» [Лихачев 1987: 222]. Обновление содержания за счет изменения формы происходит благодаря тому, что литература вступает в тесный контакт с современной действительностью. В этом постоянном референциальном движении от литературы к действительности заключается возможность перехода от одной формы к другой. Особая роль здесь принадлежит переходному пространству «между» – «промежуточным зонам», соединяющим старую форму с новой. По мысли Д. С. Лихачева, «воздействие действительности на литературу и литературы на действительность происходит не только в пограничной зоне, однако то, что совершается здесь, особенно существенно. Именно здесь часто рождается новое содержание, разрушающее старую форму» [там же: 221]. Если попытаться рассмотреть основные произведения этой «пограничной зоны», то мы сможем яснее понимать онтологию художественных текстов, составляющих вершину *культурной парадигмы*.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет развитие и изменение романного жанра, а именно «зона между» романами. Гипотетически можно предположить, что происходит в пространстве между греческим и античным, рыцарским и раблезианским, романом воспитания и романом становления, классическим и модернистским и постмодернистским романами. Это время и пространство такого жанрового образования, которое в литературоведении принято называть прозаическим циклом. Он как бы формируется в «пограничной зоне», сменяющей один тип романа другим. В этом пространстве «между» именно циклу принадлежит важнейшая роль, когда, по словам Л. С. Яницкого, «цикл как бы удерживает художественные произведения от распада и энтропии, выполняет объединяющую функцию, связывая воедино различные произведения» [Яницкий 2000: 170].

Интересно проследить, как воспринимаются многосоставные образования литературных произведений на стадии кризиса жанровой системы прозы, прежде всего, малых и больших форм.

Обратимся, например, к «Герою нашего времени» М. Ю. Лермонтова. В. Г. Белинский писал, что «Герой нашего времени» отнюдь не есть собрание повестей, изданных в двух книжках и связанных только одним общим названием: нет, это не собрание повестей и рассказов – это роман, в котором один герой и основная идея, художественно развитая» [Белинский 1941: 23]. Позднее Б. М. Эйхенбаум стоял на том, что «Героя нашего времени» невозможно назвать романом, это лишь «путь к роману», осуществляемый через «циклизацию малых форм и жанров» [Эйхенбаум 1961: 242].

В. Б. Шкловский в своих заметках «О теории прозы» называет «Записки охотника» Тургенева «не сборником новелл, а своеобразным романом-новеллой» [Шкловский 1983: 178]. С такой точкой зрения решительно не согласна современная исследовательница С. В. Нестерова. Она пишет: «Однако “Записки охотника” нельзя назвать циклом-романом, так как рассказчик не центральный персонаж, он лишь объединяет элементы текста. В цикле передвижения охотника и его встречи с другими персонажами не создают самостоятельный сюжет. В этом, с нашей точки зрения, и заключается основное различие цикла-сборника и цикла-романа» [Нестерова 2012: 90].

Нам кажется, что именно тип героя, по-разному понимаемый двумя исследователями, определил их читательскую позицию. Для С. В. Нестеровой герой – часть композиции, он соединяет автономные сюжеты цикла, на этом его роль в тексте исчерпывается. Для В. Б. Шкловского герой – часть архитектурного целого. Каждая

коммуникативно значимая встреча с «другим» в цикле восполняет неполноту героя (охотника). Так, например, в рассказе «Мой сосед Радиллов» охотник нуждается в общении с Радилловым не меньше, чем Радиллов в общении с охотником. В. Б. Шкловский называет героя-охотника Одиссеем: «Прежде всего существует главный герой, своеобразный Одиссей, ищущий свой путь и свою спортивную добычу: дичь... Две тайны заключены в истории “Записок охотника”. Первая тайна – рассказчик проходит, связывая и объясняя судьбы героев, в то же время, не показывая самого себя» [Шкловский 1983: 185]. Это «закадровое» самопознание (саморазвитие) героя объединяет его с романским типом. На наш взгляд, В. Б. Шкловский назвал «Записки охотника» романом именно потому, что тип героя напоминает героя *романа становления*, органически входящего в теорию романа М. М. Бахтина.

М. М. Бахтин упоминает о подобном типе героя применительно к циклу: «Циклы легенд о Мудрецах создают новый тип героя, существенно родственной романскому типу» [Бахтин 2012 III: 578], – и далее в других работах поясняет, что под романским типом героя он понимает «становящегося человека в становящемся, незавершенном настоящем». В. Б. Шкловский назвал произведение Тургенева «романом-новеллой» – это два разноприродных (А. Н. Веселовский) жанра. Здесь В. Б. Шкловский, следуя логике формализма, не мог удовлетвориться просто одним определением (роман или сборник новелл), так как прозаический цикл как жанровое образование всегда представляет собой нечто большее.

В 60-е гг. XX в. проблема заменяемости в читательском восприятии прозаического цикла романом остро возникла в кругу таких ученых, как В. В. Кожин («Возникновение романа»), В. Г. Одинокоев (теория романа), Ю. В. Лебедев («У истоков эпоса (очерковые циклы в русской литературе 1840–1860-х годов)»). В своем понимании романа В. Г. Одинокоев уже «Повести Белкина» А. С. Пушкина решительно приближает к этому жанру: «Роман должен заключать в себе развивающуюся идею, он должен быть динамичным <...>. Поэтому названный цикл с полной справедливостью можно отнести к эскизу нового русского прозаического романа» [Одинокоев 1971: 37].

Таким образом, возможность превращения цикла в роман во многом зависит от особенностей восприятия текста читателем. О роли читательского восприятия в цикле говорит М. Н. Дарвин, анализируя «Повести Белкина» А. С. Пушкина: «Одной из нереализованных возможностей прочтения “Повестей Белкина” является возможность прочтения их как цикла, то есть авторской

группы взаимосвязанных произведений, моделирующих читательское представление о художественном целом. Цель состоит вовсе не в том, чтобы в процессе непрерывного чтения заняться поиском параллельных мест в пользу обоснования единства “Повестей Белкина” и назвать их циклом. Проблема состоит прежде всего в выборе читательской позиции. Вопрос может быть поставлен так: “Повести Белкина” А. С. Пушкина – это одно произведение или это пять произведений» [Дарвин 2018: 203]. М. Н. Дарвин, в отличие от В. Г. Одинокоева, не делает радикальных заявлений о том, что «Повести Белкина» могут называться романом. Однако, говоря о роли читательского восприятия, превращающего автономные тексты в цикл, он идет похожим путем.

Исследователь подчеркивает, что именно «выбор читательской позиции» превращает текст в цикл. Авторский цикл становится циклом для читателя не благодаря обнаружению повторяющихся «параллельных мест» (от себя добавим – мотивов и образов) и даже не благодаря объединяющему названию и наличию других рамочных компонентов, как это часто можно встретить в исследовательских работах по циклизации, а благодаря особому настрою на восприятие авторского текста читателем. М. Н. Дарвин в некотором роде дал дефиницию прозаическому циклу в начале цитаты: цикл – это «авторская группа взаимосвязанных произведений, моделирующих читательское представление о художественном целом». В этом определении содержится особая установка на коммуникативную ситуацию между автором и читателем. Автор располагает части в целое для читателя, как *адресант* формирует «послание» *адресату*. Читатель должен осуществить процесс восприятия сообщения. Авторский цикл должен превратиться в читательский цикл. В этом случае коммуникация состоится.

Коммуникативная встреча автора и читателя происходит в пространстве текста и возможна только благодаря тому, что текст осуществляет постоянную референцию к действительности, постоянно обновляется.

По логике М. М. Бахтина, роман всегда существует в незавершенном настоящем, в становящейся современности. Но именно благодаря тому, что автор, читатель и герой – субъекты незавершенной современности, становится возможной их встреча. М. М. Бахтин пишет: «Образ приобретает специфическую актуальность. Он получает отношение – в той или иной форме и степени – к продолжающемуся и сейчас событию жизни, к которому и мы – автор и читатели – существенно причастны. Этим и создается радикально новая зона построения образов в романе, зона максимально близкого контакта

предмета изображения с настоящим в его незавершенности, а следовательно, и с будущим» [Бахтин 2012 III: 634].

И. П. Смирнов в своей теории романа, описанной в книге «Олитературенное время», открыто возражает против бахтинского «незавершенного настоящего» романного времени. Он пишет: «Роман пишется из будущего, финализирующего и вытесняющего собой современность. Бахтин был прав, указывая на перспективность романного повествования, и ошибался, считая, что настоящее в нем не заверσιμο <...> роман помещает себя за пределом настоящего, взятого как жанровое, как время, в котором создаются романы. Роман всевременен, провидя в будущем силу, преобразующую современность в минувшее» [Смирнов 2008: 183].

На наш взгляд, автор ошибается в своем возращении Бахтину. Ведь если мы будем смотреть на текст из будущего, то настоящее будет для нас прошлым. Тогда это настоящее-прошлое ничем не будет отличаться от эпоейного прошлого. В этом случае придётся отказаться от ещё одного открытия Бахтина относительно отличия эпоеи и романа. Мы же вынуждены настаивать на принципиальной важности «незавершённого настоящего» романного времени М. М. Бахтина, в котором существует как становящийся незавершённый герой, так и автор с читателем. «Мир романа открыт во времени, не кончен, и главное в нем ещё не совершенно: мир эпоеа – мир главных и вполне завершённых событий. Мир романа – кусочек незаконченного мира, в котором и мы живем, а не воспоминание о завершённом и замкнутом в себе самом прошлом» [Бахтин 2012 III: 579].

Цикл как *сверхжанровое* единство (М. Н. Дарвин) и роман как *внежанровое* единство (Н. Д. Тмарченко) характеризуется похожим отношением между каноническими и неканоническими жанрами внутри художественного целого.

Произведение искусства всегда актуализирует какой-то канонический жанр (или несколько жанров), который всё время обновляется за счёт особого рефлексивного отношения к нему других нелитературных жанров, создающих наиболее «тесную зону контакта» с незавершённой действительностью. Именно эта ситуация является причиной обновления содержания за счёт изменения формы, о которой говорит Д. С. Лихачев.

Появление многочисленных «полухудожественных» путевых циклов, записок, заметок, наряду с «художественными» авторскими циклами, во многом показывает некий *протороманный процесс*.

А. С. Янушкевич в своей статье «Русский прозаический цикл 1820–1830-х годов как форма времени» отмечает, что романтический принцип

двоемирия, а именно «столкновение мечты и действительности <...> поэзии и жизни, философии и домашнего быта <...> нелитературных рядов и литературного факта определяли “полистилистическую” природу повествования, сосуществования в нем разнообразных форм рефлексии <...> это соответствовало представлениям романтической эстетики о современной прозе как о “сократических диалогах нашего времени”» [Янушкевич 1992: 20]. Он отмечает, что многочисленные прозаические циклы «Вечеров» и «Ночей» (Гоголь, Одоевский, Загоскин, Бестужев-Марлинский и др.) «программно диалогичны. Ситуация салонно-кружкового, дружеского общения, столь актуальная для русской общественной, литературной и бытовой жизни <...> получает художественное воплощение. Круг рассказчиков, отличающихся по возрасту, интеллекту, социальному положению <...> намечает доминанту внесюжетного развития. <...> Диспут, дискуссия, диалог организуют действие» [там же: 23]. Таким образом, исследователь, анализируя прозаические циклы начала XIX в., актуализирует принципы теории романа М. М. Бахтина. В основе романа, по Бахтину, лежат следующие признаки: предельная связь с действительностью (с «живым становящимся настоящим»), народно-смеховая культура, диалогичность и многоязычие.

Бахтин назвал «сократические диалоги» основой полифонического романа, Янушкевич прозаические циклы возводит к «диалогам». Диалоги в циклах создают атмосферу разноголосицы, многоязычия. Эти «голоса» являются равноправными по отношению друг к другу, что может свидетельствовать если не об абсолютной полифонии, то по крайней мере о движении к ней. Во всяком случае А. С. Янушкевич, говоря о композиции «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, использует язык музыкальной теории полифонии. Он говорит об особом соединении повестей, группирующихся в аккорды. Разноголосица формирует горизонтальный ряд, который образует аккорды повестей, превращая горизонтальный ряд в вертикальный.

«Вертикально-горизонтальные связи частей, уравновешенных “Предисловиями” и словариками малороссийских выражений, **намечают новые принципы организации материала в пределах цикла**» [там же: 31] (здесь и далее выделено нами. – Э. З.).

Мы видим, что исследователь существует в контексте музыкальной теории «полифонии». Таким образом, сказанные в конце статьи слова о зарождении «новых принципов организации материала» в цикле заставляют нас предположить, что исследователь имеет в виду принцип «полифонического романа» М. М. Бахтина. А с учётом

того, что вся статья пронизана идеями бахтинской теории, это предположение почти очевидно.

Но продолжим начатый выше анализ рассуждений о цикле и романе, изложенных в работах В. И. Тюпы [Тюпа 2009] и М. Н. Дарвина [Дарвин 2018], в связи с интерпретацией «Повестей Белкина» А. С. Пушкина.

В. И. Тюпа анализирует «Повести Белкина» А. С. Пушкина как «двуголосое» произведение. Один голос, принадлежащий покойному Ивану Петровичу Белкину, имеет эстетическое завершение и актуализуется в тексте как канонический жанр притчи. Другой голос принадлежит «издателю А. П.», существует по отношению к первому голосу как некая пародия на него и имеет эстетическое завершение как актуализированный жанр неканонического (близкий с «живым настоящим») анекдота. Длина дистанции между первым и вторым голосом, перемена в тексте регистров повествования создает эффект комического. По поводу третьего голоса, который обозначен издателем А. П. в предисловии (подполковник, девица, статский советник и т. д.), исследователь пишет: «...пресловутые рассказчики, роль которых исследователями часто преувеличивается, голоса своего в “Повестях Белкина” как раз не имеют» [Тюпа 2009: 209]. И далее: «Нет никаких оснований отличать Белкина и от рассказчиков “Выстрела” или “Станционного смотрителя”» [там же: 210].

М. М. Бахтин в понятие *жанр* включал канонические жанры, неканонические жанры, а также «речевые жанры». Под последними он понимал тип высказывания, которым окрашивается речь отдельного человека, включенного в социум. Таким образом, он выделял нелитературные, нехудожественные жанры деловой, научной, профессиональной и других типов речи. И если канонический жанр притчи в «Повестях Белкина» принадлежит самому И. П. Белкину, неканонический жанр анекдота принадлежит искусственному издателю, то «речевой жанр», по нашему мнению, как раз принадлежит третьему рассказчику.

Приведём пример из «Выстрела». Анализ семантики произнесенного слова *искусство* в повести «Выстрел» имеет определённое завершение как слово, принадлежащее военному (в данном случае подполковнику):

«Главное упражнение его состояло в стрельбе из пистолета <...> **Искусство**, до коего достиг он, было невероятно, и если бы он вызвался пулей сбить с фуражки кого б то ни было, никто бы <...> не усомнился подставить ему своей головы» [Пушкин 2014, 8: 222].

Совершенно очевидно, что речь идет об **искусстве меткой стрельбы**. Референциально тождественен в данном случае мысленный язы-

ковой предмет «стрельба» своему речевому воплощению «искусство». $A=A$, по закону тождества Лейбница.

Во второй части, по мнению В. И. Тюпы, образ главного героя, вставшего «в оторопь» при виде красавицы графини, коррелирует с *природной стыдливостью и великою склонностью к женскому полу* самого Белкина, явленному нам в предисловии, благодаря этому, по мысли ученого, именно Белкину принадлежит главный «голос» в повести. Но когда этот герой заходит в кабинет к графу, внимание его привлекает картина: *какой-то вид из Швейцарии, но поразила меня в ней не живопись, а то, что картина была прострелена двумя пулями, всаженными одна в другую*. Далее герой с удовольствием рассуждает о стрельбе из пистолета, разговорившись после долгого неловкого молчания. Нам кажется, если бы автором был Белкин, а другой рассказчик был лишен «голоса», то вошедший в комнату Белкин, являясь воодушевленным романтиком, вряд ли равнодушным к живописи, тем более к горной Швейцарии, в первую очередь бы заметил картину, а не пулю в ней. Но рассказчика волнует не искусство живописи, а искусство меткой стрельбы. И здесь он совершенно верен себе в первой части рассказа. Для подполковника референциально актуализированное в речи слово «искусство» тождественно своему мысленному языковому предмету – «меткая стрельба». А при наличии действительного объекта искусства – картины – интерес к «своему искусству» выделяется отчетливее. Ограниченное «военное» сознание подполковника словом «искусство» называет лишь то, что входит в пределы его познания. Таким образом, ему как военному свойственно «облачать» мысли в свой «речевой жанр».

В статье М. Н. Дарвина о мужской и женской модели в «Повестях Белкина» обращается внимание на то, что «и “Метель”, и “Барышня-крестьянка”, рассказанные девицей К.И.Т., во многом являются выражением взглядов молодой женщины». И далее М. Н. Дарвин пишет: «...в еще меньшей степени можно приписать сознанию “девицы К.И.Т.” пассаж об уездных барышнях в “Барышне-крестьянке” <...> повествование ведется от имени субъекта мужского пола». Исследователь поясняет, как же возможно это противоречие – взгляд незамужней женщины и мужской повествователь одновременно. «Повествовательное слово в них [повестях – Э. З.] принципиально не закреплено за каким-то одним конкретным субъектом. Оно интерсубъективно и интерактивно» [Дарвин 2018]. Также стоит заметить, что М. Н. Дарвин назвал особую способность покойного И. П. Белкина *превращаться в слух*. Какие выводы можно сделать из всех этих

примеров? Во-первых, «третий автор» (рассказчик) всё-таки «жив». Во-вторых, в повествовании существует смена мужского и женского голоса. В-третьих, когда один рассказчик говорит, другой «превращается в слух». Всё это напоминает нам коммуникацию нескольких субъектов речи – диалог, диспут. Мы предполагаем, что атмосфера «салонно-кружкового диалога “Вечеров” и “Ночей”», о которых говорит А. С. Янушкевич в приводимой нами выше статье, благодаря которой в одном месте собираются люди разных социальных, профессиональных, литературных взглядов, обсуждающие историю в соответствии со своим «ограниченным» кругозором, определенным образом трансформировалась в «Повестях Белкина». Мы видим взгляд на одну историю с трех повествовательных сторон. Эта атмосфера «болтовни» как структурный принцип циклов 20–30-х гг. XIX в. уходит внутрь структуры «Повестей Белкина», но проявляется в тексте (референциально, семиотически) как «внутриатомный перебой голосов». Это словосочетание М. М. Бахтин употребляет по поводу «полифонического романа», говоря о том, что с полифоническим романом Достоевского «Повести Белкина» роднит именно принцип сочетания жанров как выражение карнавализации полифонического повествования. Нам бы хотелось предположить, что он имеет в виду принцип соединения в одном произведении канонического, неканонического и речевого (нелитературного) слова. «Особое место занимает русская традиция. Здесь, кроме Гоголя, необходимо указать огромное влияние на Достоевского наиболее карнавализованных произведений Пушкина: “Бориса Годунова”, повестей Белкина, болдинских трагедий и “Пиковой дамы” <...> Нас интересует влияние именно самой жанровой традиции, которая передавалась через данных писателей. Карнавализация органически сочетается со всеми другими особенностями полифонического романа» [Бахтин 2017а: 436].

Именно такой принцип взаимодействия жанров, возникающий в литературе благодаря её природной «стыдливости» (Д. С. Лихачев), наиболее характерный для «переходного» (межроманного) периода, связывает роман и цикл как «незаконные» жанровые образования. Прозаический цикл в таком случае характеризуется как *протороманное произведение*.

Говоря о «Повестях Белкина» как о *протороманном произведении*, необходимо обратить внимание на тип героя, который по логике нашего исследования должен быть «существенно родственным романному типу». В. И. Тюпа отмечает, что притча «о блудном сыне», лежащая в основе цикла, характеризуется как «путь к счастью

(для молодых героев «Барышни-крестьянки», для Минского и Дуни, для Бурмина и Марьи Гавриловны, для графа Б.) – это путь инициации, предполагающей открытую позицию по отношению к миру (но без разрыва с родным, отеческим). Это приобщение к жизни посредством искушений, испытаний, блужданий» [Тюпа 2009: 220]. Все эти вместе взятые герои напоминают героев романа становления. Они реализуют внутренний сотериологический сюжет («восстановление падшей человеческой природы»), являющийся основой русского классического романа (В. А. Недзвецкий, И. А. Беляева [Беляева 2016]).

Сравнение романа и прозаического цикла на основе принципа «полицентричности» подробно проведено в диссертации Е. Ю. Афонинной «Теория авторского прозаического цикла». Исследовательница в своей работе тяготеет к принципиальному противопоставлению прозаического цикла и романа. Она говорит, что «авторский прозаический цикл сравнительно поздняя эпическая форма. Мы оставляем в стороне вопрос о том, является ли цикл “жанром” или нет» [Афонина 2005: 88]. Если авторский цикл, по мнению Е. Ю. Афонинной, – поздняя эпическая форма, то сам по себе он существовал всегда наряду с другими эпическими формами («Циклы легенд о Мудрецах», приводимые М. М. Бахтиным в качестве примера романного типа героя, а также цикл «Тысяча и одна ночь», древнеиндийские циклы («Панчатантра»), «Декамерон» Боккаччо тоже вряд ли можно назвать поздней эпической формой). Несмотря на то что исследовательница не решилась произнести, что цикл, по ее мнению, следует считать отдельным жанром, всё ее исследование направлено на доказательство принципиальной автономности цикла от других жанров, в первую очередь от романа. Е. Ю. Афонина пишет: «В структуре цикла, таким образом, сосуществует множество исходных позиций повествования... Множество повествовательных центров в цикле, или полицентричность – главное свойство цикла как художественной системы» [там же: 88], и затем добавляет: «До формирования авторского прозаического цикла как особой художественной системы и затем наряду с ним существовали <...> две большие моноцентрические эпические формы – сначала эпопея, а затем роман. При сопоставлении с ними специфика художественной системы цикла выступает наиболее очевидно» [там же: 90]. Значительная часть данного диссертационного исследования посвящена противопоставлению цикла и романа. Автор принципиальным отличием цикла от эпопеи и романа считает принцип «полицентричности» – наличие в цикле множества самостоятельных «повествовательных центров», а значит

(воспользуемся языком Бахтина), множества различных миров, со своим ценностным центром, независимым ни от какого довлеющего взгляда. Е. Ю. Афолина приводит множество примеров, одним из которых является роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Исследовательница размышляет о типе героя и принципиальном отличии от отношения к нему в цикле и романе. Она пишет: «Мир “Преступления и наказания” сосредоточен вокруг Раскольникова... Все субъекты и объекты этого мира соотнесены (удалены или приближены) с фигурой его главного героя на однажды установленной дистанции. В том смысле, как мы говорим о моноцентричности романа <...> Классический роман представляет собой именно такое “усилие” овладеть “бесконечным богатством”, свести его воедино в некоей единой точке, с которой обзревается мир и герои и определяется бытийный центр» [Афолина 2005: 100]. Становится непонятно, по какой причине автор работы приводит в пример икону «полифонического романа» Достоевского, чтобы оттенить принцип «полицентричности» цикла. Во всяком случае, по мнению Е. Ю. Афолиной, в романе «Преступление и наказание» есть «некая единая точка, с которой обзревается мир и герои», и есть «бытийный центр» повествования.

Е. Ю. Афолина, желая окончательно отделить цикл от романа и эпопеи на основании полицентричности и моноцентричности, пишет следующее: «Однако при всех различиях обе формы принципиально схожи в одном: и эпопея, и роман – моноцентричны <...> Центральное событие единственно и в романе, и в эпопее: в эпопее – это поединок героев, в романе – диалог-спор героев» [там же: 95]. Используя в качестве примера общности романа и эпопеи идею Н. Д. Тмарченко об онтологической связи двух больших эпосов посредством трансформации эпического события поединка в романский диалог, Е. Ю. Афолина прозаический цикл оставляет за рамками этой связи. По-видимому, диалог, который поставил в основу циклов XIX в. А. С. Янушкевич, упускается из виду исследовательницы. Далее она размышляет о том, что в эпопее может быть множество дублирующих друг друга поединков, а в романе – множество вставных новелл. Но это не является достаточным основанием для автора диссертации отдать хоть маленький процент полицентричности роману и эпопее. На наш взгляд, работа Е. Ю. Афолиной является очень важной для понимания прозаического цикла и его соотношения с романом. Исследовательница, отталкиваясь от моноцентричного романа, всё внимание уделила объяснению того, что же такое цикл и каковы его

характерные признаки. С этими признаками цикла мы полностью согласны. Однако можем сказать, что они одинаково приложимы к бахтинскому учению о «полифоническом романе». По большому счету, если смотреть на монологический роман глазами позднего М. М. Бахтина, то такой тип романа является одним из «голосов» в общем «диалоге культур» [Бахтин 2017б]. Таким образом, связь цикла и романа ещё более укрепилась, и вместе с тем укрепилась наша позиция о движении к «полифонии» в цикле, которую заметил в своей статье А. С. Янушкевич, сравнивший «Вечера...» Н. В. Гоголя с полифоническим музыкальным произведением.

Не хотелось бы оставить за рамками нашего исследования требующую отдельного пристального внимания тему смеха как основу романа, по Бахтину. Напомним, что именно народно-смеховая культура, реализованная в событии карнавала, преобразуется в полифоническом романе в серьезно-смеховую тональность. Смех приближает действительность, побеждает страх, снимает маски, обнажает правду. Посредством смеха теряет серьезность и значимость старая форма, начинает зарождаться новая. Опять же пространству «междувремения», где господствует прозаический цикл, принадлежит решающая роль на пути к новой форме. Стоит отметить, что именно прозаические циклы открыто комичны. Пушкин, Гоголь, Одоевский, Чехов, Гофман, Боккаччо (Бабель, Зоценко, Довлатов) – величайшие комедиографы. Юмор создается за счет дистанции, возникающей между субъектно-объектной структурой текста. Чем длиннее дистанция, тем смешнее ситуация. В романе, в силу «вживаемости» в героя, эта дистанция сокращается. Сокращается и комическая перспектива. Чем ближе мы к герою, тем сильнее замечаем смену комической маски трагической. Но эта дистанция может увеличиваться рефлексивными взглядами героев друг на друга, что также создает комедийную ситуацию. Таким образом, смех всегда является основой романа, пусть и деформированной. И. П. Смирнов в приводимой выше теории романа делает предположение, что смех как основа романа часто трансформируется в читательский шок, «сенсацию»: «В акте смеха, по Хельмуту Плесснеру, человек теряет контроль над своим телом... многие сенсационные романы нацелены на вызывание у читателя именно этого эффекта» [Смирнов 2008: 225]. Другими словами, смех, открыто явленный в прозаическом цикле, трансформируясь в романе, всё же является одним из главных его признаков.

Характерным примером теснейшего взаимодействия цикла и романа становится эпоха постмодернизма. С. В. Нестерова в своей диссертации

ции «Техническое текстопостроение в малой эпической прозе» [Нестерова 2012] подробно проанализировала, какие отношения происходят между прозаическим циклом и романом. В творчестве таких писателей, как А. Битов, Ю. Трифонов, Ю. Буйда, А. Геласимов, между циклом и романом происходит межжанровое взаимодействие. Произведения формируются как циклы, которые затем преобразуются в романы и одинаково сосуществуют вместе как два жанровых явления. Вместе с этим есть и другой род взаимодействия, когда цикл и роман неразрывно связаны как часть и целое. Допустим, одним из элементов цикла становится роман. Или роман нельзя правильно понять, не ознакомившись прежде с циклом повестей одного и того же автора. Сверхжанровое и внежанровое единства вступают друг с другом в межжанровое взаимодействие.

Таким образом, можно предположить, что, не уделяя отдельного внимания прозаическому циклу, М. М. Бахтин всё же вводил его в область теории романа. Анализ некоторых важных замечаний Бахтина о прозаических циклах в работах, посвященных роману, в контексте литературоведческих исследований по прозаической циклизации, проведенный нами в данной статье, свидетельствует тому. Соответственно открывается путь интерпретации конкретных прозаических циклов с учётом онтологической связи цикла и романа.

Список литературы

Афонина Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 166 с.

Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Библиотека всемирной литературы, 2017а. 640 с.

Бахтин М. М. Из записей 1970–1971 годов // Автор и герой в эстетическом событии. Т. 1. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2017б. С. 339–391.

Белинский В. Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова: [Рецензия]. СПб., 1840. Ч. 1–2 // Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. Л.: ОГИЗ: Гос. изд-во. худ. лит., 1941. С. 23–24.

Беляева И. А. Сюжет спасения в русском классическом романе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. М.: Алмавест, 2016. С. 44–52.

Дарвин М. Н. Мужское и женское: смыслопорождающая модель цикла («Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.») // Поэтический мир лирического цикла. М.: РГГУ, 2018. С. 201–214.

Дарвин М. Н. Европейские традиции в становлении понятия цикл // Европейский лирический цикл: материалы междунар. науч. конф., 15–17 ноября 2001 г. М.: РГГУ, 2003. 278 с.

Дарвин М. Н. Русский лирический цикл. Красноярск, 1988. 144 с.

Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Л.: Худ. лит., 1987. Т. 3. 520 с.

Нестерова С. В. Техническое текстопостроение в малой эпической прозе: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2012. 190 с.

Одинокое В. Г. Проблемы типологии русского романа XIX века. Новосибирск: Наука, 1971. 192 с.

Пушкин А. С. Библиотека русской классики. Т. 8. М.: Слово, 2014. 680 с.

Смирнов И. П. Олитературное время. (Гипо)теория литературных жанров. СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманист. акад., 2008. 263 с.

Тюпа В. И. Анализ сложносоставного целого («Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.») // Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. 336 с.

Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. 384 с.

Эйхенбаум Б. М. «Герой нашего времени» // Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 221–265.

Яницкий Л. С. Циклизация как коммуникативная стратегия в современной культуре // Критика и семиотика. Вып. 1–2. Кемерово: КГУ. 2000. С. 170–174.

Янушкевич А. С. Русский прозаический цикл 1820–1830-х годов как форма времени // Исторические пути и формы художественной циклизации в поэзии и прозе. Кемерово: КГУ, 1992. С. 18–35.

References

Afonina E. Yu. *Poetika avtorskogo prozaicheskogo tsikla*. Diss. kand. filol. nauk [The poetics of the author's prose cycle. Cand. philol. sci. diss.]. Tver, 2005. 166 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 7 vols. Moscow, LRC Publishing House, 2012, vol. 3. *Teoriya romana (1930–1961 gg.)* [Theory of the novel (1930–1961)]. 880 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Biblioteka Vsemirnoy Literatury Publ., 2017a. 640 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. Iz zapisey 1970-1971 godov [From notes of 1970-1971]. *Avtor i geroy v esteticheskoy sobytii* [Author and Hero in Aesthetic Activity]. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanities Initiatives, 2017b, vol. 1, pp. 339–391. (In Russ.)

Belinsky V. G. Geroy nashego vremeni. Sochinenie M. Lermontova [A Hero of Our Time. A work by M. Lermontov: a Review. St. Petersburg, 1840. Pts. 1–2]. In: Belinsky V. G. *M. Yu. Lermontov: Stat'i i retsenzii* [M. Yu. Lermontov: Articles and Reviews]. Leningrad, OGIz, 1941, pp. 23–24. (In Russ.)

Belyaeva I. A. Syuzhet spaseniya v russkom klasicheskom romane [Salvation as a plotline in the Russian classical novel]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Reports of the Higher School]. Moscow, Almaz Publ., 2016, pp. 44–52. (In Russ.)

Darvin M. N. Muzhskoe i zhenskoe: smyslopovorozhdayushhaya model' tsikla ('Povesti pokoyного Ivana Petrovicha Belkina, izdannye A. P.') [The male and female: The sense-generating model of the cycle ('The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin, published by Alexander Pushkin')]. *Poeticheskiy mir liricheskogo tsikla* [The Poetic World of the Lyrical Cycle]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2018, pp. 201–214. (In Russ.)

Darvin M. N. Evropeyskie traditsii v stanovlenii ponyatiya tsikl [European traditions in the formation of the concept of the cycle]. *Evropeyskiy liricheskiy tsikl. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 15–17 noyabrya 2001 g.* [The European Lyrical Cycle. Proceedings of the International Scientific Conference, November 15–17, 2001]. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2003. 278 p. (In Russ.)

Darvin M. N. *Russkiy liricheskiy tsikl* [The Russian Lyrical Cycle]. Krasnoyarsk, 1988. 144 p. (In Russ.)

Likhachev D. S. *Izbrannye raboty* [Selected Works]: in 3 vols. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987, vol. 3. 520 p. (In Russ.)

Nesterova S. V. *Tsiklicheskie tekstopostroyeniya v maloy epicheskoy proze*. Diss. kand. filol. nauk [The

cyclic text-building in small epic prose. Cand. philol. sci. diss.]. Tver, 2012. 190 p. (In Russ.)

Odinokov V. G. *Problemy tipologii russkogo romana XIX veka* [The Problems of Typology of the Russian 19th-Century Novel]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1971. 192 p. (In Russ.)

Pushkin A. S. *Biblioteka russkoy klassiki* [The Library of Russian Classics]. Moscow, Slovo Publ., 2014, vol. 8. 680 p. (In Russ.)

Smirnov I. P. *Oliteraturennoye vremya. (Gipo)teoriya literaturnykh zhanrov* [Literated Time. (Hypo)theory of Literary Genres]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Press, 2008. 263 p. (In Russ.)

Tyupa V. I. Analiz slozhnosostavnogo tselogo ('Povesti pokoyного Ivana Petrovicha Belkina, izdannye A. P.') [An analysis of the complex whole ('The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin, published by Alexander Pushkin')]. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of Literary Text]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 336 p. (In Russ.)

Shklovskiy V. B. *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1983. 384 p. (In Russ.)

Eikhenbaum B. M. 'Geroy nashego vremeni' ['A Hero of Our Time']. In: Eikhenbaum B. M. *Stat'i o Lermontove* [Articles on Lermontov]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1961, pp. 221–265. (In Russ.)

Yanitskiy L. S. Tsiklizatsiya kak kommunikativnaya strategiya v sovremennoy kul'ture [Cyclization as a communicative strategy in modern culture]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics]. Kemerovo, Kemerovo State University Press, 2000, issues 1–2, pp. 170–174. (In Russ.)

Yanushkevich A. S. Russkiy prozaicheskiy tsikl 1820–1830-kh godov kak forma vremeni [The Russian prose cycle of the 1820–1830s as a form of time]. *Istoricheskie puti i formy khudozhestvennoy tsiklizatsii v poezii i proze* [Historical Ways and Forms of Artistic Cyclization in Poetry and Prose]. Kemerovo, Kemerovo State University Press, 1992, pp. 18–35. (In Russ.)

Literary Cyclization in Epic Prose (on the Problem of Comparative Analysis of the Cycle and the Novel as Genre Forms)

Elvira V. Zaitseva

Postgraduate Student at the Department of Theoretical and Historical Poetics
Russian State University for the Humanities

6, Miusskaya ploshchad, Moscow, 125047, Russian Federation. zaitsevaelvira@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-0335-3940>

SPIN-code: 3052-0579

ResearcherID: HNR-3691-2023

Submitted 25 Mar 2023

Revised 19 Jul 2023

Accepted 28 Jul 2023

For citation

Zaitseva E. V. Khudozhestvennaya tsyklizatsiya v epicheskoy proze (k probleme sopostavitelnogo analiza zhanrovyykh form tsikla i romana [Literary Cyclization in Epic Prose (on the Problem of Comparative Analysis of the Cycle and the Novel as Genre Forms)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 127–136. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-127-136 (In Russ.)

Abstract. The article studies the relationship between the prose cycle and the novel. Looking at the development of the novel as a genre from a diachronic perspective, it is possible to see that between novels (Greek and antique, medieval and Rabelaisian, the Bildungsroman and the novel of formation, classical and modernist and postmodern novel) there is always a kind of intermediate ‘zone’ in which the process of preparing a new type of novel takes place. In literary studies, this ‘pre-novel’ genre form is called a prose cycle. However, in the studies of prose cyclization, there is still neither a theoretically developed approach to such literary phenomena nor unanimous opinion about their ontological connection with the novel genre.

In our opinion, the theory of novel developed by M. M. Bakhtin, which deals with the fundamental features of the novel (folk culture of laughter, the incomplete present novel tense, marginal connection with reality, polyphony, multilingualism), may serve as the theoretical basis for the consideration of prose cycles. The relation between the cycle and the novel in this case is considered from the causal perspective as the relation of aprototext to the text or of a presupposition to the illocution. The paper considers contemporary literary studies on cyclization (by M. N. Darvin, V. I. Tyupa, A. S. Yanushkevich, and other researchers) in the context of the Bakhtin’s theory of novel on the basis of the assumption that there is an ontological connection between these two ‘illegal’ genre forms. In the process of analyzing these works, examined through the prism of Bakhtin’s theory, one can see a gradual transformation of the cycle into the novel: from the cycles of the 1820s-30s, through *Belkin’s Tales*, to the Russian classical novel. This opens the way to the interpretation of prose cycles taking into account the presence of the novel features in them.

Key words: cycle; genre; cyclization; novel; polyphony.

Языковая игра как способ стилизации детской речи (на примере романов “Room” Э. Донохью, “All the Lost Things” М. Сакс и “Florence and Giles” Дж. Хардинга)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института УрФУ
(программа “Мой первый грант”)*

Наталия Николаевна Николина

старший преподаватель кафедры германской филологии

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина 51. nickolyasya@yandex.ru

SPIN-код: 5003-9377

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8187-6829>

ResearcherID: AAS-6884-2021

Статья поступила в редакцию 20.04.2023

Одобрена после рецензирования 17.05.2023

Принята к публикации 27.05.2023

Информация для цитирования

Николина Н. Н. Языковая игра как способ стилизации детской речи (на примере романов “Room” Э. Донохью, “All the lost things” М. Сакс и “Florence and Giles” Дж. Хардинга) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 137–147. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-137-147

Аннотация. Статья посвящена изучению речи рассказчика-ребенка в произведениях, написанных для взрослой аудитории. В исследованиях, в которых рассматривается речь персонажей-детей, отмечается, что она стилизуется под детскую с помощью различных языковых средств. К таковым относится и языковая игра. Использование данного приема как способа стилизации речи рассказчика-ребенка под детскую рассматривается на примере таких современных романов, написанных на английском языке, как “Room” (Emma Donoghue, 2010), “All the Lost Things” (Michelle Sacks, 2019) и “Florence and Giles” (John Harding, 2010). Выбор указанных произведений обусловлен наличием в нем рассказчиков-детей 5, 7 и 12 лет соответственно.

В анализируемых произведениях языковая игра может быть использована в качестве как основного способа стилизации детской речи (“Florence and Giles”), так и неосновного, наряду с другими способами (“Room”, “All the Lost Things”). В романе “Room” языковая игра проявляется в использовании конверсии, словообразовании с помощью суффикса *-ness*, иногда – словосложении. В романе “All the Lost Things” языковая игра представлена в основном словосложением.

Основным способом стилизации детской речи намеренная языковая игра является в романе “Florence and Giles”. В речи рассказчицы часто встречаются окказионализмы, образованные с помощью конверсии, префиксации, суффиксации и словосложения, отмечается переосмысление устойчивых выражений.

Анализ онтолингвистических исследований показывает, что языковая игра присутствует в речи детей. Она может быть как ненамеренной, что связано с ситуациями когнитивного и языкового дефицита, так и намеренной, что связано с желанием ребенка выразить себя в языке. Наличие корреляции между найденными примерами языковой игры и реальными характеристиками детской речи

позволяет сделать вывод о том, что изображение языковой игры является правдоподобным способом стилизации детской речи.

Ключевые слова: рассказчик-ребенок; детская речь; стилизация; языковая игра; окказионализмы; словосложение; конверсия.

Использование в качестве рассказчика произведения ребенка неизбежно ставит перед автором проблему выбора: сохранять нейтральность или пытаться передать естественную детскую манеру говорить? В отношении последнего необходимо упомянуть работу М. М. Бахтина «Слово в романе». Говоря о рассказчиках, которые обладают особой точкой зрения, кругозором, отдаленными от действительного автора, он отмечает, что «речь таких рассказчиков всегда – чужая речь (в отношении к действительному или возможному прямому авторскому слову) на чужом языке (в отношении к той разновидности литературного языка, которой противопоставляется язык рассказчика)» [Бахтин 1975: 67]. Безусловно, рассказчик-ребенок может быть отнесен к таким рассказчикам: он обладает особой точкой зрения, которую автор использует для достижения определенного эффекта; кроме того, такого рассказчика и реального автора разделяет большая дистанция. Таким образом, если речь идет о художественных произведениях для взрослых, где рассказчиком является ребенок, можно утверждать, что автор говорит с читателем на специально созданном им языке, а именно на языке, который имитирует детскую речь. Именно имитирует, и это всегда имитация, даже если авторы решают создать речевой образ рассказчика, близкий к речи реального ребенка, то это всё равно будет моделирование, «стилизация повествования», «уподобление детской речи» [Войткова 2011: 10]. Зарубежные исследователи отмечают, что существует несколько детских языков, причем как в реальной жизни, так и в литературе. Под разными детскими языками при этом понимаются разновидности детской речи согласно возрасту или речевой ситуации. Что касается литературы, то их множественность объясняется следующим образом: «разные писатели, в разных культурах, в разные периоды будут использовать разные методы для передачи точки зрения ребенка» [Rico 1987: 2].

Развитие идей М. М. Бахтина применительно к речи рассказчиков-детей наблюдается в современных научных работах, среди которых диссертации и статьи, посвященные детской речи, а также речи персонажей-детей, способам имитации детского мировосприятия в литературе [Амзаракова 2005; Солнцева 2008; Шипова 2011;

Николина 2016]. Интерес ученых к данной теме свидетельствует об актуальности исследования. Кроме того, по словам Т. А. Гридиной, «представление о механизмах языкового творчества в художественном тексте остается гораздо менее изученным, чем в других областях лингвокреативной деятельности» [Гридина 2008: 3].

Цель данной статьи – рассмотреть изображение языковой игры в речи рассказчика-ребенка в качестве средства стилизации детской речи и определить, во-первых, как именно используется прием языковой игры, во-вторых, насколько его использование правдоподобно. В качестве материала исследования были выбраны современные англоязычные романы: “Room” Эммы Донохью (2010), “All the Lost Things” Мишель Сакс (2019) и “Florence and Giles” Джона Хардинга (2010), где рассказчиками являются дети 5, 7 и 12 лет соответственно. Теоретической базой послужили работы таких отечественных авторов, как И. П. Амзаракова, М. М. Бахтин, Т. А. Гридина, С. Н. Цейтлин и др., а также некоторые труды зарубежных ученых: С. Динтер, У. О’Грейди, Л. Рико. В ходе исследования был проведен лингвистический анализ, сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки.

Анализ выбранных произведений показал, что изображение языковой игры в речи персонажей может быть использовано авторами как в качестве одного из множества приемов стилизации детской речи и мышления, так и в качестве основного приема. В первом случае речь идет о романах Э. Донохью и М. Сакс. В романе “Room” речь рассказчика – пятилетнего Джека – стилизуется под детскую сразу на нескольких языковых уровнях разнообразными способами. В речи Джека много грамматических ошибок, используется олицетворение, а также встречается неверное употребление некоторых слов. Детское мышление выражается в непонимании героем переносных значений слов, фразеологизмов, незнании чего-либо и вопросах о новых словах или вещах.

Иногда Э. Донохью использует конверсию для стилизации детской речи. Рассказчик с помощью конверсии (полной или частичной – когда от прилагательного образуется глагол, к которому затем добавляется приставка) создает глаголы, которые позволяют ему ёмко передать некое развёрнутое значение:

'She gets out of Bed and goes to Thermostat to **hot** the air' (Donoghue, 6). (Здесь и далее цитаты из романа Э. Донохью приводятся по изданию Donoghue E. Room. London: Picador, 2010.)

'Deana gives me a wet wipe to **unsticky** my fingers...' (185).

'...idiots buy them hoping to get **magicked** into millionaires' (214).

Также отличительной особенностью речи Джека является активное использование суффикса *-ness*. Образы существительные, которые, в принципе, существуют или могут существовать в английском языке, однако обретают окказиональный оттенок, рассказчик описывает некую ситуацию, идею в целом. Существительные при этом зачастую заменяют другие слова, словосочетания или даже предложения:

'Bunnies are TV but carrots are real, I like their **loudness**' (16).

'Still the **dustiness** of Rug but when I lift my nose a tiny bit I get this air that's ...' (105).

'The whole **bigness** of the sky behind it is black now, the pink and orange bits are gone where?' (110).

'Back in Room Number Seven I have some on the bed, still with my shoes on and the **stickiness**' (149).

'The world is always changing **brightness** and **hotness** and **soundness**, I never know how it's going to be the next minute' (201).

Обратным приемом является использование прилагательных, где логичнее было бы употребить существительные, образованные с помощью того же суффикса *-ness*:

'...we put Blanket over and just listen through the **gray** of her and shake our booties' (11).

'There's **wet** on Table, it makes her white all shiny' (65).

'...like we marked my **tall** on birthdays...' (138).

'I don't like the **tight** of the belt' (173).

Несмотря на то что автор показывает, как Джек довольно часто создает нестандартные словоформы и конструкции или нестандартно использует языковые единицы, что можно считать проявлением детской креативности, намеренная и осознанная языковая игра в его речи встречается нечасто. Творческий подход к языку проявляется в играх Джека и его матери, в ходе которых они придумывают «слова-бутерброды» ('word-sandwiches'), соединяя в одно слово два других:

'"**Hugeormous**." That's word sandwich when we squish two together' (13).

Начиная такую игру вместе с мамой, Джек затем продолжает придумывать новые слова самостоятельно:

'She cuts me a **humongous** piece ...' (21).

'...it's the coolest thing and scary as well, **coolary**, that's a **word sandwich**, Ma would like it' (221).

Языковая игра используется наряду с другими способами стилизации детской речи и в романе "All the Lost Things", где повествование ведется от лица семилетней Долли. В речи героини можно встретить гиперболы и реже олицетворения. Намеренная языковая игра встречается нечасто, в некоторых случаях не совсем понятно, является ли она намеренной или нет. Так, прилагательное *grisly* Долли заменяет на созвучное и точно известное ей *grizzly*, добавляя существительное *bear*:

'I wasn't meant to hear the **GRIZZLY BEAR DETAILS** about how Uncle Joshua died...' (Sacks, 81). (Здесь и далее цитаты из романа М. Сакс приводятся по изданию Sacks M. All the Lost Things. New York; Boston; London: Little, Brown and Company, 2019.)

Некоторые речевые новации носят несистемный характер и являются единичными. К такому, например, можно отнести глагол на основе существительного *tattletale*, образованный с помощью конверсии, а также новое слово, образованное на основе существительных *raven* и, возможно, *raptor*:

'Mom doesn't care if the neighbor Mrs. Mistry sees us and **tattletaes** to Dad' (123).

'Do you see that bird?' <...> "It's a black-hearted **ravenator**..." I said (130).

В основном языковая игра проявляется в создании новых слов путем словосложения. Данные окказионализмы в предложениях выступают в качестве определений или дополнений. Первые можно разделить на подгруппы в зависимости от их составляющих:

а) существительное и существительное

'...and delectable **chocolate-marshmallow-sun-sugar** smells ...' (88);

б) существительное и наречие

'We drove in the **almost-dark** and ...' (60),

'Maybe it would be a **forever-scar** on his face, to make him remember me every day' (188);

в) существительное и числительное

'By the time we got to the counter, the **one-leg** man was gone' (56);

г) прилагательное/причастие и существительное

'Dad opened his eyes and I turned the volume down to **whisper-loud**...' (37),

'It was a sunny and **blue-sky** beautiful day...' (50),

'...where the black **fuel-eating** box was lying' (72),

'I looked at Dad's nice head and **tiny-bit** balding hair' (58),

"My **best-treasure** horse." (116),

'That meant it wasn't going to be a **gold-star** day' (174);

д) прилагательное и прилагательное

'...because I am not **skinny-small** like she is, I am **wobbly-soft** like a marshmallow' (43),

'She would go on her knees and say, "I'm so sorry for my **silly-stupid** plan ..." (100),

"She's my most **special-precious** thing," I said' (109),

'He looked at me with that **funny-strange** expression on his face ...' (136);

е) прилагательное и наречие

'...in case it woke Dad from his **fast-asleep** sleep' (36),

'The clerk from last night was wearing the same **too-tight** T-shirt...' (105),

'She was walking very quickly, even in the **too-big** shoes' (107).

Некоторые окказионализмы образуются от целых фраз и представляют собой голофрастические конструкции:

'A lot of her behavior is bad, like when she has a bunch of **CAN'T GET OUT OF BED** days...' (40).

'And not just a few **browny-turning-a-little-green** trees ...' (50).

'Now we snuggle down and Mom gives us bedtime Mom cuddles and the special **good-night-sleep-well-with-no-bad-dreams** kisses' (97).

Иногда такими фразами становятся идиоматические и устойчивые выражения ('for real', 'in the olden times/days', 'puppy-fat', 'sly fox'):

"Yeah, and we're going on a **for-real** adventure. That's more important." (11).

'It was funny-looking, like an **olden-day** town from the movies and not like anything at home' (41).

'It's a **SLY FOX** word because the *T* is a trick and you aren't meant to say it out loud' (85).

Вторая группа окказионализмов в предложении выполняет функцию дополнения, образованы они путем сложения двух существительных (или существительного и герундия):

'I breathed my **breath-steam** onto the window and made a nose print in the glass' (29).

'Dad did the **fist-making** with his hands on the steering wheel' (81).

'...or a special **stomach-voice** that said...' (124).

'*We will always stay together*, I said in my **head-voice**' (136).

'Birney jumped up to give me a **dog-hug**, and Hank shook my hand' (171).

В некоторых случаях окказионализмы заменяют уже существующие слова и словосочетания (*mental note*, *dimples*):

'I made a **head-note** ...' (36).

'She smiled at me and I saw that she had those special **dimple-holes** in her cheeks...' (44).

Написаны указанные окказионализмы в основном через дефис, иногда – раздельно, заглавными буквами, что в романе обычно указывает на то, что это чужая речь.

Языковая игра регулярно встречается в речи рассказчицы романа "Florence and Giles" Джона Хардинга. С одной стороны, использование языковой игры в романе, который является аллюзией и попыткой переосмысления сюжета романа «Поворот винта» Генри Джеймса, обосновано его постмодернистской принадлежностью. Отмечается, что «языковая игра в романах постмодернизма встречается очень часто, воплощаясь в таких стилистических средствах, как каламбур, оксюморон, зевгма, говорящие имена, аллюзии, видоизмененные фразеологизмы и афоризмы и мн. др.» [Лушников, Осадчая 2019: 233]. С другой стороны, языковая игра в романе является основным и, по сути, единственным, способом стилизации речи главной героини Флоренс под детскую. Речь двенадцатилетней рассказчицы мы относим к детской, опираясь на утверждение И. П. Амзараковой, согласно которому «понятие детская речь не ограничивается рамками дошкольного возраста, а распространяется на речь ребенка вплоть до 11–12 лет» [Амзаракова 2005: 34].

Всю историю Флоренс рассказывает, используя либо придуманные ею слова, либо уже существующую лексику, но делая это неконвенциональным способом; ее речь полна окказионализмов. Часть ее новаций схожа с характеристиками, выделяемыми в речи детей, однако главное отличие состоит в том, что героиня намеренно искажает свою речь: в ее случае это не ошибки, а словотворчество.

Новации в речи Флоренс разнообразны, но можно выделить основные группы:

1. Глаголы, используемые в их ненормативном каузативном значении.

2. Окказиональные глаголы и причастия, образованные с помощью конверсии.

3. Окказиональные сложные слова, образованные на основе фразеологизмов и неидиоматических словосочетаний.

4. Окказиональные существительные и прилагательные, образованные с помощью суффиксации.

5. Окказиональные глаголы и причастия, образованные с помощью префиксации.

Первая группа представлена использованием глаголов в их ненормативном каузативном значении. В ситуациях, когда необходимо выразить, что что-то заставило выполнить какое-то действие, называется только само действие. Вместо словосочетаний, состоящих из глагола *to make* и глагола, выражающего значение некоего действия, используется только глагол со значением действия:

'...it **shivers** me quite' (Harding, 8). (Здесь и далее цитаты из романа Дж. Хардинга приводятся по изданию Harding J. *Florence and Giles*. London: Blue Door, 2010.)

'...yet that somehow **wondered me** even more' (9).

'The idea of my little Giles being Flashmanned **weeped** me all over again ...' (14).

Вторая группа является самой многочисленной, в речи Флоренс много глаголов и причастий, образованных с помощью конверсии. Важно отметить, что довольно часто новообразованные слова по смыслу заменяют собой словосочетания или даже целые фразы. Образованы окказионализмы от слов разных частей речи, например существительных:

'...either **armchaired** and sewing or **desked** with a puzzlery of papers' (8).

'...by fat Meg, our cook, smiley and **elbowed in** flour...' (8).

'I **instincted** not to mention the library...' (9).

'Instead, of course, he **doggerelled** me and...' (12).

'So here I was, **princessed** in my tower, **blanketed** at my desk, shivering some when the wind blew, but alone and able to read, at least until it **twilighted**...' (25).

Отдельного внимания заслуживают ономастические окказионализмы, образованные с помощью конверсии от топонимов и антропонимов. Так, в следующем примере глагол образован от названия поместья, в котором живет Флоренс (*Blithe*), окказионализм имеет значение *to come to Blithe*:

'...he **Blithed** it every afternoon for the next couple of weeks' (30).

Окказионализмы, образованные от антропонимов, можно разделить на группы в зависимости от того, какие именно антропонимы используются:

а) имена героев романа

'...I could **Van Hoosier** the drive ...' (25),

'...and in that moment his face so **Gilesed** I twinged guilt' (29),

'...and then **Van Hoosiered** my way through the rest' (34);

б) имена писателей

'I intend to **Shakespeare** a few words of my own' (11),

'...left me crying by the lake, not only roughly kissed but badly **Longfellowed** too' (12);

в) имена героев книг, сказок, фольклора

'The idea of my little Giles being **Flashmanned** weeped me all over again...' (14),

'I stood there now, mistress of all I surveyed, fairytaled in my tower, **Rapunzelled** above all my known world' (24),

'...and saw him **Wenceslasing** his way through the drifted snow' (28),

'He sat and **Gargeried** it' (28),

'And every day while I **Hamleted** about ...' (126).

Последние две группы имеют большое значение для образа главной героини. Она очень любит читать и делает это втайне от всех, несмотря на то что ей запрещено. Автор наделяет речь Флоренс подобными окказионализмами, связанными с литературой, поскольку для такой начитанной девочки было бы логично постоянное использование подобных отсылок.

Окказионализмы также образуются от прилагательных, наречий и даже предлогов:

'...it was shortly before she **tragicked** upon the lake...' (8).

'...a house **uncomfortabled** and **shabbied** by prudence' (8).

'And then something **familiaried** about her...' (55).

'...when young Van Hoosier and I **outdoorsed**...' (12).

'I **eventualled** the hall and felt about for the plant pot ...' (53).

'Quick and quiet as a mouse, I opened the door, **outed**, closed it behind me...' (16).

'...and I **awayed** fast...' (51).

'I whipped off my hat and stuffed it under my cloak and **downed** ...' (191).

'When we **neared** Blithe House...' (14).

'...I **upped** and **overed** to him' (29).

Отдельно стоит выделить группу слов, которые, на первый взгляд, образованы от существительных с помощью конверсии. Однако при ближайшем рассмотрении мы видим, что это не просто существительные: они входят в состав фразеологизмов. На основе фразеологизма образуется сложное слово, при этом сохраняются не все элементы фразеологизмов, как правило, опускаются глаголы, так как их функцию, по сути, выполняют окказионализмы и иногда существительные. Структура фразеологизмов также нарушается, может меняться порядок слов. В следующих примерах мы можем наблюдать

окказионализмы, образованные от таких фразеологизмов, как *to hide one's light under a bushel, to tighten the purse strings, to throw caution to the wind, to have second thoughts, to be hanged as well for a sheep as for a lamb*:

'I have hidden my eloquence, **under-a-bushelled** it...' (8).

'...a neglect of a place, **tightly pursed** ...' (8).

'...and I **to-the-winded** my caution...' (25).

'It was only as we put on our coats that I **second-thoughted**' (30).

'So I figured I might as well be **sheeped as lambled** and keep the candle to light my way too' (55).

Редко окказионализмы можно назвать голофрастическими конструкциями, так как они являются словами, образованными от целой фразы:

'...how I had always **out-of-sighted-out-of-minded** me...' (22).

Все элементы фразеологизма сохраняются полностью не часто. В следующем примере мы не можем назвать окказионализм голофрастической конструкцией, так как отсутствует артикль *the*, который есть во фразеологизме *the penny dropped*:

'...and it **pennydropped**: this scary child was me' (55).

Подобно фразеологизмам в основу окказионализмов входят неидиоматические словосочетания и фразы:

'...I **shelf-to-shelfed**, extracting book after book, the opening of each a sneezery of dust' (9).

'She **deep-breathed** in and **long-sighed** it out (10).

'He sat and **doe-eyed** me all through tea (12).

'This shivered me in the silent night and I **over-my-shouldered**... (54).

'And then it **perfect-sensed** me' (55).

Отдельно стоит отметить глагол, в основе которого лежит словосочетание, отсылающее, судя по контексту (имеется в виду ситуация, когда юноша читал Флоренс стихи собственного сочинения, посвященные ей), к 18-му сонету Шекспира:

'I wanted him to **summer's day** me...' (12).

К четвертой группе могут быть отнесены многочисленные примеры существительных, образованных с помощью суффикса *-ery* и реже с помощью суффиксов *-ory* и *-ing* от слов, принадлежащих разным частям речи. Это могут быть существительные (*dust*) и глаголы (*to fade, to burn, to sneak, to smuggle*):

'...the whole place a **dustery** of disregard' (9).

'...especially on a winter's eve in the **fadery** of twilight' (8).

'...cool even in the **burnery** of summer...' (9).

'So began the **sneakery** of my life' (10).

'I resolved therefore to make a **smugglery** of books in the tower...' (26).

Они также могут быть образованы от имён собственных:

'But Giles leaving home and all the **Theoing** I'd had had changed all that' (37).

Иногда подобные существительные образованы от целых словосочетаний (*tracing with a finger, the length of my legs*):

'...every one of which taught me the miserable impotence of **fingertracery**' (9).

'... thanks to my **leg-lengthery** ...' (24).

Кроме того, были отмечены примеры, когда в основе таких окказионализмов-существительных лежат фразеологизмы (*to catch red-handed*):

'... I'd be laying myself open to **redhandery** should anyone chance that way' (24).

При этом сохраняются только отдельные, основные и наиболее яркие элементы фразеологизмов.

Также подобные существительные могут образовываться от других существительных, при этом не происходит заполнения некой языковой лакуны, как в указанных ранее примерах. Новое существительное по смыслу не отличается от уже существующего (*frustration, swish, visits, whim, accident*):

'...a **frustratory** of captions beneath...' (9).

'... deflouring her arm with a **swishery** of kitchen cloth (17).

'...I were much used to **visitory** (18).

'Of course, there was **riskery** in transporting these to the library... (21).

'...he had a tutor and was dependent upon the **whimmery** of same (22).

'...to prevent Giles and me from dreadful **accidenting** (23).

Помимо этого, данная группа представлена окказиональными прилагательными, которые также образуются от разных частей речи: существительных (*servant*), глаголов (*to wake*).

'...and general eavesdroppery of **servantile** gossip...' (14).

'But by far the most **wakery** thing that night...' (46).

К пятой группе относятся глаголы и причастия, которые образуются с помощью приставок. Это может быть добавление приставки к уже существующему глаголу:

'It was also all the moments when he **unappeared**' (33).

Чаще всего глаголы и причастия образуются от слов других частей речи с добавлением при-

ставок. Нельзя сказать, что это конверсия в чистом виде, так как состав слов меняется, однако очевидно, что изначально от существительных, прилагательных, имён собственных образуется глагол с помощью конверсии, а затем к нему добавляется приставка, уточняющая значение:

'...the floors are left **unbroomed**, for **unfoot-falled** as they are, what would be the point? The shelves go **unfingerprinted**...' (9).

'Then, in **re pocketing** the bottle...' (19).

'Suddenly my existence was **uncosied**' (20).

'...and run along the corridor to check out the hall and drawing room and then, if they were **un-Hoosiered**...' (33).

'In the hall Theo opened the leather bag he was carrying with a flourish like a magician **dehating** a rabbit' (34).

'Had he perhaps some new work schedule that **disafternooned** him?' (36).

Языковая игра Флоренс также проявляется в трансформации устойчивых выражений:

'You should not deduce from that afternoon in the snow with Theo Van Hoosier that I was all **joy unalloyed** at his visits. There was plenty to **alloy my joy**...' (36).

Созданный Флоренс язык, в основе которого лежит языковая игра, имеет большое значение для характеристики этого персонажа. Важно, что на этом языке девочка говорит только с собой (= читателем), но не с окружающими её людьми. Это позволяет ей установить более тесную связь с читателем. Также в статье Сандры Динтер, в которой она рассматривает роман как неовикторианскую переработку романа "The Turn of the Screw", отмечается, что Флоренс «использует язык, чтобы выразить свое сопротивление патриархальному угнетению своего дяди и его неприязню женского образования, и она использует свои приемы, когда продолжает пренебрегать грамматическими правилами. В отличие от большинства главных героев-детей в современной художественной литературе, Флоренс использует "неправильный" язык, потому что она может, а не потому, что она еще не усвоила правила» [Dinter 2012: 70].

Чтобы определить, насколько оправдано использование языковой игры в речи рассказчиков-детей, необходимо установить, насколько описанные нами особенности речи юных персонажей соотносятся с характеристиками реальной детской речи. Анализ теоретических и практических онтолингвистических исследований отечественных и зарубежных учёных позволяет нам утверждать следующее.

Языковая игра подразумевает создание новых языковых единиц или переосмысление уже существующих, нестандартность и оригинальность слов, выражений, конструкций, используемых говорящим. По словам Ю. В. Бестугиной, у детей на этапе развития речевого общения (3–7 лет) «активно протекает словотворческий процесс, количество инноваций возрастает», последнее при этом свидетельствует о том, «что ребенок не просто воспроизводит готовую форму, а активно и самостоятельно ее образует» [Бестугина 2005: 9]. Согласно Т. А. Гридиной, исследователю детской речи, такие проявления в детской речи суть креативность. У детей младшего возраста в основном отмечается креативность компенсаторного типа, при которой происходит восполнение «дефицита когнитивного и языкового опыта ребёнка при реализации им собственных коммуникативных и познавательных потребностей» [Гридина 2013: 8]. Различного рода новации в детской речи лингвист называет «эвристиками, позволяющими детям находить решения (соответствующие потребностям номинации, коммуникации, формулирования идей) в ситуации языкового и когнитивного дефицита» [там же: 10]. В то же время С. Н. Цейтлин отмечает, что создание детьми новых слов, не соответствующих правилам их родного языка, связано не только с их незнанием языка, но и с тем фактом, что такие слова, так необходимые ребенку для выражения его мыслей, просто отсутствуют в языке: «в сознании ребенка возникает некий концепт, временный и сиюминутный, который получает словесное выражение» [Цейтлин 2009: 293].

В продолжение этой мысли важным, на наш взгляд, является уточнение Т. А. Гридиной о том, что креативность в речи детей проявляется не только в ситуациях языкового и когнитивного дефицита, но и «при осознанной установке на языковую игру» [Гридина 2013: 11]. Наличие в речи ребенка созданных или переосмысленных им языковых единиц показывает его способность к «самовыражению в языковом творчестве – созданию "альтернативной" формы существования языка как отражения детской картины мира» [там же: 37]. Языковая игра подразумевает отступление от языковых норм, а креативность и речевая свобода ребенка, в свою очередь, характеризуют его стремление к «обособлению собственного языка от языка взрослых; к эмоциональному самовыражению в речи; эксперименту над языком ради испытания собственных возможностей (ради удовольствия игры)» [там же: 18]. Самовыражение в языковом творчестве мы

можем наблюдать в речи Флоренс в романе Джона Хардинга, как уже было сказано ранее.

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод. Такой способ изображения детской речи, как использование языковой игры, является правдоподобным, так как он коррелирует с характеристиками реальной речи детей.

Если же говорить о конкретных проявлениях языковой игры, то здесь также наблюдается определенное соответствие между выделенными нами особенностями в речи героев и тем, как говорят дети. Нами были определены такие способы образования новых номинаций, как словосложение (с использованием голофрастических конструкций), конверсия (зачастую с последующей префиксацией). Кроме этого, отмечены примеры использования в речи персонажей глаголов в их ненормативном каузативном значении и трансформации устойчивых выражений.

Обратимся к сложным словам. Они, безусловно, присутствуют в речи детей, а их наличие объясняется следующим образом. Как уже отмечалось, дети могут создавать новые номинации в ситуациях языкового дефицита. С. Н. Цейтлин связывает этот процесс с постоянным заполнением существующих в языке лакун, когда «овладевая системой языка раньше, чем языковой нормой (общими правилами раньше, чем частными правилами и исключениями), ребенок в своей речевой деятельности, прибегая к деривации, конструирует языковые единицы, правильные относительно системы (отвечающие общим правилам) и при этом расходящиеся с нормой (не соответствующие частным правилам)» [Цейтлин 1989: 69–70]. Продолжая её мысль, В. К. Харченко и Е. Г. Озерова в своей монографии «Сложные слова в детской речи» отмечают, что «теория заполнения лакун хорошо вписывается в континуум детских сложных слов, которые часто становятся маркерами лакун, пустот, провалов в пространстве языковых форм» [Харченко, Озерова 1999: 18]. Таким образом, использование в речи рассказчиков романов “Room”, “Florence and Giles” и “All the Lost Things” сложных слов, созданных ими, является оправданным, так как это соответствует особенностям реальной детской речи.

Т. А. Гридина в коллективной монографии «Лингвистика креатива» выделяет различные виды языковой игры, приводя множество примеров. В рамках нашего исследования хотелось бы отдельно отметить описываемые лингвистом приемы компрессии и конденсации в детской речи, которые проявляются в номинациях. Их суть состоит в «свертывании информации, не имеющей однословного выражения в языке»

[Гридина 2013: 37]. Подобные номинации заменяют «собой глагольно-именные словосочетания; их выразительность заключается в смысловой ёмкости» («Заботинить. Зашнуровать ботинок») [там же: 37]. Т. А. Гридина также отмечает, что подобные приемы обладают «несомненной энергетической силой и оказываются востребованными и в художественном творчестве» [там же: 38]. Всё сказанное соотносится с использованием окказионализмов в речи героини романа “Florence and Giles”, которые часто образованы с помощью конверсии или её сочетания с префиксацией и по смыслу означают целые фразы.

Примеры использования конверсии также присутствуют и в романах “Room” и “All the Lost Things”. Это использование оправдано, так как обращение к конверсии как способу словообразования действительно свойственно детям. По словам Уильяма О’Грейди, они начинают использовать такой способ словообразования, как конверсия, в два года [O’Grady 2005: 29]. Как утверждает лингвист, дети даже «злоупотребляют» (*overuse*) данным способом, создавая несуществующие слова, от использования которых им приходится «отучаться» (*unlearn*) в дальнейшем [ibid.]. Причина приверженности детей к такому способу словообразования, по мнению О’Грейди, заключается в том, что «им нравится создавать новые слова из других слов без необходимости менять их» [ibid.: 30].

Что касается еще одного проявления языковой игры в упомянутом романе Джона Хардинга, то здесь стоит отметить неправильное усвоение каузативных значений, наблюдаемое «во многих языках» [Цейтлин 2000: 156]. У детей могут возникать проблемы с различением глаголов, которые выражают определенное действие, и глаголов, которые это действие «каузируют». Вместо «сделай так, чтобы что-то произошло» дети «прямо называют требуемое действие» [там же: 157].

Наконец, Т. А. Гридина также говорит о детском «фразеотворчестве» – «остроумном использовании (истолковании и трансформации) устойчивых выражений применительно к конкретной ситуации» [Гридина 2013: 27]. Подобное фразеотворчество мы можем наблюдать в речи рассказчицы романа “Florence and Giles”.

Таким образом, в ходе анализа трех художественных произведений для взрослой аудитории, где рассказчиками являются дети, мы выяснили, что изображение языковой игры в их речи может быть использовано как приём стилизации их речи под детскую, причём как в качестве одного из множества способов стилизации, так и в качестве единственного такого способа.

Если речь идет о рассказчиках дошкольного и младшего школьного возраста, как в романах "Room" и "All the Lost Things", то языковая игра в их речи реже носит осознанный характер. Она может быть представлена окказионализмами, которые создаются с помощью конверсии, префиксации, суффиксации и словосложения. Намеренная языковая игра может быть представлена в речи более взрослого рассказчика, как в романе "Florence and Giles", где необычная речь героини является способом её самовыражения. Рассказчица использует окказионализмы, которые также образованы с помощью конверсии, префиксации, суффиксации и словосложения, и переосмысляет устойчивые выражения.

Анализ теоретических и практических онтолингвистических исследований показал, что языковая игра действительно может присутствовать в речи детей в ситуациях когнитивного и языкового дефицита. Она также может быть намеренной и связана с желанием ребенка выразить себя в языке. Найденные примеры языковой игры коррелируют с реальными характеристиками детской речи. Следовательно, изображение языковой игры в речи рассказчиков-детей является правдоподобным способом стилизации их речи под детскую.

Языковая игра, как и любые проявления лингвокреативности, насыщают речь рассказчиков-детей в проанализированных произведениях. Повествование, таким образом, является не нейтральным и объективным, а стилистически окрашенным, использование языковой игры (самостоятельно и совместно с другими языковыми средствами) помогает авторам стилизовать детскую речь и смоделировать детскую точку зрения. Другими словами, языковая игра является важной чертой комплексных речевых портретов выбранных рассказчиков, что способствует созданию целостных и реалистичных образов.

Список источников

- Donoghue E.* Room. London: Picador, 2010. 401 p.
Harding J. Florence and Giles. London: Blue Door, 2010. p. 263.
Sacks M. All the Lost Things. New York; Boston; London: Little, Brown and Company, 2019. 288 p.

Список литературы

- Амзаракова И. П.* Языковой мир немецкого ребенка младшего школьного возраста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 44 с.

Бахтин М. М. Слово в романе. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.

Бестугина Ю. В. Фразеология в речи дошкольников: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2005. 23 с.

Войткова Н. К. Лингвистическая специфика изображения повествователя-ребенка в современном немецком художественном нарративе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 22 с.

Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1: кол. монография / под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 5–59.

Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. 165 с.

Лушикова Г. И., Осадчая Т. Ю. Постмодернистская игра на разных категориальных уровнях текста в романе Али Смит «There But For The» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 1. С. 232–241.

Николина Н. А. Детская речь в зеркале русской автобиографической прозы // Проблемы онтолингвистики – 2016: материалы ежегод. междунар. науч. конф. Иваново: ЛИСТОС, 2016. С. 484–487.

Солнцева К. В. Языковые маркеры речевой характеристики детского персонажа в англоязычной художественной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.

Шипова Г. А. Языковые средства создания эффекта детского мировосприятия в современной художественной автобиографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 25 с.

Харченко В. К., Озерова Е. Г. Сложные слова в детской речи. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 1999. 159 с.

Цейтлин С. Н. Инновации как продукт речевой деятельности ребенка // Детская речь: проблемы и наблюдения: межвуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1989. С. 64–74.

Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.

Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. вузов. М.: ВЛАДОС, 2000. 240 с.

Dinter S. The Mad Child in The Attic: John Harding's Florence and Giles as a Neo-Victorian Re-working of The Turn of the Screw // Neo-Victorian Studies. Vol. 5, issue 1. 2012. P. 60–88.

Ricou L. *Everyday Magic: Child Languages in Canadian Literature*. Vancouver: The University of British Columbia Press, 1987. 158 p.

O'Grady W. *How Children Learn Language*. New York: Cambridge University Press, 2005. 240 p.

References

Amzarakova I. P. *Yazykovoy mir nemetskogo rebenka mladshogo shkol'nogo vozrasta*. Avtoreferat diss. d-ra filol. nauk [The language world of a German child of primary school age. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 44 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Slovo v romane. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)

Bestugina Yu. V. *Frazeologiya v rechi doshkol'nikov*. Avtoreferat diss. d-ra filol. nauk [Phraseology in the speech of preschoolers. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Ivanovo, 2005. 23 p. (In Russ.)

Voytkova N. K. *Lingvisticheskaya spetsifika izobrazheniya povestvovatelya-rebenka v sovremennom nemetskom khudozhestvennom narrative*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Linguistic features of depicting a child narrator in modern German literary narrative. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2011. 22 p. (In Russ.)

Gridina T. A. K istokam verbal'noy kreativnosti: tvorcheskie evristiki detskoj rechi [On the origins of verbal creativity: Creative heuristics of children's speech]. *Lingvistika kreativa-1* [Linguistics of Creativity-1]: Multi-authored monograph. Ed. by T. A. Gridina. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2013, pp. 5–59. (In Russ.)

Gridina T. A. *Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste* [Language Game in Fiction Texts]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2008. 165 p. (In Russ.)

Lushnikova G. I., Osadchaya T. Yu. Postmodernistskaya igra na raznykh kategorial'nykh urovnyakh teksta v romane Ali Smit 'There But For The' [Postmodernist play within different text levels in 'There But For The' by Ali Smith]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2019, issue 21(1), pp. 232–241. (In Russ.)

Nikolina N. A. *Detskaya rech' v zerkale russkoj avtobiograficheskoy prozy* [Children's speech in the mirror of Russian autobiographical prose].

Problemy ontolingvistiki – 2016: materialy ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Problems of Ontolinguistics – 2016: Proceedings of the Annual International Scientific Conference]. Ivanovo, LISTOS Publ., 2016, pp. 484–487. (In Russ.)

Solntseva K. V. *Yazykovye markery rechevoy kharakteristiki detskogo personazha v angloyazychnoy khudozhestvennoy proze*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Language markers of the speech characteristics of a child character in English-language fiction. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. 17 p. (In Russ.)

Shipova G. A. *Yazykovye sredstva sozdaniya efekta detskogo mirovospriyatiya v sovremennoy khudozhestvennoy avtobiografii*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Linguistic means of creating the effect of children's perception of the world in modern fictional autobiography. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 25 p. (In Russ.)

Kharchenko V. K., Ozerova E. G. *Slozhnye slova v detskoj rechi* [Compounds in Children's Speech]. Belgorod, Belgorod State University Press, 1999. 159 p. (In Russ.)

Tseitlin S. N. *Innovatsii kak produkt rechevoy deyatel'nosti rebenka* [Innovations as a product of a child's speech activity]. *Detskaya rech': problemy i nablyudeniya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Children's Speech: Problems and Observations: Interuniversity Collection of Research Papers]. Leningrad, Herzen Leningrad State Pedagogical Institute Press, 1989, pp. 64–74. (In Russ.)

Tseitlin S. N. *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on word-formation and morphogenesis in children's speech]. Moscow, Znak Publ., 2009. 592 p. (In Russ.)

Tseitlin S. N. *Yazyk i rebenok: lingvistika detskoj rechi* [Language and Child: Linguistics of Children's Speech]. Moscow, Vlos Publ., 2000. 240 p. (In Russ.)

Dinter S. The mad child in the attic: John Harding's Florence and Giles as a neo-Victorian reworking of *The Turn of the Screw*. *Neo-Victorian Studies*, 2012, vol. 5, issue 1, pp. 60–88. (In Eng.)

Ricou L. *Everyday Magic: Child Languages in Canadian Literature*. Vancouver, University of British Columbia Press, 1987. 158 p. (In Eng.)

O'Grady W. *How Children Learn Language*. New York, Cambridge University Press, 2005. 240 p. (In Eng.)

Language Game as a Means of Stylization of Children's Speech (a Case Study of the Novels 'Room' by E. Donoghue, 'All the Lost Things' by M. Sacks and 'Florence and Giles' by J. Harding)

The research funding from the Ural Institute of Humanities UrFU ("My first grant" Program)
is gratefully acknowledged

Natalia N. Nikolina

Senior Lecturer in the Department of Germanic Philology

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenina st., Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. nickolyasya@yandex.ru

SPIN-code: 5003-9377

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8187-6829>

ResearcherID: AAS-6884-2021

Submitted 20 Apr 2023

Revised 17 May 2023

Accepted 27 May 2023

For citation

Nikolina N. N. Yazykovaya igra kak sposob stilizatsii detskoy rechi (na primere romanov "Room" E. Donokh'yu, "All the Lost Things" M. Saks i "Florence and Giles" Dzh. Khardinga) [Language Game as a Means of Stylization of Children's Speech (a Case Study of the Novels 'Room' by E. Donoghue, 'All the Lost Things' by M. Sacks and 'Florence and Giles' by J. Harding)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 137–147. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-137-147 (In Russ.)

Abstract. This article is devoted to the speech of child narrators in novels written for an adult audience. Several studies that consider the speech of child characters note that it is stylized as a child's with the help of various linguistic means. These include a language game. The article analyzes the use of this technique as a way of stylizing the speech of a child narrator through the example of modern English-language novels *Room* (Emma Donoghue, 2010), *All the Lost Things* (Michelle Sacks, 2019), and *Florence and Giles* (John Harding, 2010). These novels have been chosen because all of them have child narrators, aged 5, 7 and 12 respectively.

The analysis shows that a language game can be used both as the main means of stylizing a child's speech (*Florence and Giles*) and as a minor one, along with others (*Room*, *All the Lost Things*). In the novel *Room*, the language game manifests itself in the use of conversion, word formation with the help of the suffix -ness, word composition. In *All the Lost Things*, the language game is mainly represented by word composition.

In the novel *Florence and Giles*, an intentional language game serves as the main means of stylizing a child's speech. The narrator's speech is full of occasional expressions formed with the help of conversion, prefixation, suffixation and word composition, reinterpretation of set expressions.

An analysis of ontolinguistic studies shows that language game is present in the speech of children. It can be either unintentional, which is associated with situations of cognitive and language deficit, or intentional, which is due to the child's desire to express themselves in speech. The correlation between the found examples of language game and the real characteristics of children's speech allows for the conclusion that the depiction of language game is a plausible way of stylizing children's speech.

Key words: child narrator; child's speech; stylization; language game; occasionalisms; word composition; conversion.

УДК 821.112.2(09)
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-148-155

EDN IOHAQC

Феномен транснационализма в романах А. Хидера

Зинаида Евгеньевна Перфильева

**к. филол. н., доцент кафедры романо-германской филологии
и методики преподавания иностранного языка**

Оренбургский государственный педагогический университет

460000, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19. Pse80@yandex.ru

SPIN-код: 7107-6791

Статья поступила в редакцию 19.10.2022

Одобрена после рецензирования 25.01.2023

Принята к публикации 28.08.2023

Информация для цитирования

Перфильева З. Е. Феномен транснационализма в романах А. Хидера // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 148–155. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-148-155

Аннотация. В современных реалиях творчество писателей с эмигрантским прошлым стало неотъемлемой частью многонациональной культуры Германии. Выходец из Ирака Аббас Хидер – один из наиболее ярких представителей эмигрантского сегмента немецкоязычной литературы Германии. Сложности, возникающие при интеграции беженцев в поликультурном европейском обществе, являются актуальными в современных условиях процесса глобализации, что объясняет популярность данной проблематики в творчестве авторов-эмигрантов. Предмет исследования – феномен транснационализма в романах А. Хидера. Материалом работы послужили четыре произведения писателя – «Ложный индус» (2008), «Апельсины президента» (2011), «Пощёчина» (2016) и «Письмо в баклажанную республику» (2013). Цель исследования – изучить особенности художественного выражения феномена транснационализма в творчестве А. Хидера. Задачами работы являются рассмотрение и уточнение термина «транснационализм» в контексте современной прогрессирующей глобализации, анализ транснациональных моделей отношений, нашедших отражение в системе образов рассматриваемых произведений, изучение специфики формирования идентичности персонажей романов А. Хидера. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые в российском литературоведении предпринимается попытка проанализировать отдельные особенности поэтики романов А. Хидера, в частности признаки транснационализма в художественном пространстве его романов. Результаты работы расширяют представление о состоянии современной немецкоязычной литературы, органической частью которой стали произведения писателей с эмигрантским прошлым.

Ключевые слова: немецкоязычная литература; эмигрантская литература; транснационализм; транскulturность; идентичность; самоидентификация.

В современном мире мобильность становится логичной, неизбежной, часто вынужденной частью жизненных стратегий многих людей, складывается специфическая культура миграции. Проблемы адаптации, интеграции, самоидентификации, связанные с процессом миграции, закономерно являются центральными темами творчества писателей с эмигрантским прошлым.

Не стал исключением и А. Хидер – немецкоязычный автор иракского происхождения.

Актуальность работы обусловливается необходимостью анализа особенностей поэтики литературного творчества одного из самых знаковых писателей «литературы миграции» Германии А. Хидера для формирования более целостной картины развития современного литературного

процесса в немецкоязычном пространстве. Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что его результаты и выводы могут быть использованы в курсах истории зарубежной литературы, а также в курсах, посвящённых углубленному изучению современной литературы Германии.

Зачастую беженцы вынуждены существовать на периферии тех или иных обществ. Нередко отрыв от родной земли, привычных условий и потрясения от столкновения с другими культурами приводят к ощущению отсутствия Родины, к своего рода «бездомности» [Hausbacher 2011: 218]. Эмигранты стремятся обрести будущее и Родину. Это стремление может реализовать их интеграцию, но может и навсегда остаться лишь стремлением, как это нам показывает литература мигрантов второго и третьего поколений. Есть такие литературные примеры, где мы видим абсолютное отсутствие возможности для беженца остаться: ожесточённый многочисленными испытаниями герой романа А. Хидера «Пощёчина» (“Ohrfeige”, 2016) Карим Менси задаёт своей наставнице в миграционном бюро вопрос: “Was bedeutet es für mich, wenn ich weder in der Heimat noch in der Fremde leben darf?” [Khider 2016: 19] («Что это для меня значит, если я не могу жить ни на Родине, ни на чужбине?» (Перевод здесь и далее наш. – З. П.). Ответ для него очевиден: если это общество его не принимает, он будет искать другое через сеть всевозможных сообществ и объединений беженцев.

Н. Глик-Шиллер, Л. Баш и К. Зантон-Бланк в своем фундаментальном исследовании “Transnationalismus: Ein neuer analytischer Rahmen zum Verständnis von Migration” («Транснационализм: новая аналитическая основа для понимания миграции», 2015) указывают на изменившиеся условия при интерпретации мигрантов и миграционных процессов. В современных реалиях важны стремления мигрантов создавать «социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы» [Glick Schiller, Basch, Blanc-Szanton 2015: 139]. Представление о мигрантах как о людях, оторванных от привычных условий, устарело. Прогрессирующая глобализация делает возможным «объединение двух различных обществ» [ibid.]. Следуя этой мысли, авторы дают определение термину «транснационализм», который они обозначают как «социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, соединяющие друг с другом отправляющие и принимающие их сообщества» [ibid.]. Мигрантов, создающих и развивающих такие связи, они называют «трансмигрантами».

Соединения между отправляющими и принимающими сообществами возникают также бла-

годаря тому, что «современный мир связан глобальной капиталистической системой» [ibid.: 143]. А. Вербергер, ссылаясь на связи в контексте новой формы «истории литературы как истории сращения», констатирует, что «взаимодействия происходят между индивидуумами не только через философию и религию, но и через инфраструктурные, экономические и институциональные связи» [Werberger 2012: 123]. В ситуации транснациональных миграций складывается особая, подвижная идентичность, которая представляет собой «гибкий и нестабильный феномен», постоянно находящийся в процессе «деконструкции и реконструкции, поскольку мигранты вынуждены решать проблемы идентичности в результате перемещения между культурами и различными социальными системами» [Петров, Заславская, Ракачев, Ракачева 2022: 119].

В произведениях А. Хидера также запечатлены транснациональные связи. В романе «Пощёчина» протагонист рассказывает о том, что благодаря посредникам в Германии осуществляется валютный трансфер в отдаленные горячие точки. “Der Geldverkehr in den Irak zum Beispiel funktioniert hervorragend” («Денежные переводы, например, в Ирак функционируют превосходно») [Khider 2016: 22], заявляет Карим. На самом деле это не обычные денежные переводы: в определённых местах, например в мечетях или так называемых «культурных центрах» [Khider 2016: 22], существуют соответствующие люди и возможности «надежного» денежного трансфера. Карим обнаруживает в окрестностях Мюнхенского центрального вокзала, «района западно-восточного дивана» (“West-östlichen-Diwan-Gegend”) [Khider 2016: 22], как он его называет с отсылкой к сборнику стихов И. В. Гёте, множество мест встреч мигрантов, ищущих всякого рода помощь.

Не только упоминание «Западно-восточного дивана» И. В. Гёте указывает на транскультурность, встречающуюся в подобных районах. Мечеть, где обретаются посредники, ответственные за Ирак, носит в быту название «мечети Гёте» «Goethemoschee» [ibid.]. Решающим фактором возникновения этого наименования является, конечно, расположение мечети на Гёте-штрассе, но на языковом уровне указывается на переплетение исламской и немецкой культуры. Днём постояльцы обитают не в «мечети Гёте», а в «культурном центре Энлиль» в том же здании. И здесь ощущается, как иракская культура торжественно вступила на Гёте-штрассе: при входе в помещение Кариму вспоминается «загаженное кафе у северных ворот в центре Багдада» (“ein verdrecktes Café am Nordtor im Zentrum von Bagdad”) [ibid.: 21]. Карим дополняет конкрет-

ные топографические реалии подробностями и говорит, что помещения напоминает ему место в Багдаде, где размещался кинотеатр «Шехерезада» [Khider 2016: 22]. Так образовалась связь между великим немецким поэтом и одной из известнейших легенд Востока. Однако при этом возникает ощущение, что немецкая культура – символически представленная здесь «Отелем Гёте» (“Goethe-Hotel”) – в буквальном смысле набрасывает тень на восточную культуру: единственное окно не дает свет из-за восьмизэтажного отеля, расположенного напротив культурного центра. Комично выглядит также огромная картина с изображением статуи Свободы в туалетной зоне [ibid.]. Таким образом, в этом эпизоде наряду с транскультурным смешением наблюдается соперничество между Востоком и Западом: Запад доминирует как в культурном плане (Гёте бросает тень на Шехерезаду), так и в национальном (статуя Свободы в багдадском центре).

В романе объекты культурных центров и мечетей не вплетаются в немецкие структуры, а, напротив, пытаются их обойти, так как являются, по законам Германии, нелегальными. Здесь формируются контакты с контрабандистами, осуществляются поиски «чёрной» работы, заключаются фиктивные браки, производится торговля людьми. Такие места называются «культурными центрами» только для того, «чтобы добиться налоговых преференций» [ibid.: 22]. Услугами таких объектов пользуются маргинальные слои общества, по словам Карима. На этом фоне «немецкие слова “Kultur” и “Goethe” кажутся роскошными и излишними» (“Daneben wirken die deutschen Vokabeln “Kultur” oder “Goethe” luxuriös und überflüssig”) [ibid.]. Таким образом, транснациональные социальные отношения вынуждены опираться на криминальные структуры. Ещё один пример: Карим хочет отправить сэкономленные деньги семье в Багдад, и для этого он обращается за помощью к мужчине с сомнительной репутацией из «мечети Гёте». При этом Карим отмечает: „Wir sind komplett ausgeliefert. Um zu überleben und nicht vollständig wahnsinnig zu werden, brauchen wir die Vermittler, die Mafiosi, die Geldgeilen, die Schmuggler, die bestechlichen Polizisten und Beamten, wir benötigen all die Blutegel, die von unserer Situation profitieren wollen“ («Мы полностью зависимы. Чтобы выжить и совсем не сойти с ума, нам нужны посредники, мафиози, наемники, контрабандисты, продажные полицейские и чиновники, нам всем нужны пиявки, которые хотят нажиться на наших бедах») [ibid.: 28].

Согласно Н. Глик-Шиллер и её соавторам, в отношении таких взаимодействий, в результате которых происходит обмен материальными ве-

щами, следует понимать, что «материальные вещи вплетены в социальные отношения» [Glick Schiller, Basch, Blanc-Szanton 2015: 144]. Так, деньги, отправленные в Ирак, могут рассматриваться как «выражение социального успеха» в Германии, они оказывают влияние на социальную жизнь семьи в Ираке. Другими словами, отправленные материальные вещи создают и поддерживают транснациональные социальные отношения.

В третьем романе А. Хидера «Письмо в баклажанную республику» (“Brief in die Auberginenrepublik”, 2013) [Khider 2013] пространство письма становится средством обеспечения транснациональных социальных связей. Роман повествует о молодом иракце Салиме, вынужденном бежать из своей страны по политическим причинам. Из ливийского города Бенгази он отправляет письмо своей возлюбленной Самии в Багдад. Далее описывается путешествие письма из Ливии через Египет и Иорданию в Ирак. Каждая глава посвящена одному из семи этапов пути, и повествование ведется от лица разных рассказчиков, включенных в этот процесс. Выстраивается своего рода мозаика судеб и различных точек зрения на сложившуюся в арабских странах ситуацию.

«Письмо в баклажанную республику» рассказывает также о пределах и сложностях транснациональных социальных связей и об эмоциональных и экономических последствиях. В основе повествования – чувство расставания и тоски, знакомое автору из его опыта бегства из родной страны. Как и в каждом из своих произведений, А. Хидер и здесь вплетает автобиографические мотивы, заставляющие читателя размышлять о фактах и фикции.

Эпиграфом к этому роману стало посвящение: „Fast ein Jahrzehnt <...> hast Du kaum Briefe von mir erhalten, und ich ebenso wenige von Dir. Für Dich und für die anderen wartenden, traurigen und dennoch hoffnungsvollen Seelen ist dieses Buch“ («Почти десять лет <...> ты не получала от меня писем, и я от тебя – тоже. Посвящаю эту книгу тебе и другим ждущим, грустящим и тем не менее полным надежд душам») [ibid.: 5].

Но если ждущие еще могут надеяться, то у беженцев отсутствуют всякие иллюзии. Уже на следующей странице приведен стих Розы Ауслэндер, где трезво и печально рассказывается о вечных утратах [ibid.: 6]. То, что однажды было разрушено, не вернется уже никогда в свое прежнее состояние. Осознание этого часто вызывает непреодолимую боль потери, если речь идет о когда-то нормальной жизни, где люди, места и вещи стали осколками разбитого прошлого. Если люди потеряны навсегда, будь то из-за смерти

или невозможности увидаться, они постепенно отдаляются друг от друга, так как синхронически они «остаются на своих местах», диахронически же «ничто не остается прежним» [Khider 2013]. Воспоминания неотвратимо блекнут, и «сосуд», должный хранить былое как сокровище, есть свидетельство утраты – он существует, но разбитый, в иной, не в первоначальной, а в дефективной форме. Салим ещё помнит, но уже не так отчетливо: “Man denkt und erinnert sich nicht mehr an die schönen Augen oder die wilden Haare der Freundin” («Думаешь и уже не помнишь красивых глаз и непокорных волос любимой») [ibid.: 21]. Предложение, по сути, парадоксально, так как Салим одновременно утверждает, что не может вспомнить и всё же помнит «красивые глаза» и «непокорные волосы». Это неполноценное воспоминание, поврежденное утратой изначальной целостности. Перманентное ощущение потери может стоять беженцу мужества и надежды и вогнать его «в состояние полного безразличия» [ibid.: 18]. Кроме того, это «безразличие и легкость могут стать местом личной свободы» [ibid.]. На эту тему рассуждает В. Флуссер в своей работе «О свободе мигранта» (“Von der Freiheit des Migranten”, 1994) [Flusser 1994]. Автор задаётся вопросом: в какой мере мигранты могут считаться свободными в состоянии вынужденной свободы, ведущей к безразличию, и ввиду полного отрыва от Родины? Свободу человека, лишившегося Родины, то есть свободу мигранта, В. Флуссер обозначает как «свободу ответственности за ближнего» [ibid.: 26]. Родина, ставшая таковой по факту или рождения, или переселения, – лишь модель, вид которой, по В. Флуссеру, – «сакрализация банального» и «мистификация привычного» [ibid.: 26]. Из своего собственного опыта автор утверждает, что, живя в эмиграции в Бразилии, он пришёл к выводу, что гораздо важнее модели Родины (всегда привязанной к патриотизму и национализму) есть социальные связи, люди, с которыми возникают отношения. «Не Бразилия – моя Родина, “Родина” для меня – люди, за которых я несу ответственность», – пишет В. Флуссер [ibid.: 26].

В. Флуссер различает социальные связи, «заложенные с рождения», и такие, которые «формируются свободно» [ibid.: 24]. Таким образом, свобода мигранта – свобода формировать связи и отношения. Свободным мигрант становится не когда «отрицает Родину», а когда он ее «упраздняет» [ibid.: 20].

Итак, свобода мигранта – это скорее не физическое, а психическое состояние. Безразличие Салима в «Письме в баклажанную республику» может рассматриваться не только как проявление ощущения безнадежности, но и как шаг к после-

довательному разрешению конфликта с Родиной. Именно поэтому Салим испытывает не только безразличие, но и «легкость» [Khider 2013: 18]. Вероятно, он внутренне смирился с тем, что ему придется «отказаться» от Родины – в понимании В. Флуссера, «упразднить» её [Flusser 1994: 20]. Салим также смирился с тем, что письмо, «вероятнее всего, никогда не дойдёт до своего адресата» [Khider 2013: 18].

В романе А. Хидера «Ложный индус» (“Der falsche Inder”, 2008) [Khider 2008] решение конфликта с Родиной также не добровольное. Протагонист Расул бежит из Ирака по политическим соображениям после того, как он провёл некоторое время в тюрьме. Разрыв с Родиной начинается раньше и тесно связан с фигурой отца. Расул рассказывает, что однажды «дома его ожидало самое худшее из худшего» [ibid.: 27]. Его отец решил встать на сторону Саддама Хусейна. Природный феномен ливня – идёт такой сильный дождь, что перед домом собирается вода и в ней всплывает весь мусор – Расул рассматривает как следствие решения отца: «Der Himmel vergoss Tränen» («Небо проливало слезы») [ibid.]. Согласно государственному постановлению, читать и писать теперь разрешалось только в образовательных учреждениях, поэтому отец отправил все книги и заметки сына в грязную воду перед домом. Плачущее небо, как и книги и заметки Расула, персонифицируется, сцена приобретает силу образности и символичности: “Dieses Mal begrüßten mich aber meine Manuskripte und Bücher im Wasser vor dem Haus. Wie Leichen an der Front lagen sie da und schauten mich entsetzt an” («В этот раз мои книги и манускрипты приветствовали меня в воде перед домом. Как трупы на фронте лежали они и с ужасом смотрели на меня») [ibid.: 28].

Расул чувствует себя не просто преданным и обманутым, это символическое убийство и объявление войны его отцом. Отныне его тошнит, когда он видит отца. То же самое Расул ощущает при взгляде на себя самого и своих соотечественников, так как суровая реальность заставляет его другими глазами смотреть на людей, которых он когда-то знал: “wir alle waren zu Fantasiekreaturen mutiert” («мы все мутировали в фантастических тварей») [ibid.]. Чувство, что на смену его Родине пришла чужая враждебная реальность, усиливается после ареста Расула.

Ощущение несвободы продолжается на воле, Расул становится параноиком, страдает бессонницей и видит для себя два выхода: суицид и эмиграцию. После неудачи с первым вариантом он решается на побег. Чувство потери реальности и мания преследования, одолевающая его после освобождения, умножаются ощущением

внутренней пустоты: “Danach gab es für mich keine neuen Wege mehr in meinem Land, nur ein großes Nichts” «Затем для меня не было новых дорог в моей стране, только одно большое ничто» [Khider 2008: 71]. У Расула начинается когнитивный кризис, но он ещё не может осознать разрыв с Родиной, свою вынужденную «безродность» [ibid.].

Чувство отчужденности и безродности сопровождает протагониста уже давно. Если воспринимать «Родину» по факту рождения, то Расул в этом отношении нонконформист: он испытывает отчужденность уже с детства, так как окружающие уже тогда «сомневались в его иракском происхождении» [ibid.: 15]. Рассказ начинается с того, что Расул пытается выяснить, откуда у него нетипичная для иракца смуглая кожа, «напоминающая кофе» [ibid.: 13]. Причинами «смуглой кожи, иссиня-черных волос и темных глаз» он называет «солнце Багдада, жар кухни и пекло каменной печи» [ibid.: 14]. В то же время Расул иронично замечает, что все эти внешние признаки применимы к большинству иракцев, «жителей Месопотамии» [ibid.]. Кроме того, подобные рассуждения нереалистичны. Наивность принципов объяснения дается в перспективе Расула-ребёнка, это одновременно отсылка к ироничному обыгрыванию мифа о происхождении. Мальчишки из его квартала называют Расула «индейцем», учительница – «индусом», водители автобуса часто разговаривают с ним по-английски, а полицейские в Багдаде атакуют допросами с целью установления происхождения. Подобным образом ведут себя и полицейские в Германии, не веря в его иракское происхождение и подозревая в мошенничестве. Уже в названии книги «Ложный индус» подразумевается кризис идентичности протагониста. Происхождение Расула постоянно подвергается сомнению как в Ираке, так и в Германии, поэтому герой с самого начала изображается как персонаж, потерявший свои корни, как чужак, будь он в Ираке или в другом месте. Благодаря этому формируется миф о происхождении. Отец Расула оказал влияние на отчуждение сына и возникновение мифа о его происхождении, давая дополнительные пояснения по поводу его «неиракской» внешности. Таким образом, история Расула становится частью мира метафизики А. Хидера, где реальность и фикция растворяются и становятся незначительными, так как все истории равноценны.

Согласно отцу, Расул – сын безумно красивой цыганки, с которой у него была интрижка. По словам отца, он забрал у неё ребёнка, а её прогнал [ibid.: 15]. Эта история Расулу нравится, так как если родиной цыган является Индия, то «он мог бы обозначить себя сам как индо-иракский

цыган» и тем самым «положить конец экзистенциальным вопросам» [ibid.: 17].

Разработки транснациональных и транскультурных историй происхождения обнаруживаются и в романе А. Хидера «Апельсины президента» (“Die Orangen des Präsidenten”, 2011) [Khider 2011]. Таков голубевод Сами, на которого смотрит гомодиегический рассказчик интрадиегического повествовательного уровня Махди, «иракец шумерского происхождения, упавший с ассирийской лошади на вавилонский камень и полувивший после этого месопотамскую чудинку» (“ein Iraker sumerischer Abstammung, der von einem assyrischen Pferd auf einen babylonischen Stein fiel und daraufhin einen mesopotamischen Vogel bekam”) [ibid.: 100]. Юмористическая характеристика Сами, подчеркивающая его своеобразие, иронизирует над дискурсом происхождения в общем. Речь идет также о том, что современное государство Ирак восходит своими корнями не к одному народу и одной культуре, а самые разные народы и культуры лежат в основе его становления.

Разак, друг Махди и Сами, представлен тоже как транснациональная, транскультурная фигура. Разак – индус, учитель истории, для Махди он – “mehr Iraker als viele Iraker selbst” («больше иракцев, чем многие иракцы») [ibid.: 100]. Сами заявляет, что он с удовольствием был бы индусом, если бы они все были как Разак, и что Ирак «мог бы пережить новую легенду Месопотамии», если бы все иракцы были такими, как Разак. Отец Разака был легендой: будучи индийским солдатом британской армии, он перешел к иракским партизанам, чтобы бороться с британской оккупацией. Позже он написал первый манифест первой иракской партии, иракской коммунистической партии [ibid.].

Герой Ирака, уроженец Индии, являющийся более «иракцем, чем все иракцы» и лучше их знающий историю Ирака, в то же время потомок великих культур – шумерской, ассирийской и вавилонской, – всё это уничтожает иракский националистический миф о происхождении, отвергает идентитарную, расистскую модель и, напротив, утверждает модель индивидуального, гетерогенного и гибкого. Здесь выражается критика идеи о едином первоначале, которую поддерживает также определенная двойственность персонажей, нарушающая идентичность, заставляющая их оторваться от своих установок и придающая образам неоднозначный характер.

Двойственность обнаруживается в первом романе А. Хидера «Ложный индус». Подобно неустановленному происхождению Расула, лишён фиксированности и образ его матери. Из-за рассказов отца и последовавшей за этим неодно-

значности фигуры матери Расул не в состоянии отнести к ней единственную, стабильную идентичность. Двойственность фигуры матери усиливается общим именем женщин: имя обеих – Сельва. Он говорит о матерях, называя их «мачеха», «мать не цыганка» или «мать-цыганка» [Khider 2008: 16]. Сам себя он идентифицирует частично с незнакомой «матерью-цыганкой», но считает настоящей матерью «мать не цыганку» [ibid.: 17]. Протагонист дистанцируется от однозначного отнесения себя только к одному материнскому источнику [Hausbacher 2008: 68]. Поскольку фигура матери задумана как некое начало, её подобным образом выстроенная структура двойственности и неоднозначности коррелирует с транснациональными и транскультурными структурами происхождения: она сопротивляется однозначным оригинальным классификациям.

И сам протагонист Расул – фигура двойственная: в Греции полицейский путает его с пакистанским наркоторговцем и поэтому избивает. Полицейский уверен, что поймал дилера, виновного в смерти его брата. Недоразумение вскоре проясняется. Когда Расулу показывают фото разыскиваемого пакистанца, он сам поражается своему сходству с ним. Идентичность Расула подвергается сомнению: в отношении его культурного и этнического происхождения, в отношении его матери и в отношении его внешности. Он сам не уверен в восприятии самого себя настолько, что похожий на него пакистанец вызывает в нем большое замешательство [Khider 2008: 20].

Автор обостряет ситуацию, вводя в повествование тезку Расула. Когда протагонист в качестве учителя Корана останавливается в деревне на границе с Ливией, он замечает, что все, кто слышит его имя, начинают смеяться. Расул видит, что его имя везде написано на стенах и камнях. Директор школы поясняет ему, что жители деревни верят, что в будущем с неба сойдет герой по имени Расул, который изменит мир. Позже он рассказывает другую историю: по его словам, в этом месте преподавал учитель арабского языка нетрадиционной ориентации, который пользовался особой популярностью у деревенских мальчишек [Khider 2008: 61].

Созданная здесь двойственность усиливает непрочность и фантомность целостной идентичности Расула. П. Фус пишет, что «имя и субъект – единственное культурное образование. Как таковые они становятся предметом гротескного разложения, которое обнаруживается показательным образом в типичных для Ренессанса картинах анаграмм и в романтическом мотиве двойничества: разложение имени и индивидуальности

есть средства ликвидации субъективности» [Fuß 2001: 176].

Двойственность подрывает не только привязанную к имени идентитарную установку, она также играет роль в установке гетерогенной сексуальной идентичности (особенно в арабских обществах). Исходя из предположения обязательной для идентичности гетерогенной маскулинности, в «Пощёчине» тоже нарушена идентичность протагониста Карима, страдающего гинекомастией, так как подвергается сомнению его гетерогенная сексуальность. Рассматривая себя и свою грудь в зеркале, он настолько не уверен в своей идентичности, что рассказывает о себе в третьем лице [Khider 2016: 78]. В «Апельсинах для президента» также обнаруживается отчуждение героя перед зеркалом: после долгого тюремного заключения Махди видит в зеркале «чужака» [Khider 2011: 112]. Чужак в зеркале может пониматься как метафора раскола и потери идентичности.

В результате проведённого анализа особенностей художественного выражения феномена транснационализма в романах А. Хидера нам удалось выявить и проследить формирование моделей транснациональных и транскультурных связей и отношений, которые нашли своё отражение в системе образов изучаемых произведений. Анализ специфики формирования идентичности персонажей А. Хидера показал присущую фигурам беженцев структуру двойственности и неоднозначности, выступающих свидетельством повреждения и потери целостной идентичности как результат их оторванности от родной земли и невозможности абсолютной интеграции и адаптации в принимающей культуре. Рассмотренная через призму транснационализма идентичность предстаёт в виде некоей триады: монолитная идентичность – иллюзия монолитной идентичности – двойственная идентичность. Следует отметить, что «двойничество» и многомерность образов являются характерной особенностью транснациональной литературы.

Список литературы

- Петров В. Н., Заславская М. И., Ракачев В. Н., Ракачева Я. В.* Социальная идентичность в условиях транснациональной миграции: теоретические конструкции социологического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 1 (294). С. 112–121. doi 10.53598 / 2410-3691-2022-1-294-112-121
- Flusser V.* Von der Freiheit des Migranten, Einsprüche gegen den Nationalismus. Berlin: Bollmann Verlag, 1994. 142 S.

Fuß P. *Das Groteske, Ein Medium des kulturellen Wandels*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2001. 513 S.

Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. *Transnationalismus: Ein neuer analytischer Rahmen zum Verständnis von Migration // Transkulturalität: Klassische Texte* / hrsg. von A. Langenohl, R. Poole, M. Weinberg. Bielefeld: Transcript-Verlag, 2015. 328 S.

Hausbacher E. *Migration und Literatur: Transnationale Schreibweisen und ihre «postkoloniale» Lektüre // Meine Sprache grenzt mich ab... / hrsg. von G. Vorderobmeier, M. Wolf*. Wien: Lit Verlag, 2008. 307 S.

Hausbacher E. *Mimikry, Groteske, Ambivalenz, Zur Ästhetik transnationaler Migrationsliteratur // Zwischenräume der Migration / hrsg. von G. Marinelli-König, A. Preisinger*. Bielefeld: Transcript-Verlag, 2011. S. 217–234.

Khider A. *Der falsche Inder*. Hamburg: Edition Nautilus, 2008. 157 S.

Khider A. *Die Orangen des Präsidenten*. Hamburg: Edition Nautilus, 2011. 160 S.

Khider A. *Brief in die Auberginenrepublik*. Hamburg: Edition Nautilus, 2013. 160 S.

Khider A. *Ohrfeige*. München: Carl Hanser Verlag, 2016. 219 S.

Werberger A. *Überlegungen zu einer Literaturgeschichte als Verflechtungsgeschichte // Kulturen in Bewegung / hrsg. von D. Kimmich, S. Schahadat*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2012. S. 109–141.

References

Petrov V. N., Zaslavskaya M. I., Rakachev V. N., Rakacheva Ya. V. *Sotsial'naya identichnost' v usloviyakh transnatsional'noy migratsii: teoreticheskie konstruksii sotsiologicheskogo issledovaniya* [Social identity in the context of transnational migration: Theoretical constructions of sociological research]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. I: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of the Adyghe State University, the series 'Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology'], 2022, issue 1 (294), pp. 112–121. doi 10.53598 / 2410-3691-2022-1-294-112-121. (In Russ.)

Flusser V. *Von der Freiheit des Migranten, Einsprüche gegen den Nationalismus* [The Freedom of the Migrant, Objections to Nationalism]. Berlin, Bollmann Verlag, 1994. 142 p. (In Ger.)

Fuß P. *Das Groteske, Ein Medium des kulturellen Wandels* [The Grotesque, a Medium for Cultural Changes]. Weimar, Vienna, Böhlau Verlag, 2001. 513 p. (In Ger.)

Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. *Transnationalismus: Ein neuer analytischer Rahmen zum Verständnis von Migration [Transnationalism: A New Analytical Framework for Understanding Migration]. Transkulturalität: Klassische Texte [Transculturality: Classical Texts]*. Ed. by A. Langenohl, R. Poole, M. Weinberg. Bielefeld, Transcript-Verlag, 2015. 328 p. (In Ger.)

Hausbacher E. *Migration und Literatur: Transnationale Schreibweisen und ihre 'postkoloniale' Lektüre [Migration and literature: Transnational styles and 'postcolonial' Literature]. Meine Sprache grenzt mich ab... [My Language Limits me...]* Ed. by G. Vorderobmeier, M. Wolf. Vienna, Lit Verlag, 2008. 307 p. (In Ger.)

Hausbacher E. *Mimikry, Groteske, Ambivalenz, Zur Ästhetik transnationaler Migrationsliteratur [Mimicry, Grotesque, Ambivalence, On the Esthetic of Transnational Migration Literature]. Zwischenräume der Migration [Spaces of Migration]*. Ed. by G. Marinelli-König, A. Preisinger. Bielefeld, Transcript-Verlag, 2011, pp. 217–234. (In Ger.)

Khider A. *Der falsche Inder* [The Village Indian]. Hamburg, Edition Nautilus, 2008. 157 p. (In Ger.)

Khider A. A. *Die Orangen des Präsidenten* [The President's Oranges]. Hamburg, Edition Nautilus, 2011. 160 p. (In Ger.)

Khider A. *Brief in die Auberginenrepublik* [Letter to the Aubergine Republic]. Hamburg, Edition Nautilus, 2013. 160 p. (In Ger.)

Khider A. *Ohrfeige* [A Slap in the Face]. Munich, Carl Hanser Verlag, 2016. 219 p. (In Ger.)

Werberger A. *Überlegungen zu einer Literaturgeschichte als Verflechtungsgeschichte [Reflections on a history of literature as a history of entanglement]. Kulturen in Bewegung [Cultures on the Move]*. Ed. by D. Kimmich, S. Schahadat. Bielefeld, Transcript Verlag, 2012, pp. 109–141. (In Ger.)

The Phenomenon of Transnationalism in the Novels of A. Khider

Zinaida E. Perfileva

Associate Professor in the Department of Romano-Germanic

Philology and Foreign Language Teaching Methods

Orenburg State Pedagogical University

19, Sovetskaya st., Orenburg, 19460000, Russian Federation. Pse80@yandex.ru

SPIN-code: 7107-6791

Submitted 19 Oct 2022

Revised 25 Jan 2023

Accepted 28 Aug 2023

For citation

Perfileva Z. E. Fenomen transnatsionalizma v romanakh A. Khidera [The Phenomenon of Transnationalism in the Novels of A. Khider]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 148–155. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-148-155 (In Russ.)

Abstract. In modern realities, works written by immigrant authors have become an integral part of the multinational culture of Germany. A native of Iraq, Abbas Khider is one of the most prominent representatives of the immigrant segment of German-language literature in Germany. The difficulties that arise during the integration of refugees into the multicultural European society represent a topical issue in the current context of globalization, which explains the popularity of this theme in works by immigrant writers. The subject of the article is the phenomenon of transnationalism in A. Khider's novels. The study analyzes four works of the author – *The Village Indian* (2008), *The President's Oranges* (2011), *A Slap in the Face* (2016), and *Letter to the Eggplant Republic* (2013). The article aims to investigate how the phenomenon of transnationalism is represented in A. Khider's works. The research objectives were as follows: to consider and clarify the term 'transnationalism' in the context of modern progressive globalization; to analyze the transnational models of relations reflected in the system of images of the works under consideration; to explore the formation of the characters' self-identification. The study is novel in that it represents the first attempt in Russian literary criticism to analyze certain features of the poetics of A. Khider's novels, in particular the phenomenon of transnationalism as presented in the literary space created by the author. The results of the study expand the understanding of the state of modern German-language literature, with works of immigrant writers being its integral part.

Key words: German-language literature; immigrant literature; transnationalism; transculturality; identity; self-identification.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070:32

doi 10.17072/2073-6681-2023-4-156-166

EDN UENCEQ

**Сравнительный анализ образа Б. Н. Ельцина
в американской прессе****Кира Игоревна Дагаева**

аспирант

Московский педагогический государственный университет

109240, Россия, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, 16–18. dagaevakira@yandex.ru

SPIN-код: 1534-2436

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7430-8425>

ResearcherID: HGB-2492-2022

*Статья поступила в редакцию 30.04.2023**Одобрена после рецензирования 15.05.2023**Принята к публикации 10.07.2023***Информация для цитирования**

Дагаева К. И. Сравнительный анализ образа Б. Н. Ельцина в американской прессе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 156–166. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-156-166

Аннотация. В статье отражены результаты исследования особенностей формирования образа Б. Н. Ельцина в американской прессе. Объектом анализа выступают публикации либерального еженедельного журнала “Time”. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1986 по 1991 г. В работе используются традиционные для журналистики методы: контент-анализ, количественный анализ, а также имагологический анализ, опирающийся на специфику формирования образа государств и их лидеров в инокультуре путем лексико-семантической интерпретации текстов. В ходе исследования были выявлены пики интереса американской прессы к личности Б. Н. Ельцина и проведены исторические параллели, объясняющие данное явление. Основываясь на частотном анализе лексем, автор формирует тематический рубрикатор, отражающий фокус интереса американских журналистов при освещении событий, связанных с Б. Н. Ельциным. В качестве рубрик предлагаются категории «внешность», «личность», «политика» и «взаимоотношения с М. С. Горбачевым». Опираясь на данные исследования, автор приходит к выводу, что образ Б. Н. Ельцина в исследуемый период несет преимущественно позитивные черты. Американские журналисты подчеркивают физическую силу и «монументальность» политика, его выдающиеся ораторские качества. В качестве наиболее частых определений политической роли Б. Н. Ельцина на страницах журнала “Time” фигурируют такие характеристики, как «оппозиционер», «одиночка», «реформатор», «популист». В прессе также подчеркиваются следующие качества советского лидера: «энергичность», «импульсивность», «дерзость». В ходе анализа эмпирического материала в диахронической перспективе выявлена динамика репрезентации отношений Б. Н. Ельцина и М. С. Горбачева от «близких соратников» до «непримиримых врагов».

Ключевые слова: имагология; холодная война; образ России; американская пресса; образ политика; Ельцин.

Введение

Современная обстановка на международной арене, характеризующаяся постоянным ростом конфликтов, «островизацией» (Песков 2022) экономического, научного и культурного взаимодействия, указывает на необходимость поиска методов, позволяющих снизить общее политическое напряжение. В этом контексте ценным источником являются знания о последних годах холодной войны, отображающие возможности плавного разрешения кризисов в условиях нестабильности. Особый интерес представляет изучение имиджа национальных лидеров в различных средствах массовой информации, в том числе зарубежных. Во многом именно та картина, которая транслируется через СМИ, позволяет понять, как политические послания и кампании преподносятся общественности и как люди реагируют на эти послания. Благодаря указанным аспектам становится возможным выявление культурных и социальных факторов, формирующих политический дискурс и процесс принятия решений на международной арене. Исследование образа Б. Н. Ельцина в американской прессе в последние годы существования СССР дает представление об отношениях между Россией и США в критический момент мировой истории. Б. Н. Ельцин стал первым демократически избранным президентом новой, независимой страны – Российской Федерации. Анализ того, как он воспринимался в Соединенных Штатах в то время, может способствовать пониманию текущих отношений между нашими странами.

Обзор литературы

В силу специфики объекта исследования эмпирический материал следует рассматривать, учитывая три теоретических концепта. Первый включает в себя исследования, посвященные имагологии – проблеме формирования образа страны и ее жителей в инокультуре. Второй представляет различные точки зрения на подходы к формированию имиджа политиков в СМИ. Третий посвящен непосредственно анализу образа Б. Н. Ельцина в американском политическом и публицистическом дискурсе.

Исследуя проблему формирования образа государства за его пределами, в инокультуре, следует учитывать, что этот вопрос во многом междисциплинарен – охватывает различные области научного знания. В них следует включить элементы литературоведческого анализа, поскольку на первых этапах имагология формировалась в русле компаративистики [Jourda 1938: 15]. Одними из первых значимых исследований в этой области являются монографии «Сравнительное литературоведение» М. Ф. Гийяра [Guyard 1969] и «Рус-

ский мираж во Франции в XVIII веке» А. Лортолари [Lortholary 1951]. Имагология охватывает различные слои взаимоотношений в обществе, в связи с чем существенный вес имеет ее социальная концепция, отраженная в работах «Социальное конструирование реальности» П. Л. Бергера и Т. Лукмана [Berger, Luckmann 1967], «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона [Anderson 1983], «Изобретая Восточную Европу» Л. Вольфа [Wolff 1994]. Рассматривая новейшие исследования в данной области, необходимо отметить труды В. И. Журавлевой, подробно анализирующей возникновение и развитие образов России в США [Журавлева 2012], исследования М. С. Ковригиной [Ковригина 2020] и Е. А. Котеленец [Котеленец, Барабаш, Бордюгов, 2010; Котеленец, Затуловская, 2019], П. Г. Кошкина [Кошкин 2016] и др.

Затрагивая проблему формирования имиджа политических лидеров в прессе, следует учитывать работы советского специалиста по политической рекламе О. А. Феофанова, подробно изучившего особенности политической рекламы в США [Феофанов 1962; 1974]. Важный вклад в понимание особенностей создания «политического портрета» [Агапкин 2010] внесли М. Эдельман [Edelman 1988], Р. Е. Дентон [Denton 1985], Д. Р. Киндер и М. Д. Петерс [Kinder, Peters, Abelson 1980], Н. В. Агапкин [Агапкин 2010], Т. Э. Гринберг [Гринберг 1995], а также исследования Е. Н. Давыборец [Давыборец 2008; 2015]. Рассматривая вопросы имагологии, нельзя не упомянуть фундаментальные исследования Д. В. Ольшанского, определившего понятие «имидж» и описавшего механизмы связей с общественностью [Ольшанский 2003], Г. Г. Почепцова, выявившего специфику создания политического имиджа в различных культурах [Почепцов 2000; 2001; 2004].

Поскольку фокус нашего интереса в данной работе сосредоточен на изучении образа Б. Н. Ельцина в американской прессе, следует упомянуть исследователей, занимавшихся целенаправленно данной проблематикой. Среди них необходимо выделить таких авторов, как Л. Арон [Aron 1994], Д. Бреслауэр [Breslauer 2002] и С. Тэлботт [Тэлботт 2003], а также Е. Лощанова и М. Куликова [Лощанова, Куликова 2008].

Материалы и методы

Для анализа были выбраны публикации еженедельного либерального общественно-политического журнала “Time”. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1 января 1986 г. по 31 декабря 1991 г. Верхняя граница обусловлена первыми упоминаниями Б. Н. Ельцина в журнале “Time”, активным продвижением

советского лидера на политической арене. Нижняя граница хронологических рамок определяется последними годами существования СССР, начиная с принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР и отделением первых союзных республик и заканчивая декларацией о прекращении существования Союза Советских Социалистических Республик. Следует отметить, что исследуемый период незначительно расширен относительно указанных событий, что обусловлено необходимостью учитывать политический и социальный контекст анализируемых материалов.

Первичная выборка публикаций производилась по тематическому принципу. В пул статей для анализа вошли заметки главного редактора Т. А. Санктона, помощника главного редактора У. Исааксона, ассоциированных редакторов У. Р. Доэрнера и Ж. Смолоу, главного редактора московского бюро журнала Ж. Кохана, старшего корреспондента Д. Айкмана, старшего писателя и редактора службы новостей Б. В. Нелана, бизнес-редактора Дж. Черча, обозревателя Дж. Уолша, старшего автора Ж. Гринвальда, а также корреспондентов Ж. Муди и Ж. Джексона.

В данной работе используются традиционные для журналистики методы: контент-анализ, применяемый для изучения и последующей классификации и интерпретации выявленных закономерностей, квантитативный анализ, позволяющий определить статистически значимые характеристики Б. Н. Ельцина в публицистическом дискурсе "Time", а также имагологический анализ, опирающийся на специфику формирования образа государств и их лидеров в инокультуре

путем лексико-семантической и историко-культурологической интерпретации текстов. В ходе работы над исследованием автор обращался к аналитическому, индуктивному и диалектическому методам для достижения поставленных целей.

Обсуждение результатов

Средства массовой информации играют решающую роль в формировании общественного мнения. Несмотря на то что медийный образ политика основывается на фактах, избирательный подход, их выборочное представление, а также трактовка под тем или иным углом приводят к манипуляциям в отражении реальности. Следует учитывать, что подбор фактов и их репрезентация, как правило, не случайны и прямо следуют из политики редакции, поддерживающей определенную повестку дня.

В рамках первичной выборки за исследуемый период было выделено 68 публикаций, в которых упоминался Б. Н. Ельцин. Впервые на страницах "Time" о нем заговорили в марте 1986 г. (Moody 1986). В статье «Реформаторы прокладывают путь» ("Soviet Union the Reformers Lead the Way") рассказывалось о М. С. Горбачеве и его новом поколении ("new generation") (ibid.) политиков. Примечательно, что это единственная статья, в которой упоминается Б. Н. Ельцин в 1986 г. В следующий раз журналисты обратят на него внимание лишь в ноябре 1987 г. Следует отметить, что частотность упоминаний Б. Н. Ельцина в "Time" коррелирует с его действиями на политической арене, привлекавшими общественное внимание (рис. 1).

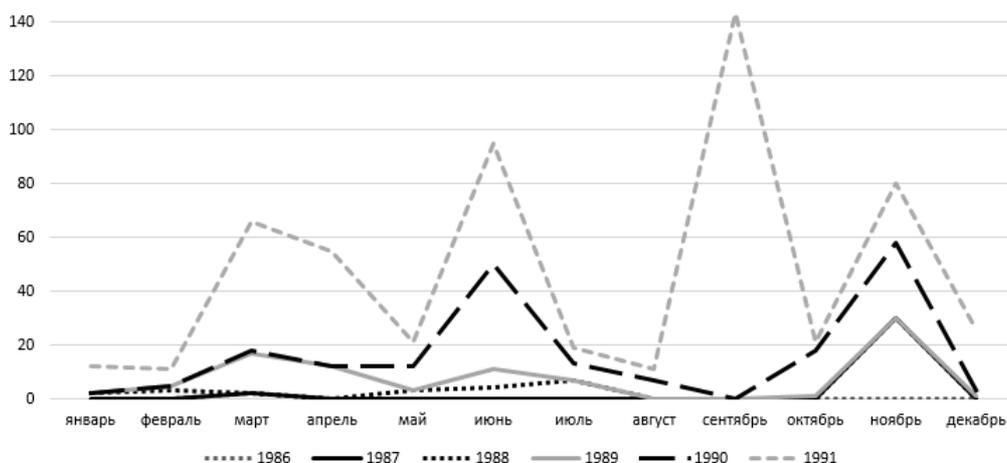

Рис. 1. Частотность упоминаний личности Б. Н. Ельцина в журнале "Time" в 1986–1991 гг.
Fig. 1. References to the personality of Boris Yeltsin in the *Time* magazine in 1986–1991

Первый всплеск упоминаний (30 случаев на 3 статьи) в ноябре 1987 г. связан с тем, что на Пленуме ЦК КПСС 21 октября он выступил с критикой темпов перестройки и постулировал

зарождение культа личности М. С. Горбачева, что привело к отставке Б. Н. Ельцина с поста первого секретаря МГК. Следующий пик интереса приходится на март 1989 г. и совпадает с из-

бранием Б. Н. Ельцина на пост народного депутата СССР в Москве. Затем он привлек пристальное внимание американских журналистов в июне 1990 г., после того как был избран Председателем Верховного совета РСФСР. Это событие в прессе окрестили «возвращением из политических мертвецов» (“Yeltsin rose from the political dead”) (Nelán 1990b). Чаще всего о Б. Н. Ельцине писали в связи с Августовским путчем. В сентябре 1991 г., сразу после указанного события, прослеживается всплеск интереса к советскому политику среди американских журналистов – 143 упоминания на 38 статей, что составляет 62 % от общего числа упоминаний.

Следует отметить, что максимальное число упоминаний Б. Н. Ельцина, в разрезе по годам, приходится на последние годы существования Советского Союза – 83 % от общего числа – и составляет 109 раз на 10 статей для 1990 г. и 362 раза на 38 статей в 1991 г.

Анализируя образ Б. Н. Ельцина в журнале “Time”, можно выделить четыре категории, на которые был направлен фокус интереса американских журналистов. Первая категория – описание внешности российского политика. Данной категории свойственна высокая эмоциональность характеристик, однако она довольно редко встречается. Вторая категория – описание личности Б. Н. Ельцина. Третья – характеристики политических действий и выступлений советского управленца. Четвертая – описание взаимоотношений Б. Н. Ельцина и М. С. Горбачева. Более подробный анализ каждой из представленных категорий позволяет составить максимально полную картину формирования имиджа Б. Н. Ельцина в медийном дискурсе.

Образ политика был соткан из противоречий. Журналисты называли его «коренастым» (“bulky”) (Aikman 1991b), «высоким» (“the tall”) (ibid.), «грузыным» (“heavyset”) (ibid.), «неотесанным» (“the roughhewn”) (Nelán 1990a), с «жесткой осанкой» (“ramrod-stiff stance”) (Aikman 1991a), подчеркивали, что «его физическое присутствие никогда не перестает впечатлять» (“His physical presence never fails to impress”) (ibid.). Монументальности и тяжеловесности придавали также описания его выступлений: «нависает над слушателями и кафедрами, укрощая аудиторию» (“looms over listeners and lecterns, taming audiences”) (ibid.), «низкий медленный голос» (“deep, slow voice”) (ibid.). И вместе с тем «харизматичный лидер» (“charismatic leader”) (Church 1990b), представляющий собой «клубок мощной, медленно горящей энергии» (“a coil of powerful but slow-burning energy”) (Aikman 1991a). Особенно подчеркивалось его ораторское мастерство, способность управлять массами. Журналисты писали: «У него чутье прирожденного оратора, способного чувствовать настроение и потребности толпы и играть на этом» (“He has the touch of a born orator, able to sense the mood and needs of a crowd and play it for all it’s worth”) (ibid.), «массы тянутся к нему» (“the masses are drawn to him”) (Aikman 1991c), «когда Ельцин начинает говорить, эффект не пугающий, а завораживающий» (“Yet when Yeltsin starts to speak, the effect is not intimidating but mesmerizing”) (Aikman 1991a).

Наиболее частотные личностные характеристики, которыми Б. Н. Ельцина награждал журнал “Time”, можно разделить на две группы: определения политических ролей и эмоций (рис. 2).

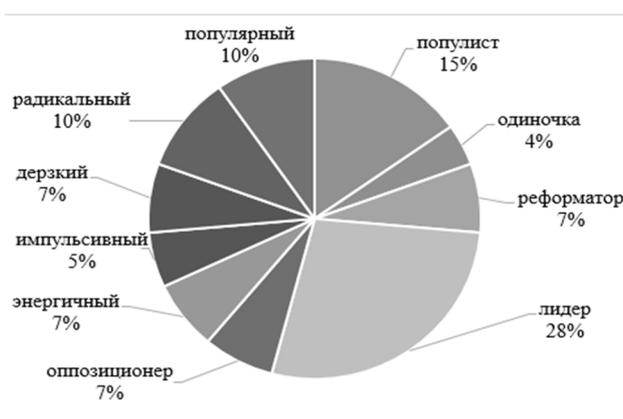

Рис. 2. Наиболее частотные характеристики Б. Н. Ельцина в журнале “Time” 1986–1991 гг.

Fig. 2. The most frequent characteristics of Boris Yeltsin in the Time magazine in 1986–1991

Чаще всего политические роли описывались словами «популист» (“populist”), «одиночка» (“maverick”), «реформатор» (“reformist”), «лидер» (“leader”), «оппозиционный лидер» (“opposition leader”). В то время как эмоциональная составля-

ющая была представлена словами «энергичный» (“energetic”), «импульсивный» (“impulsive”), «дерзкий» (“bold”), «радикальный» (“radical”) и «популярный» (“popular”). Журналисты писали, что Б. Н. Ельцин «закрепил за собой репутацию

дерзкого индивидуалиста» (“a daring maverick”) (Nelán 1990a), стал «символом протеста против диктаторской системы» (“a symbol of protest against a dictatorial system”) (Church 1990b). СМИ неоднократно подчеркивали популярность политика среди простого народа. Д. Айкман писал: «Сочувствие Ельцина к простым людям – один из его самых замечательных политических даров» (“Yeltsin’s empathy for ordinary folk is one of his most remarkable political gifts”) (Aikman 1991c). Однако помимо восторженных отзывов в журнале присутствуют и серьезные опасения, связанные с личностными качествами Б. Н. Ельцина. Часть из них приписывалась русскому народу. Так, например, в марте 1991 г. на страницах “Time” писали, что «людей беспокоит его неустанная энергия, склонность работать на грани изнеможения, его отношение к политике как к смертельному бою» (“People worry about his relentless energy, his tendency to work himself to the brink of exhaustion, his vision of politics as mortal combat”) (Aikman 1991c). Журналисты подчеркивали, что Б. Н. Ельцин – «энергичный руководитель-трудоголик», который «не щадит ни себя, ни своих подчиненных» (“A vigorous, workaholic leader, he spared neither himself nor his subordinates”) (ibid.).

Следует отметить, что все характеристики, относящиеся к личности Б. Н. Ельцина, использовались журналистами “Time” в период с марта 1990 г. по сентябрь 1991 г., к теме его внешности чаще всего обращались в апреле и сентябре 1991 г., а политические действия описывались с равномерной частотностью на протяжении всего анализируемого периода.

Проследивая динамику образа Б. Н. Ельцина в “Time”, можно прийти к выводу, что в разные годы журналисты делали акценты на разных качествах политика. Так, при первом упоминании в 1986 г. его относят к группе «реформаторов» (“the Reformers”), «новому поколению Горбачева» (“Mikhail Gorbachev and his new generation”) (Moody 1986). Немного позднее, в 1987 г., Б. Н. Ельцина превозносят как «суперпродавца перестройки» (“a supersalesman of perestroika”) и «единоличного агента по защите прав потребителей» (“a one-man consumer-protection agency”) (Doerner 1987). Причем эпизоды с проверкой качества товаров в магазинах, а также его критика московского метрополитена и темпов застройки Москвы привлекали настолько большой интерес, что журнал вернулся к этой теме спустя длительный период, в марте 1991 г., представляя максимально позитивный образ Б. Н. Ельцина. Ведущий корреспондент “Time” Д. Айкман, вслед за У. Р. Дорнером, создавал образ честного политика-правдоруба. Д. Айкман писал о том,

что Ельцин «ездил по городу на метро, что неслыханно для члена Политбюро, и ездил из дальних пригородов, чтобы проверить условия перевозки рабочих. Он также врвался в мясные магазины, чтобы узнать, кто получает лучшие куски мяса. Эта шоковая тактика привела в восторг простых москвичей, но привела в ярость партийную “Мафию”, старую сеть чиновников-распределителей и реальных гангстеров» (“He traveled the city by subway – unheard of for a Politburo member – and commuted from distant suburbs to check on transportation conditions for workers. He would even barge into meat stores to find out who was getting the best cuts. These shock tactics delighted ordinary Muscovites but infuriated the party “Mafia”, an old-boy network of distribution officials and real-life gangsters”) (Aikman 1991c). Вместе с тем журналисты подчеркивали порывистый, неуправляемый характер Б. Н. Ельцина. В 1987 г. в прессе отмечалось, что «его грубый язык и показное поведение нажили ему врагов» (“his blunt language and grandstanding earned him enemies”) (Doerner 1987). А после его выступления с критикой М. С. Горбачева и темпов перестройки речь Ельцина начали называть «политически ошибочной» (“politically erroneous”), «крайне запутанной и противоречивой» (“extremely confusing and contradictory”) (ibid.), а его самого «политически незрелым» (“politically immature”) (ibid.), и даже сравнивали с «неуправляемой ракетой» (“Yeltsin was an unguided missile”) (ibid.), подчеркивали, что «люди стали возмущаться им как чужаком» (“People came to resent him as an outlander and not part of the system”) (ibid.). В 1989 г. самой частотной характеристикой Б. Н. Ельцина стало определение «дерзкий» (“bold”). Его также называли «инакомыслящим» (“stand against maverick”) (Hofheinz 1989), «неугомонным» (“the irrepressible”) (Isaacson 1989), «жестким» (“the crusty”) (Kohan 1989a) и «радикальным популистом» (“radical populist”) (Kohan 1989b). Начиная с мая 1990 г. на страницах журнала “Time” прослеживается рост позитивных определений политики Б. Н. Ельцина. Б. В. Нелан писал, что Ельцин «восстал из политических мертвецов» (“Yeltsin rose from the political dead”) (Nelán 1990b), называл его «несомненно самым популярным политиком в Советском Союзе» (he is undoubtedly the most popular politician in the Soviet Union) (Nelán 1990a) и «гарантией того, что возврата к прошлому не будет» (“vote for him is the only guarantee that there will be no returning to the past”) (Nelán 1990b). В конце 1990 г. его все чаще причисляют к «радикальным реформаторам» (“radical reformers”) (Walsh 1990) и отмечают «приверженность к решительным мерам» (“Boris Yeltsin reaffirmed his commitment

to more drastic measures”) (Walsh 1990). Также с ноября 1990 г. в американской прессе всё чаще появляются мнения, что Б. Н. Ельцин «возглавляет вторую русскую революцию» (“Boris Yeltsin leads a second Russian Revolution”) (Church 1990b), тот, кто может «полностью изменить страну» (“one that could remake the country”) (ibid.). В 1991 г. журналисты “Time” делают акцент на борьбе политика с официальным курсом Кремля (Nelán 1991b). На страницах журнала всё чаще появляются такие эмоциональные характеристики, как «противник истеблишмента» (“establishment baiter”) (ibid.), «ведущий реформатор» (“leading reformer”) (ibid.), «глава демократической оппозиции» (“the head of the democratic opposition”) (Kohan 1991), «поборник реформ» (“the champion of reform”) (Aikman 1991c) и «точка сплочения сил демократии в Советском Союзе» (emerged as the rallying point for the forces of democracy in the Soviet Union) (ibid.). В прессе в этот период активно обсуждается его «поразительное политическое возрождение» (“an astonishing political comeback”) (ibid.), на первый план выходит обсуждение Б. Н. Ельцина как «первой действительно популярной российской политической фигуры со времен большевистской революции» (“the first genuinely popular Russian political figure since the Bolshevik Revolution”) (Aikman 1991a). Начиная с февраля 1991 г. самой частой характеристикой Б. Н. Ельцина становится определение «лидер» – 38 % от общего числа упоминаний, также в этот период выявляется высокая частотность у характеристик «реформатор» – 12 %, «оппозиционер» – 19 % и «популист» – 23 %. Начиная с июня 1991 г. упоминания Б. Н. Ельцина в журнале “Time” носят явно восторженный характер. Они достигают пика в сентябре 1991 г. в материалах, освещающих события Августовского путча. Б. Н. Ельцина называют «одной из самых привлекательных и проблематичных политических фигур в эпоху Горбачева» (“the most fascinating and problematic political figures in the age of Gorbachev”) (Aikman 1991b), «героем дня» (“hero of the hour”) (Walsh 1991a), «грозной политической силой» (“a formidable political force”) (Nelán 1991d), «восходящей звездой» (“the Rising Star”) (Aikman 1991b), «гигантом» (“the world discovered a giant”) (ibid.), «судьбой России» (“Russia’s man of destiny”) (ibid.). Журналисты пишут о его «впечатляющих личных и политических достижениях» (“extraordinary political career”) (ibid.), основанных на «избавлении от прошлого и использовании радикальных возможностей неопределенного настоящего» (“the rise based on shaking off the past and embracing the radical opportunities of the uncertain present”) (ibid.). На фоне этого эмоционального

всплеска, восторгов в адрес «республиканского лидера» (“republic leader”) (Church 1991) теряется образ его главного противника – М. С. Горбачева. И тем ироничнее выглядят публикации, вышедшие в свет чуть позднее, в ноябре 1991 г., в которых “Time” пишет о проблемах в «постреволюционной России» и метко подмечает, что «Борис Ельцин начинает понимать, что значит быть Михаилом Горбачевым» (“Boris Yeltsin is beginning to know what it feels like to be Mikhail Gorbachev”) (Sancton 1991).

Следует отметить, что почти весь исследуемый период взаимоотношения между М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельциным представляются как неустанное и ожесточенное соперничество. Пожалуй, только в 1986 и 1987 гг., в трех публикациях, Б. Н. Ельцина называли «близким соратником Горбачева» (“a close Gorbachev ally”) (Sancton 1987). Если вначале журналисты называли будущего лидера Российской Федерации «протее Горбачева» (“Gorbachev <...> his protegee”) (Doerner 1987) и его «близким соратником» (“a close Gorbachev ally”) (Sancton 1987) и «союзником» (“ally”) (Greenwald 1987), то с 1988 г. к этим определениям добавилось слово «бывший» (“ex-ally”) (Sancton 1988). В 1989 г. Б. Н. Ельцина стали называть «противником Горбачева» (“Gorbachev’s opponent”) (Kohan 1990) и «самым влиятельным критиком» (“most influential critic”) (Nelán 1990b) лидера Советского Союза. К середине 1990 г. их называют «общественными антагонистами и личными врагами» (“the two leaders are public antagonists and private enemies”) (Nelán 1990a), «основными соперниками» (“leading rivals”) (Sancton 1990), которые объединяются ради общей экономической программы – создания комиссии для «разработки относительно радикального плана внедрения рыночной экономики» (“Gorbachev and Yeltsin agreed to set up a commission to frame a relatively radical plan for introducing a market economy”) (Sancton 1990). Взаимоотношения этих политиков определяют как «неутихающее соперничество» (“unabated rivalry”) (ibid.) и «войну законов» (“war of laws”) (Church 1990a). Подчеркивая ожесточенное противостояние, “Time” цитирует М. С. Горбачева, который называет Б. Н. Ельцина «потрепанной старой грампластинкой» (“A worn-out old phonograph record”) (Sancton 1990), добавляя, что «его потенциал как политического лидера невелик» (“potential as a political leader is not great”) (ibid.). Начиная с февраля 1991 г. их называют не иначе как «заклятыми врагами» (“nemesis”) (Nelán 1991c), а наиболее частотными становятся определения Б. Н. Ельцина как «главного» (“main”) (Nelán 1991b) и «заклятого» (“archrival”) (Nelán 1991a) «соперника» (“rival”) (Nelán 1991a;

Nelan 1991b) М. С. Горбачева. В материалах, посвященных анализу событий Августовского путча, когда поражение М. С. Горбачева уже стало свершившимся фактом, ведущий корреспондент Д. Айкман задается пророческим вопросом: «Если Горбачева не будет, с каким противником Ельцин будет стремиться состязаться? Против советской бюрократии? Против Джорджа Буша? Или, как новоявленный Петр Великий, против непокорного, политически неискушенного русского народа?» (“The question now is, If Gorbachev is not there, against what opponent will Yeltsin seek to match himself? Against the Soviet bureaucracy? Against George Bush? Or, like a latter-day Peter the Great, against the recalcitrant, politically inexperienced Russian people?”) (Aikman 1991b). Во многом этот вопрос оказался пророческим и предугадал развитие нашей истории на годы вперед.

Выводы

Медийный образ Б. Н. Ельцина на страницах еженедельного журнала “Time” достаточно неоднороден. Пики интереса к советскому политику коррелируют с новостной повесткой того периода. Наиболее часто Б. Н. Ельцина упоминали в ноябре 1987 г. в связи с его критикой темпов перестройки и предположениями о зарождении культа личности М. С. Горбачева, в марте 1989 г. после избрания на пост народного депутата СССР в Москве, в июле 1990 г. после победы на выборах в Верховный совет РСФСР, а также в сентябре 1991 г. после Августовского путча.

Описания внешности Б. Н. Ельцина на страницах журнала “Time” встречаются реже всего и составляют лишь 5 % от общего объема публикаций за исследуемый период. С одной стороны, американские журналисты подчеркивали грузность, тяжеловесность и неотесанность советского политика. С другой – восторгались его ораторскими способностями, называли притягательным и завораживающим.

Описаниям личности Б. Н. Ельцина на страницах “Time” отводилось порядка 20 % публикаций. Данные характеристики можно разделить на две группы: политические роли (популист, реформатор, лидер, оппозиционер) и эмоциональные качества (энергичный, импульсивный, дерзкий, радикальный). Также его определяли как индивидуалиста и одиночку.

На описание политических действий Б. Н. Ельцина приходится 42 % публикаций. В ходе анализа была выявлена динамика характеристик, определяющих советского политика и его действия. В 1986 г. он описывался как реформатор из нового поколения М. С. Горбачева, в 1987 г. – суперпродавец перестройки и вместе с тем полити-

чески незрелый неуправляемый чужак, 1989 г. – дерзкий радикальный популист, 1990 г. – радикальный реформатор и самый популярный политик СССР, 1991 г. – лидер, реформатор, оппозиционер, популист, а также герой дня и восходящая звезда.

Проблеме взаимодействия между Б. Н. Ельциным и М. С. Горбачевым на страницах “Time” отводится 33 % от общего числа публикаций. На протяжении почти всего исследуемого периода взаимоотношения между политиками характеризуются как противостояние различной степени напряженности. Исключение представляют только первые годы политической карьеры Б. Н. Ельцина, освещенные в журнале, – 1986 и 1987 гг. В этот период политика определяют как близкого соратника М. С. Горбачева. В 1988 г. к этой характеристике добавляется определение «бывший». В 1989 г. Б. Н. Ельцин представлен как противник генерального секретаря ЦК КПСС и главный критик Советского Союза. В 1990 г. политиков называют основными соперниками и непримиримыми врагами. В 1991 г. Б. Н. Ельцина именуют заклятым врагом и главным соперником М. С. Горбачева.

Проведенный анализ позволяет выявить картину формирования и трансформации имиджа Б. Н. Ельцина в американском медийном дискурсе от незначительной, второстепенной, фигуры до яркого реформатора и лидера страны, имеющего огромное влияние на массы.

Список источников

Aikman D. Interview with Boris Yeltsin: One Bear of a Soviet Politician // Time. 1989. Mar. 20. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,957279,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Aikman D. Portrait of a Populist // Time. 1991a. Mar. 25. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972589,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Aikman D. Rising Star: the Man Who Rules Russia // Time. 1991b. Sept. 02. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973731,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Aikman D. Soviet Union: A Call to Civil War?! // Time. 1991c. Mar. 04. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972456,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Church G. J. Soviet Union Next: A Crackdown - Or a Breakdown? // Time. 1990a. Dec. 31. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972080,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Church G. J. Soviet Union Time of Troubles // Time. 1990b. Nov. 12. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,971668,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Church G. J. Soviet Union: Boris Looks Westward // *Time*. 1991. June 24. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973255,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Doerner W. R. Soviet Union I Am Very Guilty // *Time*. 1987. Nov. 23. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,966040,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Greenwald J. Soviet Union At the Point of No Return // *Time*. 1988. Jan. 25. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,966537,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Hofheinz P. Soviet Union One Man, One Vote, One Mess // *Time*. 1989. Feb. 06. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,956914,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Isaacson W. The Union: A Long, Mighty Struggle // *Time*. 1989. Apr. 10. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,957395,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Kohan J. Soviet Union A Volcano of Words and Wishes // *Time*. 1989a. June 12. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,957934,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Kohan J. Soviet Union Face-Off on Reform // *Time*. 1989b. Dec. 25. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,959433,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Kohan J. Soviet Union: New World Order? Or Law And Order? // *Time*. 1991. Feb. 11. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972311,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Kohan J. Still in love with Mother Russia // *Time*. 1990. Mar. 12. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,969581,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Moody J. Soviet Union the Reformers Lead the Way // *Time*. 1986. Mar. 03. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,960825,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Nelan B W. Soviet Union But Back Home // *Time*. 1990a. June 11. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,970351,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Nelan B W. Soviet Union Gorbachev's Nightmare // *Time*. 1991a. Apr. 01. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972642,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Nelan B. W. Soviet Union Playing for Keeps // *Time*. 1990b. May 28. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,970232,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Nelan B. W. Soviet Union: Russian Standoff // *Time*. 1991b. Apr. 08. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972691,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Nelan B. W. Soviet Union: The Bad Old Days Again // *Time*. 1991c. Jan. 28. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972224,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Nelan B. W. Upheaval: Desperate Moves // *Time*. 1991d. Sept. 02. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973746,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Sancton T. A. Soviet Union Borrowing a Leaf from Lenin // *Time*. 1988. Mar. 07. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,966940,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Sancton T. A. Soviet Union Lifting the Veil on History // *Time*. 1987. Nov. 16. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,965987,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Sancton T. A. Soviet Union Joining Forces In Reform // *Time*. 1990. Aug. 13. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,970895,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Sancton T. A. Soviet Union: Face-Off With Boris // *Time*. 1991. Nov. 25. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,974367,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Time Magazine Masthead Page // *Time*. 1991. August 12. URL: <https://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973607-2,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Walsh J. International Fallout: What the West Can Do // *Time*. 1991a. Sept. 02. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,973728,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Walsh J. Soviet Union No Peace for the Prize-winner // *Time*. 1990. Oct. 29. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,971508,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Walsh J. Soviet Union: The Empire Strikes Back // *Time*. 1991b. Feb. 18. URL: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,972362,00.html> (дата обращения: 23.04.2023).

Песков Д. Остров Россия // РБК. 09.06.2022. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2022/62a0e95b9a79472d8b713207> (дата обращения: 29.01.2023).

Список литературы

Агапкин Н. В. Жанр политического портрета в современном англоязычном политическом дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2010. № 1 (5). С. 39–44.

Гринберг Т. Э. Рекламный политический портрет в системе массовой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 209 с.

Давыборец Е. Н. Политический имидж: от лидера к государству. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2015. 157 с.

Давыборец Е. Н. Формирование имиджа лидера современного государства на примере президентов России и США: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008. 183 с.

Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. М.: Изд. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2012. 1140 с.

Ковригина М. С. Особенности отражения образов России в прессе США в период холодной войны: 1946–1991: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 272 с.

Котеленец Е. А., Барабаш В. В., Бордюгов Г. А. Образы России в мире. М.: Ассоциация исследователей российского общества, 2010. 296 с.

Котеленец Е. А., Затуловская М. С. Подмена понятий «Россия» и «СССР» в газете «The New York Times» (1946–1991) // Научный диалог. 2019. № 4. С. 154–166. doi 10.24224/2227-1295-2019-4-154-166.

Кошкин П. Г. Тенденции в колумнистике США на примере материалов «Нью-Йорк Таймс», посвященных Китаю и России: 2008–2013 гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 179 с.

Лощанова Е., Куликова М. Образ Б. Н. Ельцина в зарубежной историографии // Гражданская война как феномен мировой истории: материалы науч. конф. Екатеринбург, 2008. С. 382–383.

Ольшанский Д. В. Политический PR. СПб.: Питер, 2003. 544 с.

Почепцов Г. Г. Имиджелогия. М.: Рефл-бук, 2001. 698 с.

Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии XX века. М.: Рефл-бук, 2000. 352 с.

Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз, или как успешно управлять общественным мнением. М.: Центр, 2004. 336 с.

Тэлботт С. Билл и Борис. Записки о президентской дипломатии / пер. с англ. М. Немцова. М.: Городец, 2003. 512 с.

Феофанов О. А. США: реклама и общество. М.: Мысль, 1974. 262 с.

Феофанов О. А. Природа социальных иллюзий и механизмы формирования их в буржуазном обществе: дис. ... д-ра филос. наук. М., 1962. 448 с.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. NY: Verso, 1983. 160 p.

Aron L. Yeltsin: A Revolutionary Life. NY: St Martins, 1994. 934 p.

Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. NY.: Anchor Book, 1967. 228 p.

Breslauer G. W. Gorbachev and Yeltsin as leaders. Berkeley: Cambridge Univ. Press, 2002. 348 p.

Denton R. E., Woodward G. C. Political communication in America. NY: Praeger, 1985. 328 p.

Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988. 142 p.

Guyard M. F. La littérature comparée. Paris: Presses universitaires de France, 1969. 128 p.

Jourda P. L'exotisme dans la littérature française depuis Chateaubriand. Le romantisme. Paris: Boivin, 1938. 301 p.

Kinder D. R., Peters M. D., Abelson R. P. Presidential prototypes // Political Behavior, 1980. Vol. 2, No. 4. P. 315–337.

Lortholary A. Le Mirage Russe En France Au XVIIIe Siecle. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin., 1951. 409 p.

Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Redwood: Stanford University Press, 1994. 436 p.

References

Agapkin N. V. *Zhanr politicheskogo portreta v sovremennom angloyazychnom politicheskom diskurse* [The genre of political portrait in modern English-language political discourse]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2010, issue 1(5), pp. 39–44. (In Russ.)

Grinberg T. E. *Reklamnyy politicheskii portret v sisteme massovoy kommunikatsii*. Diss. kand. filol. nauk [Advertising political portrait in the system of mass communication. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1995. 209 p. (In Russ.)

Davyborec E. N. *Politicheskii imidzh: ot lidera k gosudarstvu* [Political Image: From the Leader to the State]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Press, 2015. 157 p. (In Russ.)

Davyborets E. N. *Formirovanie imidzha lidera sovremennogo gosudarstva na primere prezidentov Rossii i SShA*. Diss. kand. polit. nauk [Formation of the image of the leader of a modern state through the example of the presidents of Russia and the United States. Cand. polit. sci. diss.]. St. Petersburg, 2008. 183 p. (In Russ.)

Zhuravleva V. I. *Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify, 1881–1914* [Understanding Russia in the USA: Images and Myths, 1881–1914]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2012. 1140 p. (In Russ.)

Kovrigina M. S. *Osobennosti otrazheniya obrazov Rossii v presse SShA v period kholodnoy voyny: 1946–1991*. Diss. kand. filol. nauk [Representation of the images of Russia in the American press during

the Cold War: 1946-1991. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2020. 272 p. (In Russ.)

Kotelenets E. A., Barabash V. V., Bordyugov G. A. *Obrazy Rossii v mire* [Images of Russia in the World]. Moscow, Association of Researchers of Russian Society Publ., 2010. 296 p. (In Russ.)

Kotelenets E. A., Zatulovskaya M. S. *Podmena ponyatiy 'Rossiya' i 'SSSR' v gazete 'The New York Times' (1946-1991)* [The substitution of notions of 'Russia' and 'USSR' in 'The New York Times' newspaper (1946-1991)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2019, issue 4, pp. 154–166. doi 10.24224/2227-1295-2019-4-154-166. (In Russ.)

Koshkin P. G. *Tendentsii v kolumnistike SShA na primere materialov 'N'yu-York Tayms', posvyashchennykh Kitayu i Rossii: 2008–2013 gg.* Diss. kand. filol. nauk [Trends in American column writing through the example of New York Times materials on China and Russia: 2008 – 2013. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2016. 179 p. (In Russ.)

Loshchanova E., Kulikova M. *Obraz B. N. El'tsina v zarubezhnoy istoriografii* [The image of B. N. Yeltsin in foreign historiography]. *Grazhdanskaya voyna kak fenomen mirovoy istorii* [The Civil War as a Phenomenon of World History]: Proceedings of a Scientific Conference, Yekaterinburg, 2008, pp. 382–383. (In Russ.)

Ol'shanskiy D. V. *Politicheskiy PR* [Political PR]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 544 p. (In Russ.)

Pocheptsov G. G. *Imidzhelogiya* [Imageology]. Moscow, Refl-buk Publ., 2001. 698 p. (In Russ.)

Pocheptsov G. G. *Kommunikativnye tekhnologii XX veka* [Communication Technologies of the 20th Century]. Moscow, Refl-buk Publ., 2000. 352 p. (In Russ.)

Pocheptsov G. G. *Pablik rileyshnz, ili kak uspeshno upravlyat' obshchestvennym mneniem* [Public Relations, or How to Successfully Manage Public Opinion]. Moscow, Tsentr Publ., 2004. 336 p. (In Russ.)

Talbott S. *Bill i Boris. Zapiski o prezidentской diplomatii* [The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy]. Transl. from English by M. Nemtsov. Moscow, Gorodets Publ., 2003. 512 p. (In Russ.)

Feofanov O. A. *SSha: reklama i obshchestvo* [The USA: Advertising and Society]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 262 p. (In Russ.)

Feofanov O. A. *Priroda sotsial'nykh illyuziy i mekhanizmy formirovaniya ikh v burzhuaznom obshchestve.* Dis. dokt. filos. nauk [The nature of social illusions and the mechanisms of their formation in bourgeois society. Dr. philos. sci. diss.]. Moscow, 1962. 448 p. (In Russ.)

Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* New York, Verso, 1983. 160 p. (In Eng.)

Aron L. *Yeltsin: A Revolutionary Life.* New York, St. Martins, 1994. 934 p. (In Eng.)

Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge.* New York, Anchor Book, 1967. 228 p. (In Eng.)

Breslauer G. W. *Gorbachev and Yeltsin as Leaders.* Berkeley, Cambridge University Press, 2002. 348 p. (In Eng.)

Denton R. E., Woodward G. C. *Political Communication in America.* New York, Praeger, 1985. 328 p. (In Eng.)

Edelman M. *Constructing the Political Spectacle.* Chicago, University of Chicago Press, 1988. 142 p. (In Eng.)

Guyard M. F. *La littérature comparée* [Comparative Literature]. Paris, Presses universitaires de France, 1969. 128 p. (In Fr.)

Jourda P. *L'exotisme dans la littérature française depuis Chateaubriand. Le romantisme* [Exoticism in French Literature since Chateaubriand. Romanticism]. Paris, Boivin, 1938. 301 p. (In Fr.)

Kinder D. R., Peters M. D., Abelson R. P. Presidential prototypes. *Political Behavior*, 1980, vol. 2, issue 4, pp. 315–337. (In Eng.)

Lortholary A. *Le Mirage Russe En France Au XVIIIe Siecle* [The Russian Mirage in France in the 18th Century]. Paris, Librairie Philosophique J. Vrin., 1951. 409 p. (In Eng.)

Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment.* Redwood, Stanford University Press, 1994. 436 p. (In Eng.)

Comparative Analysis of Boris Yeltsin's Image in the American Press

Kira I. Dagaeva

Postgraduate Student

Moscow State Pedagogical University

16–18, Verhnyaya Radishchevskaya st., Moscow, 109240, Russian Federation. dagaevakira@yandex.ru

SPIN-code: 1534-2436

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7430-8425>

ResearcherID: HGB-2492-2022

Submitted 30 Apr 2023

Revised 15 May 2023

Accepted 10 Jul 2023

For citation

Dagaeva K. I. Sravnitel'nyy analiz obraza B. N. El'tsina v amerikanskoj presse [Comparative Analysis of Boris Yeltsin's Image in the American Press]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 156–166. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-156-166 (In Russ.)

Abstract. The article discusses the results of a study on the image of Boris Yeltsin as it was presented in the American weekly magazine *Time* in the period 1986 – 1991. Applying the methods of content analysis, quantitative analysis, and imagological analysis, the author focuses on the specific formation features of the image of the USSR and its leader in the foreign (American) culture. The author determines the peaks of interest in the personality of Yeltsin in the American press, draws historical parallels explaining this phenomenon, proposes thematic groups that reflect the focus of American journalists' interest. These groups are presented by the categories 'appearance', 'personality', 'politics', and 'relationships with Mikhail Gorbachev'. A frequency analysis of lexemes reveals that the image of Boris Yeltsin was mainly positive. American journalists emphasize his special strength, 'monumentality', and outstanding oratorical skills. The most frequent characteristics of Yeltsin in the *Time* magazine are 'opponent', 'maverick', 'reformist', 'populist'. The press also emphasizes such his qualities as 'energetic', 'impulsive'. An analysis of the empirical material in the diachronic perspective revealed the dynamics of the representation of Boris Yeltsin and Mikhail Gorbachev from 'close allies' to 'irreconcilable enemies'.

Key words: imagology; Cold War; image of Russia; American press; image of a political figure; Yeltsin.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлегией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Варвара Андреевна Бячкова.

По вопросам обращаться: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

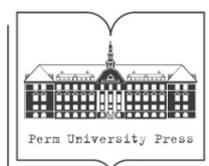
Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 15. Выпуск 4 / 2023

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*
Корректор *Е. Г. Иванова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 18.12.2023. Дата выхода в свет 21.12.2023
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 19,53. Тираж 500 экз. Заказ 157

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. (342) 239-65-47

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в онлайн-каталоге «Урал-Пресс» – 41008
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650356/?sphrase_id=396135

Распространяется бесплатно и по подписке